Виктор Прудников

СРАЖЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

КАТУКОВ ПРОТИВ ГУДЕРИАНА

Автор проекта Алексей Исаев

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Виктора Прудникова представляет собой исследование жизни и деятельности одного из виднейших советских военачальников Великой Отечественной войны — Михаила Ефимовича Катукова. Начав войну полковником, командиром танковой дивизии из нескольких десятков легких танков, он закончил ее уже генерал-полковником, командующим 1-й гвардейской танковой армией. Катуков стал участником наиболее тяжелых первых боев под Москвой, операции «Марс», сражений на Курской дуге, изнурительных уличных боев в Берлине в 1945 г.

Однако параллельно жизни выдающегося танкового командира автор книги рассматривает и основные вехи биографии «отца» немецких танковых войск Гейнца Гудериана. Что же общего он находит в биографиях этих величайших полководцев XX века?

- Катуков против Гудериана
  - ОТ АВТОРА
  - ПРОЛОГ
  - РОВЕСНИК ВЕКА
  - В БОЯХ И ПОХОДАХ
  - СУДЬБА ЕГО — ТАНКИ
  - КТО ВЫ, ГЕЙНЦ ГУДЕРИАН?
  - ВЕРМАХТ ПРОБУЕТ СИЛЫ
  - ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ
  - ВПЕРЕД, К КАТАСТРОФЕ!
  - ЗУША — ЭТО НЕ МААС
  - НА ПОДСТУПАХ К МОСКВЕ
  - ТРУДНЫЕ ДОРОГИ НА ЗАПАД
  - СТАЛИНСКИЙ КОМКОР
  - НА КУРСКОЙ ДУГЕ
  - И ПЛАВИЛАСЬ БРОНЯ…
  - ПО ДОРОГАМ УКРАИНЫ
  - АРМИЯ ВЫХОДИТ НА ГРАНИЦУ
  - ОСВОБОЖДЕНИЕ ПОЛЬШИ
  - НА ПОДСТУПАХ К «ВОСТОЧНОМУ ВАЛУ»
  - ПУТЬ В ПОМЕРАНИЮ
  - ГУДЕРИАН УПОРСТВУЕТ
  - НА БЕРЛИНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ
  - В МИРНЫЕ ДНИ
  - ЭПИЛОГ
- notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44

- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88

- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132

- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176

- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220

- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264

- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308

- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352

- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396

- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411

Катуков против Гудериана
Виктор Прудников

ОТ АВТОРА

Нельзя сказать, что в нашей литературе, как и литературе мировой, теме Великой Отечественной войны мало уделялось внимания. Ей посвящены горы книг, монографий, статей, очерков, многие из них писались в годину тяжелых испытаний. Еще до окончания боев, когда Берлин оказывал ожесточенное сопротивление и фашистская Германия не была повержена, в армейские штабы и управления войсками поступила директива ЦК ВКП (б) с указанием необходимости обобщить боевой опыт частей и соединений Красной Армии. Работа началась незамедлительно.

В конце 50–х и особенно в 60–80–х годах появилась масса мемуарной литературы, от которой впоследствии ломились книжные полки наших библиотек.

Нашему читателю хорошо известны мемуары советских полководцев и флотоводцев — маршалов, адмиралов, генералов — Г.К. Жукова, П.И. Батова, К.К. Рокоссовского, Н.Н. Воронова, И.С. Конева, А.М. Василевского, К.С. Москаленко, С.Е. Захарова и десятков других. Но даже маршал Жуков, с авторитетом которого считались в СССР и считаются теперь в России и странах СНГ, не мог в силу ряда объективных причин правдиво отразить отдельные исторические моменты Великой Отечественной войны. Уже после ухода из жизни Георгия Константиновича в печати появились дополнительные странички к «Воспоминаниям и размышлениям», опубликованные ближайшими его родственниками.

В том же ключе написана книга маршала бронетанковых войск М.Е. Катукова «На острие главного удара». Михаил Ефимович начал войну полковником, командиром танковой дивизии, закончил генерал—полковником, командующим 1–й гвардейской танковой армией, стал дважды Героем Советского Союза. Кому как не ему знать о массовом героизме советских людей, но тем не менее и в его работе прослеживается все тот же стереотип. Нет смысла спорить по поводу героизма фронтовиков: он проявлялся везде и всюду. Но героизм говорит лишь о характере войны, ее жестокости, но ни в коей мере не раскрывает тайн войны.

Известно, что решающую роль на полях сражений в годы Великой Отечественной войны играла техника: танковые и моторизованные войска, авиация и артиллерия. Выигрывала та сторона, у которой они были лучше, качественнее.

Успех зависел, безусловно, и от людей, управлявших

техникой, организовывавших ее использование, умевших «сколачивать» штабы, боеспособные части и соединения. Не случайно, например, во главе танковых соединений оказались в СССР — Катуков, Лелюшенко, Богданов, Кравченко, Гетман, Кривошеин, в Германии — Гудериан, Готт, Клейст, Рейнгардт, Гейер, Хейнрици, Вайзенбергер.

Доподлинно известно: если надо было остановить противника, осуществить прорыв на каком—нибудь участке фронта, Сталин направлял туда Катукова, Гитлер, соответственно, — Гудериана.

Особое доверие Сталина к Катукову, а Гитлера — к Гудериану породило у автора мысль проследить за ходом военных действий на тех участках фронтов, где частями и соединениями командовали эти военачальники. Генералам никогда не приходилось встречаться — ни до войны, ни после разгрома Германии, но они постоянно соперничали, вели, если можно так сказать, незримый бой, начиная с сентября 1939 года и до окончания войны: оба участвовали в разгроме Польши, в битвах под Москвой и Курском, на берегах Вислы и Одера, на заключительном этапе войны — в боях за Берлин.

Автор посвящает эту работу тем, кто пал на полях сражений, и тем, кто выжил в адском горниле войны, тем, кого помнят и кто давно забыт, несмотря на заслуги перед Родиной.

ПРОЛОГ

Раннее утро 15 мая 1945 года было тихим и безветренным. Солнце взошло, и его косые лучи касались тополей, в которых утопал пригород Берлина — Целлендорф.

Жизнь в его кварталах начала пробуждаться. Первыми на улицах появились торговцы: через час—другой им предстояло открывать свои торговые заведения — лавочки и магазины.

Война обошла Целлендорф стороной. Здесь не видно привычных воронок от бомб и снарядов, разрушенных зданий и битого кирпича, грудами лежавшего на проезжей части дорог. Союзники не бомбили юго—западную часть Берлина. По предварительному договору Целлендорф должен был входить в английскую зону оккупации. Бомбовым ударам подвергался весь восточный сектор Берлина. Тут уж союзники старались вовсю.

В лесных массивах недалеко от Берлина размещалась 1–я гвардейская танковая бригада 8–го гвардейского механизированного корпуса 1–й гвардейской танковой армии. После капитуляции гитлеровской Германии соединения танковой армии были выведены из Берлина. Уже более недели не стреляли пушки, танки не штурмовали укрепления врага — доты и дзоты, уличные заграждения и баррикады, пехота не ходила в яростные штыковые атаки, автоматчики не «выкуривали» из подвалов «фаустников». И люди, и военная техника отдыхали после напряженных лет войны.

До побудки в военном лагере 1–й гвардейской танковой бригады оставались считаные минуты. У палаток и землянок, оборудованных умельцами из хозяйственного взвода, находились старшины и офицеры. Тут же стоял комбриг полковник Иван Никифорович Бойко, посматривая на часы.

С сигналом «Подъем!» начинался у бригады новый мирный день. День особый: ожидался приезд командующего армией дважды Героя Советского Союза генерал—полковника М.Е. Катукова. Бойко узнал о приезде командарма от начальника штаба армии генерал—лейтенанта М.А. Шалина, с которым разговаривал по телефону в конце прошлого дня.

К встрече готовились все подразделения, каждый боец и командир. Готовился и сам командарм. Для него 1–я гвардейская бригада — соединение особое. И не только потому, что награждено орденами Ленина, Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого, награждено заслуженно, а потому, что оно прошло вместе с ним боевыми дорогами от Мценска до Берлина.

Утром из Берлина в сопровождении мотоциклистов и

броневика с охраной вышли машины и взяли направление на юг. Еще кое—где дымились развалины поверженного города. Вдоль дорог работали саперы, расчищая проезды и проходы от мин и снарядов, растаскивали колючую проволоку и другие заграждения. Там, где они прошли, ставились примелькавшиеся таблички с надписью: «Проверено. Мин нет!»

Рядом с саперами трудились немцы — несколько групп пожилых рабочих, одетых кто во что горазд. Они разбирали завалы разрушенных зданий.

После прекращения боев берлинцы сумели много сделать по расчистке дворов и улиц. Труднее всего давалась организация продовольственного снабжения населения. Несмотря на принятые советским командованием меры, продуктов в городе все равно не хватало. Часто можно было видеть такую картину: у дымящихся солдатских кухонь выстраивались длинные очереди. Женщины, старики и дети, держа в руках котелки, чашки, а то и просто консервные банки, терпеливо ждали, пока повар, сердобольный советский солдат, нальет в них горячего супа.

— Оживает Берлин, — произнес командарм, кивком головы указывая на бесконечный поток людей, идущих по обочине дороги. Многие везли тележки с нагруженным нехитрым домашним скарбом. — А то ведь еще несколько дней назад улицы города были совсем пустынны, словно все вымерло вокруг.

Шофер, не отрывая взгляда от дороги, отозвался:

— Так Геббельс, товарищ генерал—полковник, на всю Германию кричал, что большевики уничтожат всех поголовно, даже малых детей. А они вон — хлебают суп, уписывают кашу за обе щеки и радуются, что остались живы.

Машины, набирая скорость, выскочили за городскую черту. Серой лентой стлалось широкое шоссе, на котором лишь местами зияли воронки от разорвавшихся бомб и снарядов. Вскоре показался лагерь 1–й гвардейской танковой бригады.

На лесной опушке выстроились боевые машины, как на параде, колесо к колесу, гусеница к гусенице. В четком строю стояли экипажи, гвардейское знамя колыхалось на ветру.

«Мерседес» застыл на правом фланге, рядом остановилась машина члена Военного совета Попеля.

Комбриг Бойко подал команду:

— Смирно! Равнение направо!

Приняв рапорт, командарм пошел вдоль строя, внимательно вглядываясь в лица солдат и офицеров. Все они — механики—водители, башенные стрелки, командиры танков — еще недавно штурмовали городские кварталы Берлина, рискуя в последнем бою погибнуть от фашистских пуль и осколков разорвавшихся

снарядов.

В центре поляны уже стоял невысокий стол, покрытый кумачом. Возле него хлопотал Попель, готовясь к церемонии награждения. Офицер отдела кадров вынул из портфеля необходимые документы, коробочки с орденами и медалями.

Катуков произнес короткую речь:

— Товарищи бойцы и командиры! Дорогие первогвардейцы! Сегодня мне выпала почетная миссия вручить вам боевые награды в особых условиях, в условиях мира. Вы честно сражались, как подобает солдатам, громили противника везде и всюду, шли вперед, не страшась смерти, теряли боевых друзей и товарищей. Наш путь пролег от Орла до Берлина. Такое не забывается!

В строю — оживление. Еще бы! Разве можно забыть огненное пекло многочисленных боев, откуда, казалось, невозможно выбраться живым?

Офицер отдела кадров начал поименно вызывать к столу бойцов и командиров. Попель брал коробочку с орденом или медалью, передавал ее Катукову. Вручая награду, Михаил Ефимович каждому пожимал руку, желал дальнейших успехов в службе.

Ответ был один:

— Служу Советскому Союзу!

Всматриваясь в лица первогвардейцев, командарм пытался отыскать тех, кто воевал с ним в октябрьские дни 1941 года. И не находил. Выйдя на середину строя, он спросил:

— Кто воевал под Орлом и Мценском в четвертой бригаде?

Строй не шевелился, ни один человек не сдвинулся с места: таких просто не оказалось.

Последовал новый вопрос:

— Кто воевал со мной на Волоколамском шоссе? Пять шагов вперед!

Строй раздвинулся, с десяток человек вышло вперед. Это были все, кто остался в живых после ожесточенных сражений под Москвой. Как ни прискорбно, но это так. Каждый бой выводил из строя все новых и новых людей. Одни погибли под Мценском, под Москвой и Курском, на Южном Буге, Висле, Одере, в Померании, под Кюстрином и под Берлином, другие по ранению выбыли из армии, демобилизовались, третьи после госпиталей попадали в другие части и войну заканчивали в танковых армиях Богданова, Рыбалко, Лелюшенко, Ротмистрова и других.

Катуков подходил к каждому бойцу, обнимая, с трудом произносил слова:

— Спасибо… Спасибо, что выжил… Душевно рад видеть тебя, герой…

В тот день командарм и член Военного совета успели побывать и в других соединениях армии, вручали награды. В Берлин возвращались поздним вечером, ехали в одной машине в нарушение установленных правил.

В дороге Михаил Ефимович был неразговорчив, больше молчал. Видимо, встреча с сослуживцами сказалась на его настроении. На вопросы Попеля отвечал односложно и даже неохотно. Николай Кириллович, наоборот, был в приподнятом настроении, всячески старался отвлечь командарма от мрачных мыслей, то и дело втягивая его в обсуждение проблем, которые предстояло решать в ближайшее время.

Мысли напирали одна на другую, кружились, словно в калейдоскопе. Михаил Ефимович перебирал в памяти прожитые годы. Получалось так, что они составляли половину, а быть может, и большую часть жизни. В сентябре ему исполнится сорок пять лет. Двадцать шесть — в армии. Почти шесть лет воевал. Полтора года в Гражданскую, все остальные теперь, в Великую Отечественную.

Человек, проживший значительную часть своей жизни, сделавший в ней что—то важное, существенное, в минуты душевного подъема обращается к детству и юности, к тем дням, когда начинал свой самостоятельный путь.

У Михаила Ефимовича Катукова, как и большинства его сверстников, этот путь был не простым. Революция 1917 года разрушила привычный в его глазах мир. Далее жизненные обстоятельства вовлекли в круговорот важнейших событий, захвативших Россию. Тут были и Гражданская, и восстановительный период, и несуразные индустриализация с коллективизацией, и классовые чистки 1937–1939 годов, которые для многих командиров Красной Армии закончились трагически. Война с Германией, пожалуй, особый период.

…В те же майские дни 1945 года в одном из американских лагерей для пленных немцев, где содержались такие военные преступники, как, например, фельдмаршал фон Лееб, организатор блокады Ленинграда, начал коротать время генерал —полковник Гейнц Гудериан.

К своей судьбе «отец танковых войск» был почти равнодушен. Знал: за содеянное во Франции, Советском Союзе и других странах придется держать ответ. Но судьба иногда играет человеком. После первых допросов, проведенных армейскими юристами в звании майоров и подполковников, Гудериан предстал перед лицом более высоких военных и гражданских чинов. Правда, они проявляли интерес не столько к его персоне, сколько к германским танковым войскам, их строительству и

организации, накопленному боевому опыту, особенно опыту действий танков на советско—германском фронте.

Нюрнбергский международный трибунал уже судил главных военных преступников — Геринга, Гесса, Кейтеля, Деница, Шпеера и некоторых других. Одни из них кончили жизнь на виселице, другие были осуждены к пожизненному тюремному заключению, третьи получили различные сроки — от 2 до 20 лет, четвертые — вообще освобождены от ответственности.

В начале февраля 1948 года началось новое судебное разбирательство, известное как «процесс ОКВ». Трибунал судил еще одну группу военных преступников в составе 14 известных немецких генералов и адмиралов. Среди танковых военачальников были генерал—полковники Герман Готт и Ганс Рейнгардт. Оба осуждены к 15 годам тюремного заключения. Организатор блокады Ленинграда фельдмаршал Вильгельм фон Лееб получил смехотворный срок — 3 года, сменивший его в 1942 году фельдмаршал Георг фон Кюхлер — 20 лет, фельдмаршал Гуго Шперле и адмирал Отто Шнивинд были вообще оправданы.

Военного преступника Гейнца Гудериана в списках международного трибунала не оказалось по уже упомянутым причинам. В июле 1948 года американские военные власти реабилитировали генерала, освободили из лагеря, предоставив ему возможность работать над своими мемуарами.

Из—под пера Гудериана в 1950 году вышла книга «Воспоминания солдата», в которой он уделил наиглавнейшее внимание советско—германскому фронту, описывая боевой опыт германских бронетанковых сил и их историю. Американские покровители весьма одобрительно отозвались об этой книге, особенно лестно говорил о ней генерал Брэдли, ее читал президент Трумэн, сенатор Маккарти даже организовал Гудериану поездку в США в качестве эксперта по танкам.

Новую книгу «Танки — вперед!» генерал Гудериан не успел закончить: ушел из жизни в мае 1954 года. Ее черновые наброски обрабатывал генерал Оскар Мюнцель, который и довел дело до конца. Книгу выпустило в 1956 году западногерманское издательство «Шильдферлаг».

И все—таки надо отдать должное генерал—полковнику Гудериану. Конечно, не за его нацистские убеждения. Особенно ценным является в его трудах история развития не только германских бронетанковых сил, но и развитие этого вида оружия во многих странах мира — Франции, Англии, США, России. И конечно же заслуживают самого пристального внимания теоретические разработки в области применения танков в условиях маневренной войны.

Генерал Гудериан был прекрасным тактиком и стратегом, знатоком своего рода оружия. В черновых набросках своей последней книги он написал: «Мы усмотрели в танке главное средство наступления и будем придерживаться этого мнения до тех пор, пока техника не преподнесет нам лучшего подарка».

РОВЕСНИК ВЕКА

Подмосковные леса красивы в любое время года, даже поздней осенью, когда деревья, сбросив листву, обнаженные, стоят и стынут на холодном ветру. Лесные массивы тянутся вдоль проселочных, шоссейных и железных дорог на десятки километров, привлекая внимание туристов, охотников, грибников, художников—пейзажистов, мечтающих запечатлеть полюбившиеся места на реках Москве, Оке, Клязьме, Истре, Пахре, да мало ли кому что приглянулось.

Казалось, так было всегда. И в этом вас будут уверять старожилы любой подмосковной деревни, только непременно добавят, что этак лет пятьдесят—семьдесят назад здешние леса были побогаче и ягодой, и грибами, и разной дичью. Не поверить этому нельзя: сам не раз хаживал по заповедным местам Подмосковья.

Последний раз привели меня сюда обстоятельства, связанные с творческой деятельностью: предстояло собрать материал для книги о маршале бронетанковых войск Михаиле Ефимовиче Катукове, уроженце села Большое Уварово, что недалеко от Коломны.

Были опасения, что за давностью лет вряд ли удастся что—то разыскать. Ведь человек, о котором предстояло писать, родился почти сто лет назад, а время, как известно, стирает не только людскую память, но и безжалостно распоряжается судьбами людей.

И все же чутье подсказывало, что поиски увенчаются успехом: Катуков — человек не рядовой, как—никак маршал, дважды Герой Советского Союза, а к героям у нас всегда относились с почтением. Чутье меня не обмануло. Удалось найти людей, знавших Михаила Катукова и его семью, родственников — далеких и близких. Они—то и поведали обо всем, что легло в основу первых глав этой книги.

…Сентябрьский день клонился к вечеру. Ефим Епифанович, закинув за плечо ружье, пробирался домой через Скребковский лес. Охота была неудачной, за целый день подстрелил на болоте двух лысух и крякву, на озими спугнул двух зайцев, стрелял — промахнулся, только патроны перевел.

Тропинка привела к родному дому. У крыльца Ефим Епифанович неожиданно столкнулся с родным братом Василием. Тот, широко раскинув руки, шел навстречу:

— Радуйся, Ефим, твоя Мария сына родила. Богатырь!

Ефим Епифанович опешил. Как же так? По совместной с

женой прикидке это должно случиться не раньше чем через неделю. Но природа не спрашивает…

Вбежав на крыльцо, он толкнул дверь в сени и прямиком — в горницу. В отгороженной цветным пологом маленькой спаленке лежала на кровати счастливая жена, рядом, посапывая, — младенец.

Сына, как и полагалось, через определенное время крестили, нарекли Михаилом. В церковной книге поставили дату рождения — 17 сентября 1900 года.

Михаил рос здоровым и бойким мальчуганом, еще и года не было, как он стал на ноги и сделал первые самостоятельные шаги. Потом у него появились братья и сестры, в доме становилось шумно и тесно. Ефим Епифанович и Мария Семеновна были счастливы, хотя забот невпроворот: четверо ртов надо было накормить, одеть, обуть.

Дети подрастали, каждый ребенок требовал к себе внимания и забот. Старший Михаил уже пошел в школу, а там, глядишь, подойдет черед и остальных. В селе Большое Уварово была одноклассная школа со сроком обучения три года. Такой даже во всей округе не было. Построили ее петербургские купцы братья Сумаковы, выходцы из села. Купцы богатые, нажившие свои капиталы на торговле зерном, скотом, молоком и молочными продуктами. Они имели торговые дома в Озерах, Коломне и Петербурге. Старший из братьев — Михаил Сумаков, меценат, отпускал немалые средства на содержание уваровской школы, на приобретение наглядных пособий, оборудования и приборов. Позаботился и о библиотеке, которая насчитывала сотни томов.

Повезло уваровским школьникам и на учительницу. Уже несколько лет здесь работала Мария Ивановна Уварова. Приехала она из Коломны, село ей понравилось, так и осталась в нем. Человек мягкий, уравновешенный, сельские ребятишки души в ней не чаяли.

Спустя много лет маршал Катуков посвятил своей первой учительнице такие строки: «Марии Ивановне я обязан тем, что она привила мне любовь к чтению. Эту любовь я пронес через всю жизнь и могу сказать, что это сыграло для меня немаловажную роль. Залпом одна за другой проглатывал я книги Клавдии Лукашевой о героях Севастопольской обороны, узнал о Нахимове, Корнилове, матросе Кошке. Образы наших героических предков — Суворова, Кутузова, Дмитрия Донского — навсегда завладели моим воображением».

И добавлял: «Пристрастившись к чтению, я горячо полюбил литературу, с годами мне открывалась прелесть великих произведений, которые обогащают нас пониманием жизни и

человека, но я всегда думаю о том, как правильно поступила Мария Ивановна, подобрав для меня в начале моего «читательского стажа» книги, особо захватившие мое мальчишеское воображение и вместе с тем оказавшиеся небесполезными для дальнейшего моего пути… В свое время вошли в мою жизнь и Пушкин, и Толстой, и Некрасов…»

Эти строки были опубликованы в озерской газете 11 мая 1972 года.

Школьный выпуск — это всегда волнующий момент. Вручая своим питомцам свидетельства, Мария Ивановна Уварова произнесла напутственные слова. Ей так хотелось, чтобы все они учились дальше — в гимназиях, университетах, развивали свои способности. Понимала: едва ли это кому удастся. За место в жизни придется бороться.

В сентябре Мише исполнилось двенадцать лет. Это был последний год его сельской жизни. В ожидании вызова Ефима Епифановича он в свободное время уходил в лес, подолгу сидел у речки Ятарме с удочкой, а то и пробирался на Оку, за восемь—десять верст от дома, словно хотел проститься с родными, хожеными—перехожеными местами.

Вскоре пришло письмо из Питера. Отец просил Марию Семеновну как можно скорее собрать в дорогу Михаила: уже подыскал ему работу у купцов Сумаковых.

Как когда—то мужа, Мария Семеновна провожала теперь сына. Вывела на дорогу, ведущую в Коломну, трижды поцеловала, перекрестила, легонько толкнула в спину:

— Иди, сынок! Иди, не оборачивайся!

И Михаил Катуков зашагал по пыльной дороге. Кончилось его детство, начиналась пора зрелости, а с нею — и путь в самостоятельную жизнь. Что мог он, двенадцатилетний мальчишка, знать о ней?

…Над Петербургом стояли привычные в эту пору низкие осенние тучи, шел дождь. Сойдя с поезда на Николаевском вокзале, Михаил стал пробираться сквозь толпы людей к выходу. Он заранее прикидывал — если не встретит отца, за двугривенный наймет извозчика, который отвезет его по указанному адресу. К счастью, все обошлось. Ефим Епифанович в плащевой накидке стоял у вокзала, обшаривая глазами прохожих. Увидев отца, сын рванулся навстречу:

— Батя!

Извозчика все же нанимать пришлось: дождь усилился. Пролетка катила по мокрой мостовой, а Ефим Епифанович показывал сыну дома, улицы, городские парки и скверы, где с деревьев облетали последние листья.

Времени для знакомства с городом у Михаила не было, его предстояло познавать в ходе работы. На второй день отец привел его в контору молочной фирмы Сумакова, которая помещалась на Невском проспекте, в доме № 71. Это было солидное торговое заведение, успешно конкурирующее с другими такими же фирмами. Отсюда молочные продукты поставлялись даже к царскому двору. Все магазины, как правило, — в центральной части города: на Невском и Владимирском проспектах, на Гороховой и Разъезжей улицах.

Вспоминая свою жизнь в Петербурге, Михаил Ефимович Катуков написал: «Владелец молочной фирмы Сумаков принял меня на работу «мальчиком». От зари до зари бегал я по городу: разносил заказчикам молоко, драил дверные ручки, протирал мокрыми опилками кафельные полы, мыл стекла витрин и дверей, молочную посуду.

И так на протяжении пяти долгих лет. Без выходных и отпусков».[1]

В шумном столичном городе кипела жизнь. Катуков просыпался с заводскими гудками, когда тысячи рабочих устремлялись в цехи заводов и фабрик, в мастерские, служащие торопились в свои конторы. С рассветом открывались магазины и лавки, зазывавшие прохожих броскими витринами и вывесками. Особенно в этом отношении отличался Невский проспект, где сосредоточена была основная торговля, в том числе и торговля купца Елисеева, известного не только в северной столице, но и в Москве.

Можно себе представить, как шел к месту своей службы уваровский паренек. Вглядываясь в лица прохожих, вспоминал пушкинские строки:

…А Петербург неугомонный
Уж барабаном пробужден.
Встает купец,
Идет разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтенка спешит,
Под ней снег утренний хрустит.

Пришел февраль 1917 года. Стачки и забастовки в Петрограде стали привычным явлением. 14 февраля на улицах творилось что—то невообразимое. Бегая с корзиной по адресам, Катуков обратил внимание на то, что с окраин к центру города хлынули толпы рабочих. Значит, опять какой—то митинг. Через час он уже с трудом пробирался с Литейного проспекта на

Невский. Там уже шпалерами стояли городовые и жандармы. Конная полиция разгоняла толпу демонстрантов с красными флагами.

Михаилу Катукову было не до собраний. Молочная фирма Сумакова, после некоторого оживления, снова стала приходить в упадок. Работники бастовали, требовали у хозяина увеличения заработной платы.

Кто знает, не оставь Катуков Петроград, быть может, он был бы в среде восставших рабочих, которые в октябрьские дни штурмовали стратегические объекты города — мосты, банки, вокзалы, почту, телеграф, телефон, наконец, Зимний дворец.

Фирма Сумакова разорилась, и ее закрыли. Катуков об этом пишет так: «В мае 1917 года рабочие и служащие забастовали и дело хозяина ликвидировали. И я уехал в с. Б. Уварово, где с отцом обрабатывал землю вплоть до вступления в РККА».

Очень важно обратить внимание и на такие строки из автобиографии Михаила Катукова: «Против царского правительства никакой работы не вел… связей с революционерами—большевиками не имел».

В БОЯХ И ПОХОДАХ

Красная Армия создавалась усиленными темпами. На 1 апреля 1918 года в ее рядах насчитывалось 155 тыс. человек. Ильич выдвинул задачу к весне 1919 года иметь 3 млн. бойцов. И имел их. На 1 ноября 1920 года в рядах Красной Армии было уже 5,5 млн. человек.

В начале действовал добровольный принцип организации армии и классовый подход, 5–й съезд Советов в июле 1918 года установил всеобщую повинность трудящихся в возрасте от 18 до 40 лет. И пошли мобилизации.

Одна из мобилизаций захватила Михаила Катукова (призван Коломенским РВК 11 марта 1919 года), хотя в своих мемуарах написал, что «я, как и многие мои сверстники, попросился добровольцем в Красную Армию».

Мобилизованный Катуков мечтал попасть в Петроград, город своей юности, но был отправлен на юг. Красноармеец Катуков воевал в составе разных частей и соединений, которые часто перебрасывались с одного фронта на другой. На какое—то время судьба забросила его в 33–й полк 4–й стрелковой дивизии. Но тут неожиданно заболел сыпным тифом. Долго валялся в горячечном бреду на больничной койке, а когда подлечился, настоял, чтобы направили в 507–й полк 57–й стрелковой дивизии.

Полк стал родным и близким, там осталось много товарищей, боевых друзей, он был на хорошем счету в дивизии. Запомнился и начдив Николай Худяков, яркая и одаренная личность. Он водил в бой полки на Царицынском фронте, на Дону и Днепре, о нем слагали легенды.

Вскоре Катуков сделал первый шаг к тому, чтобы стать профессиональным военным. 1 января 1921 года он был направлен на учебу на командирские курсы. Могилевские курсы стали первой и весьма важной ступенькой в жизни Михаила Ефимовича Катукова, в становлении его как командира Красной Армии. Учиться было нелегко: знаний маловато, а требования высокие. Приходилось просиживать ночами над школьной программой, чтобы потом успешно разобраться в лекционном материале. Полученные знания, как правило, закреплялись на практике — на полигоне, но случалось, что и в бою. Звучал сигнал, и курсанты, захватив оружие, покидали казарму по тревоге.

По окончании курсов молодой краском Михаил Катуков получил предписание для дальнейшего прохождения службы в 27–й Омской стрелковой дивизии в должности помощника

командира взвода. В помощниках командира взвода Михаил Катуков долго не задержался. В мае 1922 года его переводят в 81–й стрелковый полк и назначают командиром взвода.

После Гражданской войны страна располагала скудными средствами, и все же Красная Армия получала тот минимум, чтобы поддержать свою боеспособность. Засуха и недород 1921–1922 годов усугубили продовольственное положение, и красноармейцы вынуждены были делиться своим скромным пайком с голодающими.

К концу октября 1922 года Гражданская война на территории Советской России, за исключением Туркменистана, практически закончилась. Войска Дальневосточной республики вступили во Владивосток. Выход в Тихий океан стал свободным. Нэп позволил оживить экономику, были пущены многие заводы и фабрики, заметные изменения произошли на транспорте, в торговле.

В августе 1923 года Михаила Ефимовича назначили помощником командира 2–й роты. Дел прибавилось. Теперь у него в подчинении находилось не два десятка красноармейцев, а более сотни. О каждом надо было позаботиться, главное, обучить.

Конечно, надо было и самому учиться, перенимать опыт старших командиров и военачальников. Была еще одна цель у Катукова — сдать экстерном экзамены по программе средней школы. Довольно часто после напряженного дня, когда все засыпали, он садился за учебники. Для сна оставалось три—четыре часа.

Жизнь армии, как собственно и вся жизнь, не стоит на месте. Она изменяется в соответствии с изменением политической и экономической обстановки в стране. 12 января 1923 года РВС СССР принял решение о переводе нескольких дивизий Красной Армии на территориально—милиционную систему комплектования. Это делалось в порядке подготовки к военной реформе. Экономические трудности в те годы не позволяли содержать кадровую армию, но при необходимости в короткие сроки вокруг кадрового ядра дивизии можно было развернуть достаточно подготовленный боевой состав милиционных частей.

27–я Омская стрелковая дивизия оставалась по—прежнему кадровой. Каждый ее день был насыщен боевой подготовкой и учебой. В августе дивизия отметила свое пятилетие.

СУДЬБА ЕГО — ТАНКИ

Первые пятилетки… О них всегда красочно и звучно писали. Пятилетки — это гигантские стройки по всей стране — на Урале и в Сибири, на Кавказе и в Средней Азии, в центральных районах и на Украине. Рапорты о досрочном выполнении и перевыполнении. На самом же деле все было весьма скромно, если отбросить идеологическую мишуру. Да, запущенные предприятия выпускали металл, станки, машины, что давало возможность в какой—то мере произвести техническое переоснащение промышленности и укрепить обороноспособность страны. 15 июля 1929 года ЦК ВКП (б) принял постановление «О состоянии обороны СССР», которым обязывал РВС СССР и Народный комиссариат по военным и морским делам «наряду с модернизацией существующего вооружения добиться в течение ближайших двух лет получения опытных образцов, а затем и внедрения их в армию, современных типов артиллерии, всех современных типов танков, бронемашин…»[2]

27–я Омская стрелковая дивизия все еще стояла у западных границ. Как и все кадровые дивизии, она перевооружалась, ее огневая мощь значительно возросла. Изменился и командный состав. Бывшие взводные командовали теперь ротами и батальонами, а батальонные командиры стояли во главе полков. Поднялся по служебной лестнице и М.Е. Катуков. Он стал начальником штаба 80–го стрелкового полка. Работа начштаба, как известно, хлопотная, но она давала возможность вникать в оперативно—тактические, боевые и хозяйственные вопросы, позволяла чувствовать пульс всех подразделений.

В апреле 1932 года полк был переброшен из Витебска в Борисов. Пришлось в спешном порядке обживать новые места, оборудовать казармы для красноармейцев, строить жилье для командного состава. А тут новый приказ: 80–й стрелковый полк переформировать в 5–ю легкотанковую бригаду. Переформировать — это значит получить технику, танки, переучить красноармейцев, совершенно по—новому вести все хозяйство части. Эта работа легла на Катукова, исполнявшего тогда обязанности командира полка.

Он с нетерпением ждал поступления первой партии танков: из Москвы, из бронетанкового управления, уже пришла разнарядка. Заканчивалось лето. Наконец в августе 1932 года прибыли первые машины. Это были легкие танки Т–26 и БТ. На них смотрели как на чудо, с любовью и надеждой. Предстояло не только научиться ими управлять, но и вести бой в любых

условиях.

Осенью прибыл командир бригады Альфред Матисович Тылтынь, латыш по национальности, человек незаурядных способностей, много лет проработавший на автомобильных заводах за рубежом, прекрасно знавший военную технику. Тот, кому довелось потом соприкасаться с комбригом, называл его не иначе как «профессор».

Тылтынь зашел в штаб, представился:

— Я — ваш комбриг. — Это прозвучало слишком уж не по—уставному. — А вы, если не ошибаюсь, начальник штаба Катуков?

— Так точно! Я — Катуков! — Михаил Ефимович смерил его пристальным взглядом.

Альфред Матисович прошелся по штабу, снял фуражку, положил на стол. Катукову понравилось его простое, волевое лицо, крутой лоб с высокими залысинами, умение держать себя свободно и независимо. Он был выше среднего роста, широкоплеч, военная форма сидела на нем ладно, красиво. Несколько позже о комбриге знали уже многое. Собственно, он и сам не скрывал свое прошлое. Сын безземельного латышского крестьянина Матиса Тылтыня. Как и отец, с восьмилетнего возраста батрачил в имении немца—помещика в Миттельхофе.

Матис Тылтынь мечтал о том, чтобы дети, особенно мальчики, получили образование. Альфред и его младший брат Пауль (Поль) посещали начальную, затем и среднюю школу.

Когда началась Первая мировая война, Альфреда призвали в армию. Так он оказался в Петрограде, стал свидетелем революционных потрясений в России. Революционный поток понес его по фронтам Гражданской войны. Он командовал ротой Курземского латышского полка, потом полком.

С утра до вечера комбриг возился с танками, выясняя у техников состояние машин, комплектовал экипажи, разрабатывал планы предстоящей учебы — в классах и на полигоне. Естественно, возник вопрос о начальнике штаба. Катуков, не имея специального образования, не мог занимать эту должность. Ему предложили либо принять стрелковый полк, либо остаться в штабе бригады и возглавить разведывательный отдел.

Обдумав все, Михаил Ефимович дал согласие на разведотдел: неудержимо тянуло к технике, к танкам, которые стали впоследствии его судьбой.

Тылтынь одобрил его решение:

— Ну что ж, выбор правильный. Об этом жалеть не придется. Танки — это же ударная сила армии. В будущей войне они сыграют решающую роль, особенно при прорыве обороны противника и в наступлении.

Комбриг был не только опытным специалистом, но и человеком весьма дальновидным. Война с Германией показала правоту его слов.

Начались дни напряженной учебы. Учились все — и красноармейцы и командиры. Занятия в классах продолжались по 8–10 часов. Для Катукова отведенного времени было мало, прихватывал за счет сна и отдыха. Жена, Ксения Емельяновна, постоянно тревожилась:

— Ты бы, Михаил, поберег здоровье, оно у тебя не железное.

Катуков успокаивал ее:

— Ничего, Ксюша, выдержу, я двужильный. Расшибусь в лепешку, а танк буду водить!

Бригада в Борисове формировалась около полугода. Срок достаточно большой, чтобы изучить материальную часть танков, пройти практическую школу танкиста. Осенью начались учебные занятия по вождению боевых машин. Катуков старательно отрабатывал каждый элемент: плавно трогался с места, переключал передачи, увеличивал скорость. Душа радовалась: танк был послушен его рукам. Стрельбы из танковой пушки прошли тоже хорошо. Мишени были поражены с первых выстрелов.

Весной 1933 года из автобронетанкового управления пришла приятная весть: 5–я легкотанковая бригада должна готовиться к участию в первомайском параде. Начался отбор танковых экипажей. Катуков завидовал тем, кому предстояло отправиться в Москву на парад. Его учебный батальон оставался в Борисове, а честь представлять бригаду на празднике выпала батальону Поля Тылтыня, брату комбрига. На общем фоне его батальон выглядел гораздо предпочтительнее, чем батальон Катукова.

Много потом разговоров было об этом параде. Возвратившийся из Москвы Поль делился своими впечатлениями:

— Танки с открытыми люками стояли ровными рядами на Ильинке, Никольской, на площадях Революции и Свердлова. Работала радиостанция. Все внимание обращено к Красной площади. Вот раздался цокот копыт. Из Спасских ворот выехал командующий парадом Корк. Он отдал рапорт наркому Ворошилову. Объехав войска и поздравив их с праздником Первомая, нарком поднялся на трибуну Мавзолея, откуда произнес речь. Дальше все было как во сне. Звучал «Интернационал», гремел салют. Но вот и нам подали сигнал, и машины пошли по брусчатке Красной площади…

О первомайском параде газета «Правда» писала: «В площадь вливаются потоки танкеток, броневиков, танков—амфибий, средних танков, двух— и однобашенных, пулеметных, орудийных,

зенитных. За ними мчатся многоколесные «кристи»… с площади Революции показывается цепь серо—стальных чудовищ — широких, приземистых… Всеобщее внимание приковывает к себе светло—серый «сухопутный броненосец» — многопушечный танк». Читая газетный отчет, Катуков гордился тем, что через учебный батальон, которым он командовал, прошли многие экипажи, достойно показавшие себя на параде, и его работа, как говорил Поль Тылтынь, видна была в Москве.

В годы Великой Отечественной войны судьба бросала Катукова и Поля Тылтыня по разным дорогам и фронтам, но связи между ними не прерывались. Забегая вперед, хочется отметить два интересных момента. В 1942 году, в самый разгар войны, бои, как известно, были очень тяжелыми. Катуков сражался на Брянском фронте, Поль — на Волховском, потом на Ленинградском. Танковый корпус Катукова нес потери. Связи нарушились.

Поль, обеспокоенный судьбой товарища, узнав, что он жив, пишет 20 сентября 1942 года письмо жене Елене Николаевне Федоровской: «У меня большая радость. Прошел нелепый слух, что Катуков убит, а сегодня встретился с Богомоловым (он теперь мой сосед), который видел на днях Катукова живым и здравствующим…»

После войны вышла книга генерала С.М. Кривошеина «Междубурье». М.Е. Катуков написал к ней послесловие. Отдавая должное Полю Тылтыню (Арману), другу и товарищу (Поль погиб 7 августа 1943 года под Ленинградом), он отмечал: «Запоминается образ талантливого танкового начальника, командира батальона советских добровольцев—танкистов Армана (Поля Матисовича Тылтыня). Человек, влюбленный в свое дело… он всей своей большой душой сочувствует правому делу испанского народа, не щадя сил и жизни, в сложных условиях горной Испании беззаветно храбро сражался с численно превосходящим врагом и всегда выходил победителем. Грамотный танковый командир, умный и чуткий товарищ — таким встает Арман со страниц «Междубурья».[3]

Осенью 1934 года Катукова переводят в 134–ю танковую бригаду и назначают начальником оперативного отделения. Бригада стояла в Киеве. Сборы были недолгими, документы уже на руках. Оставалось проститься с товарищами и комбригом.

Тылтынь протянул руку:

— Видите, как все складывается хорошо. Я желаю вам успехов на Академических курсах!

— Как на курсах? — не понял Михаил Ефимович. — Я еду в Киев на должность начальника оперативного отделения.

— Совершенно верно. Но есть еще один приказ: вы сдаете должность своему заместителю — и прямехонько в Москву.

Вот так получается в жизни: человек предполагает, а начальство располагает. Около года учился Катуков на Академических курсах тактико—технического усовершенствования (АКТУС) при Военной академии механизации и моторизации. За короткий срок предстояло пройти напряженный курс. Обширные знания давались здесь по материальной части танков, находящихся на вооружении Красной Армии, и радиоделу. Особое внимание уделялось и тактике — учению об использовании бронетанковых войск в бою. Теоретические знания закреплялись на танкодроме, что также было немаловажно в командирской практике.

Летом 1935 года учеба закончилась, и Катуков вернулся в 134–ю танковую бригаду. Командовал бригадой С.И. Богданов, впоследствии маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза. Семен Ильич обрадовался возвращению Катукова:

— Поздравляю с окончанием курсов! Где намерены использовать полученные знания?

— Как и предписывалось раньше, на оперативной работе.

Штабная работа полностью захватила Катукова. Он был доволен: в оперативном отделении сложился спаянный, творческий коллектив, способный решать сложные оперативно—тактические задачи — быстро, умело, со знанием дела. Свое умение люди показывали на практике во время командно—штабных учений, которые проходили, как правило, южнее Киева. В сентябре 1935 года состоялись большие Киевские маневры — важное событие в жизни Красной Армии. В них участвовали различные рода войск: пехота, конница, воздушно—десантные, артиллерийские, танковые, авиационные части и соединения. В ходе учений на практике отрабатывалась теория глубокой операции, разработанная в конце 20–х — начале 30–х годов. Ее разработчиками были известные военачальники — М.Н. Тухачевский, А.И. Егоров, К.Б. Калиновский, В.К. Триандафиллов, Г.С. Иссерсон, Н.Е. Варфоломеев и другие.

Войска одной из сторон — «синих» должны были прорвать оборону противника — «красных», затем, сочетая удары с фронта с ударами в глубине, устремлялись вперед, чтобы окружить и уничтожить силы противоборствующей группировки.

Прорыв осуществлялся стрелковым корпусом, усиленным танковыми батальонами и артиллерией РГК, и развивался кавалерийским корпусом при поддержке крупного воздушного десанта.

В маневрах задействованы были войска Харьковского и Киевского военных округов. «Синими» — наступающей стороной — руководил командующий войсками Харьковского военного округа Иван Дубовой, «красными» — обороняющейся стороной — Семен Туровский, заместитель Дубового. Учения проходили на территории Киевского военного округа под общим руководством его командующего Ионы Якира.

12 сентября разыгралось невиданное доселе «сражение». Все попытки «синих» занять переправы на Днепре и захватить Киев успешно отбивались «красными». Через два дня «синие» под прикрытием истребительной авиации выбрасывают воздушный десант, крупнейший в истории мировых армий, в районе Бровары, Требухово, Княжичи.

Четвертый день учений был особенно напряженным. 45–й механизированный корпус, в который входила 134–я танковая бригада Богданова, переправившись через реку Ирпень, стремительно выдвинулся в район Мотыжинского леса, создавая угрозу 17–му стрелковому корпусу и выходя в тыл 24–й и 44–й стрелковым дивизиям. «Синие» вынуждены были приостановить наступление на Киев.

Во время учений Катуков во всей полноте почувствовал важность и ответственность оперативной работы, от быстроты и качества которой зависело очень многое. Изрядно пришлось потрудиться в тот момент, когда наступающая сторона, перегруппировав свои силы, готовилась к атаке на Киев, обороняющаяся — к ее отражению.

В районе Гуровщины 45–й механизированный корпус был неожиданно атакован стрелковыми подразделениями и конницей. Завязались затяжные бои. Командир корпуса Антон Борисенко приказал 134–й танковой бригаде оказать поддержку 24–й и 44–й стрелковым дивизиям, попавшим в окружение на реке Ирпень. Дивизии заняли круговую оборону, а с наступлением ночи готовились прорвать кольцо окружения.

Бои продолжались с нарастающей силой. Стало очевидно, что они будут носить затяжной характер. И тут последовал отбой военным маневрам.

После разбора учений были сделаны определенные выводы, которые нашли свое отражение в приказе наркома обороны К.Е. Ворошилова от 22 сентября 1935 года: «Маневры Киевского военного округа текущего года, насыщенные массовым применением всех новейших средств боевой техники, полностью носили характер современного боя. Обстановка этих маневров постоянно ставила все рода войск в самое сложное положение и предъявляла очень высокие требования ко всем участникам от

рядового бойца до высшего командира».[4]

Руководя оперативным отделением 134–й танковой бригады на протяжении нескольких лет, Катуков вырос в опытного специалиста, знающего и любящего свое дело. Не случайно в 1937 году его назначили начальником штаба 45–го механизированного корпуса. Комкор Н.Д. Веденеев был уверен: Катуков не подведет не только на учениях, но и в реальном бою.

Штаб корпуса четко и слаженно действовал во время летних маневров. Михаил Ефимович внимательно следил за ходом «боя», поразительно точно чувствовал, когда и где нужно ввести в прорыв основные силы, чтобы добиться успеха — прорвать фронт «противника», нанести удар на глубину десятков километров.

КТО ВЫ, ГЕЙНЦ ГУДЕРИАН?

Визави Катукова Гейнц Гудериан — полная противоположность. Если Катуков по своему происхождению, как говаривали в прошлом, — пролетарская косточка, то Гудериан — военная. В своем роду он представлял второе поколение военных…

Родился будущий танковый генерал в семье кадрового офицера Фридриха Гудериана 17 июня 1888 года. Место рождения — небольшой городок Кульме (Хельмно) на Висле. Отец служил во 2–м Померанском егерском полку. Чин имел небольшой — обер—лейтенант. Гейнц весьма сдержанно писал о своем отце, хотя и считал его «образцом человека и солдата», так же, как и о матери Кларе Киргоф. Дальние родственники как по отцовской, так и по материнской линии были либо помещиками, либо юристами, проживали в области Варта, в Восточной или Западной Пруссии.

Фридрих Гудериан, как человек военный, часто менял место службы. В 1900 году его перевели из Эльзаса в Лотарингию. Тогда еще эти районы принадлежали Германии. Дети — Гейнц и Фриц — учились сначала в школе, затем были отданы в кадетский корпус в Карлсруэ. Семья жила на скромные средства. Фридрих Гудериан считал, что сыновья, получив военное образование, будут в дальнейшем обеспечены за счет государства. К тому же кадетский корпус давал неплохое образование, которое соответствовало любому гражданскому учебному заведению.

Сдав экзамены на аттестат зрелости, Гейнц поступил в военное училище в городе Мец, которое окончил в конце января 1908 года. Блистал ли он в учебе, неизвестно. В короткой автобиографической хронике, составленной генералом в конце жизни, об этом не говорится, однако в том же 1908 году ему было присвоено звание лейтенанта.

Так и жил Гудериан «счастливой жизнью лейтенанта» в течение нескольких лет, опекаемый родителями, в первую очередь отцом, под началом которого проходила его безоблачная служба, пока в октябре 1913 года не женился на Маргарите Герне. Жена шла с ним бок о бок «по извилистому и не всегда легкому пути солдата», к ней он относился с нежностью и благоговением, о чем свидетельствуют его письма, на которые автор будет ссылаться в отдельных случаях.

Вскоре родилось двое сыновей, ставшие впоследствии, как и отец, офицерами.

Первая мировая воина нарушила мирное течение жизни в

Германии, равным образом как и жизнь каждой семьи. Если судить по автобиографической хронике Гудериана, можно сказать, что в боевых действиях он не принимал участия — ни на Западе, ни на Востоке. В основном занимался штабной работой. После десятимесячной учебы в военной академии в Берлине и присвоения звания обер—лейтенанта, а через год и капитана его постоянно переводили с одной штабной должности на другую: то он помощник начальника связи в штабе 4–й армии, то занимает должность офицера генерального штаба 52–й резервной дивизии, то на такой же должности в штабе 10–го резервного корпуса.

Своего отношения к войне Гудериан пока не высказывает, сдержанно относится и к Версальскому мирному договору, заключенному 28 июля 1919 года, в соответствии с которым Германия потеряла значительную часть своей территории — Эльзас и Лотарингию передавали Франции (в границах 1870 года), два округа — Мальмеди и Эйпен — Бельгии. Познань — Польше, город Данциг (Гданьск) объявлялся вольным городом, г. Мемель (Клайпеда) передавался в ведение держав—победительниц, а в 1923 году присоединен к Литве.

Германия лишалась колоний, но главное — ее вооруженные силы сводились к общей численности в 100 тыс. человек, она не имела права создавать военно—морской флот, авиацию и бронетанковые войска.

С конца 1916 года Гудериан начинает службу в добровольческом корпусе пограничной охраны, опять же на штабных должностях, и лишь в начале 1920 года становится командиром роты егерского батальона в Госларе, зато уже участвует в подавлении беспорядков в Рурской области и центральной части Германии, приобретая опыт борьбы с местным населением.

Служба в пограничной охране продолжалась до начала 1922 года. Служба как служба, но уже в эти годы Гудериан знакомится с радиоделом, а это уже шаг в направлении технического творчества. О своей послевоенной карьере Гейнц Гудериан написал так: «После окончания войны, начиная с 1918 года, я служил в войсках, охранявших восточные границы, — сначала в Силезии, а затем в Прибалтике… До 1922 года я служил в основном в штабе округа и в министерстве рейхсвера, специализируясь преимущественно по пехоте, однако служба в 3–м телеграфном батальоне в Кобленце, а также служба в различных радиотелеграфных подразделениях в начале Первой мировой войны дала мне возможность приобрести некоторые знания, весьма пригодившиеся в дальнейшем, при создании нового рода войск».[5]

Сделать военную карьеру в небольшом по численности рейхсвере было сложно и проблематично, но Гудериану повезло: как штабного офицера его переводят в инспекцию военных сообщений, в отдел автомобильных войск. Инспекцию возглавлял тогда генерал фон Чишвитц, под руководством которого разрабатывались планы использования автомобильных войск в условиях боевых действий.

В годы Первой мировой войны уже осуществлялась переброска войск к местам боевых действий. Но такие операции проводились в условиях позиционной обороны. Теперь же задача усложнялась, переброски предстояло производить в условиях маневренной войны.

Во всех организационных вопросах, касающихся поставленной задачи, Гудериан находил непосредственную поддержку командира батальона майора Лутца, с которым он проработал много лет и которому был во многом обязан своим продвижением по службе.

При разработке планов использования автомобильных войск возникало немало чисто технических проблем. Например, бензосклады. Сколько их надо было иметь? Ответ напрашивался сам — исходить следует от количества имеющейся техники. За бензоскладами потянулась целая цепь специальных сооружений для транспорта — гаражи, автомастерские, заправки. И все это должно обслуживаться подготовленным техническим персоналом.

Однако техническое обслуживание моторизованных войск в условиях маневренной войны — это еще не решение всей проблемы. Войска еще надо было охранять. И наиболее эффективным средством охранения могли быть лишь бронетанковые силы.

Для Гудериана этот род войск был новый, совершенно не знакомый ему. По ходу составления планов надо было изучать устройство танков и бронемашин. Новая техника пришлась ему по душе, в ней он увидел большое будущее. Изучая возможности использования бронетанковой техники для охранения моторизованных войск, перебрасываемых на достаточно большие расстояния, Гудериан пришел к мысли, что танки и броневики можно использовать и для других целей — нанесения удара по противнику.

Обратился к практике мировой войны. Она хотя и была, но у немцев оказалась незначительной. Гораздо больший опыт в этой области имели французские и английские войска. И Гудериан взялся изучать историю развития бронетанковой техники, которая в дальнейшем стала не просто навязчивой идеей, а смыслом его жизни.

Материала по использованию германских бронетанковых подразделений в Первой мировой войне в отделе перевозок было так мало, что они практически ничего не давали, зато статьи и книги английских специалистов танкового дела Фуллера, Гарта и Мартеля открывали новый мир, обогащали фантазию Гудериана. Уже в начале 20–х годов военные специалисты ставили вопрос о превращении бронетанковых войск из рода вспомогательного в основной. «Они (зарубежные специалисты. — *В.П.*) ставили танк в центр начинающейся моторизации нашей эпохи и являлись, таким образом, крупными новаторами в области разработки современных методов ведения войны»,[6] — писал Гудериан.

В рейхсвере Гудериан приобретает известность как военный специалист, теоретик в вопросах использования бронетанковых сил в наступательных и оборонительных операциях. Он читает лекции строевым и штабным офицерам, упорно изучает историю военной кампании Наполеона, находя в ней много поучительного, в первую очередь таких моментов, как проведение наполеоновскими маршалами маневренных операций в Европе и России.

Особую заинтересованность проявлял Гудериан к опыту германской армии периода Первой мировой войны. К командующему Восточным фронтом Гинденбургу и его начальнику штаба Людендорфу относился с особым почтением, считая генералов «образцом германского солдата».

Несмотря на жесткие условия Версальского договора, рейхсвер жил и укреплялся. Его командование придавало особое значение развитию автобронетанковых войск. И конечно же, теоретические разработки Гудериана по использованию танков в целях охраны военных перевозок, а уж тем более использованию их в решении тактических задач не могли не оказаться в центре внимания высшего военного руководства.

Гудериан утверждал, что придание танков пехоте не может иметь решающего значения, наиболее эффективно они могут быть использованы как самостоятельные объединения войск, скажем, дивизии, с приданием им артиллерии, пехоты и кавалерии. Такую точку зрения разделяли не все высокие армейские чины, в том числе и инспектор военных сообщений генерал Отто фон Штюльпнагель. Танковые дивизии, считал он, утопия, можно было вести речь лишь о танковых полках.

Самую идею танковых соединений надо было отстаивать, эффективность использования танков с приданием им других родов войск — доказывать на практике. Вполне осознавая трудности, Гудериан все же решился и отстаивать, и доказывать. В этом ему оказывал содействие начальник штаба инспекции

автомобильных войск полковник Лутц, давний покровитель, а после ухода в отставку Штюльпнагеля занявший его пост.

Практическая работа в этом направлении началась с того момента, когда майор Гейнц Гудериан принял под свое командование автомобильный батальон четырехротного состава. Одна из рот была вооружена старыми бронемашинами, которые не запрещалось иметь по Версальскому договору, в двух других — лишь макеты танков. Настоящее вооружение — пулеметы имела лишь мотоциклетная рота. Батальон стал своего рода экспериментальной базой, где отрабатывалась модель будущих танковых соединений.

Теория хороша только тогда, когда подкрепляется практикой, а практиковать на жестяных макетах танков не только несподручно, но и неэффективно. Требовалась не бутафорская, а настоящая техника — более современные танки и бронеавтомобили. И тут на помощь германскому рейхсверу приходит недавний противник — Красная Армия. Ранее уже говорилось о подписании ряда договоров Германии и СССР, в которых были секретные статьи, касающиеся развития германских вооруженных сил в обход международного Версальского договора. В частности, одна из статей касалась создания танковой школы в Казани под кодовым названием «Кама». Школа, как стало известно недавно, работала под вывеской «Технические курсы Осоавиахима», прототипа более известного нам ДОСААФа.

Есть предположение, что в этой школе учился и отец танковых войск Германии Гейнц Гудериан, хотя он никогда не упоминал об этом в своих мемуарах. Лишь в книге «Воспоминания солдата» краешком обмолвился: «С 1926 года за границей работала опытная станция, где производились испытания немецких танков».[7]

Тут же он говорит и о заказе различным фирмам на производство двух типов средних и трех типов легких танков. Скорее всего, эти танки изготовлялись тоже на советских заводах.

В 30–е годы в Германии уже началось производство своих легких танков, вооруженных 37–мм пушкой и пулеметом, и средних танков, вооруженных пушкой калибром 75 мм и пулеметом. Общий вес танка не превышал 24 тонн, такова была в то время грузоподъемность мостов на дорогах Германии. Но скорость машин конструкторы увеличили с 20 до 40 километров.

С приходом Гитлера к власти в январе 1933 года коренным образом меняется внешняя и внутренняя политика Германии. Нацизм захлестнул страну как горная лавина. В империи уже не существовало нормально действующих законодательных и

исполнительных органов власти времен Веймарской республики. Все подчинила себе нацистская верхушка.

Как же воспринял будущий танковый стратег приход к власти новоявленного фюрера? Вполне нормально, был лоялен к нему на протяжении многих лет, не только одобрял его политику, но и всеми силами способствовал укреплению нового режима в Германии.

Впоследствии в своих мемуарах Гудериан дал оценку Гитлеру и его окружению, партии и правительству, из которой можно сделать безошибочный вывод относительно его политических взглядов.

О Гитлере говорил только в превосходной степени. Гитлер — человек умный, «обладал исключительной памятью», «обладал даром облекать свои мысли в легко доступные формы и убеждать слушателей в их правильности», «обладал необыкновенным ораторским талантом… умел убеждать не только народные массы, но и образованных людей». «Самым выдающимся его качеством была его огромная сила воли, — писал Гудериан, — которая притягивала к нему людей. Эта сила воли проявлялась столь внушительно, что действовала на некоторых людей почти гипнотически. Я сам лично часто переживал такие минуты».

С приходом Гитлера к власти идеологическое воспитание, то бишь обработка германской армии в духе нацизма, пошло полным ходом. Усиленно велась и боевая подготовка. Как раз к этому времени подоспел и труд Гудериана — книга «Внимание! Танки!», вышедшая зимой 1937 года. В книге, как уже говорилось, излагалась не только история возникновения и развитая танков, но и основные принципы организации бронетанковых сил и их применения в бою.

Гудериан считал, что огонь и движение — основа танкового наступления. Быстрое продвижение танков в глубину обороны противника не позволяет ему создавать новые оборонительные рубежи, парализует его волю и заставляет откатываться назад, он был твердо уверен, что танковые войска сыграют главную роль в предстоящих событиях. «Поэтому мы требуем, — писал он, — чтобы те рода войск, которые будут взаимодействовать с нами для развития нашего успеха, были также подвижными и были нам приданы еще в мирное время, потому что решающее значение в будущих сражениях будет иметь не количество пехоты, а количество бронетанковых войск».[8]

Вместе с ростом и реорганизацией вермахта резко пошел в гору по служебной лестнице и Гейнц Гудериан. Ему было присвоено звание генерал—лейтенанта, он занял пост бывшего своего начальника генерала Лютца, который перед отставкой

командовал 16–м армейским корпусом.

О реорганизации армии Гитлер объявил лишь 4 февраля 1938 года, а через неделю началась практическая подготовка войск к вторжению в Австрию.

В боевую готовность был приведен весь 16–й армейский корпус Гудериана, но в походе участвовала лишь 2–я танковая дивизия с приданным ей полком лейб—штандарт СС «Адольф Гитлер» под командованием Зеппа Дитриха, который через три года со своим полком будет противостоять 4–й танковой бригаде Катукова в Подмосковье.

От Берлина до Вены предстояло пройти 962 километра. Путь не ближний. Но Гудериан все рассчитал — и заправку горючим, и потребность в необходимых запасных частях, даже испросил разрешения у Гитлера украсить танки флажками и зеленью «в знак мирных намерений», чтобы осуществление аншлюса прошло без кровопролития.

Кровопролития действительно не было, так как правительство Австрии давно капитулировало. Танки Гудериана беспрепятственно прогромыхали по городам и селам страны, прошли Линц, куда под «занавес» прибыл шеф СС Гиммлер, а потом и сам рейхсканцлер Адольф Гитлер. Если верить Гудериану, то население Австрии радостно встречало немецкие войска. «Повсюду можно было видеть рукопожатия, объятия, слезы радости».

Вот так объединялись дети одного народа, «которые в течение многих десятилетий были разобщены из—за злополучной политики».

В Вене Гудериан участвовал в торжествах по случаю вхождения Австрии в состав рейха, принимал парад войск.

Торжества закончились, начались невеселые будни для австрийского народа. Потеря независимости, полнейший контроль над промышленностью и армией страны — вот цена политики, которую проводили тогдашние правители Австрии.

Австрия была первой страной, которая была отдана своими правителями на растерзание Гитлеру. За ней пойдут и другие государства.

Расширяя границы Германии, фюрер прибегал к различным средствам: дипломатическому давлению, шантажу и провокациям, более веским аргументом была посылка войск для захвата чужих стран.

Верховное командование вермахта — ОКВ с одобрением относилось к авантюрам своего фюрера, оказывало ему всемерную поддержку. Непосредственный исполнитель аншлюса Гудериан извлекает уроки из похода на Вену. Он вполне доволен

боевой подготовкой личного состава 2–й танковой дивизии и полка лейб— штандарт «Адольф Гитлер», состоянием материальной части машин, прошедших от 700 до 1000 километров за 48 часов, заверяет руководство вермахта, что «немецкие бронетанковые войска находятся на верном пути».

Гитлер между тем готовился к новой авантюре — проведению «Зеленого плана», присоединения к Германии сначала Судетской области, затем и всей Чехословакии. Дело не обошлось без помощи других западных стран — Англии, Франции и Италии, надеявшихся путем сделки за счет других государств удовлетворить запросы германского фюрера и обеспечить интересы собственных стран.

Через пять месяцев потеряла свою самостоятельность и Чехословакия. Мир стремительно катился к мировой войне.

ВЕРМАХТ ПРОБУЕТ СИЛЫ

Гитлер пошел ва—банк. Его уже не устраивали те территориальные приобретения, которые удалось осуществить разными путями в течение последних лет. Хотелось большего. Выступая на совещании перед представителями промышленных и военных кругов в августе 1939 года, он говорил: «Создание Великой Германии было большим успехом с политической, но не с военной точки зрения, ибо мы достигали его в результате блефа, примененного политическими руководителями».[9]

Но времена блефа исчерпали себя, хотелось «испробовать войска», однако любой шаг по пути агрессии означал войну, причем война могла быть на два фронта. Гитлер помнил о предупреждении канцлера Бисмарка — никогда не воевать одновременно с Западом и Востоком, тем более — не воевать с Россией. И все же решился на проведение «настоящей» военной операции. Ведь уже намечена очередная жертва — Польша, отступать некуда.

Нацистский фюрер понимал, что Англия и Франция воспротивятся его намерениям, но есть еще СССР. А Сталин настроен дружески, сам не против сокрушить своего западного соседа. Риск, конечно, есть, но он не столь велик, чтобы не попытаться осуществить плавный переход от «Плана зеленого» к «Плану белому» (план нападения на Польшу). Нужно было только все точно рассчитать, чтобы не конфликтовать «с нашими западными противниками».

Гитлер и не скрывал своих планов, выступая перед генералами в мае 1939 года, он откровенно заявлял: «В действительности речь идет не о Данциге. Речь идет об обеспечении жизненного пространства Германии на Востоке…»

Присутствовал ли Гудериан на этом совещании, неизвестно, но то, что получил от фюрера указания готовить войска для нового похода, несомненно. Гитлер уже понял значение бронетанковых и моторизованных войск. Они показали себя с наилучшей стороны во время аншлюса Австрии, присоединения Судетской области и Чехословакии. Именно на них надо делать ставку, на них и на Гудериана. Гудериан — тот человек, который может обеспечить интересы фюрера и интересы Германии.

С этой целью в вермахте вводится новая должность — инспектор подвижных войск, то есть танковых и моторизованных. Правда, пока этим войскам придавалась и кавалерия. Должность предлагают Гудериану. Тот внимательно просмотрел проект положения об этой должности и сразу же отказался. Его смущало

то, что положение предусматривало только право производить инспекторские проверки и составлять годовые отчеты, но не давало никаких командных функций, не позволяло влиять на решение вопросов организации войск и подготовки личного состава.

Вначале генерал считал, что инициатива введения новой должности исходила от главнокомандующего сухопутными силами Браухича, но, как выяснилось позже, она исходила от самого Гитлера.

Фюрер, узнав о капризе Гудериана, вызвал его к себе. Танкист в тактичной форме объяснил причину отказа от должности, изложил свои принципы организации нового ведомства. Он по—прежнему стоял на своем — решительно доказывал необходимость полной самостоятельности танковых и моторизованных войск, использования их в качестве наступательного средства оперативного характера. Он никак не мог согласиться с тем, что придание танков пехоте и кавалерии принесет ощутимые результаты в боевой обстановке.

У Гитлера на этот счет были свои соображения. Он задумал созданием нового ведомства организовать централизованное управление моторизованными войсками и кавалерией. Гудериану же обещал полную поддержку в этом предприятии.

Поломавшись немного и получив свой «пряник», генерал сдался. «Я был произведен в генералы танковых войск, — писал Гудериан, — назначен генерал—инспектором подвижных войск и приступил к организации своего очень небольшого управления».

На осень 1939 года планировались крупномасштабные маневры с участием мотомеханизированных войск, которые должны были проходить в Померании. И Гудериан, конечно, там, где намечается очередная авантюра. Он участвует «в сооружении полевых укреплений вдоль имперской границы для защиты Германии от наступления поляков», приняв только что созданный 19–й армейский корпус — усиленно вооружает его танками «Т—III» и «Т—IV».

Гитлер торопил верховное командование с выдвижением войск к польской границе, так как срок новой военной кампании уже был обозначен — 26 августа.

Гитлер промедлил, напал на Польшу не 26 августа, а 1 сентября. В этот день германские войска перешли границу. Но до подхода основных сил уже вовсю работала германская разведка Канариса и отряды эсэсовцев, инсценировав нападение на немецкую радиостанцию в Глейвице и на пограничные посты. Появились и первые жертвы, но это были жертвы опытных провокаторов начальника гестапо Мюллера и шефа СД Гейдриха,

выполнявших указания Гитлера, который на одном из совещаний с откровенным цинизмом заявил: «Нам следует стремиться не к достижению определенных рубежей (в Польше. — *В.П.*), а к уничтожению врага; для этого необходимо находить все новые и новые пути. Средства — безразличны. Победителя никогда не спрашивают, были ли его действия законны. Речь должна идти не о том, чтобы право было на нашей стороне, а исключительно лишь о победе…».[10]

И вновь, как в походах в Австрию и Чехословакию, роль тарана играли бронетанковые войска, 19–й корпус Гудериана входил в состав 4–й армии генерал—полковника фон Клюге. Ему была поставлена задача расчистить путь в «польском коридоре» для других соединений, достичь Вислы, способствовать рассечению польской армии надвое и ее уничтожению.

Потери германской армии в ходе боев были незначительными. Как сообщает военный историк Сэмюэл Митчем, немцы потеряли 8082 человека убитыми, 27 278 ранеными и 5029 пропавшими без вести. Кроме того, было уничтожено 217 танков. Что же касается польской армии, историк отмечает: «Из 800 тыс. военнослужащих, которых правительству удалось мобилизовать, 694 тыс. попали в плен к немцам. Остальные были либо убиты, либо оказались в русском плену (советские войска вторглись в восточную Польшу 17 сентября). Небольшая часть польских военнослужащих скрылась в самой стране или бежала в Румынию или Венгрию».[11]

О незначительных потерях свидетельствует и Гудериан. 5 сентября Гитлер посетил его корпус. На вопрос о потерях генерал назвал две цифры: 150 убитых и 700 раненых. Командир корпуса хотел, конечно, похвастаться перед фюрером, показать результаты своей «работы». Он провез его по местам боев у городов Шветц (Свеце) и Грауденц (Грудзенз). Глядя на уничтоженную польскую артиллерию, Гитлер спросил: «Это сделали, наверно, наши пикирующие бомбардировщики?» Гудериан ответил: «Нет, наши танки».

Во время поездки Гудериан демонстрировал 3–ю танковую дивизию, ее 3–й разведывательный батальон, в котором служил его младший сын Курт. Тут же, в 35–м танковом полку, находился и старший сын Гейнц Гюнтер, полковой адъютант.

Гитлер интересовался также техническими возможностями танков «Т—III» и «Т—IV». Гудериан отмечал, что новые танки показали себя в походе вполне нормально, но высказал свои замечания относительно увеличения лобовой брони и удлинения ствола пушек с целью повышения дальнобойности стрельбы и пробивной способности снарядов.

14 сентября Гудериан подошел со своим корпусом к крепости Брест. Взять с ходу ее не удалось: поляки упорно оборонялись. Крепость держалась три дня даже после мощного артиллерийского обстрела. Только 17 сентября остатки гарнизона Бреста покинули крепость и переправились на западный берег Буга. Здесь, в Бресте, Гудериан получил информацию о том, что русские с востока совершают встречный наступательный марш.

О том, как встретились передовые части Красной Армии с корпусом Гудериана, уже говорилось. Встречу излагал начальник оперативного отдела штаба Белорусского военного округа Л.М. Сандалов. А вот как ее описывает Гудериан: «В качестве вестника приближения русских прибыл молодой русский офицер на бронеавтомобиле, сообщивший нам о подходе их танковой бригады. Затем мы получили известие о демаркационной линии, установленной Министерством иностранных дел, которая, проходя по Бугу, оставляла за русскими крепость Брест; такое решение министерства мы считали невыгодным. Затем было установлено, что район восточнее демаркационной линии должен быть оставлен нами к 22 сентября. Этот срок был настолько коротким, что мы даже не могли эвакуировать наших раненых и подобрать поврежденные танки. По—видимому, к переговорам об установлении демаркационной линии и о прекращении военных действий вообще не был привлечен ни один военный». [12]

Гудериан говорит еще об одном важном моменте — прощальном параде, после которого германские войска покидали Брест: «В день передачи Бреста русским в город прибыл комбриг Кривошеин, танкист, владевший французским языком; поэтому я смог легко с ним объясниться. Все вопросы, оставшиеся неразрешенными в положениях Министерства иностранных дел, были удовлетворительно для обеих сторон разрешены непосредственно с русскими. Мы смогли забрать все, кроме захваченных у поляков запасов, которые остались русским, поскольку их невозможно было эвакуировать за столь короткое время. Наше пребывание в Бресте закончилось прощальным парадом и церемонией с обменом флагами в присутствии комбрига Кривошеина».

Вскоре военные действия в Польше закончились, и штаб Гудериана был переведен в Берлин. Можно было, как всегда, подвести итоги боев. Генерал пришел к убеждению, что его войска выдержали испытание и полностью оправдали себя, а «затраченные на их создание усилия окупились».

Старания Гудериана были вознаграждены. В конце октября 1939 года он в числе 24 офицеров и генералов получил Рыцарский Железный крест. Железным крестом 1 и II класса был

награжден и его старший сын. Так что тщеславие танкового генерала было вполне удовлетворено. Генерал нужен был фюреру, фюрер — генералу. Впереди столько дел, а ближайшая цель — Франция и Англия.

Первоначальный план похода в Западную Европу окраски не имел, был бесцветным, поименован как приказ № 6. В нем указывалось, что войска вермахта должны вести наступление через Бельгию и Голландию, где французы не ожидают удара. Начало военных действий намечалось на 12 ноября 1939 года. В дальнейшем сроки переносились, как утверждают историки, 14 раз. Вначале главное командование сухопутных войск, подгоняемое фюрером, хотело использовать старый «План Шлиффена». Это был план ведения войны на два фронта — против Франции и России, разработанный генерал—фельдмаршалом Альфредом Шлиффеном в период Первой мировой войны. Суть его заключалась в том, чтобы, применив охват обеих флангов боевых порядков противника, окружить его и уничтожить.

План, однако, устарел, и многие генералы относились к нему скептически. Гудериан, хотя и считал фельдмаршала «благородным, умным человеком с холодным, саркастическим умом», нового в его плане ничего не нашел, поэтому, как он выразился, «очень скоро мысль стала работать в другом направлении».

Более привлекательным и реальным выглядел оперативный план разгрома Франции, разработанный генералом Эрихом фон Манштейном. Историки отмечали, что этот план являлся «плодом неистощимого ума» генерала.

Что же в нем было такого особенного, что привлекло внимание многих военных специалистов? Даже Гитлер им заинтересовался. Правда, фюрера отнести к военным специалистам можно с большой натяжкой, но общие детали военных операций он, несомненно, схватывал.

Манштейн предлагал пройти крупными бронетанковыми силами через Люксембург и южную часть Бельгии к «линии Мажино», прорвать у Седана ее укрепления и устремиться к центру Франции — Парижу.

Познакомившись с планом Манштейна, Гудериан нашел, что он вполне осуществим, стоит лишь проработать отдельные детали, определить сроки военных действий.

План разгрома Франции — это очередной план агрессии. Гудериан всегда утверждал, что его участие в агрессивных войнах сводилось лишь к выполнению приказов высшего командования, что его роль в разработке планов нападения на другие страны

незначительная. Ведь генеральный штаб до 1938 года планировал только оборонительные войны, и лишь с приходом Гитлера, «политического руководителя государства, вопреки советам старых солдат, генеральный штаб был вынужден работать в другом направлении».

Стало быть, и он, Гудериан, тоже стал работать «в другом направлении». Вот он уже во время военной игры в Кобленце 7 февраля 1940 года, в присутствии Гитлера, не под давлением, а по собственному рвению, предлагает дополнить план Манштейна, определяя конкретные сроки наступления: «…на пятый день кампании начать наступление крупными танковыми и моторизованными силами с целью прорыва обороны на р. Маас у Седана и дальнейшего развития наступления в направлении на Амьен».

К плану Манштейна многие генералы из ОКВ относились критически. Не верил в быстрый успех кампании и начальник генерального штаба вермахта Гальдер, считавший, что главную роль в этой военной операции должны играть полевые армии, а не танковые, для которых большой проблемой станет форсирование рек и проход через Арденны, севернее реки Маас.

Но Гитлер уже обеими руками ухватился за план Манштейна. На очередном совещании генералитета, состоявшемся в середине марта 1940 года, он внимательно выслушивал мнения генералов по ходу развертывания военной операции во Франции. Когда Гудериан, развивая концепцию наступления по территории Люксембурга и Бельгии с последующим форсированием реки Маас и захватом на ней плацдарма, перешел к главным своим действиям, Гитлер остановил его и задал вопрос: «А что вы хотите делать дальше?»

Танковый генерал был поставлен в тупик, не сразу нашелся, что ответить. Откуда ему знать, что фюрер хочет получить в результате французской кампании? Пришлось отделываться общими фразами: «Если не последует приказа приостановить продвижение, я буду на следующий день продолжать наступление в западном направлении. Верховное командование должно решить, должен ли этот удар быть направлен на Амьен или Париж. Самым действенным, на мой взгляд, было бы направление через Амьен к Ла—Маншу».

Всем стало ясно, что ни у Гитлера, ни у верховного командования пока не было твердого решения о начале военной кампании против Франции и Англии, но каждый был уверен в том, что от своих намерений фюрер никогда не откажется. Значит, надо ждать своего часа и готовиться к боям.

Гудериан вплотную занялся изучением «линии Мажино», ее

оборонительных возможностей, вооружения, численности англо—французской армии. Он знал, что Франция располагает самой сильной сухопутной армией и самыми крупными бронетанковыми силами. Англо—французские вооруженные силы имели в своем распоряжении около 4800 танков, вермахт имел их вдвое меньше — 2800, включая бронеавтомобили. Однако оборона Франции исходила из старой доктрины Первой мировой войны, то есть войны позиционной, когда основное внимание обороняющейся стороной придавалось плотности огня, а не маневру.

После тщательного изучения оборонительной «линии Мажино» совместно со специалистами по фортификации, анализа материалов аэрофотосъемок Гудериан пришел к выводу, что не так страшен черт, как его малюют. Иными словами, французские укрепления не столь уж прочны, как их расписывают. Наиболее укрепленным считался участок между Манмеди и Седаном, далее к Ла—Маншу он был менее защищенным. Немецкая разведка установила, что и гарнизон на «линии Мажино» незначителен, основные силы противника сконцентрированы во Фландрии между рекой Маас и Ла—Маншем и развернуты на северо—восток. Это силы англо—французов. Голландцы и бельгийцы развернули свои войска на восток.

Такая группировка сил давала возможность сделать заключение: англо—французское командование считало, что немцы будут действовать по плану Шлиффена, как в 1914 году. Что было как раз на руку вермахту. Удар бронетанковыми силами при постоянной поддержке авиации позволял решить стратегическую задачу выхода к Ла—Маншу, разрезав таким образом англо—французскую группировку войск, сосредоточенную на границе с Бельгией.

В конечном итоге Манштейну и Гудериану удалось убедить Гитлера в успехе французской кампании, и он дал «добро», открыл зеленый свет для движения бронетанковой техники на запад.

Гитлеровское командование сосредоточило против Франции достаточно мощную группировку войск — 89 дивизий, 47 дивизий находилось в резерве.

10 мая 1940 года немцы начали наступление на северном фланге против Бельгии и Голландии, причем здесь были использованы десантные войска, которые захватили важнейшие опорные пункты оборонительной системы. Наступление на севере было лишь отвлекающим маневром, сковывающим силы противника, основной же удар наносился из района Ахена и реки Мозель, где сосредоточено было 45 немецких дивизий, в том

числе 7 моторизованных и 3 танковые.

Как свидетельствует Гудериан, его 19–й армейский корпус, поднятый по тревоге 10 мая, перейдя границу, быстро продвигался по территории Бельгии, на второй день после коротких боев с французскими и бельгийскими войсками были захвачены позиции у Нешато, Бертри, Либрамон, Буйон. 12 мая, форсировав реку Семуа, войска Гудериана вышли к Северо—Французской низменности.

Противник повсеместно пытался оказывать сопротивление, но оно было вялым, и немцы брали одну позицию за другой. Вскоре танковые дивизии вермахта достигли французской границы.

Захват плацдарма на реке Маас прошел без больших потерь для германской стороны, французы же несли огромные потери в живой силе и технике. Гудериан не раз отмечал в своих мемуарах о том, что противник едва оказывал сопротивление. О событиях 13 и 14 мая он писал: «Я удивился, что французская дальнобойная артиллерия с «линии Мажино» так слабо и неэффективно обстреливала сосредоточение наших войск на исходных позициях. Впоследствии при посещении «линии Мажино» успех нашего наступления показался мне просто чудом».[13]

Прорвать позиции у Седана прямо с марша Гудериану не удалось; его 2–я танковая дивизия застряла в боях с французами на реке Семуа. Ждать, пока дивизия освободится и развернется в боевой порядок, значит потерять время. Пришлось идти на риск — наступать оставшимися двумя дивизиями. Это не понравилось командующему танковой группой войск Клейсту, в которую входил и 19–й моторизованный корпус. Произошло первое столкновение с Клейстом, но не последнее за годы войны. Объясняться все же потом пришлось.

Самолюбивый танкист Гудериан не доверял не менее самолюбивому кавалеристу Клейсту, хотя он и отличился при вторжении в Польшу, войска его корпуса захватили нефтедобывающий район под Львовом, затем, соединившись с войсками Гудериана, рассекли польскую армию пополам. Гудериан никак не мог понять, почему Гитлер назначил Клейста командовать танковой группой на Западном фронте, доверив ему столь ответственное поручение. Ведь до 1939 года Клейст никогда не командовал танковыми частями, вообще не был расположен к танковым войскам, предпочтение отдавал пехоте и коннице.

Военный историк Сэмюэл Митчем, пожалуй, ближе других подошел к ответу на этот вопрос: «…главнокомандование

германских сухопутных сил еще с сомнением относилось к новому роду войск и к концепции молниеносной войны (блицкрига). Они чувствовали, что Клейст сможет удержать в руках своенравного Гудериана и не даст энтузиастам танковых войск поставить под угрозу успех операции своими опрометчивыми действиями; другими словами, осторожность Клейста должна послужить противовесом порывистости Гудериана».[14]

Субординация требовала выполнения служебной дисциплины, и Гудериан, проглотив горькую пилюлю, отправился выполнять приказ вышестоящего начальника.

К 17 мая значительная часть германских войск, прорвав укрепления у Седана и форсировав реку Маас, успешно продвигалась вперед. Гудериан со своим корпусом подошел к реке Сомме и начал захват нового плацдарма у небольшого городка Перонн. Темпы наступления его вполне устраивали: отдельные части проходили до 45–50 километров в сутки. Он только что вернулся из 10–й танковой дивизии в Буйон и отправился в штаб корпуса, разместившийся в гостинице «Панорама». На его рабочем столе уже лежали армейские сводки, принесенные начальником штаба полковником Нерингом. По заведенной привычке не откладывать дела генерал просмотрел их, затем подошел к окну, чтобы полюбоваться красивым видом долины реки Семуа. В это время налетела авиация противника, и началась бомбардировка города. Рядом с гостиницей разорвалось несколько бомб, взрывной волной выбило стекла кабинета, и Гудериан впервые почувствовал дыхание смерти. Пришлось срочно переводить штаб подальше на север, где бы он был не так уязвим для французских и бельгийских самолетов.

Разгром франко—бельгийских войск и английского экспедиционного корпуса, затем выход к Ла—Маншу сулил скорое окончание военной кампании. Но тут произошло неожиданное — поступило распоряжение приостановить наступление.

Удержать Гудериана было просто невозможно, он продолжал вести боевые действия. На этой почве произошло новое столкновение с Клейстом. Дело дошло до того, что Гудериан потребовал, чтобы его сняли с командования корпусом. Лишь вмешательство генерал—полковника Листа, командующего 12–й армией, позволило погасить конфликт. Лист убедил Гудериана, что идея остановить наступление исходит не от Клейста, а от самого Гитлера.

Гудериану разрешено было вести лишь «разведку боем», и он все дальше и дальше пробивался на север. 20 мая его войска

вышли к Ла—Маншу. Через день пришел новый приказ продолжить наступление. Генерал, воспрянув духом, повернул войска на Дюнкерк, действуя в прибрежной полосе, он штурмом взял Булонь и блокировал старую морскую крепость Кале. Судьба английских экспедиционных войск, можно сказать, решена. Им предстояло капитулировать.

Однако Гитлер остановил наступление левого крыла армии на реке Аа, переправа через нее была категорически запрещена. Приказ гласил, что «Кале и Дюнкерк предоставляются авиации».

«Стоп—приказ» Гитлера от 24 мая 1940 года лишил, по образному выражению Гудериана, многих «дара речи». Он давал возможность 338–тысячному корпусу англичан, припертому к морю, спокойно эвакуироваться с европейского континента.

По—разному пытаются объяснить приказ Гитлера военные специалисты и политики. Одни считают, что фюрер хотел «умиротворить» англичан и заставить их заключить мир с Германией, другие сходятся на том, что немецкие войска нуждались в передышке, нужно было подтянуть тылы, чтобы обеспечить ударные танковые части горючим.

Если считать особым мнением мнение Гудериана по этому вопросу, то оно сводится к тому, «что Гитлер и прежде всего Геринг считали, что превосходства немецкой авиации вполне достаточно для воспрещения эвакуации английских войск морем. Гитлер заблуждался, и это заблуждение имело опасные последствия, ибо только пленение английской экспедиционной армии могло бы укрепить намерение Великобритании заключить мир с Гитлером или повысить шансы на успех возможной операции по высадке десанта в Англии».[15]

Военный разгром Франции был неизбежен. Германские войска безостановочно двигались к Парижу. По приказу Гитлера в конце мая была создана «танковая группа Гудериана» в составе двух моторизованных корпусов — 39–го и 41–го. Гудериан повернул свои войска у реки Эн на юг, прошел с боями до швейцарской границы.

14 июня немцы вступили в Париж, а через неделю Франция капитулировала. Старое правительство ушло в отставку, новое — возглавил престарелый маршал Петен.

Гитлер праздновал победу. Он прибыл во Францию, в Компьен. 11 ноября 1918 года французский маршал Фош, командовавший союзными войсками, принял капитуляцию кайзеровской Германии в Компьенском лесу в салон—вагоне специального поезда. Теперь фюрер, как писал американский историк Уильям Ширер, с чувством гнева, ненависти, злорадства и величайшего триумфа принимал капитуляцию Франции, словно

этим актом создавая «тысячелетний рейх».

Часть германских войск, участвовавших в походе, осталась во Франции. Группа войск Гудериана была расформирована. Командующий вернулся в Берлин победителем. Ему было присвоено звание генерал—полковника. Отдохнув от ратных трудов, он продолжал укреплять бронетанковые силы рейха: «Мне поручили следить за формированием и боевой подготовкой нескольких танковых и моторизованных дивизий. Работы было у меня более чем достаточно. В редко выпадавшие часы досуга я ломал себе голову над проблемой дальнейшего продолжения войны, которая так или иначе, но должна же когда—нибудь кончиться».[16]

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

Военные люди мыслят категориями военными, иногда просчитывают ситуацию не хуже политиков и дипломатов. Вот только действовать всегда приходится по приказу.

Едва приняв 134–ю легкотанковую бригаду, Михаил Катуков получил приказ выступить на границу с Польшей. Сам себе задавал вопрос: почему все так делается спешно? Только в походе узнал суть самого приказа.

Одним словом, ему тоже пришлось принимать участие в уже упоминавшихся «освободительных» походах, о чем он позже писал довольно скупо. Писал так, как писали многие. Бригада выступила в поход, «чтобы взять под защиту население Западной Украины и Западной Белоруссии». О боях с польской армией — ни слова.

Однако в личном деле маршала Катукова сохранилась выписка из приказа от 7 февраля 1940 года, в котором дается характеристика боевых действий комбрига:

«Командуя бригадой в период операции по освобождению трудящихся Западной Украины от буржуазно—помещичьего гнета польских панов, проявил себя хорошим организатором, решительным и смелым командиром.

Во время боевых действий правильно обеспечил управление частями бригады. Бригадой разгромлены 54–й пехотный полк и 6–й Познанский мотоотряд противника, взято много пленных и трофеи. Бригадой захвачен г. Галич и совместно с 1–й мотострелковой бригадой — Бучач и Монастыржиско.

За боевые заслуги в период боевой операции представлен к высокой правительственной награде — ордену Красного Знамени.

Командир 25–го танкового корпуса комбриг *Соломатин*. Комиссар 25–го танкового корпуса бригадный комиссар *Зуев*».[17]

Все, казалось бы, хорошо складывалось в жизни Михаила Ефимовича. Он постоянно учился, продвигался по службе, был на хорошем счету у командования Киевского военного округа. При переаттестации командного состава в 1940 году ему было присвоено звание полковника. В сентябре собирался выехать к отцу на побывку. Ефим Епифанович писал, что стал часто прихварывать, трудно стало работать в хозяйстве. Старика можно было понять: годы брали свое.

С отпуском ничего не вышло: последовал неожиданный вызов в ЦК ВКП(б). В округе причину вызова толком не объяснили, дали понять, что обо всем узнает в Москве.

Прежде чем прибыть в ЦК, Михаил Ефимович направился в

автобронетанковое управление, которое с июня возглавлял Я.Н. Федоренко. До недавнего времени Яков Николаевич занимал должность начальника автобронетанковых войск Киевского военного округа. С ним не раз приходилось встречаться в период военных учений. У него и рассчитывал Катуков узнать причину столь неожиданного вызова в столицу.

Федоренко тоже объяснять не стал, а направил туда, куда его вызывают. Коротко сказал:

— Вас ждут в ЦК ВКП(б). Позже продолжим беседу.

Все вскоре прояснилось. Ему предложили принять 20–ю танковую дивизию, которая находилась в стадии формирования. В Киев Катуков возвращался с тревожными мыслями: сумеет ли он в короткий срок создать боеспособное соединение? У него даже не было времени, чтобы заехать в Большое Уварово и повидаться с отцом. С дороги черкнул открытку, был, мол, в Москве, но заехать в село не смог. С отцом Михаил Ефимович встретился лишь через год, когда война уже приближалась к Подмосковью.

Дела в дивизии шли медленно, техника поступала старая — танки «БТ–2» и «БТ–5». Машины уже отслужили свой век и годились лишь для обучения личного состава. Согласно планам комплектования новые танки «Т–34» наркомат вооружений должен поставить только в июле 1941 года.

Вот и ломай голову — как быть? А тут еще пришла беда — слегла в постель жена и вскоре умерла. Похоронив ее, Катуков и сам попал в госпиталь: начала давать сбои правая почка. Следует заметить, что Михаил Ефимович не отличался крепким здоровьем. В его аттестационном листе есть даже такая запись: «…в походах мало годен — порок сердца». Позже, видимо, после нового переосвидетельствования, появляется новая запись: «Здоров». Командование Киевского военного округа направляло его в Москву, а он не соглашался — есть свой госпиталь, пусть тут и режут.

Операцию сделал известный киевский профессор Чайка. Дело пошло на поправку, но шов затягивался медленно, боли в области живота и в боку не прекращались.

В ночь на 22 июня Михаил Ефимович спал тревожно и беспокойно. Под утро проснулся, тихо, чтобы не разбудить больных, вышел из палаты больничного корпуса, сел на ступеньки и закурил. Занималась заря, а вместе с ней пробуждалась жизнь. Рядом в саду попискивали синицы, начинали перекликаться неугомонные воробьи.

Большой город спал, не подозревая, что через несколько минут на него обрушатся первые фашистские бомбы.

Катуков уже собирался возвратиться в палату и лечь в постель, как где—то на окраине раздался страшный взрыв. За ним последовали взрывы еще большей мощности, от которых содрогнулось здание госпиталя и послышался звон разбитого стекла. Больные повскакивали со своих коек и высыпали на улицу, дежурный врач, запахивая на ходу халат, выбежал следом за ними:

— Товарищи, без паники! Это какое—то недоразумение, расходитесь по палатам, все скоро образуется!

В небе был слышен назойливый гул самолетов, и на город продолжали падать бомбы. Кто—то в силу устоявшейся привычки бросил:

— Фашистская провокация!

Сколько длилась бомбардировка, никто не заметил, но, когда самолеты, сделав свое черное дело, улетели, все облегченно вздохнули. В разных районах Киева пылали пожары. Только к полудню стало известно, что бомбардировка города — не какая—нибудь провокация, а начало войны с гитлеровской Германией.

Катуков сразу же решил ехать в дивизию, лечащего врача долго уговаривать не пришлось, хотя вначале он категорически воспротивился:

— Только с разрешения профессора Чайки. Он вас оперировал, пусть он и выписывает. К тому же, товарищ полковник, курс лечения еще не закончен.

Михаил Ефимович не сдержался:

— Доктор, о своем ли здоровье сейчас беспокоиться! Надо думать о стране. Германский сапог топчет нашу землю. А вы говорите о курсе лечения…

В тот же день Катуков мчался на попутной машине в свою дивизию, которая дислоцировалась недалеко от Киева. Штаб размещался в Шепетовке. Всю дорогу терзала тревожная мысль: что же произошло? Еще совсем недавно немцы были союзниками, солдаты и офицеры вермахта приходили к нам в гости, пили чай, обменивались сувенирами. Теперь враги. Им не будет прощения за разрушенные города и села, за невинную гибель людей. Он тревожился и за состояние своей дивизии: в парке 33 учебных «бэтушки», в артиллерийском полку всего несколько гаубиц. Безрадостная картина и в мотострелковом полку, и в понтонном батальоне. А вступать в бой нужно если не сегодня, то завтра обязательно.

Машину кидало на ухабах, шофер объезжал воронки от бомб — следы начавшейся войны. В канавах валялись опрокинутые телеги, убитые лошади, то там, то здесь на обочинах дороги маячили обгоревшие остовы грузовиков. Видно, под бомбежку

попала совсем недавно проходившая воинская часть. Полуторка приближалась к Шепетовке. Здесь тоже воздух пропах дымом пожарищ: горел мост, над железнодорожной станцией в небо поднимался густой черный столб.

В штабе дивизии Катуков застал подполковника П.В. Перерву, кричавшего что—то в трубку телефонного аппарата. Увидев комдива, начальник штаба вскочил из—за стола, пытаясь отдать рапорт, но, поняв бессмысленность своей затеи, снова сел, закрыв на мгновение лицо руками.

— Связь есть с корпусом, с Рокоссовским? — выдохнул Катуков, превозмогая боль.

Перерва покачал головой. Комдив не узнавал своего начальника штаба, всегда спокойного и рассудительного. Теперь он изменился до неузнаваемости, лицо осунулось, красные от бессонницы глаза вылезали из орбит, руки нервно тянулись то к карандашам в пластмассовом стакане, то к бумагам, валявшимся в полнейшем беспорядке на столе.

Прошло еще несколько томительных минут, прежде чем подполковник успокоился. Затем он подробно доложил обстановку, сложившуюся в дивизии с начала войны. Как только немецкая авиация стала бомбить городки Шепетовку, Славуту и Изяслав, где дислоцировались части дивизии, заместитель комдива В.М. Черняев связался по телефону с командиром корпуса К.К. Рокоссовским. Тот приказал немедленно выступить с двумя танковыми полками по направлению к Луцку. Полки выступили, но сведений о них пока никаких не поступало.

Катуков понял: внезапность вражеского нападения дезорганизовала управление войсками. Каково положение в корпусе, в армии, в округе, наконец? Каковы планы командования? Михаил Ефимович не представлял, как это теперь можно выяснить: связь повсеместно нарушена. Он подошел к телефону и стал машинально вызывать Новоград—Волынский, штаб корпуса. После нескольких попыток телефон, к счастью, заработал. У аппарата оказался сам Рокоссовский. Катуков радостно прокричал:

— Здравствуйте, Константин Константинович! Говорит комдив 20–й танковой. Я хотел бы узнать обстановку…

На другом конце провода молчание, потом вопрос:

— Комдив 20–й? Катуков?

— Так точно! Полковник Катуков прибыл из госпиталя!

Рокоссовский не стал больше задавать никаких вопросов — было не до них, сразу же перешел к делу. Однако чувствовалось, что и командир корпуса не располагает достаточно полной информацией о положении на фронте, но сообщил: корпус

подчинен 5–й армии. Корпусу вместе с другими соединениями приказано нанести удар во фланг противнику, его группировке, прорвавшейся на луцком направлении. Катуков стал допытываться:

— Каковы силы немецкой группировки? Замысел ее командования?

— Вот это уж придется выяснять — и вам и мне. Направляйте разведку.

На этом Рокоссовский сухо простился. Его можно было понять. В суматохе первых дней войны не до сантиментов.

Промедление смерти подобно, и Катуков это понял. Значит, надо действовать. Он попросил подполковника Перерву принести карту. Вдвоем они определили ориентировочную линию фронта по тем отрывочным сведениям, которыми располагали. Фронт где—то рядом, в каких—нибудь 120–200 километрах. У Луцка уже идут тяжелые бои. Туда предстояло перебросить оставшиеся части дивизии, а в тыл эвакуировать семьи командного состава.

Интенсивно заработал штаб дивизии. Приезд комдива придал всем уверенности — и бойцам и командирам. Не узнать было и Перерву. Его действия стали четкими, приказы конкретными, наполненными целевым содержанием. К вечеру были собраны все исправные грузовики, на которых предстояло перебросить пехотные батальоны навстречу противнику. Марш начался в кромешной июньской тьме. Две—три роты выбрасывались километров за тридцать. Затем бойцы шли пешком, неся на себе боезапас, ручные и станковые пулеметы, 50– и 82–мм минометы. Грузовики возвращались обратно, забирали следующую партию пехотинцев и артиллерию. К местечку Клевань, где уже находились ушедшие раньше два танковых полка, удалось подтянуть основные силы дивизии. Здесь и произошел первый бой с передовыми частями противника.

Днем 24 июня разведка донесла: рядом расположились на отдых моторизованные части 13–й танковой дивизии немцев. Катуков принимает решение атаковать их. Бойцы устали после марша, но времени на отдых не было. Приказ Рокоссовского должен быть выполнен.

Прежде чем начать атаку, комдив все основательно взвесил. В успехе не сомневался, хотя и знал, что бой будет нелегким испытанием. Полковнику Черняеву предстояло возглавить танковую атаку, подполковнику Перерве — повести в бой мотострелковый полк, на командира артиллерийского полка майора Юрьева возлагалась задача — поставить свои орудия на прямую наводку и бить по вражеским танкам и пехоте.

Удара в этом месте немцы никак не ожидали. Они готовились

начать наступление утром на следующий день, поэтому вели себя самоуверенно и нагло, свободно разгуливали по лагерю, не предполагая, что могут столкнуться с частями Красной Армии.

Дивизия изготовилась к атаке. На мгновение все замерло. Броневик Катукова остановился недалеко от артиллерийских позиций майора Юрьева. Последовал приказ: «Открыть огонь!»

Все гаубицы, которыми располагала дивизия, разом ударили по лесу, где стояли фашистские танки. Не прошло и нескольких минут, как все вокруг трещало, грохотало, рвалось. Кинулись в атаку бойцы понтонного батальона, превращенного в стрелковый, чуть левее мотострелки Перервы теснили длинную цепь фашистов, на склонах холмов, перед самым лесом, начинался танковый бой.

Опомнившись, немцы бросили против 20–й танковой дивизии, которую, впрочем, и танковой—то трудно было назвать, крупные силы. Комдив опасался за свои фланги. Танки противника могли незаметно выйти из леса и смять слабое боевое охранение. Тогда беды не миновать. Фашисты же лезли напролом, видимо, рассчитывали таранным ударом своих боевых машин заставить откатиться невесть откуда появившуюся советскую часть.

Для каждого нашего танкиста было понятно, что легкие, слабо бронированные «бэтушки» не представляют грозной силы для немецких танков «Т—III» и «Т—IV», тем не менее дрались смело и отчаянно. На поле боя уже дымилось несколько немецких танков. Но бой был неравный. Все тридцать три учебных танка сгорели под Клеванью. Погибли многие экипажи. Сгорел в машине командир танкового полка майор Третьяков, возглавляя одну из атак, тяжело ранен заместитель комдива подполковник Черняев. Подполковника отправили в Харьковский военный госпиталь, где потом он умер от гангрены.

Дивизия понесла ощутимые потери, но и немцы были основательно потрепаны, главное — не прошли в этом районе.

Временный успех, вытеснение из Клеванских лесов 13–й немецкой танковой дивизии, позволил получить короткую передышку, которую Катуков решил использовать для окончательного выяснения обстановки в полосе обороны дивизии, приведения в боевое состояние своих частей.

Прямой связи с корпусом и армией по—прежнему не было. Попытки установить ее ни к чему не приводили: разведчики в штаб пока не вернулись. Но Катуков инстинктивно чувствовал, что где—то рядом сражаются 35–я танковая дивизия генерал—майора Н.А. Новикова и 131–я моторизованная дивизия под командованием полковника Н.В. Калинина. Если бы Рокоссовский

отвел их на восток, 20–я танковая была бы немедленно окружена противником.

Только 26 июня удалось наконец наладить радиосвязь с корпусом. Михаил Ефимович доложил начальнику штаба генерал—майору А.Г. Маслову о положении дивизии после боя под Клеванью. В свою очередь, получил информацию о готовящемся вражеском наступлении на Дубно. 5–я армия М.И. Потапова в составе 9, 22 и 19–го мехкорпусов получила приказ не только отразить атаки противника, но и нанести контрудар с рубежа Луцк — Гоща в общем направлении на Дубно.

Беспримерно дрались наши бойцы на любом участке фронта, сдерживая немцев, не давая их танковым и моторизованным соединениям вырваться на оперативный простор, чтобы развить наступление на Киев. Неожиданным ударом на Дубно 5–я армия спутала карты немецкого командования. В связи с этим начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал—полковник Ф. Гальдер писал на 11–й день войны: «Еще 1.07 западнее Ровно последовало довольно глубокое вклинение русских пехотных соединений из района Пинских болот во фланг 1–й танковой группы в общем направлении на Дубно».[18]

С каждым днем натиск немецких армий на нашу оборону возрастал, 6–я полевая немецкая армия совместно с 1–й танковой группой Клейста ударила в стык нашим 5–й и 6–й армиям. Введенные в прорыв моторизованные части противника устремились к Житомиру.

У бывшей немецкой колонии Гринталь дивизия Катукова попала в тяжелейшее положение. Рядом держала оборону 35–я танковая дивизия из 9–го мехкорпуса. Под напором превосходящих сил врага комдив Новиков отвел свои части, не успев предупредить Катукова. Фланги 20–й танковой дивизии оказались оголенными. В полуокружении дрались ее полки в течение нескольких дней. Выйти удалось через небольшой коридор, простреливаемый со всех сторон вражеской артиллерией.

Отступая, части шли по разбитым дорогам, переходы делали в вечернее и ночное время, днем отбивались от вражеских танков и авиации. В перерывах между боями Катуков вызывал командиров и ставил на очередной переход конкретную задачу. Опыт первых боев заставлял постоянно прибегать к военной хитрости. Так, от начальника артиллерии подполковника К.И. Цикало комдив требовал через несколько часов менять позиции батарей артиллерийских дивизионов, чтобы уберечь их от обстрела и бомбардировок вражеской авиации. Постоянная смена позиций — «кочующие батареи» — создавала у противника

впечатление, что он имеет дело с крупными артиллерийскими силами.

Потеряв танки, 20–я дивизия лишилась основной ударной силы. Любая «бэтушка» ценилась на вес золота. Случалось, из окружения прорывались отдельные танки из других соединений и попадали к Катукову. Он использовал их на самых опасных участках, чаще всего в разведке, но приказывал экипажу вести огонь исключительно из засад.

Комдив все чаще прибегал к ведению боевых действий отдельными машинами или небольшой группой — в три—шесть танков. Он прикинул: если поставить боевые машины в засаде на самом танкоопасном направлении, по которому обязательно должен проследовать противник, а затем в удобный момент открыть прицельный огонь, то эффект такого удара будет исключительно высоким, потери же — минимальными.

После боя под Клеванью Михаил Ефимович вынужден был признать:

«Наши «БТ» не представляли собой грозной силы, к тому же использовали мы их неправильно. С такими быстроходными, но слабобронированными и легковооруженными машинами нельзя было вступать в открытый бой. Но горький урок не прошел даром, и не только потому, что за каждый наш танк немцам приходилось заплатить несколькими своими, — опыт боев на Украине и, в частности, именно этот бой под Клеванью впервые заставил меня задуматься над вопросом широкого использования тактики танковых засад».[19]

Безусловно, в этот период предстояло многое переосмыслить, пересмотреть, отказаться от общепринятых стереотипов мышления, довоенных установок на ведение боя в обороне и в наступлении. Чем дальше приходилось отступать, тем чаще задавал себе вопрос Катуков: как могло случиться такое, что врагу удалось захватить Новоград—Волынский и Житомир? Теперь он рвется к Киеву. Просчеты? Упущения? Скорее всего, есть и то и другое. Ясно было одно: приграничное сражение проиграно, воевать надо учиться по—новому.

Сил и средств пока не хватало. Выручали нередко хитрость и изобретательность. Появление на фронте новых советских танков «Т–34» и «КВ» не могло, конечно, сразу изменить ситуацию — их было слишком мало, но страх на немцев они наводили. У Катукова таких машин не было, кто—то предложил сделать макеты «тридцатьчетверок». Затея не ахти какая, но, как потом выяснилось, оправдывала себя в некоторых случаях. Несколько транспортных машин были обшиты фанерой, к ним приделали деревянные пушки, покрасили в защитный цвет. Бутафорские

танки ставились где—нибудь у лесочка, чтобы привлечь внимание противника, рядом, в кустах, маскировались настоящие пушки. Удар по врагу был, как правило, уничтожающим.

Два месяца дралась 20–я танковая дивизия в обороне, дралась героически. Только одного геройства было мало. Дивизия по—прежнему именовалась танковой, хотя танков не имела, за исключением «прибившихся» из других частей. Комдив неоднократно обращался к вышестоящему начальству, чтобы дали подкрепление — десяток машин, пусть даже старых образцов. Не получал ни ответа, ни танков.

Отступление через южное Полесье продолжалось. Горько было сознавать, что не было сил остановить обнаглевшего противника, который своими танковыми клиньями разрезал нашу наспех организованную оборону. Рядом с боями отступала 45–я стрелковая дивизия под командованием генерала Г.И. Шерстюка. Иногда Катуков и Шерстюк действовали совместно, чтобы не оказаться в окружении. Им даже удалось разгромить передовые немецкие части у сел Чековичи и Владовка, захватить трофеи — стрелковое оружие и боеприпасы, артиллерийский дивизион на конной тяге. Эти временные успехи не могли в целом изменить ситуацию даже в этом районе. Немцы все так же угрожали нашим тылам.

19 августа 1941 года Катуков получил приказ сдать дивизию подполковнику Перерве и прибыть в штаб корпуса. Михаил Ефимович недоумевал: можно ли в таких условиях оставлять дивизию? Однако делать нечего: приказ есть приказ!

Штаб корпуса удалось разыскать не без труда, он размещался в небольшой избушке близ лесного массива. Катуков ожидал встретить Рокоссовского, но комкором уже был генерал—майор А.Г. Маслов. Константин Константинович возглавил 16–ю армию. Алексей Гаврилович доброжелательно поздоровался, поинтересовался положением дивизии, выслушал подробный доклад о последних боях, очень обрадовался, узнав о разгроме немцев под Чеповичами и Владовкой.

— Что вы можете сказать о подполковнике Перерве? — неожиданно спросил Маслов. — Командовать в такой ситуации, я бы сказал, в ситуации драматической, трудно. Справится ли?

— Я нисколько в этом не сомневаюсь. — Михаил Ефимович прямо посмотрел в глаза комкору. — Видел подполковника в бою. Волевой, знающий командир.

Маслова, видимо, такой ответ вполне устраивал, скорее не сам ответ, а сообщение о том, что дивизия еще боеспособна и осталась в надежных руках. Потом он перешел к решению судьбы Катукова.

— Догадываетесь, зачем вас пригласили?

— Не совсем.

— Москва вызывает. Главное автобронетанковое управление. Скорее всего, для назначения на другую должность. В тылу формируются новые части, в том числе и танковые. Дадут дивизию уже не с учебными «бэтушками», а оснащенную танками типа «Т–34» и «КВ». Мечта!

Катуков простился с комкором Масловым, затем заехал в управление Юго—Западного фронта, чтобы оформить документы и открытый лист на заправку машины. Предстоял дальний путь — через Конотоп, Глухов, Севск, Дмитров, Орел, Тулу.

Русские дороги всегда славились ямами да колдобинами даже в мирное время, в военное — и говорить не приходится. Танки, тяжелая артиллерия и грузовики распахивали дороги на отдельных участках, как поле перед посевом. Шофер крутил баранку, объезжая выбоины и тихо ругаясь. Катуков, расположившись на заднем сиденье, ни на что не обращал внимания. Его мысли были там, в дивизии.

Как ни тяжело было вспоминать отступление, дивизия, считал он, выполнила свою задачу. В районе Новоград—Волынского задержала врага на десять суток, сдерживала бешеный натиск немецких дивизий. Когда комкор Рокоссовский отдал приказ об отводе частей и соединений на новые рубежи, полки уже потеряли более половины своего состава, значительную часть техники. Но удалось сохранить главное — воинскую дисциплину и высокий моральный дух. «Я ни в чем не мог упрекнуть ни своих людей, ни самого себя — мы честно выполнили свой долг, — вспоминал Катуков. — И все—таки мы отступали все дальше и дальше на восток. До каких же пор? Мы могли, конечно, остановиться на любом рубеже и не сходить с него, пока нас не убьют. Но это было бы самоубийство, не больше. А нам надо было продолжать войну, как бы горестно она ни складывалась на первом этапе».[20]

В Москве Катукова принял начальник Главного автобронетанкового управления генерал—лейтенант Яков Федоренко. В его кабинете это была уже вторая встреча. После обычных приветствий Яков Николаевич увлек своего собеседника в укромный угол рабочего кабинета, усадил за столик и, как гостеприимный хозяин, стал потчевать крепким чаем. По ходу разговора объявил о цели вызова в Москву:

— Понимаешь, Михаил Ефимович, нелегко было отозвать тебя с фронта в такое тяжелое время. И все—таки мне очень хотелось, чтобы ты, именно ты, а не кто—нибудь другой, принял 4–ю танковую бригаду.

Катуков бросил на Федоренко удивленный взгляд, а тот, перехватив его, продолжал:

— Да—да, бригаду. Она, правда, только начинает формироваться в районе Сталинграда, для крупных соединений, как видишь, пока не хватает танков.

Раздался телефонный звонок. Пока Федоренко с кем— то долго разговаривал, Михаил Ефимович, разглядывая обстановку кабинета, вспомнил, когда он был здесь последний раз. Тогда тоже Яков Николаевич предложил принять 20–ю дивизию, которую предстояло сформировать. Пришлось трудно, не спал сутками. Кроме учебных танков, техники никакой. Люди прибывали из разных районов страны. Надо было переговорить с каждым бойцом и определить: этого в разведку, этого в танковый полк, этого в саперы — пришлось учитывать желание и способности. Все это, конечно, положительно сказалось, когда стали воевать. Как—то теперь сложатся обстоятельства? Время военное, значит, и сроки формирования бригады будут самые короткие. Катуков почти физически ощущал огромный груз ответственности, ложившийся на его плечи.

Федоренко вернулся к прерванному разговору. Увидев на лице собеседника тревогу, спросил:

— Тебя, я вижу, что—то пугает? Уж не то ли, что бригаду предстоит формировать?

— Не совсем так, Яков Николаевич. Беспокоит другое — с какой техникой придется воевать. Я ведь уже битый. Моя дивизия не просто отступала от границы, отступала с тяжелыми боями. Жалко было смотреть, как горели наши слабо защищенные броней «бэтушки», как гибли экипажи. Против бронированных немецких колонн нужны средние танки типа «Т–34», при определенных обстоятельствах тяжелые машины типа «КВ».

Выслушав суровые, но правдивые признания полковника Катукова, начальник Главного автобронетанкового управления поднялся из—за стола, прошелся по кабинету, остановился и тихо произнес:

— Ты думаешь, я не знаю, что происходит у нас на фронте, какие потери мы уже понесли? Ошибаешься, знаю. Войну мы не проиграли. Только теперь разворачивается поистине всенародная битва. Все ресурсы страны — материально—технические и людские — брошены на то, чтобы Красная Армия получила первоклассную технику — танки, авиацию, артиллерию. Можешь не волноваться: в 4–й бригаде будут и «Т–34» и «КВ». Она не должна по огневой мощи уступать немецкой дивизии.

— Вот за это спасибо, Яков Николаевич! — Катуков приободрился. — В таком случае мы еще повоюем. Только где

были наши ресурсы раньше?

Федоренко только пожал плечами.

Покинув управление, Михаил Ефимович в тот же день выехал в Сталинград. На юг по Рязанскому шоссе двигались машины, повозки, люди покидали обжитые места и уходили подальше от войны. Гитлеровская авиация уже не раз бомбила столицу и ее пригороды. В первом налете с 22 на 23 июля участвовало до 250 самолетов противника. Бомбы рвались на обширной территории от Серебряного бора до Киевского вокзала. Пострадали заводы в Филях, которые в 20–х годах строили немецкие инженеры, железнодорожные станции, аэродромы.

Кондратенко вел машину осторожно, объезжая воронки и выбоины, чтобы не разбудить дремавшего полковника. Позади оставались поселки, небольшие города. Суровое военное время накладывало свой отпечаток на жизнь людей и в глубоком тылу, за сотни километров от линии фронта. Ни лишних хождений по улицам, ни отдыхающих, в ночное время действовали законы светомаскировки.

Первую остановку Катуков решил сделать в Борисоглебске: шофер устал, надо было дать ему отдохнуть хотя бы несколько часов. Заночевали в небольшом доме на перекрестке улиц, названия которых в темноте трудно было разобрать. Хозяин, работник городского отдела НКВД, Михаил Васильевич Синицын пригласил своих гостей в комнату, накормил скромным ужином. Разговорились.

Бывают в жизни обстоятельства, о которых говорят: судьбе было угодно, чтобы они произошли. Так и в данном случае. Михаил Васильевич, как выяснилось, оказался родным братом Ивана Синицына, который в 1922 году был помощником командира роты 235–го Невельского полка. Гармонист, весельчак. Тогда Катуков только начинал свою командирскую службу. Сколько воды утекло с тех пор. Ивана уже не было в живых.

«В ту борисоглебскую ночь просидели мы с Михаилом Васильевичем Синицыным до третьих петухов, — писал Катуков в своих мемуарах. — С большой теплотой вспоминал я его брата, а также своего ротного Александра Михайловича Серебрякова — моих первых наставников, учивших меня, молодого взводного, наверно, самому сложному из всех искусств — искусству работать с людьми».[21]

Утром, едва забрезжил рассвет, Катуков покидал гостеприимный Борисоглебск: торопился пораньше попасть в Сталинград. Кондратенко старался сократить путь, часто выскакивал на проселочные дороги, доверяясь своей интуиции и шоферскому чутью. Надо сказать, они его не подводили.

Сентябрьское солнце продолжало выжигать последнюю зелень в приволжских степях. Вскоре потянуло с Волги приятной прохладой — показался Сталинград. «Эмка» зашуршала шинами по набережной. Город жил еще мирной жизнью. На базарах торговали арбузами, дынями и прочей снедью щедрого лета, по широкой речной глади бегали юркие прогулочные катера, проходили большие пассажирские суда, оглашая окрестности привычными гудками.

Катуков побывал в местных органах власти и в областном военкомате, узнал, как идет строительство танков на Сталинградском тракторном заводе. Узнал и адрес формирования бригады — станция Прудбой. Получив эти сведения, он поспешил к месту назначения.

4–я танковая бригада формировалась из частей 15–й танковой дивизии, выведенной с фронта. Эта дивизия разделила ту же участь, что и 20–я танковая. Она сражалась у Станислава и отступила только по приказу командования.

До приезда Катукова формированием бригады занималась комиссия из Главного автобронетанкового управления. Уже подобран был командный состав. Временно обязанности комбрига исполнял полковник П.И. Рябов, начальником штаба назначен был подполковник П.В. Кульвинский, комиссаром — полковой комиссар М.Ф. Бойко, начальником политотдела — старший батальонный комиссар И.Г. Деревянкин, в прошлом работник Горьковского обкома партии.

Со своим помощником по технической части П.Г. Дынером Катуков познакомился в разгар занятий с танковыми экипажами. Недалеко от палаточного городка стоял «БТ–7», у которого прямо на траве сидели бойцы. Плотный бритоголовый капитан держал в руках ивовую палку, служившую ему указкой, артистически жонглируя ею, показывал то на гусеницу, то на башню, то еще на какую—нибудь деталь из вооружения или оснастки боевой машины. Бойцы не вели никаких записей, но, судя по их лицам, сразу же все схватывали. Хитрости тут не было никакой. Все они, как потом выяснилось, в прошлом — трактористы, бульдозеристы, шоферы — рабочие высокой квалификации. Так что танк для них не диковинка.

Катуков обратился к полковнику Рябову:

— Петр Иосифович, у вас всегда так занятия проводятся?

— В основном так и проводим, — нисколько не смущаясь, ответил Рябов. — Классных комнат тут нет, открытая степь — полигон, и свежий ветер никому не вредит.

Увидев начальство, капитан приказал своим слушателям встать, подошел с рапортом:

— Товарищ полковник, капитан Дынер проводит очередное занятие с механиками—водителями!

— Здравствуйте, капитан! Ваше имя и отчество? — вежливо спросил Катуков.

— Павел Григорьевич.

— В армии давно? Кадровик? — продолжал допытываться комбриг.

— До войны работал на одном из киевских заводов инженером, в действующей армии с 22 июня. Как видите, военная биография небогатая. Можно сказать, ее совсем нет.

У многих командиров того времени не было фронтовой биографии. Еще совсем недавно каждый занимался мирным трудом, но в трудную годину, когда позвала Родина, они взвалили на свои плечи всю тяжесть войны и несли ее до Победы. Дынер не исключение. Потом Катуков был бесконечно благодарен этому грамотному инженеру, возглавляемой им службе, быстро ставившей в строй подбитые танки на протяжении всей войны.

Приятное впечатление оставил и начальник оперативного отделения бригады капитан М.Т. Никитин. Матвей Тимофеевич — прирожденный штабист, прекрасно разбирался в оперативной обстановке. Тоже прошел с Катуковым до Берлина, стал позже крупным военачальником.

В течение последующих дней комбриг познакомился со всем командным и политическим составом, понял, что работа здесь проведена основательная, дело теперь за учебой и подготовкой танковых экипажей. Приятно было сознавать, что среди командного состава есть фронтовики, понюхавшие пороху во многих боях. Среди них выделялись старшие лейтенанты К.М. Самохин, В.И. Раков, лейтенанты Г.М. Луговой, П.П. Воробьев. Командир роты Евгений Луппов, например, был на финском фронте, получил звание Героя Советского Союза. Столь же успешно сражался с немецкими захватчиками старший лейтенант П.А. Заскалько. В 15–й танковой дивизии он был командиром танкового батальона. Когда ему предложили командовать ротой, заявил, что готов командовать танком, только бы быстрее направили на фронт.

Катуков решил собрать весь личный состав бригады, чтобы не только представиться самому, но и встретиться с бойцами, поговорить о предстоящей учебе, решить назревшие вопросы, касающиеся их работы, быта и отдыха. Но где собрать людей? Здесь, на станции, вряд ли найдется такое помещение, которое вместило хотя бы основную массу бойцов.

Выход из затруднительного положения подсказал Рябов.

— Искать ничего не надо, — указал он рукой в степь. — Тут

мы проводим все свои мероприятия. Потребуется лишь стол да несколько стульев. Я предупрежу нашего хозяйственника майора Михайловского — пусть побеспокоится.

Так и собрался в приволжской степи личный состав 4–й танковой бригады. Бойцы стояли полукругом, некоторые сидели и полулежали на траве, кому как удобно было. Разрешалось курить. Слух о том, что прибыл новый комбриг, облетел все подразделения, и теперь все ждали с ним встречи.

Катуков испытывал на себе сотни взглядов, оценивающих, любопытных. Представляясь танкистам, Михаил Ефимович сказал, что согласно приказу Главного автобронетанкового управления он назначен командиром 4–й танковой бригады. Поведал коротко о своем боевом опыте. Потом заговорил о самом наболевшем:

— Командование поручило мне сформировать бригаду в самые короткие сроки, обстоятельства торопят. Вы знаете, как складывается обстановка на фронте. Она пока не в нашу пользу. Скоро получим новые машины. Это будут, видимо, танки «Т–34» и «КВ». Рабочие Сталинграда сутками не покидают цехи, чтобы обеспечить нас новейшей техникой. Нам ее предстоит осваивать, а затем и применять в бою. Тот, кто сталкивался с немецкими танковыми частями, почувствовал на себе, что они неплохо организованны и дисциплинированны. Но бить их можно, и мы это делали. Сил у нас пока маловато. Вот и стоит перед нами задача — как этими силами противостоять противнику? Противнику наглому и коварному. Мы должны уметь хорошо водить наши машины, знать их боевые качества, применять новую тактику боя. По отзывам специалистов наши машины «Т–34» и «КВ» лучше, чем немецкие «Т—III» и «Т—IV». Так что в успехе можно не сомневаться!

Как только поступила в бригаду первая партия «тридцатьчетверок», началась учеба. Вождение такой боевой машины требовало определенных навыков. Экипажи должны были научиться преодолевать на полном ходу рвы и балки, противотанковые препятствия — эскарпы и надолбы. По ходу велась подготовка технического персонала. Времени, отпущенного на овладение материально—технической частью танков, было так мало, что пришлось часть бойцов из роты технического обеспечения направить на завод, где они вместе с рабочими собирали машины, изучая попутно их устройство.

Во второй половине сентября подразделения — взводы, роты и батальоны — начали проработку тактических приемов в учебных боях. Тяжелый труд по 12–14 часов в сутки изнурял бойцов и командиров. Но жалоб не было, люди понимали, что их

труд даром не пропадет. От этого будет зависеть успех в бою, их собственная жизнь.

Часами просиживал Катуков со своими помощниками начальником штаба Кульвинским и комиссаром Бойко над разработкой своеобразной схемы боевой учебы в полевых условиях. Бои на Украине заставляли комбрига вновь обратиться к тактике оборонительных боев с использованием танков в засадах. Иного выхода он не видел. Противник по—прежнему обладал преимуществом в танках и авиации. Видимо, так будет и на тот момент, когда бригада пойдет в бой.

— У меня есть некоторые соображения, — комбриг разложил на столе несколько листов ватмана. — Хочу с вами ими поделиться, поскольку нам на первоначальном этапе придется вести исключительно оборонительные бои, успеха не добиться без взаимодействия всех подразделений — танковых, артиллерийских, мотострелковых. Только взаимодействие — еще не все. Противника надо обмануть, ввести в заблуждение. Но как? Настоящим и ложным передним краем.

— Вы предлагаете бутафорию? — Начальник штаба Кульвинский с удивлением посмотрел на комбрига.

— Верно, Павел Васильевич, — улыбнулся Катуков. — Бутафорию, только не театральную, но чем—то напоминающую ее. На занимаемой оборонительной полосе мы отрываем окопы настоящие и ложные. В ложных окопах ставятся макеты пушек и пулеметов. Противник атакует. Его встречает из ложных окопов небольшая группа бойцов — «актеров» с пулеметами. Их задача — инсценировать передний край, затем они уходят в настоящие окопы, потому что может последовать бомбардировка переднего края. И пусть. Бомбы упадут на ложные окопы, где уже никого не будет. И вот противник бросает танки, они подходят на 200–300 метров. Наступает самый, пожалуй, критический момент боя. Стрелки, минометчики и артиллеристы расстреливают пехоту в упор, а из засад выходят наши танки и бьют в борта вражеских машин. Огонь с разных позиций будет косоприцельный, губительный.

Бойко, слушая комбрига, заходил то с одной, то с другой стороны стола, всматривался в условные обозначения на ватмане, кивал головой, соглашался. И Кульвинскому идея понравилась. Он сказал:

— Если все продумать до мелочей, причем продумать в каждом конкретном случае, можно надеяться на успех.

Дни шли за днями, не похожими один на другой. Сегодня, например, отрабатывался учебный бой между танковыми ротами, завтра — уже с участием мотострелковых подразделений и

артиллерии, послезавтра — новое усложненное задание.

По вечерам у палаточного городка подводились итоги учений. Не все пока получалось. Экипажи в отдельных случаях действовали разрозненно, не используя выгодных условий местности, командиры допускали тактическую безграмотность.

— Война не прощает никому ошибок и нерадивости, — говорил комбриг, разбирая действия в учебном бою каждого командира. — Погибнете сами и погубите свои экипажи. Я понимаю, что в танковом училище вам говорили: наступление — главный вид боевых действий. Ведь только наступление в конечном итоге приводит к победе над противником. Но на первом этапе нам придется вести оборонительные бои, и лишь при создании благоприятных условий — наступать. Постарайтесь запомнить это!

Жаркий сентябрь в приволжских степях был на исходе. Все чаще небо заволакивало тучами, иногда накрапывал мелкий дождик. Оставались последние дни учебы танкистов, и Катуков старался использовать их с полной нагрузкой. Намечался очередной выход в поле, на этот раз побатальонно. Садясь в машину, комбриг приказал Кондратенко:

— В батальон Рафтопулло!

Полтора часа тому назад к месту учений уехал начальник штаба Кульвинский, чтобы проверить готовность подразделений. Михаил Ефимович вытащил пачку «Беломора». Протянул папиросу рядом сидящему Бойко:

— Закуришь, комиссар?

— Благодарю, не хочется с утра.

— Что—то беспокоит?

— В общем, да. Десятки людей обращаются ко мне с просьбой направить на фронт. Жалуются: «Круто берет комбриг». Среди них есть и командиры.

Катуков изменился в лице. Выбросив в степь недокуренную папиросу, спросил:

— На что же жалуются командиры?

— Все на то же, дескать, достаточно уже подготовлены, их место на фронте, а они ползают с утра до ночи по балкам, жгут горючее, впустую расходуют снаряды.

— У петуха тоже есть крылья, а летать не может. — Комбриг натянул на глаза фуражку и попросил шофера прибавить газу. — Нам сейчас представится возможность убедиться, чему научились наши командиры.

Машина резко остановилась у балки, дальше Катуков и Бойко пошли пешком. В батальоне Рафтопулло царило оживление: танковые экипажи заканчивали последние приготовления к

учебному бою. Худощавый, черный от загара и пыли комбат подбежал с рапортом…

Что дальше произошло, вспоминает сам Рафтопулло:

«Мой батальон занял оборону на рубеже возле небольшой речушки. Докладываю комбригу:

— К бою готов!

— Давайте посмотрим, так ли это, — сказал полковник и вывел всех командиров на передний край оборонительных позиций.

Признаться, мне было даже неловко. Мы увидели как на ладошке расположение наших огневых средств… Легко раскрывались система огня, построение боевого порядка, стыки подразделений, словом, весь замысел предстоящего боя.

— Вот здесь, как нам доложил комбат, приготовлен огневой мешок для врага, — заметил Катуков, — но разве противник дурак? Разве он полезет в этот мешок? Нет, он изберет для наступления другое направление и всего скорее нанесет удар в стыке ротных опорных пунктов, которые мы только что легко обнаружили.

Стало ясно, что сокрушить такую оборону — нетрудное дело даже при равенстве противоборствующих сил, а ведь она должна была по своей идее сдержать противника, имеющего тройное превосходство в силах и средствах».[22]

Все, что можно было устранить перед началом учебного боя, командиры устранили, приняли к сведению замечания комбрига. Делалось все без каких бы то ни было условностей.

Покидая батальон Рафтопулло, Катуков сказал бойцам:

— Скоро на полях сражений мы должны показать, что учились не зря. Наши гимнастерки и мы сами пропитаны потом. Но смею всех заверить: наш труд не пропадет даром!

Предвидения его оправдались. Когда начались ожесточенные бои под Орлом и Мценском, а затем и под Москвой, многие бойцы и командиры с благодарностью вспоминали «степную академию Катукова».

Положение на фронте не улучшалось, сводки Совинформбюро были по—прежнему тревожные. Красная Армия вела тяжелые оборонительные бои на огромном пространстве от Баренцева до Черного моря. Оставлены многие города Украины, в том числе и Киев.

Противник добился успеха и на западном направлении. С немалыми для себя потерями он все же занял Минск, Смоленск, Вязьму. В связи с этим Гитлер отдал приказ войскам, в котором говорилось: «Создана наконец предпосылка к последнему огромному удару, который еще до наступления зимы должен

привести к уничтожению врага».[23]

Прорвав оборону Брянского фронта, танковая группа Гудериана 30 сентября рванулась к Орлу, чтобы с юга начать наступление на советскую столицу.

Ставка Верховного Главнокомандования стягивала к Москве сформированные в тылу новые дивизии. В бой вводится и 4–я танковая бригада. Катуков получил приказ срочно погрузить свои части в эшелоны и перебросить в Подмосковье, на станцию Кубинка. Собрав командный состав, комбриг объявил:

— Учеба наша закончилась. Через неделю, а может быть, и раньше идем в бой. Будем защищать столицу. Нам предстоит иметь дело с опытным и сильным врагом — бронированными колоннами генерала Гудериана. Задача у нас чрезвычайно сложная — задержать немецкие танки, отбросить их от Москвы.

Речь комбрига была короткой, но заставила каждого подумать над тем, как все же придется выполнять задачу, какими средствами?

Посыпались вопросы. Начальника политотдела Деревянкина беспокоило такое положение: бригада не укомплектована танками, за исключением одного батальона, бросать ее в бой равносильно самоубийству.

Все эти вопросы беспокоили каждого командира, и в первую очередь комбрига. Михаил Ефимович сказал:

— Мы — боевая единица, соединение, на которое командование возлагает немало надежд. В бой, надо полагать, нас безоружными не пошлют. Танки получим на станции Кубинка. Это все, что могу вам сообщить. Готовьтесь к погрузке!

Не прошло и суток, как первые эшелоны с частями 4–й танковой бригады двинулись к Москве.

ВПЕРЕД, К КАТАСТРОФЕ!

Проба сил на Западе прошла для Гудериана вполне успешно. Он приобрел опыт командования танковыми и моторизованными соединениями, научился с ходу форсировать водные преграды, брать города и крепости. Перемирием с Францией остался недоволен, считал, что Германия имела полное право заключить другой мирный договор, потребовать полной оккупации страны и разоружения армии, отказа от военного флота и колоний.

Его уже называли «отцом блицкрига», а это не только льстило, но и постоянно щекотало самолюбие. Он понимал, что Гитлер не остановится на достигнутом, будет продолжать завоевательную политику не только на Западе, но и на Востоке, непременно ринется на Балканы — в Румынию, Грецию, Югославию, возможно, даже очень скоро, обратит свой взор к Советскому Союзу.

Автором разработки планов нападения на Советский Союз считают способного генштабиста, по иронии судьбы носившего фамилию Маркс, Эриха Маркса, начальника штаба 18–й армии, который начал работу в конце июля 1940 года и вскоре представил ее в генштаб. Идея его плана была такова: германские войска наносят главный удар из Румынии, Галиции и Южной Польши в направлении на Донбасс, разбивают находящиеся на Украине советские армии и маршируют через Киев на Москву.

Прежде чем появилась директива № 21 «плана Барбароссы», подписанная Гитлером в декабре 1940 года, в нее вносилось много корректив. Но, пожалуй, наиболее полное представление о замыслах Гитлера говорит «Директива по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск» главного командования сухопутных войск от 31 января 1941 года. Основной замысел «плана Барбароссы» заключался в том, чтобы быстрыми и глубокими ударами подвижных армейских группировок уничтожить основные силы Красной Армии западнее линии Днепр — Западная Двина, не допустить их отхода в глубь страны, овладеть важнейшими стратегическими центрами Советской России — Москвой, Ленинградом, центральным районом, Донбассом с тем, чтобы выйти на линию Волга — Архангельск. Сроки предельно сжатые. Кампания должна быть закончена до начала зимы, если быть более точным, то до «осеннего листопада».

14 июня 1941 года Гитлер собрал в Берлине командующих группами армий, армиями и танковыми группами, чтобы поставить их перед фактом окончательного принятия им решения

о нападении на Советский Союз, а также для того, чтобы выслушать доклады о подготовке войск. Он заявил, что не может разгромить Англию, прежде чем не разгромит Россию.

Итак, жребий брошен, война неизбежна. Гитлер подтянул к советской границе три крупные группы армий — «Север» (командующий фельдмаршал фон Лееб), «Центр» (командующий фельдмаршал фон Бок) и «Юг» (командующий фельдмаршал фон Рунштедт). В составе групп армий должны были действовать четыре танковые группы войск — Клейста, Гудериана, Готта и Гепнера.

Нас безусловно будет интересовать Гудериан и его танковая группа. Что она представляла собой перед наступлением? Сила довольно—таки внушительная: 5 танковых, 5 моторизованных дивизий, 1 кавалерийская дивизия и пехотный полк «Великая Германия». Кроме того, ее обеспечивала авиагруппа бомбардировщиков ближнего действия и истребители прикрытия, зенитный артиллерийский полк «Герман Геринг», артиллерийские полки, полк связи, разведывательная авиация и инженерные войска.

Какие силы Красной Армии противостояли Гудериану в первые дни войны, установить сложно. Большинство частей и соединений, оказавшихся на границе, были разбиты, штабные документы либо уничтожены, либо попали в руки противника.

Однако, если судить по темпам продвижения танковых колонн Гудериана, можно сказать, что оборона наша была поставлена куда как скверно, а если принять во внимание предположение Виктора Суворова (Владимира Богдановича Резуна), бывшего советского дипломата и разведчика ГРУ, о том, что Сталин готовил свои войска не для обороны, а для наступления, то можно сказать с немалой долей уверенности: при такой подготовке оно закончилось бы так же трагически, как и оборона.

Перед Гудерианом поставлена задача: в первый день наступления форсировать реку Западный Буг по обе стороны Бреста, прорвать фронт советских войск, используя первоначальный успех, быстро выйти в район Рославля, Ельни, Смоленска. Он должен был помешать советскому командованию создать новый фронт обороны, тем самым обеспечить предпосылки для решающего успеха военной кампании уже в 1941 году.

Штаб 2–й танковой группы находился в Варшаве, но командующего вряд ли можно было застать на месте, он — на исходных позициях, проводит рекогносцировку местности, проверяет готовность войск, согласовывает вопросы

взаимодействия.

Раннее утро 22 июня 1941 года. На границе с советской стороны — полная тишина. В 3 часа 15 минут эту тишину разрывают первые артиллерийские залпы, через 25 минут на Брест обрушивают удары пикирующие бомбардировщики. Буквально через час танки Гудериана форсировали Буг: советское командование преподнесло ему на блюдечке с голубой каемочкой целехонькие мосты через реку.

Как бы отчаянно ни сопротивлялись остатки гарнизона крепости, судьба его была решена. А танковая группа Гудериана широкой рекой катилась к намеченной цели — Смоленску, правда, 26 июня генералу было приказано повернуть 47–й танковый корпус на Минск, через Барановичи, а 24–й танковый корпус — на Бобруйск, чтобы помочь группе Готта быстрее овладеть столицей Белоруссии. Минск пал через день.

Еще на совещании генералитета 14 июня 1941 года Гитлер спросил Гудериана — сколько дней ему понадобится, чтобы достичь Минска. Он ответил: «5–6 дней». На практике эти сроки выдерживались, даже были перекрыты.

Нельзя сказать, что советские войска не оказывали немцам сопротивления. Оно росло с каждым днем, особенно усилилось у Днепра, когда враг стал захватывать переправы у Рогачева, Могилева и Орши, а также на Березине у Витебска и Полоцка. Недаром Гальдер записывает в своем дневнике: «Противник еще вчера подтянул с юга пехоту и сосредоточил ее на широком фронте против 11–й танковой дивизии. Создается впечатление, что противник подтягивает свежие силы с запада и с юга против продвигающихся с тяжелыми боями на восток 4–го армейского корпуса и против корпуса Бризена (52–й ак), видимо, с целью поддержки своих разбитых соединений и создания нового фронта…»[24]

Эта запись была сделана на четвертый день войны. А на девятый день войны в его дневнике уже сквозят тревожные нотки: «Фюрер считает, что в случае достижения Смоленска в середине июля пехотные соединения могут взять Москву только в августе. Одних танковых соединений для этого недостаточно».[25]

На полных парах гнал Гудериан свои танковые и моторизованные дивизии к Днепру, стремясь как можно быстрее форсировать реку, однако еще на Березине одна из его дивизий впервые столкнулась с русскими танками «Т–34», против которых, отмечал генерал, «наши пушки в то время были слишком слабы». Но он знал, что советские войска еще не успели закрепиться на водных рубежах и их легко можно было разгромить. Предстояло принять ответственное решение — двигаться ли дальше к

намеченной оперативной цели или приостановить наступление до подхода полевых армий.

В пользу продолжения наступления говорила его уверенность в своих силах: войска боеспособны, со снабжением горючим и боеприпасами пока все обстояло нормально. Учитывал он и то, что после форсирования Днепра и дальнейшего продвижения фланги будут практически открыты для нанесения по ним ударов противником. Тут уж, как говорится, только поворачивайся. И он решился на форсирование Днепра.

Участок был выбран между Могилевом и Оршей, туда в ночное время, в целях маскировки, подходили его войска. Все шло по намеченному плану, как неожиданно 9 июля на плацдарм прибыл фельдмаршал фон Клюге. Он категорически запретил переправу до подхода главных сил армии. Гудериан убеждал фельдмаршала, что остановить движение войск уже невозможно, а их большое скопление на берегу — притягательная мишень для авиации противника. Если он нанесет удар, последствия будут непредсказуемы.

Тот понял, что командующий танковой группой прав, сдался, бросив при этом: «Успех ваших операций всегда висит на волоске».

Импульсивного, не всегда предсказуемого Гудериана фельдмаршал Клюге недолюбливал и при первой возможности ставил ему палки в колеса. Генерал—полковник платил ему тем же. Как отмечает Сэмюэл Митчем, в тот момент, когда шло наступление на Смоленск, Гудериан резко критиковал фон Клюге за неумелое использование пяти танковых корпусов. И тут же автор добавляет: «Замечаниям Гудериана не стоит полностью доверять, поскольку этот военачальник отличался гиперкритичностью по отношению к тем людям, которые ему не нравились, а отношения с Клюге вообще были у него отвратительными. (Был момент, когда они даже собирались драться на дуэли, но вмешались менее горячие головы и не позволили им довести дело до конца.[26])

Фельдмаршал фон Клюге еще не раз навещал переправу войск Гудериана в местечке Копысь, раздраженно отдавал совершенно ненужные приказы, что многих выводило из себя. Советская авиация пыталась помешать переправе, бомбила наводимые немцами мосты, но это были удары, относящиеся к разряду беспокоящих, но не решающих исхода боевых действий.

Те дивизии, которые уже переправились на восточный берег Днепра, Гудериан сразу же старался бросить в бой, «чтобы использовать элемент внезапности». Внезапность у Гудериана была всегда залогом победы, ей он придавал особое значение во

всех военных кампаниях, в которых участвовал. В своих записках он оставил такие строки:

«Необходимо использовать фактор внезапности, если такая возможность представится. Если же такая возможность исключается, то лучше занять исходное положение на большом удалении от противника или перед началом атаки сделать короткую остановку, чтобы развернуться в боевые порядки».[27]

На восточном берегу Днепра немцы захватили плацдарм, что давало им возможность переправлять большое количество войск и техники, причем Гудериан, ничуть не тревожась, перенес свой КП на левый берег в местечко Заходы, недалеко от Шклова.

Передовые части танковых и моторизованных дивизий подошли к Смоленску и на расстоянии 18–20 километров от города завязали бои с советскими войсками. Атакам подверглась также и Орша. 15 июля фельдмаршал Клюге вновь прибыл на КП Гудериана и потребовал усилить нажим на Смоленск.

Торопил Гудериана и Гитлер. Торопил и поощрял. В эти дни он получил дубовые листья к Рыцарскому кресту. Гордость распирала генерала, он писал: «Я был пятнадцатым человеком в сухопутных войсках и двадцать четвертым в вооруженных силах, награжденным этим орденом».

Награду предстояло отрабатывать.

А Смоленск упорно защищался. Древний русский город всегда стоял на пути многих завоевателей — литовцев, поляков, монголов, шведов, французов, немцев. История знает немало имен защитников Смоленска. Боярин М.Б. Шеин в течение двадцати месяцев (с сентября 1609 по июнь 1611 года) оборонял город—крепость от поляков. В 1812 году под Смоленском соединились главные силы русских армий Барклая—де—Толли и Багратиона, которые потом разгромили армию Наполеона. 20 тысяч своих солдат потерял французский император. А М.И. Кутузову за победу над французскими войсками был присвоен титул князя Смоленского.

И вот теперь у стен города появился новый завоеватель — Гудериан, который обосновал свой командный пункт в Толочине, где в 1812 году была штаб—квартира Наполеона. Наблюдая в бинокль за ходом переправы своих войск через Днепр, он надеялся, что теперь его вряд ли смогут остановить.

В невероятно тяжелых условиях оказались войска Западного фронта. Под Смоленском их совсем немного — остатки 19–й армии генерала Конева, 22–й — генерала Ершокова, 20–й — генерала Курочкина и 16–й — генерала Лукина.

Вначале Ставка приказала командующему Западным фронтом маршалу Тимошенко, собрав все силы в кулак, отбросить

германские войска от Витебска и восстановить положение. Сделать это не удалось: противник вбивал танковые клинья на стыках 16–й и 20–й армий, пытаясь окружить их и уничтожить.

В середине июля поступил новый приказ Ставки — удерживать Смоленск. Удерживать любой ценой. Но какими силами? Их практически не было. По сути, основная тяжесть обороны города легла на 16–ю армию генерала Лукина и гарнизон города. У Лукина было всего две неполные дивизии, смоленский гарнизон полковника Малышева насчитывал не более 2 тысяч бойцов, 19–я армия Конева и подошедший 34–й стрелковый корпус генерала Хмельницкого сражались севернее Смоленска.

15 июля немцы прорвались в южную часть города — Заднепровье. Стало ясно, что Смоленск не удержать. На следующий день немецкие танки и мотопехота вытеснили защитников города на берега Днепра, где бои продолжались еще несколько дней.

В конце июля противник перешел в наступление по всему фронту и замкнул кольцо окружения советских армий. Положение складывалось угрожающее. Надо было уводить на восток оставшиеся после жарких боев войска, чтобы сохранить их от неминуемого разгрома.

Смоленское сражение на этом и закончилось. Для обеих воюющих сторон оно значило слишком много. Для германской армии захват Смоленска — это короткий путь на Москву, хотя бои здесь и спутали планы гитлеровского командования. Ведь Гудериан увяз под Смоленском почти на целый месяц. Спустя годы командующий 3–й танковой группой генерал Готт упрекал своего товарища по оружию за то, что тот после форсирования Днепра у Копыси не двинулся на Ельню и Дорогобуж, а ввязался в бессмысленные кровопролитные бои за Смоленск.

Заняв Смоленск, Гудериан сразу же взялся перегруппировывать свои силы, чтобы приготовиться к броску на Рославль, тоже старинный русский город, расположенный в 122 километрах от областного центра на реке Остер.

В ходе дальнейшего наступления Гудериан переместил свой КП из села Хохлово под Смоленском поближе к Рославлю, в село Прудки, куда с боями продвинулась 18–я танковая дивизия. Село расположено примерно в 50 километрах от областного центра, рядом проходит шоссе Смоленск — Рославль. Видимо, это и определило выбор места для командного пункта. Следует заметить, что после бомбардировки французского города Буйон Гудериан предпочитал устраивать свой КП подальше от крупных городов, чтобы не привлекать внимание авиации противника.

Для отдыха генералу всегда подбирали какое—нибудь общественное здание, например, сельскую школу, больницу, детский дом. Там было больше бытовых удобств, к тому же можно разместить и обслуживающий персонал.

Наступление пока откладывалось: советские войска продолжали оказывать сопротивление у Смоленска, Ельни, Дорогобужа и Рославля. Командование 4–й немецкой армии считало, что наиболее угрожаемым участком по—прежнему является Смоленск, поэтому старалось придержать здесь и танковые дивизии Гудериана.

27 июля фон Бок вызвал всех командующих армиями и группами армий в Борисов, чтобы согласовать дальнейшие действия со своими подчиненными и услышать доклады о положении войск. Гудериан ожидал, что после захвата Рославля он получит приказ о наступлении на Москву или хотя бы на Брянск, но был разочарован: Гитлер ориентировал 2–ю полевую армию и 2–ю танковую группу наступать на Гомель.

Такая ориентировка была непонятна многим генералам, им по сути предлагалось заниматься ликвидацией живой силы окруженных русских армий, а не двигаться вперед к намеченной цели. В таком случае русские выигрывали время, создавали в тылу новые линии обороны, что отодвигало сроки завершения военной кампании.

Но какие бы решения ни принимал Гитлер, какие бы приказы ни писало командование сухопутных сил, Гудериан стремился завершить оперативную цель № 1 — захватить Рославль, важный стратегический пункт, узел железных и шоссейных дорог. Стараясь убедить в этом фон Бока, он настаивал подчинить ему дополнительно два моторизованных корпуса — 7–й и 9–й, а соединениями 20–го моторизованного корпуса предлагал заменить нуждающиеся в отдыхе свои дивизии.

Фельдмаршал фон Бок согласился с доводами генерала, разрешил укрепить его войска, даже способствовал созданию из 2–й танковой группы «армейской группы Гудериана».

Наступление на Рославль началось 1 августа. Прежде чем начать штурм города, немцы обрушили на него бомбовые удары. Один за другим поднимались самолеты с Шанталовского аэродрома, захваченного накануне. Затем начался артиллерийский налет, с его прекращением в бой пошла пехота, поддерживаемая большим количеством танков.

Почти три дня город сопротивлялся. Однако гитлеровцам удалось захватить неразрушенными мосты через Остер. Почему их не взорвали? Видимо, все так же, как и в Смоленске, действовал приказ командования Западного фронта не взрывать

мосты до последней минуты. Эти минуты и стали роковыми для защитников.

3 августа фашистские танки нанесли удар по войскам 28–й армии генерал—лейтенанта В.Я. Качалова. Остатки 145–й стрелковой дивизии генерал—майора А.А. Вольхина, бывшего в это время комендантом Рославля, вынуждены были оставить город.

О Рославльском сражении написано немало. Богатый материал собран и в историко—краеведческих музеях Рославля, Починка, Стодолища, других городов и поселков. В отдельных местных изданиях опубликованы документы и о действиях группы под командованием генерала Качалова: «Под его командованием 104–я танковая, 145–я и 149–я стрелковые дивизии в июле—августе 1941 года вели героические бои в районе деревень Новины, Печкуры, Старинка, Заболотовка, Борисковичи Починковского района против моторизованных и танковых дивизий фашистского генерала Гудериана. Эти деревни находятся в районе реки Стометь, недалеко от станции Васьково. 4 августа 1941 года в одном из боев у деревни Старинки В.Я. Качалов пал смертью храбрых. На его могиле в поселке Стодолище установлен бюст. А на Рославльском шоссе, вблизи поселка, на высоком постаменте стоит танк «Т–34» в память о подвигах группы генерала В.Я. Качалова».[28]

Но самое удивительное, что генерала Качалова, как и командующего 12–й армией генерал—лейтенанта Понеделина и командира 13–го стрелкового корпуса генерал—майора Кириллова, долгое время считали предателем и трусом. Ставка Главнокомандования даже издала 16 августа 1941 года приказ, в котором объявлялось, что генералы Качалов, Понеделин и Кириллов дезертировали из армии, сдались в плен врагу, стало быть, их семьи «подлежали аресту, как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину».

Гудериану же пока не приходилось печалиться, он был доволен ходом военных действий в районе реки Остер. В мемуарах написал: «Главный объект нашего наступления — Рославль — был захвачен!»

С легкой душой генерал отправился все в тот же Борисов, в штаб группы армии «Центр», на совещание с участием Гитлера. Совещание состоялось 4 августа. Кроме Гитлера, на нем присутствовали его адъютант полковник Шмундт, представитель оперативного отдела полковник Хойзингер, фельдмаршал фон Бок, генералы Гудериан, Готт и другие.

Гитлеру не терпелось узнать мнение генералов о дальнейших планах наступления. Все горой стояли за то, чтобы продолжать

поход на Москву, уверяя фюрера, что силы у них еще есть, что успеха можно добиться в самое ближайшее время.

Но у Гитлера были другие планы. Он решил начать наступление на Украине, где группа армий «Юг» тоже добилась определенных успехов, к тому же сырьевые ресурсы будут крайне необходимы при наступлении на Москву. А их можно взять только на Украине, да и Крым предстояло обезвредить. По мнению фюрера, он являлся «авианосцем Советского Союза, откуда ведутся налеты на нефтепромыслы Румынии».

Гудериан все же рассчитывал на то, что Гитлер передумает и наступление на Москву состоится. Ведь от Рославля, где сосредоточены были его основные силы, до Москвы оставалось всего около 500 километров. Однако эту надежду пришлось похоронить сразу же после совещания.

Сожалений по этому поводу было предостаточно. 13 августа Гудериан выехал на линию фронта, проходящую по реке Десна. Рядом — Московское шоссе. Как хотелось бросить по нему бронированную армаду на восток! «С болью в сердце я наблюдал, — писал он, — как войска в полной уверенности в том, что в ближайшее время они будут наступать на русскую столицу, уже заготовили дорожные щиты и указатели с надписями «На Москву». Солдаты 157–й пехотной дивизии, с которыми мне приходилось беседовать при моем посещении передовой линии, только и говорили о возобновлении в ближайшем будущем наступления на восток».[29]

Наступление же на Украину не сулило быстрой победы. Это понимали и в ОКХ и нижестоящих штабах, понимали и то, что бои за Киев неизбежно приведут к зимней кампании со всеми вытекающими отсюда проблемами. Пытаясь как—то повлиять на настроение Гитлера, Гудериан отправился в ставку. Командующий сухопутными силами фельдмаршал фон Браухич рекомендовал ни в коем случае не говорить фюреру о своих планах наступления на Москву, дескать, есть общий план наступления на Украину, его и надо выполнять.

В разговоре, однако, Гитлер затронул вопрос о наступлении на Москву, выясняя боеспособность танковой группы войск Гудериана. Генерал сразу же ухватился за возможность объяснить фюреру целесообразность продолжения такого наступления, мотивируя тем, что советские войска за последнее время значительно ослаблены, они понесли огромные потери и вряд ли окажут серьезное сопротивление. «Я обрисовал ему (Гитлеру. — *В.П.*) географическое положение столицы России, — отмечал Гудериан, — которая в значительной степени отличается от других столиц, например, Парижа, и является центром путей

сообщения и связи, политическим и важнейшим промышленным центром страны; захват Москвы очень сильно повлияет на моральный дух русского народа, а также на весь мир. Я обратил его внимание на то, что войска настроены наступать на Москву и что все приготовления в этом направлении встречаются с большим восторгом».[30]

Убедить Гитлера не удалось, восторги так и остались восторгами.

В планах Гудериана был свой резон. Его и Готта танковые и моторизованные дивизии еще обладали большой пробивной способностью, они могли бы доставить немало неприятностей советским войскам при движении на Москву. Свою боеспособность они доказали в боях на Украине.

Повернув свои войска с Остера и Десны к югу, ломая сопротивление разрозненных советских армий, Гудериан прошелся по Брянщине и северным районам Украины. Ему удалось захватить ряд городов — Нежин, Конотоп, Путивль, Ромны. Во второй половине сентября 1941 года под ударами главных сил группы армий «Юг» пал Киев.

Причины неудач советских войск под Киевом анализировались многими военными специалистами и политическими деятелями, но в каком бы контексте ни рассматривался этот вопрос, ошибки Ставки Верховного Главнокомандования, допущенные в период боев за украинскую столицу, просматривались со всей очевидностью, что привело к трагедии, так называемому киевскому «котлу».

Ставка переоценила возможности только что созданного Брянского фронта. 2 сентября командующему фронтом А.И. Еременко была поставлена задача: «Гудериан и вся его группа должны быть разбиты вдребезги. Пока это не сделано, все ваши заверения об успехах не имеют никакой цены. Ждем ваших сообщений о разгроме группы Гудериана».[31]

Гудериан нашел слабое место в обороне 21–й армии и основных сил Юго—Западного фронта и бросил в прорыв свои танковые и моторизованные соединения. Сюда же хлынули и правофланговые соединения 2–й полевой немецкой армии. Таким образом создавалась угроза Чернигову и всему тылу 5–й армии М.И. Потапова.

Военный совет Юго—Западного фронта требовал от Потапова удержать Чернигов, как всегда, удержать любой ценой. Но цена эта оказалась опять же слишком дорогой. Его армия была разбита, сам командарм оказался в плену. Разбита была и 40–я армия К.П. Подласа.

Пленного Потапова допрашивал Гудериан, задав всего лишь

два вопроса. Первый: «Когда вы заметили у себя в тылу приближение моих танков?» Ответ: «Приблизительно 8 сентября». Второй: «Почему вы после этого не оставили Киев?» Ответ: «Мы получили приказ фронта оставить Киев и отойти на восток и уже были готовы к отходу, но затем последовал другой приказ, отменивший предыдущий и требовавший оборонять Киев до конца».

Вывод Гудериана: «Выполнение этого контрприказа и привело к уничтожению всей Киевской группы русских войск. В то время мы были чрезвычайно удивлены такими действиями русского командования».

Надо полагать, что комментарии тут излишни.

Успехи группы войск Гудериана на Юго—Западном и Брянском фронтах не радовали самого командующего. Он видел, что ударная сила его танковых и моторизованных соединений таяла на глазах, к тому же было упущено время, чтобы идти на Москву. Он пишет: «Бои за Киев, несомненно, означали собой крупный тактический успех. Однако вопрос в том, имел ли этот тактический успех также и крупное стратегическое значение, остается под сомнением. Теперь все зависело от того, удастся ли немцам добиться решающих результатов еще до наступления зимы, пожалуй, даже до наступления периода осенней распутицы. Правда, планируемое наступление с целью зажать Ленинград в более тесное кольцо было уже приостановлено. Главное командование сухопутных войск ожидало, что на юге противник уже не в состоянии будет организовать сильную и стойкую оборону против войск группы армий «Юг»; оно хотело, чтобы группа армий «Юг» еще до наступления зимы овладела Донбассом и вышла на рубеж реки Дон.

Однако главный удар должна была нанести усиленная группа армий «Центр» в направлении на Москву. Осталось ли для этого необходимое время?»[32]

Таким образом, мы видим, Гудериан был, вне всякого сомнения, дальновидным человеком. Время действительно играло на руку немцам. Последовавшие затем бои на орловско—курском и брянском направлениях позволили войскам вермахта продвинуться вперед к намеченной цели. 3 октября немцы захватили Орел, к концу месяца — Брянск и Вязьму. Это был опять же только тактический успех. Сумеет ли группа армий «Центр» превратить тактический успех в оперативный? Бои под Тулой показали, что Гудериан исчерпал свои силы.

Новый приказ Гитлера на период осеннего наступления, ставивший задачу перед 2–й танковой армией (танковая группа Гудериана была преобразована во 2–ю танковую армию) овладеть

не только Москвой, но и городом Горьким (Нижним Новгородом), был не только нереальным, а и абсурдным, скорее из области фантастики.

На большие усилия Гудериан уже не был способен. Это чувствуется в его письме к жене, направленном в Берлин 17 ноября 1941 года:

«Мы приближаемся к нашей конечной цели очень медленно в условиях ледяного холода и в исключительно плохих условиях для размещения наших несчастных солдат. С каждым днем увеличиваются трудности снабжения, осуществляемого по железным дорогам. Именно трудности снабжения являются главной причиной всех наших бедствий, ибо без горючего наши автомашины не могут передвигаться. Если бы не эти трудности, мы были бы значительно ближе к своей цели. И тем не менее наши храбрые войска одерживают одну победу за другой, преодолевая с удивительным терпением все трудности. Мы должны быть благодарны за то, что наши люди являются такими хорошими солдатами».[33]

Пожалуй, ни один документ не раскрывает так душевное состояние Гейнца Гудериана, оказавшегося в подмосковных снегах зимой 1941 года, как письма домой самому близкому человеку. В них отчетливо просматривается трагедия в общем—то неглупого человека, втянутого во вселенскую авантюру психопатом по имени Гитлер, возомнившим себя едва ли не земным богом.

Было бы, конечно, интересно воспользоваться письмами генерала и к своим сыновьям (они наверняка сохранились), но, к сожалению, автор не располагает ими, хотя и делал попытку заполучить их через германское посольство в Киеве. 5 февраля 1999 года атташе А. Зейферт ответил коротким письмом в несколько строк: «Посольство должно сообщить вам о том, что оно не в состоянии выполнить вашу просьбу».

Так что приходится довольствоваться тем, что имеем. Надежды на изменение положения под Москвой практически не было никакой, ничего не оставалось делать, как принимать ординарное решение о прекращении наступления. Доложив об этом командующему группой армий «Центр» фельдмаршалу фон Боку и шеф—адъютанту Гитлера Шмундту, Гудериан 10 декабря пишет очередное письмо жене, изливая свою душу: «…У нас недооценили силы противника, размеры его территории и суровость климата, и за это приходится теперь расплачиваться… Хорошо еще, что я 5 декабря самостоятельно принял решение о прекращении наступления, ибо в противном случае катастрофа была бы неминуемой».[34]

Новое наступление на Москву, предпринятое группой армий «Центр», выдохлось, советская столица оставалась неприступной. Разгневанный Гитлер снял со своих постов многих военачальников, в том числе и фельдмаршала фон Бока, назначив на его место фельдмаршала фон Клюге.

20 декабря Гудериан был вызван к Гитлеру и имел с ним пятичасовую беседу. Убедить фюрера в правильности принятого решения о приостановлении наступления и отводе войск в район рек Зуша и Ока командующему 2–й танковой армией не удалось, несмотря на, казалось бы, достаточно аргументированные доводы, главный из которых заключался в том, что наступление в зимних условиях привело бы к напрасной гибели личного состава армии, потерям, ничем не оправданным.

Парируя этот довод, Гитлер разразился напыщенной тирадой: «Вы полагаете, что гренадеры Фридриха Великого умирали с большой охотой? Они тоже хотели жить, тем не менее король был вправе требовать от каждого немецкого солдата его жизни. Я также считаю себя вправе требовать от каждого немецкого солдата, чтобы он жертвовал своей жизнью».

Гудериан не сдавался: «Каждый немецкий солдат знает, что во время войны он обязан жертвовать своей жизнью для своей родины, и наши солдаты на практике доказали, что они к этому готовы, однако такие жертвы нужно требовать от своих солдат лишь тогда, когда это оправдывается необходимостью. Полученные мною указания неизбежно приведут к таким потерям, которые никак не могут быть оправданы требованиями обстановки. Лишь на предлагаемом мною рубеже рек Зуша, Ока войска найдут оборудованные еще осенью позиции, где можно найти защиту от зимнего холода. Я прошу обратить внимание на тот факт, что большую часть наших потерь мы несем не от противника, а в результате исключительного холода и что потери от обморожения вдвое превышают потери от огня противника. Тот, кто сам побывал в госпиталях, где находятся обмороженные, отлично знает, что это означает».[35]

Дальше разговор шел на повышенных тонах и касался в основном фронтовых проблем — отсутствия теплого обмундирования, плохого продовольственного снабжения и снабжения горючим, запчастями, несвоевременным пополнением армии новой бронетехникой и автотранспортом.

Гудериан понял, что Гитлер не имеет ни малейшего представления о положении на фронте, и дальнейшая беседа не имела смысла. Ни с чем пришлось возвращаться в Орел. Тем временем советские войска перешли в контрнаступление и начали теснить немцев в районе Ливен, Черни, Белова, Тупы. 25

декабря едва не была разгромлена одна из мотодивизий Гудериана, попавшая в окружение у Черни. Фон Клюге обвинил командующего в том, что тот задержал приказ об отводе войск, и сообщил об этом Гитлеру.

Дело приняло серьезный оборот. 26 декабря Гитлер подписал приказ об отстранении Гудериана от командования 2–й танковой армией и отправил его в отставку.

В этот день Гудериан простился с армией, написал приказ, который, как мне кажется, характеризует его как человека и военачальника:

«Солдаты 2–й танковой армии!

Фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами освободил меня с сегодняшнего дня от командования.

Прощаясь с вами, я продолжаю помнить о шести месяцах нашей совместной борьбы за величие нашей страны и победу нашего оружия и с глубоким уважением помню обо всех тех, кто отдал свою кровь и свою жизнь за Германию. Вас, мои дорогие боевые друзья, я от глубины души благодарю за все ваше доверие, преданность и чувство настоящего товарищества, которое вы неоднократно проявляли в течение этого продолжительного периода. Мы были с вами тесно связаны как в дни горя, так и в дни радости, и для меня было самой большой радостью заботиться о вас и за вас заступаться.

Счастливо оставаться!

Я уверен в том, что вы, так же как и до сих пор, будете храбро сражаться и победите, несмотря на трудности зимы и превосходство противника. Я мысленно буду с вами на вашем трудном пути. Вы идете по этому пути за Германию! Хайль Гитлер!

Гудериан».[36]

ЗУША — ЭТО НЕ МААС

Батальон капитана Гусева, единственный батальон, укомплектованный еще под Сталинградом, заканчивал разгрузку эшелона на станции Кубинка. При слабом свете фонарей танки съезжали с железнодорожной платформы. Работа шла без лишнего шума и суеты. Раздавался спокойный и уверенный голос капитана, подававшего механикам—водителям команды: «Левее! Так держать! Пошел!» Создавалось впечатление, что комбат всю жизнь работал в морском порту докером и для него погрузка—выгрузка дело привычное. К утру батальон стоял в боевой готовности и ждал приказа.

2 октября на станцию прибыл офицер связи с пакетом. Взломав печать, Катуков извлек небольшой листок. Это был приказ Главного автобронетанкового управления, подписанный Яковом Федоренко. В нем говорилось о необходимости снова погрузиться на платформы и следовать в район города Мценска, чтобы закрыть дорогу танковым колоннам Гудериана, шедшим на Тулу.

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» — проговорил комбриг, передавая приказ Кульвинскому.

Прочитав его, начальник штаба положил листок в нагрудный карман:

— Что бы это значило, Михаил Ефимович?

Катуков потянулся за папиросой, не торопясь, закурил, задумчиво произнес:

— Это значит только то, что говорится в приказе: прикрыть Тулу, а следовательно, и Москву.

Не надо быть провидцем, чтобы правильно оценить обстановку на фронте и понять, что там происходило. Враг рвался к Москве. Гитлер значительно усилил группу армии «Центр» танками и авиацией, поставил перед ней задачу — окружить и разгромить войска Западного и Брянского фронтов, затем развить наступление на советскую столицу с трех сторон: с запада — через Вязьму, с северо—запада — через Калинин и с юго—запада — через Орел — Тулу.

Особенно опасным было южное направление со стороны Орла, на котором действовала 2–я танковая группа Гудериана, имевшая в своем составе около 600 бронированных машин.

Гитлеровское командование было уверено, что наступление пойдет по намеченным планам. Уже заняты были города Дмитровск, Карачев, Вязьма, германские войска продвигались к Орлу и Брянску.

В успехе был уверен и Гудериан. Он писал: «По мнению главного командования сухопутных войск, создавшаяся выгодная обстановка благоприятствовала дальнейшему развертыванию операций в направлении на Москву. Германское командование хотело помешать русским еще раз создать западнее Москвы глубоко эшелонированную линию обороны. Главное командование сухопутных войск носилось с идеей, чтобы 2–я танковая армия[37] продвинулась через Тулу до рубежа Оки между Коломной и Серпуховом. Во всяком случае, это была очень далекая цель! В соответствии с той же идеей 3–я танковая группа должна была обойти Москву с севера. Этот план главнокомандующего сухопутными войсками встретил полную поддержку со стороны командования группы армий «Центр».[38]

Направление ударов германских войск позволяло Ставке Верховного Главнокомандования определить, откуда противник предпримет наступление в ближайшие дни. По оценкам военных специалистов — южное направление становилось самым опасным. Его надо было укреплять новыми частями, подходившими из Сибири и Заволжья. В срочном порядке решено было в районе Мценска развернуть 1–й гвардейский стрелковый корпус генерал—майора Д.Д. Лелюшенко. В состав корпуса входила и 4–я танковая бригада.

Тихий районный городок Мценск встретил танкистов Катукова холодным моросящим дождем. Пока бригада разгружалась, нужно было выяснить обстановку на этом участке фронта. Комбриг оставил штабной автобус и, пригласив с собой помощника начальника штаба капитана И.И. Лушпу, отправился на шоссе Орел — Мценск.

Недалеко от полуразрушенного после бомбардировки здания стоял Кондратенко с машиной. «Эмка» с места взяла разбег и вскоре выскочила на шоссе, по которому в беспорядке двигались грузовики, по обочинам шли пехотинцы. Тыловые повозки то и дело создавали огромные пробки на дороге. В темноте слышался раздраженный начальственный голос: «Куда прешь? Пропустить санитарные машины!»

Неразбериха на дорогах — тревожный признак. Значит, противник где—то прорвал фронт, и наши части отступают на новые оборонительные рубежи. В одном из остановленных грузовиков оказался командующий Орловским военным округом генерал—лейтенант А.А. Тюрин. Он сообщил, что еще днем 3 октября Орел занят танковыми войсками противника, который с минуты на минуту может двинуться на север.

Догадка Катукова о прорыве немцами фронта подтвердилась, он лишь понял, что недавно произошла страшная катастрофа. Об

этом говорило и поспешное отступление наших войск.

Германское командование сосредоточило в районе Орла мощный танковый кулак. После того как Гудериан занял Кромы, он бросил всю 4–ю танковую дивизию на захват важнейшего шоссейного и железнодорожного узла. 2–я полевая армия, прорвав наши оборонительные рубежи на реках Судость и Десна, открыла танкам дорогу к Орлу.

Орел был захвачен почти без боя. Гудериан сообщает об этом так:

«Захват города произошел для противника настолько неожиданно, что когда наши танки вступили в Орел, в городе еще ходили трамваи. Эвакуация промышленных предприятий, которая обычно тщательно подготавливалась русскими, не могла быть осуществлена. Начиная от фабрик и заводов и до самой железнодорожной станции, на улицах повсюду лежали станки и ящики с заводским оборудованием и сырьем».[39]

Полученная информация от генерала Тюрина и увиденная своими глазами картина отступления наших войск по Орловскому шоссе произвели на Катукова удручающее впечатление. Но несмотря ни на что, надо было действовать, причем действовать незамедлительно. Возвратившись на станцию, в штаб, он застал там приземистого, широкоплечего человека в плащевой накидке и каске, который, если судить по мокрой одежде, только что здесь появился.

— Генерал Лелюшенко, — представился он.

— Полковник Катуков.

Лелюшенко отстегнул на подбородке ремешок, снял каску, плащ—палатку сбросил прямо на сиденье штабного автобуса.

— Вы—то мне и нужны, полковник. Обстановку на фронте знаете?

— Не совсем, товарищ генерал, но видел, что происходит на Орловском шоссе. Там же встретил командующего Орловским военным округом генерала Тюрина. Со своим штабом он переместился сюда, в Мценск. Командующий сообщил: Гудериан занял Орел.

Командир корпуса попросил у Кульвинского карту. Расстелив ее на столе, пригласил всех подойти поближе.

— Дело скверное, — начал Дмитрий Данилович. — Скорее всего, Гудериан ударит своими танками по Мценску, а основные силы нашего корпуса еще на подходе. Только ваша бригада может противостоять противнику на этом участке фронта. Чем располагаете, полковник?

— В строю танковый полк трехбатальонного состава. Танки — «Т–34» и «БТ–7». Всего 49 боевых машин. Неплохо

укомплектованы мотострелковый батальон и зенитный дивизион, транспортная, разведрота и другие подразделения.

— Не густо, — Лелюшенко потер небритый подбородок и продолжал: — У Гудериана многократное превосходство в технике и людях. Но нам надо его задержать, задержать любой ценой. Надеюсь, что в ближайшие дни к Мценску подойдут другие соединения корпуса и приданные нам части — 5–я и 6–я гвардейские стрелковые дивизии, 11–я танковая бригада, курсанты Тульского оружейно—технического училища и мотоциклетный полк пограничников. Сумеете, танкисты, выполнить задачу? Родина вас не забудет!

Командир корпуса простился с катуковцами и уехал в штаб Орловского военного округа. В штабном вагоне остались Катуков, Кульвинский, Никитин и командир танкового полка Еремин. Все какое—то время молчали, не решаясь заговорить.

— Что, танкисты, приутихли, отчего загрустили? — Катуков посмотрел на своих боевых друзей. — Аль задача не по плечу? Аль не знаем, что делать?

Поднялся начальник оперативного отделения капитан Никитин:

— Все как раз очень ясно, товарищ полковник. Мне кажется, надо начать с разведки, выяснить силы противника. В каком направлении он поведет наступление?

— Верно, Матвей Тимофеевич, — одобрительно отозвался комбриг. — Разведка сейчас самое главное.

В сторону Орла направляются две разведывательные группы. Им поставлена конкретная задача: узнать о противнике как можно больше, по возможности захватить «языка». Группы возглавили капитан В.Г. Гусев и старший лейтенант А.Ф. Бурда.

Катуков не стал ждать возвращения разведки. В полдень, 4 октября, оставив в Мценске начальника штаба Кульвинского для руководства разгрузкой прибывших эшелонов, он вместе с Никитиным, сев в броневик, направился в сторону Орла, чтобы определить линию обороны. Фактор времени сейчас решал все. Успеет бригада к ночи закрепиться, можно будет считать — полдела сделано.

Броневик пересек дорогу Москва — Симферополь, выскочил на пригорок и остановился. С высоты хорошо просматривалось село Ивановское, внизу, теряясь в кустарнике и камышах, текла небольшая речка Оптуха. Катуков вышел из машины, взобрался на крутой склон, сверил высоту с отметкой на карте. Положив карту в полевую сумку, заметил Никитину:

— Эту высотку надо будет иметь в виду. С нее превосходно обозревается вся окрестность. Если тут поставить батарею, то

Орловское шоссе окажется под прицелом, а танки свои разместим в рощице, близ Ивановского — и скрытно, и удобно бить по врагу. Откуда, Матвей Тимофеевич, противник начнет наступление, как думаешь?

Никитин ответил не задумываясь:

— Гудериан может нанести удар с двух направлений: вдоль шоссе Орел — Мценск и с юго—восточной окраины Орла по грунтовым дорогам. Предпочтительнее, конечно, направление удара — по шоссе.

Оба направления комбриг считал в одинаковой мере опасными, и не столь важно, на каком из них появятся танки Гудериана, их предстояло встретить огнем.

А пока от разведчиков не поступало никаких сведений, укреплять предстояло всю линию фронта. Бездействовать нельзя: риск немалый. Неизвестно ведь, когда немцы начнут наступление — через час или через три, а может быть, и на следующий день.

По возвращении на станцию Катуков отдал распоряжение капитану Рафтопулло, заканчивавшему разгрузку батальона, занять боевые позиции у села Ивановское. Только что прибывшие в район Мценска 32–й пограничный полк полковника И.И. Пияшева и сводный батальон Тульского оружейно—технического училища также были поставлены на линию обороны.

Мучил единственный вопрос — надолго ли немцы задержатся в Орле? Если начнут наступление утром, то за ночь можно сделать многое. На берегу Оптухи уже шли работы по созданию оборонительной линии, бойцы рыли окопы полного профиля, по соседству, на пригорке, артиллеристы устанавливали две батареи 76–мм орудий.

Поступили наконец первые сведения от разведчиков. Капитан Гусев несколько раз выходил на связь, сообщал, что немцев на шоссе Орел — Мценск не обнаружено. Орел горит, в его юго—западной части слышна артиллерийская канонада. Видимо, какие—то наши части ведут бой. Бурда же не подавал о себе никаких известий, и всякие попытки штаба связаться с ним по радио ничего не давали. Невольно возникала мысль — уж не попали ли разведчики в беду?

Время перевалило за полночь, а комбригу не спалось Вместе с адъютантом Иваном Ястребом он обошел позиции, побеседовал с командирами танковых рот, пехотинцами. Убедившись в том, что люди накормлены, настроены по—боевому, знают свою задачу, Катуков вернулся в штаб. До рассвета оставалось несколько часов.

Его разбудил Кульвинский: из разведки вернулась группа капитана Гусева. Через несколько минут капитан докладывал о своем рейде. Танкисты побывали на окраине Орла, вели бои с

противником. Не зная системы его огня, натолкнулись на мощный артиллерийский обстрел. При отходе потеряли четыре машины. Компенсируя неудачу, разгромили по дороге на Волхов немецкую колонну танков и автомашин.

Давать оценку действиям капитана Гусева Катуков не спешил, а вот потерю четырех машин переживал болезненно: на счету каждый танк.

— Какие экипажи не вернулись из Орла? — спросил он раздраженно.

— Старшего лейтенанта Ракова и младших лейтенантов Овчинникова, Дракина и Олейника.

— Ладно, капитан, зайди к Никитину, он укажет, где твое место на линии обороны.

Комбриг считал, что главную задачу эта разведгруппа все—таки не выполнила. По—прежнему полная неясность, какие силы Гудериана в Орле? Сколько дивизий? Видимо, придется исходить из того, что немецкая танковая дивизия имеет более 200 боевых машин.

Обрадовал старший лейтенант Александр Бурда. Его группа возвратилась далеко за полночь. Танкист он опытный, с начала войны сражался на западных границах, подбил более десятка танков и автомашин. Ведя разведку в сторону Орла, Бурда не ринулся в город сломя голову, а, замаскировав машины в кустарнике, ночью направил к городу небольшие разведгруппы, имевшие задание выяснить систему огневых средств противника и номера воинских частей. Удалось многое выяснить, но, как на грех, передать информацию разведчики не могли: на головной машине вышла из строя радиостанция, а на других станций не было. Связь со штабом оборвалась.

Теперь, когда о противнике хотя бы что—то стало известно, можно было принимать определенные меры по укреплению наиболее опасных участков линии обороны.

Утром, как и следовало ожидать, из Орла по направлению к Мценску вышла колонна гитлеровских войск. Ее сопровождали танки и бронетранспортеры. Танки Бурды притаились в засаде, готовые открыть огонь. Старший лейтенант не торопился отдавать команду. Но как только колонна длинной змеей вытянулась вдоль шоссе, в дело вступили танки—разведчики, а затем и основная группа машин, сосредоточившая огонь по мотопехоте противника.

В результате боя группа Бурды уничтожила 10 средних и малых танков, 2 тягача с двумя противотанковыми орудиями и расчетами, несколько автомашин с мотопехотой, 2 ручных пулемета и 90 солдат и офицеров противника.[40]

Были добыты ценные документы, которые позволили установить номера новых вражеских частей, действующих на мценском направлении. Это были 3–я и 4–я танковые и одна мотодивизия Гудериана, имевшие целью прорваться главными силами вдоль шоссе в направлении Мценск — Тула.

Проанализировав ситуацию, Катуков облегченно вздохнул. Сказал Кульвинскому:

— Замысел гитлеровского командования нам теперь ясен. Будем готовиться к отражению врага!

А в книге боевых действий 4–й танковой бригады появляется запись: «В результате умелых и инициативных действий танковых групп было установлено, что противник спешно подтягивает свои резервы, главными силами стремится развить успех по наикратчайшему пути вдоль шоссе Орел — Мценск — Тула и с южного направления обеспечить выход к Москве».[41]

5 октября Гудериан ударил по Мценску, но уже большими силами. С утра несколько звеньев немецких самолетов прошли над Оптухой и сбросили бомбы на село Ивановское. Спустя некоторое время из—за пригорка показались танки. Их было так много, что наблюдатели сбились со счета. Катуков, стоя на наблюдательном пункте, спокойно отдавал приказы, то и дело подносил к глазам бинокль, обозревая панораму предстоящего боя. Что предпримет противник в ближайшие минуты? Тактика у него прежняя, знакомая с первых дней войны. Впереди идут танки, за ними, на небольшом расстоянии, — пехота. Только бы не проскочили на фланги, тогда дело может обернуться бедой: сомнут.

Спустившись с пригорка на равнину, вражеские машины, выбрасывая черные столбы дыма, развернулись в боевые порядки и открыли стрельбу. Ответные выстрелы последовали тотчас же: наши танкисты били из засад. Огонь их был точен. Задымили несколько вражеских машин. Противник усилил артиллерийский обстрел нашего переднего края. Над селом появился разведывательный самолет «Хеншель», корректируя огонь.

С переднего края Катуков перебрался на свой командный пункт, разместившийся на окраине села Ивановского. Начальник оперативного отделения капитан Никитин доложил:

— Товарищ полковник, немецкие танки прорвались на позиции мотострелкового батальона. Разбиты артиллерийские батареи!

— Где комбат Кочетков?

— Не знаю, связь с ним прервана. Отправил в батальон двух бойцов. Положение там критическое!

С командного пункта в бинокль хорошо просматривались

позиции мотострелкового батальона. В дыму разворачивались немецкие танки, утюжа окопы наших пехотинцев. «Кочеткову сейчас туго приходится, если еще жив, — подумал комбриг. — Пора вводить в бой танковые засады, сосредоточенные на левом фланге». По рации он отдал приказ, и несколько «тридцатьчетверок» устремились в атаку. Юркие, быстроходные машины, извергая языки пламени, сразу же внесли замешательство в неприятельские боевые порядки. Из горящих немецких танков выскакивали фашисты и попадали под кинжальный огонь наших пулеметчиков.

Бой длился несколько часов. Кругом стоял страшный грохот. Гудериан бросил к селу Ивановскому еще один моторизованный полк, решив, что против него действуют значительные танковые силы Красной Армии.

Катуковцы отбили еще несколько танковых атак, но дальше держать позиции было бессмысленно. Чтобы сохранить личный состав бригады и боевые машины, Катуков отдал приказ отойти несколько севернее, к селу Первый Воин, где закрепиться и дать новый бой. Такое решение диктовалось складывавшейся обстановкой. Хотя Гудериан потерял 18 танков, 8 орудий и несколько сот солдат и офицеров, сил у него было достаточно, чтобы продолжать наступление на этом участке фронта.

Штабной автобус двигался по раскисшей от осенних дождей дороге, буксуя в промоинах и ямах, выбитых гусеницами танков и бронетранспортеров. Его неудержимо кидало из стороны в сторону, словно утлое суденышко в разбушевавшемся море. Валившийся с ног от усталости комбриг, выпив походную кружку горячего чая, решил немного отдохнуть, разместившись прямо на сиденье. Кутаясь с головой в шинель, попросил Никитина:

— В случае чего, разбудишь, Матвей Тимофеевич.

Начальник оперативного отделения в знак согласия кивнул головой. Он знал, что комбриг в эти дни почти не смыкал глаз.

На одном из поворотов водитель притормозил. Приоткрыв дверцу, увидел подполковника Кульвинского:

— Комбриг здесь?

Никитин приложил палец к губам, давая понять, чтобы начальник штаба разговаривал на полтона ниже.

Кульвинский положил на стол составленный отчет об итогах прошедшего боя. Противник остановлен, но бригада понесла потери: есть убитые и раненые, подбито несколько танков. Правда, Дынеру удалось эвакуировать с поля боя три машины, танки «БТ–7». Была надежда, что после ремонта они вступят в строй. Это, видимо, единственное пополнение, на которое можно было рассчитывать в ближайшее время.

Остаток дня и всю ночь части бригады укрепляли свои позиции. После кратковременного отдыха комбриг был снова полон сил и энергии. Он спокойно и буднично, как на учениях, отдавал распоряжения, уточнял на карте расположение танковых засад, определял места для установки артиллерийских батарей. Очень обрадовался, получив сведения, что полк пограничников Пияшева и дивизион противотанковой артиллерии готовы поддержать бригаду в предстоящем бою.

Прибыв на позиции у села Первый Воин — там готовились к обороне мотострелки, — Катуков потребовал от комбата Дмитрия Кочеткова и комиссара Семена Волошко проследить за тем, чтобы бойцы зарывались в землю как можно глубже:

— Надеюсь, учтете опыт прежнего боя. Кто сидит в земле, тому и танк не страшен. И чтобы обязательно были отрыты ложные окопы, установлена «бутафория» — пулеметы, минометы, пушки, словом, все, что напоминало бы огневые средства.

Сооружаемая оборонительная линия в районе Нарышкино — Первый Воин давала некоторые преимущества перед противником: с высот хорошо просматривалась местность, кустарник, небольшие рощи и стога сена на лугах позволяли замаскировать танки и пушки. Шесть танковых засад были установлены у небольшой деревеньки Константиновка. Укреплены фланги бригады.

Наступило утро 6 октября. Погода резко изменялась, стало подмораживать, потом выпал первый снег. Катуков был уже на командном пункте, оборудованном в небольшой роще, рядом с шоссе Орел — Мценск. Только что вернулся с переднего края комиссар Бойко. Он побывал у танкистов, расположившихся у речки Лисицы.

— Как там экипажи? — обратился к нему комбриг. — Выдержим напор Гудериана?

— Бойцы настроены по—боевому. Верят, что противника можно бить даже ограниченными силами.

— Значит, выдержим! — успокоился Катуков.

Ждать противника долго не пришлось. Гудериан вначале бросил против 4–й танковой бригады авиацию. Звено за звеном шли «юнкерсы» и «мессершмитты» и, ложась на боевой курс, сбрасывали бомбы вдоль шоссе на окопы мотострелкового батальона. К счастью, бомбардировке подверглись в основном ложные укрепления, над которыми к небу поднимались черные столбы грязи и порохового дыма. «Не зря старались бойцы, — с удовольствием отметил про себя Катуков. — Потери от такой бомбардировки будут невелики».

Когда воздушные стервятники набросились на село Первый

Воин, в бой вступили зенитные батареи отдельного дивизиона под командованием старшего лейтенанта Ивана Афанасенко. Два фашистских самолета были сбиты зенитчиками, их остатки догорали на правом берегу речки Лисицы. Через некоторое время появилась новая волна самолетов, и несколько тяжелых бомб упало на 1–ю батарею. Взрывом повредило два орудия, погибли их расчеты.

Дозоры передали на КП бригады: со стороны Орла показалась гитлеровская колонна танков и мотопехоты. Бой вот—вот вступит в новую фазу. Каким будет его исход? Этот вопрос не давал покоя Катукову. За свои фланги на этот раз он не беспокоился. Там стояли танкисты Гусева и Бурды. Надеялся, что и в центре рота старшего лейтенанта Самохина не дрогнет. Вызывал тревогу лишь 2–й батальон капитана Анатолия Рафтопулло. У него большая часть — легкие танки, и противостоять новейшей технике Гудериана будет не просто.

И комбриг помчался во 2–й батальон. Увидев комбата, прохаживавшегося вокруг своей машины, спросил:

— Волнуешься, Анатолий Анатольевич?

— Есть маленько, — откровенно признался Рафтопулло. — Любой бой неизвестность. Выстоим ли на этот раз?

— Обязаны выстоять, комбат!

Из—за поворота в долину речки Лисицы стали спускаться немецкие танки. Их было больше сотни. За ними шли бронетранспортеры с пехотой, тягачи с орудиями, мотоциклы с автоматчиками. Танки сразу же открыли огонь по позициям мотострелков. Комбату Кочеткову пришлось принять на себя очередной удар немецкой армады.

Гитлеровские войска, перейдя речку, пытались с ходу прорваться через наши позиции. Мотострелки ответили ударом из противотанковых ружей, дружно била по врагу и противотанковая артиллерия. С НП Катуков видел, как новая лавина немецких танков двинулась вперед, открыв ураганный огонь. Пехотинцы нуждались в поддержке. Комиссар Бойко нервничал:

— Товарищ полковник, пора вводить в бой группу Лавриненко!

— Вижу, что пора. Но пусть все немецкие танки перейдут речку, тогда и ударим из засады.

Комбриг еще раз поднял бинокль, провел им по долине. Вот он уловил момент, которого ждал. Затем по радио отдал приказ старшему лейтенанту Дмитрию Лавриненко выводить из укрытия свои машины. В одно мгновение из рощи выскочили четыре «тридцатьчетверки» и открыли огонь.

Немецкие танки не успели даже развернуться, чтобы принять

боевой порядок. Некоторые из них уже горели. По всплескам орудийных выстрелов немцы засекли наши машины и открыли по ним ответный огонь. Лавриненко умело сманеврировал, исчез из поля зрения. Минут через пятнадцать—двадцать его группа появилась в новом месте, причем вышла настолько удачно — невдалеке, урча моторами, взбирались на высоту несколько немецких танков. Борта открыты — только стреляй. И Лавриненко воспользовался моментом. Новая атака увенчалась полным успехом.

— Молодец, танкист! — восхищался Катуков, считая горящие немецкие машины. Их было ровно пятнадцать.

Отлично сражались в этот день все танковые подразделения и экипажи, делая по три—шесть атак. Особенно отличился экипаж «тридцатьчетверки» старшего сержанта Ивана Любушкина, в прошлом скромного тамбовского колхозника. Когда немецкие танки прорвались через позиции мотострелкового батальона, намереваясь зайти в тыл бригаде, Любушкин, спрятавшись за стогом сена, поразил сначала один вражеский танк, затем еще четыре. Немцы обнаружили его машину, открыли огонь. Несколько снарядов ударили по броне. Два члена экипажа были ранены, сам командир получил тяжелый ушиб ноги. Но танкисты не покинули поле боя, маневрируя, пользуясь короткими остановками, они подбили еще четыре танка противника.

Вечером, узнав о подвиге славного экипажа, подбившего девять вражеских машин, Катуков приказал начальнику штаба Кульвинскому:

— Любушкина и его товарищей представить к правительственным наградам!

Потеряв значительную часть своей техники, Гудериан, однако, не успокоился. Мысль о прорыве к Мценску не покидала его ни на минуту. Ведь он сам отдал приказ взять город к 9 октября. Снова и снова немцы бросались в атаку. Наткнувшись на наши засады в одном месте, откатывались, перегруппировав силы, начинали наступление в другом.

С передовой прибыла разведка с тревожной вестью: вдоль шоссе Орел — Мценск противник сосредоточил до 200 танков и большое количество мотопехоты. Готовится новая атака. Еще раньше Катуков доложил комкору Лелюшенко о ходе боев за последние дни и попросил оказать помощь — подбросить противотанковый дивизион.

— Как бы теперь пригодились противотанковые пушки, — сказал комбриг стоявшему рядом комиссару Бойко. — Забыл, что ли, о нас комкор?

Лелюшенко не забыл о просьбе комбрига, понимал, в каком

положении находится танковая бригада, поэтому и прислал для ее поддержки дивизион гвардейских минометов под командованием капитана Чумака. Представляясь Катукову, капитан торопливо доложил:

— Приказано ударить на самом танкоопасном направлении!

— Спасибо, дорогой, — Михаил Ефимович с радостью пожал руку артиллеристу. — У нас тут любое направление самое—самое…

— Хорошо, — согласился командир дивизиона, — вы мне покажите место сосредоточения немецких войск, дальше уже, как говорят, дело техники.

Кульвинский принес карту. Катуков жирным полукругом обозначил участок за рекой Лисицей, куда Гудериан стягивал танки, артиллерию и другую военную технику.

Многие в бригаде никогда не видели установок с реактивными снарядами. Вид неказистый, обычные грузовые машины, только вместо кузова имели несколько рядов направляющих рельсов. Послышались разочарованные возгласы:

— Тоже мне грозное оружие!

Капитан Чумак размеренно делал свое дело, не обращая внимания на критические реплики, то и дело поторапливал подчиненных. Когда реактивные установки были приготовлены для открытия огня, он попросил всех присутствующих спрятаться в окопы. Вмиг рядом никого не оказалось. Катуков посмотрел на часы:

— Можно начинать!

Вдруг ночное небо пронзили ослепительные молнии, снаряды с воем устремились куда—то вдаль, оставляя за собой светящиеся хвосты, подобно падающим на землю метеоритам. Через несколько минут лощина, в которой немцы сосредоточили свою наступательную технику, была объята пламенем. Можно было себе представить, что там творилось!

Капитан Чумак увел свои установки в тыл — таков был приказ. Но он оставил по себе добрую память. Спустя час Катуков направил разведку к месту огневого налета. Она зафиксировала потери немцев: 43 танка, 16 противотанковых орудий, 6 автомашин, до 500 солдат и офицеров.[42]

Эффект огневого налета был впечатляющим. Такого Катуков не видел с самого начала войны. Побольше бы таких установок!

Удар почувствовал и Гудериан. Когда барон фон Лангерман, командир 4–й танковой дивизии, доложил ему о потерях, тот сразу и не поверил, решил сам выехать вместе с комдивом на поле боя и все проверить. Проверил и записал: «Потери русских были значительно меньше наших потерь».

Это будет не последняя запись танкового генерала. А Катуков понимал, что Гудериан не остановится ни перед чем, будет продолжать наступление. Немцам теперь хорошо известна местность, расположение наших танковых засад и артиллерийских батарей. Если не поменять позицию, при очередной вражеской атаке можно понести большие потери. Посоветовавшись со своими помощниками, в ночь на 7 октября он отводит бригаду на рубеж Ильково — Головлево — Шеино.

Не раз во время войны Катуков удивлялся солдатской стойкости, выносливости и мужеству. Вот и теперь уставшая, измотанная за несколько дней непрерывных боев бригада, получив приказ, снялась с оборудованных позиций и потянулась на север. Погода не баловала, шел дождь вперемешку со снегом — ни обсушиться, ни обогреться. Но каждый боец понимал сложность задачи, поставленной перед бригадой, лично перед ним, верил в правоту своего дела, в конечном итоге — в победу.

Бригада вгрызалась, в полном смысле этого слова, в землю на новом месте. Снова решено было возводить систему настоящих и ложных окопов. Она ни разу не подвела. При этом учитывалось все — и рельеф местности, и наличие сил и средств, и даже возможности инженерно—технического персонала. Ложные окопы старались рыть преимущественно ночью, чтобы скрыть от противника систему огня. Но основные работы велись, конечно, на главных позициях, на главной линии обороны, которая протянулась теперь на 15 километров.

Удар, полученный у села Первый Воин, видимо, на какое—то время отрезвил Гудериана. Он не стал бросать в бой огромные массы войск и техники, а лишь отдельными небольшими группами танков прощупывал нашу оборону. Об этом тяжелом времени генерал вспоминал так: «Южнее Мценска 4–я танковая дивизия была атакована русскими танками, и ей пришлось пережить тяжелый момент. Впервые проявилось в резкой форме превосходство русских танков «Т–34». Дивизия понесла значительные потери. Намеченное быстрое наступление на Тулу пришлось пока отложить».[43]

Гудериан уже начинал понимать, что, несмотря на все старания верховного командования и самого Гитлера, война в России приобретает затяжной характер, что Москву в ближайшее время не взять, что воевать придется в русских снегах, а это чревато серьезными последствиями. Он уже дважды запрашивал командование группы армий «Центр» о доставке теплого обмундирования. Ему отвечали, что «оно будет получено своевременно и нечего об этом излишне напоминать».

А тем временем сопротивление Красной Армии нарастало с

каждым днем.

Дни 7 и 8 октября стали для бригады Катукова небольшой передышкой, словно награда за упорство и мужество ее бойцов.

В эти дни у танкистов побывал комкор Лелюшенко. Он похвально отозвался о действиях бригады, сообщил, что докладывал об этом в Ставку Верховного Главнокомандования.

Катуков доложил о наиболее отличившихся бойцах и командирах, вкратце рассказал о совершенных ими подвигах, передал списки людей, представленных к награждению.

— Еще одна просьба, товарищ генерал, — продолжал Михаил Ефимович. — Бригада понесла потери: нужны подкрепления.

— Конечно, конечно, — согласился комкор. — Будут вам подкрепления. Если полк пограничников Пияшева раньше прикрывал только ваши фланги, теперь он поступает в полное ваше распоряжение. В ближайшее время постараюсь поскрести по сусекам и пополнить батальон мотострелков.

— За пограничников спасибо, они хорошо воюют!

Катуков вышел проводить Лелюшенко до машины. Перед тем, как уехать, комкор вдруг спросил:

— А скажи—ка, Михаил Ефимович, почему Гудериан, этот «быстроходный Гейнц», приостановил наступление? Уполз в Орел зализывать раны? Собирать новые силы?

— И то и другое, — комбриг стал высказывать свои соображения. — Скорее всего, он в ближайшее время начнет более мощное наступление. Об этом говорит наша разведка. Об этом же говорят и сами немцы. На разных участках фронта мы захватили несколько «языков». Характерно еще и вот что: противник считает, что против него действуют крупные танковые силы, по меньшей мере танковая дивизия. Значит, Гудериан введен в заблуждение.

— Что ж, пожалуй, вы правы. — Комкор сел в машину. — Так и действуйте!

4–я танковая бригада продолжала жить трудной походной жизнью. Пока не было боев, бойцы отдохнули, привели в порядок оружие, технику. Политотдел бригады во главе с Иваном Деревянкиным выпустил несколько «боевых листков», в которых рассказывалось о подвигах мотострелков и танкистов, зенитчиков и пехотинцев. Днем 7 октября Катуков побывал в мотострелковом батальоне. Хотелось узнать, как чувствуют себя бойцы и командиры после жарких боевых схваток. Ему представилась такая картина: на бруствере окопа сидел комбат Дмитрий Кочетков, рядом с ним стоял фотограф политотдела Ваня Панков, балагур и весельчак, и читал собравшимся бойцам стихотворение Александра Твардовского «Танк»:

Взвоют гусеницы люто,
Надрезая снег с землей,
Снег с землей завьется круто
Вслед за свежей колеей.
И как будто первопуток
Открывая за собой,
В сталь одетый и обутый
Танк идет с исходной в бой.

Увидев подъехавшего командира бригады, бойцы вскочили.
— Продолжайте, — сказал Катуков и подошел к Кочеткову.
А Панков вдохновенно закончил:

И уже за взгорьем где—то
Путь прокладывает свой,
Где в дыму взвилась ракета,
Где рубеж земли,
Край света —
Бой!..

Комбриг смотрел на мотострелков и удивлялся. Настроение бойцов говорило само за себя: батальон боеспособен. Это ли не радость для командира!

9 октября передышка закончилась и возобновились бои. Как и ожидалось, Гудериан бросил против 1–го гвардейского корпуса крупные силы, намереваясь несколькими фланговыми ударами взять его в «клещи». И снова катуковцы встали на пути вражеских танковых колонн.

С утра авиация противника начала бомбардировку передовых позиций 4–й танковой бригады. В течение пятнадцати минут она «обрабатывала» в основном ложные окопы. Зенитчики Афанасенко не остались в долгу, сбили шесть самолетов. Но вот показались танки. Они шли с разных направлений. Гитлеровцы на этот раз изменили свою шаблонную тактику, не осмелились направить танковые колонны по одной дороге, предпочли пробиваться к Илькову и Шеину отдельными группами по 15–20, а то и по 50 машин. Только на участке, занимаемом 4–й танковой бригадой, Гудериан бросил до 100 танков.

Замысел врага Катуков раскрыл сразу: ударом на Шеино немцы планировали прорваться к Мценску и захватить его. Развивая наступление, они натолкнулись на упорное сопротивление на огневом рубеже бригады. Несколько часов подряд отбивались от наседавших фашистов танковые засады Лавриненко. У села Шеино они подбили до десятка вражеских машин. Экипаж под командованием Петра Воробьева,

спрятавшись в кустарнике, ждал, когда немецкая колонна из 14 танков, выйдя из деревни Азарово по направлению к Шеину, окажется на узкой проселочной дороге, ведущей через овраг. Настал удачный момент, и командир открыл огонь. В результате скоротечного боя было подожжено 7 танков и 3 бронемашины. Остальные обратились в бегство.[44]

Все надеялись на благополучный исход боя. Но бой есть бой, в котором смерть находит свои жертвы. Сначала о потерях сообщил полковник Пияшев, затем комбат Кочетков, из строя выбыло также несколько танковых экипажей. Поступили тревожные сведения и из 2–го танкового батальона — тяжело ранен комбат Рафтопулло. Катуков приказал немедленно отправить его во фронтовой госпиталь. Командование батальоном принял комиссар Фрол Столярчук.

Бои у сел Ильково и Шеино были на редкость упорными. Немецкие танки то приближались к ним, то под напором огня обороняющихся откатывались назад. Неудачи на левом фланге заставляли немцев искать слабые места на правом. Они ударили у села Думчино. Но Катуков успел перебросить туда танковый взвод лейтенанта Кукаркина. И здесь атака была отбита.

Близилась ночь, а бой гремел не затихая. В 22 часа комбриг получил приказ Лелюшенко отвести бригаду на новый рубеж: немцы прорвались на Волховское шоссе, и корпусу грозило окружение.

Любой приказ — неожиданность, а такой — тем более, и реакция на него должна быть мгновенной. Бригада еще могла держаться, хотя немцы на отдельных участках вклинились в ее оборону, остервенело лезли на высоты, которые по нескольку раз переходили из рук в руки.

Под диктовку Катукова начальник штаба написал приказ об отводе бригады к Мценску под прикрытие более сильных танковых и мотострелковых групп.

— Вот, сволочь, прет без роздыху, — ругался Кульвинский. — Когда только у Гудериана иссякнут силы?

— Когда выбьем у него танки, — произнес комбриг. — Постарайся, Павел Васильевич, как можно скорее довести приказ до командиров частей и подразделений.

— Будет сделано!

Катуков торопился укрепиться на новых оборонительных позициях, на постройку которых была отпущена только одна ночь: утром противник может ударить еще более крупными силами.

И точно. Едва рассвело, как ожил фронт. Немцы повели наступление, стараясь в первую очередь сковать действия 4–й

танковой бригады. Особенно упорно ломились они к деревне Фарафоново, где держала оборону рота легких танков и мотострелки. Как бы нужна была сейчас авиация для прикрытия! Увы, ее не было. Противник же группами до 17 самолетов бомбил наши боевые порядки. Зенитный дивизион не в состоянии был обеспечить всю глубину обороны с воздуха.

И все же, получив достойный отпор, немцы в середине дня 10 октября прекратили атаки.

— Выдохлись фрицы, что ли? — высказал предположение Бойко. — Что—то у них не клеится?

Катуков не разделял оптимистического тона своего комиссара. Немцы атаковали, но их атаки были лишь видимостью, отвлекающим маневром. Комбриг прищурил глаза:

— Сто против одного: противник где—то замышляет новую каверзу.

Погода ухудшалась с каждым днем. Распутица затрудняла продвижение войск, но Гудериану все же удалось протолкнуть 4–ю танковую дивизию Лангермана к Мценску. 2–я танковая армия за последние недели боев потеряла значительную часть своей техники. Русские «тридцатьчетверки» успешно жгли немецкие «Т—III» и «Т—IV». Генерал Гудериан вынужден был признать, что борьба с русскими танками «Т–34» складывалась не в его пользу, подбить этот танк сложно, надо поразить мотор через жалюзи с тыльной стороны, а «для этого требовалось большое искусство». Да и пехота, наступая с фронта, при поддержке танков «наносила массированные удары по нашим флангам. Они кое—чему уже научились».

Выезжая к месту боев, командующий 2–й танковой армией не раз мог убедиться в превосходстве «тридцатьчетверок». Убедился он и в другом — «исчезли перспективы на быстрый и непрерывный успех».

Генерал даже написал доклад командованию группы армий «Центр» о сложившейся обстановке, предложил направить на фронт комиссию, в состав которой должны войти представители Министерства вооружения и танкостроительных фирм, конструкторы танков, с тем чтобы, осмотрев на поле боя русские и немецкие танки, решить вопрос об изменении конструкции танков «Т—IV» и об ускорении производства крупных противотанковых пушек, способных пробивать броню танка «Т–34». Такая комиссия прибыла из Берлина во второй половине ноября 1941 года.

Неудачи на фронте безусловно сказывались на настроении не только немецких солдат, но и офицеров, многие из которых воевали в Польше, Франции, Бельгии, Голландии. Они помнят,

как без особых хлопот прорывали «линию Мажино», как форсировали реку Маас. Это была своего рода прогулка по Франции. Сам Гудериан об этих боях писал так:

«Наступление 1–го пехотного полка и слева от него пехотного полка «Великая Германия» протекало, как на инспекторском смотре в учебном лагере. Французская артиллерия была почти полностью подавлена постоянным воздействием пикирующих бомбардировщиков. Бетонированные сооружения на берегу Мааса выведены из строя огнем противотанковых и зенитных пушек, пулеметы противника подавлены нашим тяжелым оружием и артиллерией. Пехота наступала на совершенно открытой местности, которая представляла собой широкий луг, однако, несмотря на это, потери были весьма незначительны. До наступления темноты удалось глубоко вклиниться в полосу укреплений противника. Войска получили приказ продолжать наступление всю ночь, и я был уверен, что они выполнят этот важнейший приказ».[45]

А теперь у какой—то небольшой русской речки Зуша, к которой с большим трудом по раскисшим дорогам удалось подтянуть 3–ю и 4–ю танковые дивизии, наступление снова задерживается. Проклятая русская зима!

Потеснив батальон Тульского оружейно—технического училища, танковые войска Гудериана при поддержке мотопехоты двинулись по левому берегу Зуши к Мценску, до которого было немногим более четырех километров. На этом участке фронта главной целью стал Мценск.

На КП комбрига Катукова, расположенном в Подмонастырской Слободе, передали сообщение: немцы бросили по шоссе большое количество танков и пехоты, имея намерение окружить бригаду. Вражеский натиск возрастал с каждым часом. Подошел Кульвинский:

— Товарищ полковник, части сражаются в полуокружении. Надо отходить, промедлим — плохо придется!

— Знаю, — спокойно произнес Катуков, глядя в бинокль на автомобильный мост через Зушу, у которого то и дело рвались снаряды. — Приказа об отступлении у нас нет, к тому же противник не даст нам времени на планомерный отвод своих частей. Пока есть возможность, будем драться!

Сдерживать немцев становилось все труднее. Неожиданно танки противника прорвались к Мценску — создалась угроза тылу бригады. Надо было срочно сообщить об этом в штаб корпуса. Михаил Ефимович вызвал начальника связи капитана Г.Е. Подосенова:

— Григорий Ефимович, организуй—ка мне радиосвязь с

Лелюшенко, и как можно быстрее.

Выслушав Катукова, комкор приказал продержаться до темноты, приказ на отход бригада получит позже.

Каждый фронтовик знает, что означает слово «продержаться». Если отдается такой приказ, значит, на каком—то участке фронта дела совсем плохие и, чтобы исправить положение, кто—то должен принять на себя неприятельский удар. В данном случае это должна была сделать 4–я танковая бригада.

Разведка донесла, что немцы уже находятся на окраинах Мценска. Вытеснить их небольшими танковыми группами — по три—четыре машины — не удалось. В одном из боев погиб политрук 1–й танковой роты И.А. Лакомов. Его танк сгорел. Зато два других танка, подавив артиллерийские точки врага, дали возможность капитану Дынеру эвакуировать за реку всю материальную часть бригады, находившуюся в Мценске в ремонте.

В течение дня противник подтянул к городу новые танковые и артиллерийские силы, занял отдельные городские кварталы. Катуков понял: прорваться к автомобильному мосту уже невозможно. Нужно было искать другие пути, чтобы переправиться через реку. Зуша в районе Мценска не так широка, но полноводна и стремительна, ее крутые, обрывистые берега могут помешать переправе.

Продумывались разные варианты переправы — наведение моста и поиски брода. В нескольких километрах от города разведчики нашли брод. Однако там находились немцы. Оставалось одно — прорываться через узкий железнодорожный мост. Люди по нему пройдут, а вот как быть с техникой?

На размышление не оставалось времени. Катуков передал по радио донесение комкору: «Занимаю прежнее положение, веду бой в окружении. Выручайте».[46]

Надежда переправить технику по железнодорожному мосту появилась после того, как вернулся с правого берега политрук Завалишин. На своей «тридцатьчетверке» он благополучно прошел по шпалам, беда случилась позже — свалилась гусеница, и он вынужден был пешком идти обратно.

Побеседовав с политруком, Катуков отдал распоряжение саперам сделать на мосту настил из досок, бревен и другого подручного материала, чтобы не застревал между шпалами колесный транспорт. И работа закипела. Правда, работать пришлось вскоре в сплошной темноте — наступила ночь, и качество настила оказалось скверным.

Прикрываясь арьергардами, к переправе стягивались вышедшие из боя батальоны и роты, шли обозы, походные кухни,

машины с ранеными. Вначале решено было пропустить колесные машины и артиллерию, затем мотострелковые подразделения. Отход прикрывали танкисты.

Немцы вскоре поняли, что припертые к Зуше советские войска ускользают на глазах, усилили натиск. У моста стали рваться артиллерийские снаряды, отряды вражеских автоматчиков при поддержке танков атаковали непрерывно. Над мостом висели сброшенные на парашютах самолетом—разведчиком осветительные ракеты.

Переправа уже шла несколько часов подряд. Вряд ли кто обращал внимание на погоду, хотя вовсю хлестал холодный дождь. Все стремились попасть на противоположный берег. Настил на мосту, сделанный саперами в темноте и второпях, все же подвел, доски, плохо прикрепленные к шпалам, разъезжались, застревали грузовики. Люди бросались на помощь водителям, почти на руках выносили машины — только бы не останавливаться, иначе гибель.

К Катукову то и дело подходили разведчики, командиры подразделений, докладывали о том, что у железнодорожного вокзала немцы сосредоточили пехоту и артиллерию.

— Бить по станционным помещениям! — приказал комбриг командиру танка сержанту Капотову. — Когда разделаетесь с противником, не забудьте поджечь деревянные здания. Дымовая завеса помешает вести прицельный огонь по мосту.

У переправы рвались снаряды. Разрывы поднимали фонтаны воды в реке на десятки метров, а группы бойцов все шли и шли. Значительная часть техники уже была на правом берегу, успешно переправился полк Пияшева, проследовали мотострелки Кочеткова, пошли, наконец, танковые группы прикрытия. Комиссар Бойко поторапливал зазевавшихся:

— Быстрее, быстрее, не задерживаться!

Потом, подойдя к Катукову, произнес:

— Попади хоть один снаряд в опору моста, рухнут в воду пролеты. Вот и отвоевались тогда.

— Гляди, накличешь беду, комиссар, — отозвался комбриг.

— Я присматриваюсь к каждому всплеску, если снаряд проносится мимо, готов перекреститься.

Бойко неожиданно расхохотался в темноте:

— Может, и впрямь креститься начнем?

— Перекрещусь, как только переправимся.

К утру вся бригада была на правом берегу Зуши. Сделано, казалось, невозможное: из окружения выведены люди, техника, сохранена боеспособность частей и подразделений. Постепенно стало спадать страшное напряжение восьмидневных боев. Присев

на камень, Катуков закурил и, глядя на горящий Мценск, сказал Бойко:

— И все же нам повезло. Здорово выручил нас этот чертов мост. Вечная ему память!

Через несколько минут раздался взрыв, и пролеты железнодорожного моста рухнули в реку. Саперы сделали свое дело.

Немало переправ было за войну у Катукова, но об этой он писал:

«Тем, кому удалось остаться в живых, переправа через железнодорожный мост, наверно, запомнилась навсегда. Недаром танкисты прозвали этот мост чертовым».[47]

11 октября 1941 года бригада заняла оборону во втором эшелоне 50–й армии. Теперь можно было отдохнуть, привести в порядок материальную часть, подвести итоги многодневных боев, посчитать потери. Они были, и немалые: убито 27 человек, ранено 60. На поле боя остались 23 автомашины, 4 рации, 19 мотоциклов, 3 противотанковых орудия, 6 минометов. Из 28 подбитых танков 9 сгорели, остальные удалось увести на СПАМ (сборный пункт аварийных машин).[48]

Гудериан потерял, однако, еще больше: 133 танка, 2 бронемашины, 2 танкетки, 4 полевых, 4 зенитных, 6 дальнобойных и 35 противотанковых орудий, 8 самолетов, 12 автомашин, 2 цистерны, 15 тягачей с боеприпасами, 6 минометов, до полка пехоты.[49]

Задача, поставленная перед 4–й танковой бригадой, была выполнена. Она обеспечила сосредоточение не только войск 1–го гвардейского стрелкового корпуса, но и всей 26–й армии.

Враг почувствовал на себе силу ударов советских танковых и мотострелковых соединений, нес ощутимые потери от налетов авиации, артиллерии, особенно гвардейских минометов.

Об этом говорят и признания Гудериана, которые приводились ранее. В северном направлении генерал не мог пробиться дальше Мценска, его войска были повернуты на восток, к Туле. Настроение у него было скверное. Это было видно по письму, которое он позже направил жене в Берлин: «Наши войска испытывают мучения, и наше дело находится в бедственном состоянии, ибо противник выигрывает время, а мы со своими планами находимся перед неизбежностью ведения боевых действий в зимних условиях. Поэтому настроение у меня очень грустное. Наилучшие пожелания терпят крах из—за стихии. Единственная в своем роде возможность нанести противнику мощный удар улетучивается все быстрее и быстрее, и я не уверен, что она может когда—либо возвратиться. Одному только богу

известно, как сложится обстановка в дальнейшем. Необходимо надеяться и не терять мужества, однако это тяжелое испытание…»[50]

Планы гитлеровского командования о быстром продвижении к Туле, а затем и к Москве терпели провал. И причин тут много. Гудериан, например, списывал свои неудачи на превосходство русских танков, на новую русскую тактику, на лютые морозы, а также на недостаток войск, действующих на московском направлении.

Справедливости ради следует сказать, что генерал был побит не числом. Его танковая армия насчитывала 5 танковых, 8 моторизованных и пехотных дивизий.

Катуков в полосе своей обороны фронта противопоставлял немецким бронированным колоннам мастерство танкистов, новую тактику нанесения ударов из засад, атаку на максимальной скорости с ведением огня на ходу, маневр на поле боя для выхода во фланг и тыл противника, подвижную разведку, действия которой распространялись на десятки километров.

Гудериан никогда не знал, где располагаются основные силы Катукова, откуда он нанесет удар, видимо, поэтому и назвал советского командира «генерал хитрость».

Сам Катуков описывает свой успех под Мценском так: «За восемь дней непрерывных боев бригаде пришлось сменить шесть рубежей обороны и вынуждать противника каждый раз организовывать наступление. Удавалось нам и резко уменьшить потери от ударов противника с воздуха. Занимая оборону на новом рубеже, мы устраивали впереди его ложный передний край, отрывали здесь окопы, траншеи, ходы сообщения. Вражеская авиация сбрасывала бомбовый груз по мнимому переднему краю, оставляя нетронутыми действительные позиции наших танков, нашей артиллерии и пехоты. Под Мценском мы бросили клич: «Один советский танкист должен бить двадцать немецких».[51]

Заняв оборону во втором эшелоне, Катуков оборудовал свой КП во Льгове. Рядом с бригадой, на участке Стекольная Слободка — Большая Рябая, находились части 6–й гвардейской стрелковой дивизии, в районе Зайцева держал оборону 5–й воздушно—десантный корпус.

О противнике было известно следующее: танковые колонны, прикрываемые с воздуха авиацией, двигались со стороны Мценска и Волхова, стремились обойти наши фланги. Предстояли новые бои. Бригаде Катукова приказано было совместно с 34–м полком НКВД занять оборону на участке деревень Калиновка — Каверино — Бунаково.

Утром 12 октября Катукова вызвал к телефону начальник Главного автобронетанкового управления Федоренко, поздравил с боевыми успехами, сказал, что Ставка и Верховный Главнокомандующий высоко оценивают действия 4–й танковой бригады.

— Как Москва, Яков Николаевич? — спросил в конце разговора комбриг.

— Держится. Слушайте завтра радио. — И назвал время.

На следующий день Катуков побывал в ударной группе (основные силы бригады), расположенной южнее Льгова, а вернувшись в штаб, попросил Кульвинского:

— Давай—ка, Павел Васильевич, включим радио. Обещают сообщить что—то важное.

Сначала передавали сводку Совинформбюро, потом Левитан зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями начальствующего и рядового состава танковых войск Красной Армии. Среди 32 воинов 4–й танковой бригады были имена Катукова и комиссара Бойко, награжденных орденами Ленина. Многие получили ордена Красного Знамени и Красной Звезды. Поздравляли Ивана Любушкина, удостоенного звания Героя Советского Союза.

Из этой радиосводки Катуков узнал, что совсем рядом, северо—западнее Мценска, сражается 11–я танковая бригада полковника П.М. Армана, переброшенная из—под Ленинграда. Комбриг не удержался, вслух произнес:

— Надо же, Поль Арман тоже здесь, вот здорово!

— Кто это, Поль Арман? — спросил Никитин, видя, как обрадовался Катуков, услышав чью—то знакомую фамилию.

— Это, Матвей Тимофеевич, герой Испании, друг и товарищ. Настоящее его имя — Пауль Тылтынь. В 1932 году я служил в 5–й легкотанковой бригаде, которой командовал его брат Альфред Тылтынь. Где—то теперь этот прекрасный командир? Ничего не знаю о его судьбе.

К разговору подключился Кульвинский:

— Затихнут бои, представится возможность съездить в гости. Гора с горой не сходится…

Встретиться, однако, с Полем Арманом не удалось. 16 октября Катукова вызвали в штаб 50–й армии, предупредили, что разговаривать он будет с Верховным Главнокомандующим.

Сталин, осведомившись о боеспособности бригады, сказал:

— Вам надлежит немедленно погрузиться в эшелоны, чтобы как можно быстрее прибыть в район Кубинки. Будете защищать Москву со стороны Минского шоссе.

Мысль сработала мгновенно. Переброска бригады эшелонами

к Москве при господстве в воздухе немецкой авиации — опасное предприятие. Набравшись смелости, Михаил Ефимович попросил разрешения идти своим ходом, хотя предстояло покрыть расстояние около 360 километров.

Верховный усомнился:

— Хватит ли моторесурсов?

Получив ответ, что моторесурсов хватит с избытком, Сталин дал «добро»:

— Ну раз вы ручаетесь, двигайтесь своим ходом.

Через несколько часов бригада начала сниматься с позиций, чтобы двинуться к Москве.

НА ПОДСТУПАХ К МОСКВЕ

Непогода — частые дожди и туманы — сдерживала продвижение танковой колонны и колонны автомашин. Дороги пришлось выбирать с твердым покрытием, хотя путь по ним был не самым коротким. И все же двух дней хватило, чтобы добраться до Кубинки.

Бригада вошла в резерв командования Западного фронта. Катуков уже начал разворачивать свой КП в районе разъезда Татарка, как неожиданно появился представитель штаба фронта с приказом: следовать на волоколамское направление, в район Чисмены. С Кубинкой не повезло второй раз. Чтобы не застрять в дороге, часть транспортных машин Катуков вынужден был отправить кружным путем через Москву, танки же пошли своим ходом. Только к вечеру 19 октября, ровно через сутки, бригада прибыла к месту назначения и поступила в распоряжение 16–й армии, которой командовал генерал—лейтенант К.К. Рокоссовский.

Не раз в годы войны судьба сводила Катукова с Константином Рокоссовским. Узнав, что воевать предстоит под его командованием, Михаил Ефимович обрадовался. Кульвинскому сообщил:

— А ведь мы вместе начинали войну на западной границе. Рокоссовский тогда командовал мехкорпусом, я — танковой дивизией. Как—то теперь сложатся наши отношения?

16–я армия занимала линию обороны в районе сел Чисмена, Покровское, Гряды. На правом фланге противник вклинился в ее оборонительный рубеж. Немцы заняли Можайск, Малоярославец, подошли к Наро—Фоминску. Бои шли на реках Протве и Наре, после чего оставлены Детчино, Таруса, под угрозой находился Серпухов. 20 октября 1941 года в Москве и прилегающих к городу районах вводится осадное положение.

4–я танковая бригада, находясь в резерве, оседлала Волоколамское шоссе. Рядом находились части 316–й стрелковой дивизии генерал—майора И.В. Панфилова и кавалерийская группа генерал—майора Л.М. Доватора. По распоряжению штаба 16–й армии Катуков вынужден был выделить три танковых экипажа для прикрытия звенигородского направления, а на наро—фоминское направление передать мотострелковый батальон. Сил стало меньше, но участок бригада должна держать.

С утра 20 октября комбриг с начальником штаба трудились над планом обороны участка. Перед ними на столе лежала карта, испещренная различными пометками, обозначавшими

расположение подразделений — артиллерийских и зенитных батарей, танковых засад, различных вспомогательных служб. Работая, они изредка обменивались мнениями, но на душе у каждого было тревожно. Ведь от Чисмены до Москвы было немногим более сотни километров.

На волоколамском направлении сложилось угрожающее положение. Гитлеровское командование планировало прорвать здесь оборону Западного фронта и выйти к Истринскому водохранилищу, а затем на ближние подступы к Москве. Разворачивались тяжелые бои.

22 октября части 258–й пехотной дивизии противника начали наступление на Маурино, Тащирово и Наро—Фоминск. Наступали они небольшими группами, но на отдельных участках фронта сосредоточивалось до 60 танков. Командующий 16–й армией поставил перед Катуковым задачу: уничтожать мелкие группы противника, прорвавшегося на северный берег реки Тарусы и к реке Наре, войдя слева в связь с 222–й стрелковой дивизией и справа с 1–й гвардейской мотострелковой дивизией, не допустить немцев на участок Крюково — Тащирово.[52]

Обсудив с работниками штаба поставленную задачу, Катуков решил создать три танковых группы. Группа Бурды (7 танков Т–34 с десантом пехоты) должна была действовать в направлении Кубинки, Акулова, Маурина, Тащирова, оборонять мост у Маурина. После ликвидации прорыва немцев мост через реку Таруса у Дрюково и Маурино предписывалось взорвать; группе Воробьева (3 танка «Т–34» с двумя отделениями десантников и саперами) предстояло вести бой с противником на северном берегу Тарусы и Нары. После выполнения задачи ей также предстояло взорвать мост у Любакова; у группы Кукарина — задание особое: поддержать огнем действия 1–й гвардейской мотострелковой дивизии при штурме деревни Тащирово, нападать на противника из засад, не допустить его к Кубинке.

Из 15 боевых машин, находившихся в это время в строю, в резерве у Катукова оставалось два тяжелых танка «КВ». Но и им нашлось применение. Эта небольшая группа под командованием майора А.Я. Еремина стала в засаду на опушке леса у деревни Акулово, держала под обстрелом шоссе по направлению к Наро—Фоминску.[53]

23 октября в 6.00 группы ушли на боевое задание. Проводив их, Катуков возвратился в штаб, чтобы всерьез заняться организацией разведки. Пока немного было известно о противнике, о его планах, о численности групп, прорвавшихся на север. Ясно одно: используя преимущество в технике, немцы будут стремиться развить успех на всех направлениях, особенно

на волоколамском, кратчайшем пути к заветной цели — Москве, реализуя свой план под громким названием «Тайфун». Крайний срок захвата советской столицы Гитлер определил — 7 ноября.

Комбриг вызвал командира разведывательной роты капитана П.Е. Павленко. Пантелеймон Евстафьевич — уроженец Киевской области, в 1937 году окончил Ульяновское бронетанковое училище, в бригаду попал с момента ее формирования, имея за плечами четырехгодичный срок службы в танковых войсках. Это его разведчики под Мценском добывали ценнейшие сведения о противнике, его численности, направлениях предстоящих ударов. Благодаря этим сведениям Катуков мог маневрировать мотострелковыми и танковыми силами, огневыми средствами.

Разведчик, переступив порог штаба, доложил комбригу:

— Капитан Павленко прибыл по вашему приказанию!

Катуков рукой показал на табуретку:

— Садись, Пантелеймон Евстафьевич. Есть серьезный разговор.

Вошли Кульвинский и Никитин. Беседа длилась более сорока минут. Штабу нужны были сведения о наступающих немецких частях: их номера, численность, откуда прибыли. Вести разведку, используя мотоциклы, в осеннюю грязь стало невозможно. Танки — две—три машины — в глубокий тыл противника не пошлешь. Их ждет верная гибель. И тут Павленко осенила мысль:

— А кони на что?

Предложение озадачило и комбрига, и работников штаба.

— Где же мы возьмем коней? — вслух произнес Катуков, обращая свой вопрос ко всем присутствующим. — На обозных клячах далеко не ускачешь.

Тут уж и Кульвинский загорелся идеей конной разведки:

— А что, если обратиться к Доватору? Его кавгруппа находится по соседству. Мне кажется, поможет: одно дело делаем.

Вскоре разведчики бригады располагали десятком добрых коней с седлами, и каждый вечер группы, снаряжаемые Павленко, уходили на задание. Их ждали как манны небесной. Возвращались они, как правило, с ценной информацией, иногда — с «языком». Если же разведывательных данных о противнике не хватало, к тому же требовалось добыть их в спешном порядке, Катуков разрешал в отдельных случаях использовать легкие танки.

Противник вот—вот должен начать крупное наступление. Это чувствовалось по его поведению. Немецкая авиация часто совершала облеты нашего переднего края, проводила воздушную разведку. Катуков предполагал, что это случится не позже 27 октября. Так и получилось. Вечером два батальона пехоты при

поддержке 15 танков нанесли удар в стык обороны 1074–го и 1073–го полков 316–й стрелковой дивизии и заняли Горки и Колистово. Об этом сообщил прибывший от генерала Панфилова офицер связи.

Несколько дней танкисты Катукова и пехотинцы Панфилова сдерживали немцев, прорвавшихся к Горкам. Бои были короткими, но ожесточенными. В сводках Совинформбюро их называли боями местного значения, но они играли немаловажную роль. Каждый сдерживающий удар не давал противнику накапливать резервы в районе Горок, Колистово, Волоколамска, Щепино, Ивановское, Быково, чтобы развернуть более мощное наступление.

Танковая бригада готовилась дать противнику отпор. Катуков отдает приказ: «Для организации обороны широко применять обман противника устройством ложного переднего края, ложных окопов, постановкой чучел. Ложный передний край оживлять отдельными группами бойцов».

Тут же даются рекомендации, как лучше оборудовать ложный передний край. Каждый батальон создает его на своем участке: устанавливаются макеты противотанковых орудий, станковых и ручных пулеметов, во время боя ставилась задача увлечь танки противника на минные поля.

В этом приказе — весь Катуков со своей стратегией и тактикой, с его неустанными поисками новых форм боя. Обратим внимание на фразу: «Ложный передний край оживлять отдельными группами бойцов». Что тут, казалось бы, нового? И все—таки есть. Под Орлом и Мценском передний край обороны был «бутафорским» и преследовал исключительно одну цель — вызвать по нему огонь противника. В боях же на волоколамском направлении комбриг приходит к мысли, что ложный передний край может нести и другую нагрузку — обороняться. Нередко немецкая разведка, дав рекомендации своему командованию, попадала впросак. На ложном переднем крае наступающие войска противника получали достойный отпор и несли ощутимые потери.

Катуков не был бы Катуковым, если бы, отдав приказ, не проконтролировал его выполнение. Крайний срок подготовки бригады к обороне — 2 ноября, но уже 1 ноября комбриг вместе с комиссаром Бойко отправился в батальоны. С первого же взгляда чувствовалось, что большинство командиров хорошо потрудилось: удачно выбраны места для танковых засад, в отдельных случаях машины зарыты по самую башню, не придерешься и к окопам: сделано все, как положено. Поблагодарив бойцов и командиров за ратный труд, Катуков

предостерег:

— Противник начнет наступление с массированного применения огня. На нашем участке обороны будет действовать 10–я танковая дивизия. Это — 69–й пехотный полк, 49–й саперный батальон, полк 150–мм пушек и 170 танков. Как видите, силы довольно внушительные. Но мы уже дрались однажды против двух немецких дивизий и выстояли.

— Выстоим и на этот раз, нам не привыкать, — сказал старший сержант Иван Любушкин. — Только хотелось бы знать, товарищ полковник, немцы в самом деле собираются брать Москву?

Бойцы ждали, что скажет командир. Ведь ни для кого не были секретом намерения гитлеровских оккупантов. Катуков лукаво улыбнулся:

— У баснописца Крылова, если помните, есть такие строки: «Хоть видит око, да зуб неймет». Слышал я про эту затею. На отдельных участках нашей армии немцы сбрасывают с самолетов листовки, в которых Гитлер хвастливо заявляет: «Если не возьму к 7 ноября Москву — берите даром Берлин!»

Тот же Любушкин не удержался. Сдвинув на затылок шлем, из—под которого выпала крупная прядь русых волос, произнес серьезно:

— Пусть немного потерпит. Придет время, возьмем Берлин. С боем, но возьмем!

От этой уверенности на душе у Катукова стало спокойнее. Он тепло простился с танкистами и направился в мотострелковый батальон, которым после ранения Кочеткова командовал капитан Николаев. Мотострелки занимали оборону в районе села Гряды.

Командирский броневик остановился в расположении 2–й роты. Катуков заглянул в окопы. Они вырыты на низком месте, на дне — вода. А рядом участки посуше. Маскировка вокруг сделана небрежно, как говорят, спустя рукава. Бойцы сидели в бездействии в стоге сена. Такого комбриг никак не ожидал. Он не стал разыскивать комбата, который находился на другом участке обороны, приказал командиру роты сделать все так, как этого требовала фронтовая обстановка.

Сдерживая порыв негодования, по дороге в штаб Катуков спросил у Бойко:

— Как тебе понравились мотострелки?

Комиссар видел Михаила Ефимовича в гневе первый раз, видел, как он переживал случившееся. Пытался успокоить его:

— Вообще—то любое головотяпство для меня невыносимо. Кто больше виноват — комбат Николаев или комиссар Волошко? Николаев — новичок в батальоне, пусть поработает, а Волошко

можно отозвать.

В тот же день по бригаде отдается приказ: «Предупреждаю командира батальона тов. Николаева о суровой ответственности за бездействие и требую мои указания и приказ выполнить, устранить недочеты к вечеру 1.11.41, доложить мне.

Военкому батальона тов. Волошко сдать должность тов. Большакову, самому прибыть в штабриг».[54]

Положение на участке батальона Николаева было исправлено, и мотострелки потом успешно отбивали атаки наседавшего врага. Но в душе комбрига еще долго оставался неприятный осадок.

6 ноября в танковую бригаду приехала московская делегация — рабочие и работницы заводов и фабрик. Они привезли подарки, письма. В прифронтовом лесу, на небольшой поляне, покрытой легким снежком, состоялся короткий митинг, на котором москвичи рассказали, как они трудятся на своих предприятиях во имя победы над врагом. В ответном слове старший лейтенант П.А. Заскалько, комиссар М.Ф. Бойко и старший сержант И.Т. Любушкин заверили делегатов, что не пожалеют сил, будут драться с немецкими оккупантами до полного их изгнания с нашей земли.

Едва проводили московскую делегацию, как на командном пункте Катукова появился командующий армией К.К. Рокоссовский. Его легковую машину сопровождал броневик. Константин Константинович поздоровался с командирами, протянул руку комбригу:

— Давненько не виделись с тобой, Михаил Ефимович. Помнится, на границе расстались. Говорят, крепко потрепала твоя бригада Гудериана под Орлом и Мценском, надолго запомнит он удары наших танкистов. Однако у меня есть к тебе дело, идем потолкуем. Надеюсь, чайком угостишь?

Пока вестовой собирал на стол, Рокоссовский, склонившись над картой, рассказывал об обстановке, сложившейся на оборонительных рубежах под Москвой.

— Противник, располагая крупными силами, стремится любой ценой реализовать свои планы. Против наших трех фронтов — Западного, Резервного и Брянского — действуют 77 дивизий. Ни много ни мало около 1 миллиона солдат и офицеров, 1700 танков и штурмовых орудий, свыше 14 тысяч орудий и минометов, до 950 самолетов. У нас — меньше живой силы и техники, правда, к фронту спешат военные эшелоны, так что в ближайшее время на фронте 16–й армии должны появиться резервы из Сибири и Дальнего Востока. А пока — задача прежняя. Нам надо связать руки фашистам на волоколамском

направлении, не пропустить их танковые клинья. И вот тут 4–я танковая бригада, имеющая богатый опыт танковых боев, может сделать многое. Кстати, об опыте, Михаил Ефимович. Хорошо бы им поделиться с другими танковыми соединениями. Как смотришь на это?

— С радостью можем передать все, чему научились. В бригаде много мастеров танкового боя. А для себя мы уже кое—что сделали, написали вот такую вещь. — Катуков передал командарму «Инструкцию танкистам по борьбе с танками, артиллерией и пехотой противника».

Рокоссовский почитал ее тут же, одобрил, многими положениями заинтересовался, особенно теми, в которых речь шла о разведке, о танковых засадах, об атаках на больших скоростях.

— Но это только инструкция для танкистов 4–й танковой бригады, — заметил командарм. — А если развить ее отдельные положения, порекомендовать Воениздату выпустить отдельной брошюрой, вот и получится пособие для всех командиров—танкистов.

— Я подумаю об этом, — согласился комбриг.

Свой боевой опыт Катуков обобщил позже, а пока слушал задачу на ближайшие дни. 4–я танковая бригада должна была нанести удар по Скирманову, небольшому населенному пункту, превращенному врагом в свой плацдарм. Отсюда, со Скирманова, а также из Марьина и Козлова гитлеровцы обстреливали шоссе Истра — Волоколамск, стремились перерезать эту магистраль и закрыть пути от столицы к нашим войскам.

— Готовьтесь основательно, — посоветовал Рокоссовский, прощаясь с комбригом, — Скирманово — орешек крепкий. С планом атаки обязательно познакомьте меня или моего начальника штаба Малинина. Москва ждет от нас решительных действий. Завтра праздник — годовщина Великого Октября. И мы должны встретить его так, как велит нам солдатский долг.

Шумный, насыщенный хлопотами день заканчивался. По заведенному правилу, оставшись наедине, Катуков мысленно подводил его итоги. Они устраивали комбрига. Бригада боеспособна, бойцы немного отдохнули, от общения с москвичами получили заряд бодрости. Делегаты, наверно, уже добрались до столицы. Как она там, наша столица, накануне праздника?

Москва, Москва… Вспомнились пушкинские строки:

Москва, как много
В этом звуке

Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

Противник, захватив в начале ноября 1941 года Скирманово, Козлово и Марьино, вклинился в расположение обороны 16–й армии К.К. Рокоссовского. Против нее действовали немецкие 46–й и 40–й моторизованные корпуса 4–й танковой группы и 5–й армейский корпус 9–й армии. В их составе на истринско—солнечногорском направлении находились 2, 11,5, 10–я танковые дивизии и моторизованная дивизия СС «Рейх».[55]

Катуков с полным основанием считал: если удастся срезать клин, вбитый противником в нашу оборону в районе Скирманова, то будет значительно облегчено положение 16–й армии, она получит возможность свободного маневра как огневыми средствами, так и людскими резервами. Как осуществить эту задачу? Предстояло подумать.

В бригаде шла подготовка к боям. Каждый вечер в тыл гитлеровцам уходили разведывательные группы, рейдировали по селам танковые экипажи Капотова, Коровянского и других. Постепенно в штабе накапливались сведения о противнике, о его обороне. Разведчики сообщили, что в самом Скирманове сосредоточено 35 танков, на высоте 264,3 занимает оборону батальон пехоты, подступы к селу прикрывают несколько танков и автоматчики. На скирмановском кладбище гитлеровцы устроили сложную систему дотов и блиндажей. Укреплено было и Козлово, где также созданы дерево—земляные сооружения, находилась рота пехоты и 10 танков. Беспокоило и то, что гитлеровское командование сосредоточивало недалеко от Ново—Петровского крупные резервы, которые могли быть быстро переброшены к местам вспыхнувших боев.

Обдумывая план атаки, Катуков пришел к выводу, что Скирманово придется брать в лоб. Иного выхода не видел. Начальник штаба Кульвинский, зная комбрига как мастера фланговых ударов, недоумевал:

— Атака в лоб? Уж очень рискованно. И вряд ли эту идею поддержит штаб армии.

Комбриг стал подробно объяснять, почему пришел к такому решению. Оказывается, он принял во внимание не только наличие сил у противника, его резервов, но и рельеф местности, который в бою мог сыграть не последнюю роль. Справа и слева от села — овраги, открытое пространство только впереди. Значит, маневрировать по флангам практически невозможно. Остается маневр по глубине атаки. К тому же удар должен быть произведен всеми силами и средствами, по мере приближения к линии

вражеской обороны он должен постоянно наращиваться.

Только теперь Кульвинский понял, что замысел Катукова, если его реализовать в полной мере, может обеспечить полный успех. Но понравится ли он Рокоссовскому?

В ночь с 9 на 10 ноября комбриг занят был проработкой плана предстоящей боевой операции. Позвонил комиссар Бойко:

— Михаил Ефимович, корреспонденты «Комсомольской правды» Дмитрий Черненко и Юрий Жуков прибыли в Чисмену. Просят организовать встречу с комбригом.

— Если не надолго, пусть подходят, — согласился Катуков. Встреча с журналистами заняла чуть больше часа. Интересовало их многое: как воевала бригада под Орлом и Мценском, кто из танкистов особенно отличился и при каких обстоятельствах, какую задачу будет выполнять бригада в ближайшее время. На вопросы Катуков отвечал неторопливо, не вдаваясь в детали боевых операций, с юмором, что позволило впоследствии Юрию Жукову написать: «…полковник Катуков — кадровый офицер, немного ироничный, спокойный, хорошо умеющий скрывать от посторонних то, что его тревожит».[56]

Когда время истекло, комбриг поднялся:

— Простите, дела.

Не раз потом встречался Юрий Александрович Жуков с Катуковым, уже известным, прославленным военачальником, но эта недолгая встреча в Чисмене послужила началом их многолетней дружбы.

Через несколько дней грянет бой. Танкисты проверяют материальную часть, на склады завозятся горючее, боеприпасы, продовольствие. Штаб работает круглосуточно. Катуков с командирами подразделений провел рекогносцировку, облазил передний край у Скирманова. Отпустил только после того, как убедился, что каждый из них хорошо ориентируется на местности и знает свою задачу.

Утром 12 ноября комбриг вместе с начальником штаба Кульвинским направился в деревню Устиновку, в штаб армии. Встретил их начальник штаба М.С. Малинин. Он сразу же оставил свои дела:

— Ждем вас, товарищи танкисты. Надеюсь, что прибыли с хорошим предложением. Но прежде чем начнем говорить о деле, почитайте «Правду», только что получили. Есть в ней приятное сообщение.

Развернув газету, среди прочих материалов на первой полосе Катуков прочитал:

«Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР о присвоении звания генерал—майора танковых войск Катукову

М.Е.

Совет Народных Комиссаров постановляет:

Присвоить Катукову Михаилу Ефимовичу звание генерал—майора танковых войск.

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР *И. Сталин*

Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров СССР *Я. Чадаев*

Москва. Кремль. 10 ноября 1941 г.[57]».

Чуть ниже — Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденом Ленина.

Катукова поздравляли работники штаба армии, член Военного совета А.А. Лобачев. Вошел Рокоссовский, пожал руку:

— Рад за тебя, Михаил Ефимович. Генеральское звание и орден Ленина — это высокая оценка твоей командирской деятельности. Но это не все. Приказом наркома обороны Союза ССР от 11 ноября 1941 года 4–я танковая бригада преобразована в 1–ю гвардейскую танковую бригаду.

Есть смысл дословно привести этот приказ, который тогда публиковался:

«ВСЕМ ФРОНТАМ, АРМИЯМ, ТАНКОВЫМ ДИВИЗИЯМ И БРИГАДАМ

ПРИКАЗ

Народного Комиссара Обороны Союза ССР

11 ноября 1941 г. № 337. г. Москва

О переименовании 4–й танковой бригады в 1–ю гвардейскую танковую бригаду.

4–я танковая бригада отважными и умелыми боевыми действиями с 4.10 по 11.10, несмотря на значительное численное превосходство противника, нанесла ему тяжелые потери и выполнила поставленные перед бригадой задачи прикрытия сосредоточения наших войск.

Две фашистские танковые дивизии и одна мотодивизия были остановлены и понесли огромные потери от славных бойцов и командиров 4–й танковой бригады.

В результате ожесточенных боев бригады с 3–й и 4–й танковыми дивизиями и мотодивизией противника фашисты потеряли: 133 танка, 49 орудий, 8 самолетов, 15 тягачей с боеприпасами, до полка пехоты, 6 минометов и другие средства вооружения. Потери 4–й танковой бригады исчислялись единицами.

Отличные действия бригады и ее успех объясняются тем, что:

1. Бригадой велась беспрерывная боевая разведка.

2. Осуществлялось полное взаимодействие танков с мотопехотой и артиллерией.

3. Правильно были применены и использованы танки, сочетая засады с действиями ударной группы.

4. Личный состав действовал храбро и слаженно. Боевые действия 4–й танковой бригады должны служить примером для частей Красной Армии в освободительной войне с фашистскими захватчиками.

Приказываю:

1. За отважные и умелые боевые действия 4–ю танковую бригаду именовать: «1–я гвардейская танковая бригада».

2. Командиру 1–й гвардейской танковой бригады генерал—майору Катукову представить к правительственной награде наиболее отличившихся бойцов и командиров.

3. Начальнику ГАБТУ и начальнику ГАУ пополнить 1–ю гвардейскую танковую бригаду материальной частью боевых машин и вооружением до полного штата.

Народный Комиссар Обороны Союза ССР И. СТАЛИН

Начальник Генерального штаба Красной Армии Маршал Советского Союза Б. ШАПОШНИКОВ».[58]

Катукова охватило необычайное волнение. Среди танковых соединений его бригаде первой присвоено наименование гвардейской. Конечно, это высокая честь и большая ответственность. Комбриг стоял смущенный и взволнованный:

— Спасибо, товарищи! Мы постараемся оправдать звание гвардейской бригады!

После того как все вопросы были утрясены, план предстоящего боя одобрен Рокоссовским и Малининым, танкисты покинули штаб армии и возвратились в Чисмену. К вечеру все экипажи знали: в бой они пойдут гвардейцами.

Советская гвардия родилась в огне сражений Великой Отечественной войны. Фронтовые и центральные газеты посвящали ей целые полосы. Газета «Известия», например, писала: «В разных условиях действовали войсковые части, ставшие ныне гвардейскими. Они били врага под Ельней, у Орла, на подступах к Москве. Именно от них бегали хваленые фашистские войска, теряя вооружение, амуницию и знамена. Имена героев—гвардейцев Катукова, Лизюкова, Русиянова и других — на устах у всей нашей армии».[59]

Из штаба 16–й армии пришел приказ:

«Части армии с утра 12.11.41 г. уничтожают противника в районе Скирманово — Козлово — Марьино и выходят на рубеж реки Гряды.

1–я гвардейская танковая бригада — ближайшая задача: ударом в направлении Ново—Рождествено — Скирманово уничтожает противника в Скирманово, в дальнейшем, наступая

вдоль шоссе, уничтожает противника в районе Козлово».

К 6 часам утра части бригады заняли исходное положение. В наступлении 1–ю гвардейскую танковую бригаду должны поддерживать 4 дивизиона артиллерии, правый фланг прикрывали 27–я и 28–я танковые бригады, а на левом наступала 18–я стрелковая дивизия под командованием полковника П.Н. Чернышева.

Все, казалось бы, готово к наступлению, но Катуков снова и снова уточнял детали боя, связывался со своего командного пункта, расположенного в полуразрушенном домике лесника, в километре от Скирманова, с командирами танковых групп, стоявшими на исходных рубежах, требовал сообщить, как ведет себя противник. Основные силы бригады (17 танков) вводились в бой тремя эшелонами. Танки первого эшелона под командованием старшего лейтенанта Лавриненко должны были вести разведку боем с целью вызвать огонь противника, чтобы засечь его огневые точки. Их поддерживали два танка «КВ» Заскалько и Полянского. Группе «тридцатьчетверок» капитана Гусева поставлена задача — подавить противотанковую артиллерию врага. Танки эшелона старшего лейтенанта Бурды завершали атаку, ведя за собой мотострелковый батальон старшего лейтенанта Передерия, сменившего капитана Николаева накануне наступления.

До начала атаки оставалось не более получаса. Катуков распахнул скрипучую дверь, вышел на свежий воздух. Одет он был как и прежде: на голове привычная для всех папаха, обыкновенная шинель перетянута ремнем. Правда, вместо «шпал» на петлицах появились звездочки, нарисованные химическим карандашом штабным телефонистом Вавиловым. Подошедший комиссар сразу же обратил внимание на его внешний вид:

— Вот это уже лучше. Во—первых, не нарушается форма одежды. Во—вторых, каждый видит: бригадой командует генерал.

— Шутить изволишь, Михаил Федорович?

— Ничуть. Я говорю вполне серьезно.

— Ладно, комиссар, не придирайся. Пришлют скоро генеральскую форму. Но, откровенно говоря, к этой привык: очень уж удобно ползать по передовой.

Комбриг посмотрел на часы. Они показывали половину десятого. Началась артиллерийская подготовка. Залпы рвали морозный утренний воздух, с сосен посыпался выпавший накануне снег. Где—то недалеко, ухнув, разрывались снаряды. Артобстрел Скирманова продолжался около получаса. Когда разрывы затихли, к окраинам села по снежной целине устремились танки Лавриненко. Немцы начали бить из

противотанковых орудий, расположенных за оградой кладбища. Огонь постоянно усиливался. Он не давал машинам Заскалько и Полянского приблизиться настолько, чтобы поразить цели.

В ходе первой перестрелки засечены были огневые точки врага. Комбриг ввел в бой группу Гусева. «Тридцатьчетверки» с ходу ударили по Скирманову. Пошли в атаку мотострелки, но они вскоре вынуждены были залечь из—за плотного пулеметного и минометного огня: танки, оказалось, не успели подавить до конца огневую систему противника. Да и сами немцы перешли в контратаку. Гусев передал по радио: цепи идут во весь рост.

Катуков понял: психическая атака. Такое уже бывало, и не раз. Последовал приказ с командного пункта — бить осколочными снарядами.

Психическая атака захлебнулась. Немцы попятились. Но батальон Передерия по—прежнему лежал в снегу. Со стороны кладбища продолжали бить крупнокалиберные пулеметы и минометы. Через некоторое время немцы возобновили атаку, устроив маскарад с переодеванием. Бурда, прорвавшийся к окраинам села, сообщил, что какие—то «красноармейцы» обстреливают наших мотострелков.

Красноармейских частей под Скирмановом быть не могло. Значит, хитрят фрицы. Катуков понял это сразу и попросил артиллеристов дать несколько залпов по скирмановскому кладбищу, из траншей которого появлялись мнимые красноармейцы. Огневой налет отрезвил противника. Тем временем танки Бурды начали громить блиндажи, пулеметные гнезда немцев, обеспечивая атаку мотострелкового батальона.

Бой шел уже несколько часов, а закрепиться у Скирманова не удавалось. Неожиданно наблюдатель сообщил:

— Танки!

Слева, со стороны небольшого леса, завихряя снежную пыль, шло около десятка немецких танков. Завязалась танковая дуэль. В бой вступили группы Бурды и Гусева. Дрались наши танкисты отчаянно, подбили 5 вражеских машин, заставив другие ретироваться с поля боя. Были потери и с нашей стороны, повреждены машины Полянского и Заскалько, сгорело несколько танков типа «БТ».

Продолжать бой было по крайней мере нецелесообразно: не избежать больших потерь. Катуков прекратил атаку и отвел войска на исходные позиции. В штабе он сказал Бойко и Кульвинскому:

— В чем—то мы просчитались. В чем?

Кульвинский усомнился:

— Просто противник основательно укрепился. И сил у него

предостаточно.

— Что делать будем? — спросил Катуков спокойно.

Поднялся комиссар Бойко:

— Наступать. Только наступать надо как—то по—другому. Может быть, удар нанести, скажем, на левом фланге? Или попросить соседа, командира 28–й танковой бригады Малыгина, поддержать огнем?

— Что скажет начальник штаба? — Комбриг посмотрел в сторону Кульвинского. Тот ответил:

— Хотя события развиваются не так, как нам хотелось бы, все же считаю, выбить противника мы можем и должны это сделать. Бой начали, доведем его до конца.

— Резонно, — согласился Катуков. — Резонно хотя бы потому, что в ходе первых атак мы серьезно нарушили систему обороны противника. Это надо учесть. Попробуем взять Скирманово ночью. Вряд ли немцы ждут, что мы начнем сейчас новое наступление. Позиции у артиллеристов пристреляны, попросим их еще разок «постучать» по вражеским дотам.

Приближалась полночь. Мотострелковый батальон незаметно выдвинулся к Скирманову. Передерий ждал сигнала. Как только артиллеристы закончили обработку немецкого переднего края, снова пошли в атаку группы Гусева, Бурды и Лавриненко. За ними ринулись мотострелки. Удар был настолько стремительным и неожиданным для немцев, что поначалу они сопротивлялись вяло, неуверенно, только когда мотострелки подошли вплотную к селу, начали огрызаться все огневые точки.

Наши танки двигались рывками, словно пехотинцы короткими перебежками, вели огонь из любого положения. Группа Лавриненко прорвалась на северную окраину Скирманова, уничтожила несколько дотов, минометную батарею. Группа Бурды на южной окраине подбила 5 танков, разогнала вражеских автоматчиков. До центра села совсем близко, но именно оттуда били противотанковые орудия и минометы.

Бурда сообщил по радио на КП: группа потеряла два танка, двигаться дальше мешает заградительный огонь противника. Катуков послал в Скирманово два танка «КВ». Теперь уже почти все танковые силы были задействованы в бою. Остался небольшой резерв. Понес потери и Лавриненко, дважды запрашивал о помощи. Комбриг ответил:

«Маневрируйте. Бейте по дотам всей мощью огня. Ищите слабые места в обороне противника!»

Стоявшие рядом Кульвинский и Бойко недоумевали:

— Почему Катуков медлит, не вводит в бой оставшиеся танки?

Первым не выдержал начальник штаба:

— Товарищ генерал, комбаты просят помощи. Нельзя им в этом отказывать. Минуты критические.

Катуков спокойно соглашался:

— Конечно, конечно, в помощи отказывать никому нельзя. Но не время сейчас.

Со стороны могло показаться: комбриг проявляет равнодушие, скаредность, хуже того — безразличие к судьбам людей. Но это не так. За командирским спокойствием скрывалось многое. Бойко потом признавался: «Честное слово, его (Катукова. — *В.П.*) скупость некоторых злила. Ну, скажи на милость, зачем так жаться? Кажется, вот—вот, подбрось еще пяток танков, и все кончится. А он их держит и держит в резерве. И ведь правильно держит! Именно поэтому победа досталась нам не такой дорогой ценой, какую пришлось бы заплатить, если бы мы хоть чуть—чуть погорячились, поспешили…»[60]

Бросил, конечно, комбриг в бой свой резерв, но только после того, как увидел, что наступил кризис в обороне противника, когда гитлеровцы окончательно выдохлись. Теперь важно было добить их.

Свежие танковые силы завершили операцию в Скирманове. Немецкое командование пыталось изменить ситуацию, подбрасывало подкрепления осажденному гарнизону, но гитлеровцы, попав под огонь наших танкистов, откатывались назад.

Огонь противника постепенно ослабевал, сопротивлялись лишь отдельные группы немцев. В одной из стычек был тяжело равен командир мотострелкового батальона Передерий. Узнав об этом, комбриг приказал связному:

— Капитана Лушлу ко мне!

Скоро на командном пункте появился запыхавшийся от быстрого бега помощник начальника штаба бригады Лушла.

— Вот что, Ваня, — Катуков положил ему руку на плечо, — только что донесли с передовой: Передерий выбыл из строя. Принимай командование батальоном. Надо ликвидировать последние очаги сопротивления гитлеровцев в Скирманове и подготовить мотострелков к наступлению на Козлово. Действуй!

Утром 13 ноября село было взято. Установилась непривычная тишина. Над горевшими домами еще клубился дым. Вдоль улиц стояли подбитые танки — наши и немецкие, валялись опрокинутые мотоциклы, орудия. Кругом, куда ни посмотришь — трупы в серо—зеленых шинелях. Бригада выдержала тяжелый бой, но задачу выполнила только наполовину. Предстояло еще взять Козлово.

Пока танковые экипажи готовились к новой атаке, заправлялись горючим, загружали боеприпасы, делали мелкий ремонт, пока мотострелки приводили себя в порядок, Катуков и Кульвинский прошли по Скирманову, осмотрели разбитые гитлеровские узлы сопротивления, трофейную технику. У тяжелого орудия толпились бойцы, рассматривая неиспользованные снаряды необычной формы. Ими немецкие артиллеристы пробивали мощную броню наших танков «КВ». Это были бронебойные снаряды, наружная оболочка которых делалась из мягкого металла, а внутри находился закаленный сердечник. Новинку артиллерийского вооружения противника немедленно отправили в Главное артиллерийское управление, равным образом как и новый танковый прицел — в Главное автобронетанковое управление. Впоследствии наша промышленность наладила выпуск подкалиберных снарядов, так их стали называть позже. Применение под Курском таких боеприпасов сыграло немаловажную роль.

Не зря старался Гудериан, коль за короткий промежуток времени на фронте появились мощные пушки и бронебойные снаряды. А ведь еще недавно писал, что «наши 37–мм противотанковые пушки оказались бессильными против русских танков «Т–34». Дело дошло до паники…» Но и тут танкисты—гвардейцы оказались на высоте. После завершения боя в Скирманове бойцам было дано на отдых всего три часа. И вот уже Лушла докладывает: «Батальон готов к атаке!»

Для поддержки мотострелков Катуков выделил три танка — экипажи Самохина, Луппова и Матросова. Несколько машин придержал на крайний случай.

— Вперед, гвардейцы! — напутствовал их комбриг.

С ходу Козлово, как и Скирманово, взять не удалось. Плотный огонь противника заставил мотострелков залечь. Последовали новые атаки, и снова — неудачи. Более суток бригада штурмовала село. Только при поддержке других частей 16–й армии наступил перелом. В одном из штабных документов об этом бое говорилось так: «27, 28 и 1–я гвардейская танковые бригады во взаимодействии с 365–м и 1308–м стрелковыми полками после троекратных атак окружили Козлово. Оно горит». [61]

Сколько мужества и героизма проявляли танкисты и пехотинцы! Этого нельзя измерить никакой мерой. По три—пять раз в день машины заправлялись горючим, пополнялись боеприпасами и снова уходили в бой. Только к вечеру 14 ноября гитлеровцы были выбиты из Козлова.

В Скирманово приехал командарм Рокоссовский. Осмотрев

груды разбитой немецкой техники, спросил у Катукова:

— Трудно пришлось, Михаил Ефимович?

— Попотеть пришлось основательно, — признался Катуков.

— Спасибо за ратный труд тебе и твоим танкистам! Вижу, поработали на славу, как подобает настоящим гвардейцам. Представляйте отличившихся к награде.

По распоряжению Рокоссовского бригада, сдав позиции стрелковым частям, отводилась в Чисмену на короткий отдых. Требовался осмотр и ремонт материальной части. За время боев вышло из строя много машин, одни сгорели и не подлежали восстановлению, другие — повреждены и отбуксированы с поля боя на СПАМ. Во всех батальонах были большие людские потери, что, конечно, не могло не встревожить Катукова: такого еще не наблюдалось за всю короткую историю танковой бригады.

Однако следует сказать, что бои на Скирмановском выступе стали для танкистов Катукова первыми наступательными боями. Противник не удержал позиции, был выбит и понес значительный урон. Только под Скирмановом и Козловом немцы потеряли 34 танка, 25 противотанковых орудий, 8 тягачей, 26 минометов и 5 тяжелых орудий.

Бригада не только выполнила приказ командования, но и осуществила невероятно трудную задачу — помешала противнику нанести удар во фланг 16–й армии. В ходе боев, по сути дела, обескровлена 10–я танковая дивизия немцев; дивизия СС «Рейх», пытавшаяся прорваться из Рузы в район Скирманова, тоже понесла потери. Срывались планы гитлеровского командования приблизиться к Москве.

Отдыхать гвардейцам Катукова так и не пришлось. Фронт диктует свои условия. Гитлер торопил группу армий «Центр» с захватом Москвы. 15 ноября он отдал приказ о новом «генеральном» наступлении. На этот раз немецко—фашистское командование наметило нанести основные удары по флангам Западного фронта с целью обойти Москву с северо—запада и юго—востока. Ударная группа армии «Центр» — 51 дивизия, в том числе 31 пехотная, 13 танковых и 7 моторизованных — обладала огромной пробивной силой, и сдерживать ее приходилось в тяжелейших боях.

На клинском направлении противник бросил огромные массы танков и оттеснил войска 30–й армии к Волге южнее Калинина. 16 ноября 1941 года начала наступление 4–я танковая армия Гепнера на левом фланге 16–й армии Рокоссовского. Удар пришелся на стык 316–й стрелковой дивизии Ивана Панфилова и кавалерийской группы Льва Доватора. Основные силы противника шли вдоль Волоколамского шоссе, которое

прикрывала 1–я гвардейская танковая бригада Катукова.

Разгорелись ожесточенные бои. Катуков видел, что немцы задались целью любой ценой овладеть Ново—Петровским, чтобы выйти в тыл нашим войскам. Севернее Волоколамского шоссе они уже заняли несколько населенных пунктов, выбив оттуда части 316–й стрелковой дивизии.

Положение у Панфилова сложилось тяжелое, помочь ему мог только Катуков. Михаил Ефимович, не медля ни минуты, направил в район станции Матренино две роты мотострелков и взвод танков под командованием старшего лейтенанта Бурды. Совместными усилиями стрелковых частей Панфилова, конников Доватора и танкистов Катукова удалось восстановить положение на линии фронта, но не надолго.

17 ноября противник бросил в бой до двух пехотных полков с танками и занял села Матренино, Язвище и Горюны. В этом районе группа Бурды оказалась окруженной. Выходила она ночью через Горюны. Пробивая путь мотострелкам, танки подрывались на минах, попадали под огонь противотанковых орудий. К концу атаки ни одной целой машины не осталось в строю. И все же, пройдя через кромешный ад, группа Бурды вышла из окружения и присоединилась к основным силам бригады.

Последующие дни были еще более тяжелыми и напряженными. По приказу штаба армии приходилось распылять силы, передавать отдельные группы танков то Доватору, то Панфилову, а на направлении главного удара, по данным разведки, немцы сосредоточили до 200 танков.

— Достанется нам, если вся эта армада ринется на Чисмену, — выразил опасение Катуков, просматривая вместе с Кульвинским донесения разведчиков.

— Может, помощи попросить у командарма? — предложил начальник штаба.

— Откуда Рокоссовский сейчас возьмет резервы, — разочарованно произнес Катуков. — Батальон пограничников под командованием капитана Самойленко — это, кажется, все, что он мог дать. О новых танках приходится только мечтать. Будем отбиваться тем, что имеем.

Враг наседал, каждая атака ему дорого обходилась, но таяли силы и танковой бригады. Едва было восстановлено положение в районе села Гряды, как на КП появился связной от генерала Панфилова. Иван Васильевич сообщал, что немцы заняли села Шишкино, Ченцы и Лысцово, угрожают его штабу. Просил срочно оказать помощь танками.

На этот раз к Панфилову ушла группа старшего лейтенанта Лавриненко. Она имела в своем составе три танка «Т–34» и три

«БТ–7». Это все, что удалось наскрести под руками.

Прикрывая отход штаба Панфилова, Лавриненко вступил в бой с 18 немецкими танками. Численное превосходство явное, но оно не испугало танкиста. В этой дуэли немцы потеряли 7 танков, остальные, не выдержав боя, повернули обратно и скрылись в глубине леса. Но и четыре наши машины остались на колхозном поле в надежде, что службам Дынера удастся их отбуксировать на СПАМ.

Оставив экипаж танка «БТ–7» под командованием Маликова для охраны штаба 316–й стрелковой дивизии, Лавриненко снова ринулся в бой. Став в засаду, он расстрелял еще 7 вражеских машин, задержав немецкую колонну на несколько часов. Тем временем стрелковая дивизия отошла на новые позиции, ее штаб разместился в деревне Гусенево.

Успешно дрались катуковцы и на волоколамском направлении. В храбрости и мужестве им не уступали пехотинцы Панфилова и конники Доватора. В эти дни стало известно о беспримерном подвиге у разъезда Дубосеково 28 бойцов—панфиловцев во главе с политруком Василием Клочковым, преградившим путь 50 вражеским танкам, рвавшимся по Волоколамскому шоссе к Москве. Почти все они погибли. Позади Москва, отступать некуда.

17 ноября 1941 года 316–я стрелковая дивизия была награждена орденом Красного Знамени — за стойкость и мужество, проявленные в боях, а на следующий день преобразована в 8–ю гвардейскую стрелковую дивизию.

Катуков поздравил своего соседа генерала Панфилова со знаменательным событием. Генералы виделись всего один раз, но суровое военное время сблизило их и породнило. В разговоре по телефону, в коротких записках, передаваемых через связных, Иван Васильевич благодарил за помощь своими «коробочками», приглашал в дивизию на чай. Но новой встрече не суждено было состояться.

18 ноября на фронте разыгрались драматические события, свидетелем которых стал все тот же Дмитрий Лавриненко. Со своей боевой машиной он находился при штабе 8–й гвардейской стрелковой дивизии. Утром фашистские войска при поддержке двух десятков танков начали окружать Гусенево. Кругом рвались снаряды и мины. Весть о танковой атаке противника Панфилов воспринял спокойно, сразу же направился на КП, чтобы оттуда руководить боем. Рядом разорвалась мина, и генерал, раненный осколком в голову, начал медленно оседать на землю. Не приходя в сознание, Панфилов скончался.

Крик бойца, охранявшего штаб дивизии: «Генерала убили!» —

вывел Лавриненко из оцепенения, подбежав к танку, он приказал механику—водителю заводить мотор. «Тридцатьчетверка» рванулась навстречу врагу. Времени на размышление и поиск удобной позиции у Лавриненко не было. С ходу, на большой скорости, экипаж открыл огонь. Последовало семь выстрелов, и 7 фашистских танков запылали яркими факелами. Производя очередной выстрел, командир повторял:

— Это вам за Панфилова!

Надо было уходить, но не таков Лавриненко, чтобы пасовать перед врагом. Возбужденный накалом боя, он горел одним желанием — мстить. Опомнившись, немецкие танкисты увидели, что перед ними — единственная машина, сосредоточили на ней ураганный огонь. Раздался оглушительный взрыв — прямое попадание в борт. Погибли боевые товарищи Лавриненко — механик—водитель Бедный и радист Шаров. Контуженные командир и башенный стрелок Федотов, выбравшись через нижний люк, ушли в сторону леса…

Трагическая весть о гибели генерала Панфилова облетела дивизию, пришла она и в бригаду Катукова.

— Каких людей теряет армия! — сокрушался Михаил Ефимович. — Ему бы воевать да воевать…

В двадцатых числах ноября 1–я гвардейская танковая бригада прикрывала отход 16–й армии. Враг бросался на Чисмену то с запада, то с севера, иногда его передовые части оказывались в нашем тылу, и тогда все службы — штабные работники, снабженцы, ремонтники — брались за оружие.

Сдерживать врага становилось все труднее. Отошли соседи — 8–я гвардейская стрелковая дивизия, 3–й кавалерийский корпус Доватора, только 1–я гвардейская танковая бригада оставалась в Чисмене. Несколько раз немецкие войска пытались окружить бригаду Катукова, но она отбивалась из последних сил. Наконец получен приказ штаба 16–й армии отойти в район Ново—Петровского. Этот переход стал тяжелейшим испытанием для танкистов.

«Приказ на отход поступил в разгар боев, — вспоминал комиссар М.Ф. Бойко. — Фашисты, сжимая кольцо окружения, стремились во что бы то ни стало перерезать все пути, связывающие бригаду с внешним миром. К вечеру 16 ноября их танки с десантом автоматчиков перехватили шоссе. Оставалась единственная отдушина — на северо—восток. Но что это за отдушина?

Край непроходимых лесов и болот, пробиваться через дикие места — значит увязнуть в трясинах, захлебнуться в болотах, застрять в лесной чащобе. Все равно гибель! Все равно смерть!

Так, по крайней мере, думали фашисты. Поэтому они даже не позаботились выставить более или менее надежный заслон на этом направлении. По—иному смотрел на все это Катуков.

— Путь на северо—восток через леса и топи — наше спасение, фашисты как черт ладана боятся леса, тем более такого, как этот, — говорил он товарищам. — В лесном бою они чувствуют себя не очень уверенно, ориентируются неважно… А нам что? Мы у себя дома. Лес нам не страшен. Наши разведчики давно все его уголки прощупали, обходные тропинки нашли. Продеремся».[62]

Немцы в самом деле считали, что танки и тяжелые машины с грузом вряд ли пройдут через болота. Пробиваться же пришлось по узким тропам, казалось, по ним не только танк, телега не пройдет. Бойцы прорубали просеки, мостили гати, по ним медленно, ощупью, шаг за шагом двигалась техника. К утру лес кончился. Чтобы оторваться от противника, Катуков решил дать ему, как говорили бойцы, хорошую взбучку, контратаковать.

Удар по авангардным частям немцев осуществлен был двумя группами. Одну из них возглавил сам Катуков, другую — комбат Гусев. Гитлеровцы, обнаружив, что оконфузились, открыли яростную стрельбу из орудий и минометов, стали напирать с флангов. Потом вдруг от неожиданности пришли в замешательство, попятились, наконец совсем отказались от преследования.

1–я гвардейская танковая бригада вышла из окружения, она ослабла, бойцы устали, семь дней, проведенные в боях, много значили для каждого. Потеряно много техники. Чтобы поддержать боеспособность бригады, штаб армии направил Катукову 5 танков «Т–34» под командованием лейтенанта Коровянского. Обрадованный Дынер выехал в Истру принимать пополнение. Только вот незадача: всю танковую группу перехватил Доватор. С разрешения командарма Рокоссовского он использовал ее для отражения прорвавшихся гитлеровцев на участке Федюково — Деньково.

Михаил Ефимович через связного получил записку:

«Генерал—майору Катукову!

Командующий армией приказал мне в связи с угрожающим положением на участке Федюково—Деньково и возможностью прорыва противника в направлении шоссе подчинить себе пять танков, которые направлялись в ваше распоряжение.

Командир 3–го кавкорпуса генерал—майор Доватор».

Прочитав записку, комбриг передал ее Кульвинскому.

Начальник штаба улыбнулся:

— Шустрый у нас сосед. Чего доброго, начнет не только

танки, мотострелков перехватывать. С чем же мы тогда останемся?

Доватору, однако, туго пришлось в эти дни. Немцы, получив отпор у Федюкова, начали развивать наступление на Язвище. Штаб корпуса оказался в полуокружении. Не поддержать конников Катуков не мог, направил дополнительно им тяжелый танк «КВ» под командованием Петра Молчанова. И весьма вовремя.

Когда немецкие танки подошли к селу, Молчанов из засады с короткой дистанции подбил 4 вражеские машины, за что Доватором был представлен к ордену Красного Знамени.

21 ноября Катуков получил приказ отвести бригаду на новый рубеж обороны, в район населенных пунктов Назарово, Медведки, Фелюкино. Этот день стал для танкистов знаменательным: бригаде было вручено гвардейское знамя. Приехал член Военного совета 16–й армии А.А. Лобачев.

В церемонии вручения гвардейского знамени Катуков участвовать не мог: выводя бригаду из окружения, простудился, слег окончательно. Лобачев навестил комбрига, разместившегося в небольшом домике у приветливых хозяев, которые, узнав о болезни командира, хлопотали у жарко натопленной печки.

— Вот уж не вовремя прицепилась ко мне хвороба, — оправдывался Михаил Ефимович. — Такое событие в бригаде бывает один раз.

— Ничего, комбриг, у тебя толковые помощники, все организуют. Полежишь до вечера, отогреешься. Глядишь, дело на поправку пойдет. Да и негоже раскисать в присутствии такого медика. — Лобачев посмотрел на молодую женщину в белом халате, стоявшую у окна. — Ну, бывай здоров, генерал!

— Спасибо, Алексей Андреевич!

Целый день от кровати Катукова не отходили врачи Дмитрий Михайлович Черновалов и Наталья Георгиевна Пухтаевич, делавшие все, что можно было сделать во фронтовых условиях, чтобы поставить комбрига на ноги. Особую заботу проявляла медсестра санитарного взвода Екатерина Сергеевна Красавцева.

О Екатерине Сергеевне следует сказать особо. Впоследствии она станет женой Михаила Ефимовича, пройдет с ним фронтовыми дорогами от Москвы до Берлина, будет находиться рядом до последних дней его жизни.

В мае 1941 года жена Катукова Ксения Емельяновна умерла от рака. А тут война. Обзаводиться новой семьей было некогда. И вот в бригаду приехала группа корреспондентов Всесоюзного радио, в составе которой находилась и Е.С. Красавцева.

Екатерина Сергеевна вспоминала:

«Я работала во Всесоюзном радиокомитете при СНК СССР, в редакции «Последних известий». Стенографистка. Военная специальность — фельдшер. Обязана была призываться через военкомат, но редакцию перевели на военное положение и подчинили политуправлению Западного фронта. Я была зачислена в штат этой редакции как военнообязанная.

Редакции было поручено сделать репортаж о части М.Е. Катукова, о ее людях и командире. Бригада Катукова находилась в октябре 1941 года в районе станции Чисмена в резерве фронта. Ответственным корреспондентом за этот репортаж был назначен Юрий Арди, и я поехала с ним в командировку для сбора и оформления материала.

Так я встретила Михаила Ефимовича. Было решено, что я останусь с ним. Я ему нужна, он был нужен мне. У нас было красивое чувство, хотя рядом шла жестокая война».[64]

У войны не женское лицо, но женщины вносили посильный вклад в дело разгрома гитлеровских войск. Екатерина Красавцева выполняла любую работу, первое время при штабе была машинисткой. Был издан даже такой приказ: «Гражданку Красавцеву Е.С. зачислить на штатную должность вольнонаемной машинисткой оперативного отдела с 20.09.42. г. Никитин. *Жуков*».[65]

И все же предпочтение было отдано медицине. Екатерина Сергеевна перешла в медико—санитарный взвод и попала в заботливые руки Н.Г. Пухтаевич, у которой за время войны многому научилась.

…Обстановка под Москвой накалялась с каждым днем. Столице угрожала смертельная опасность. Немцы прорвали фронт в полосе 30–й армии, одновременно нанесли удар в районе Теряевой Слободы и начали обходить с севера Истринское водохранилище. 23 ноября после тяжелых боев наши войска оставили Клин и Солнечногорск. 16–я армия заняла восточный берег реки Истры и Истринского водохранилища.

26 ноября части 1–й гвардейской танковой бригады отошли во второй эшелон армии и стали готовиться к обороне в районе Лисавина, Небогаткова, Адуева, Алексина. Предстояло срочно отремонтировать поврежденную технику. Дынер просил на это 2–3 дня, докладывал, что на СПАМе скопилось до 35 танков и много транспортных машин. Ремонтники работали круглосуточно, отдыхали по три—четыре часа. И все равно не управлялись.

— Дорогой Павел Григорьевич, — Катуков умоляюще посмотрел на своего заместителя по технической части, — танки мне нужны позарез сегодня, сейчас. А времени нет. Сутки растянуть на тридцать—сорок часов не могу: не резина. Если

Военный совет армии ничем не поможет, туго придется.

На запрос комбрига подбросить хотя бы с десяток танков пришел ответ:

«Обстановка сейчас такая, что не приходится думать о передышках, формированиях и т. д.

Сейчас ценность представляет каждый отдельный боец, если он вооружен.

Деритесь до последнего танка и красноармейца. Этого сейчас требует обстановка.

Налаживайте все в процессе боя и походов. *Рокоссовский*».[66]

Что тут скажешь? Командарм по—своему прав. Но выход надо искать. Решено было обратиться к ремонтникам, просить их напрячь усилия, восстановить в ближайшее время подбитые танки. Написали им письмо, под ним поставили подписи Катуков и комиссар Бойко.

Ремонтно—восстановительную роту возглавлял капитан Павел Михайлович Жуков, человек опытный, в 1935 году окончивший школу танковых техников. Ему ли не знать, как нужны для бригады боевые машины. Ремонтники ответили: «Для социалистической Родины, для защиты родной Москвы мы приложим все силы, чтобы еще быстрее и качественнее восстановить наши грозные танки. Мы будем работать день и ночь в любых условиях, но поставленные задачи выполним».[67]

Бойцы—ремонтники 1–й гвардейской танковой бригады при двадцатиградусных морозах, зачастую в поле, не на базе, восстанавливали танки и другую боевую технику. Наверно, о них либо о таких, как они, писал в 1941 году поэт Александр Прокофьев:

Вся Родина встала заслоном,
Нам биться с врагом до конца,
Ведь пояс твоей обороны
Идет через наши сердца!
Идет через грозные годы
И долю народа всего,
Идет через сердце народа
И вечную славу его!

Между Снегирями и Москвой, как челнок в ткацком станке, сновал вездесущий П.Г. Дынер. На московских заводах он умудрялся добывать запасные части, детали, инструмент. И дело спорилось. К началу декабря бригада получила 11 танков. Спустя много лет Павел Григорьевич вспоминал: «В оборонительных боях под Москвой на волоколамском направления и в последующих наступательных боях 1–я гвардейская танковая бригада не

выходила из боя 6 месяцев, восстанавливая свои поврежденные танки на ходу, пополняясь новыми и принимая боевые машины от выводимых на переформирование танковых частей».[68]

В конце ноября 1941 года советские войска оставили Истру, 3–я танковая группа немцев под командованием Рейнгардта нанесла удар на Яхрому и Красную Поляну, обеспечив возможность 4–й танковой группе Гепнера продвинуться на несколько километров из Солнечногорска и Истры к Москве. Гитлеровцы подошли к каналу Москва — Волга и переправились через него в районе Яхромы, севернее Икши.

В захвате автодорожного моста через канал, как полагают военные историки, приложил руку небезызвестный диверсант Отто Скорцени, служивший в дивизии СС «Рейх», входившей в состав 56–го моторизованного корпуса, которым командовал генерал Шааль.

Отряду Скорцени поручили захватить плотины и мосты на канале Москва—Волга. Переодевшись в красноармейскую форму, диверсанты переправились по льду, уничтожили нашу команду подрывников. Затем по мосту прошел крупный отряд немцев — пехотный и танковый полки во главе с полковником Хассо фон Мантейфелем. Этот человек отличался особой жестокостью и подлостью. После войны стал одним из главарей неофашизма.

Ставка Верховного Главнокомандования и командование Западного фронта приняли срочные меры по ликвидации прорвавшихся немцев севернее Москвы. В район Крюкова, Хлебникова и Яхромы перебрасываются 7–я и 8–я гвардейские стрелковые дивизии, две танковые бригады, два артиллерийских танковых полка. В направлении Красной Поляны выдвигается оперативная группа полковника Александра Лизюкова. 29 ноября она была усилена резервными войсками и преобразована в 20–ю армию.[69]

Подошедшие затем войска 1–й ударной армии под командованием В.И. Кузнецова отбросили немцев на левый берег канала, что значительно облегчило положение 30–й и 16–й армий, укрепивших свою оборону, остановивших дальнейшее продвижение врага на волоколамском и истринском направлениях.

Несмотря на неблагоприятную обстановку, сложившуюся на фронте, 1–я гвардейская танковая бригада по—прежнему вела активную оборону. Катуков понял, что противник выдыхается, удары его слабеют, вот—вот начнет переходить к обороне. Отдавая приказ 27 ноября о нанесении ударов небольшими танковыми группами по селам Куртасово, Ермолино, Огниково и другим, Михаил Ефимович был уверен: группы справятся с

поставленной задачей.

Кульвинский пытался было возражать:

— Рискованно все же, товарищ комбриг, атаковать малыми силами, без поддержки артиллерии, я не говорю уж об авиации. Откуда такая уверенность, что при виде наших танков немцы обратятся в бегство?

— Носом чую, — пошутил Катуков. — Спроси сейчас у любого бойца, он непременно скажет: «Не тот пошел фашист. Вялый. Воюет без особого желания».

Предположения Катукова о том, что наступает перелом в боях под Москвой, подтвердились уже через несколько дней. Фашисты атаковали слабо, неуверенно, нередко даже избегали боя. Вот и наглядный пример. Три машины под командованием лейтенанта Попова, встретив немецкую танковую колонну, вышедшую из Бокеева, с первой же атаки подбили 4 танка и несколько автомашин. Колонна, не приняв боя, повернула обратно в Бокеево.

Когда стало известно о том, что противник сосредоточивает крупные силы в деревне Надовражино, у комбрига возникла мысль атаковать и разгромить там немцев.

— Фронт в этом месте прерывистый, у противника не хватает войск, чтобы закрыть все бреши, — излагал Катуков свои соображения в штабе бригады. — Атака обещает быть интересной. Кто может возглавить ее?

Достойных кандидатур в бригаде было много. Кульвинский назвал Лавриненко, Бурду, Гусева, Молчанова, Морозова, Лещишина. Все мастера танкового боя. Но остановились на Константине Самохине, командире роты: смел, изобретателен в бою, прекрасно ориентируется на местности в любое время суток. Его пригласили в штаб, чтобы поставить задачу.

— Есть возможность отличиться, Константин Михайлович. — Такими словами встретил комбриг своего подчиненного. — Как у тебя машины, исправны?

— Материальная часть в полном порядке, как в танковых войсках, — доложил Самохин. — Готовы выступать.

К карте подошел Кульвинский:

— Вот и хорошо, лейтенант. Только выступать придется немедленно. Обрати внимание вот сюда. На фланге нашей бригады, у деревни Надовражино, немцы стягивают крупные силы — пехоту, артиллерию, танки. Это вызывает серьезные опасения. Задача: незаметно пройти лесными тропами и ударить по деревне. Есть вопросы?

— Один. Какие силы мне будут выделены?

— Восемь танков.

Катуков добавил:

— И взвод пехоты. Хватит этого?

— Вполне!

Атака прошла удачно. Вот как описывает ее сам комбриг:

«Выйдя на опушку леса у деревни Надовражино и оставив пехоту на фланге, тов. Самохин приказал ей открыть огонь по толпившимся в деревне немцам, а сам с танками, как вихрь, налетел с другой стороны и прочесал селение вдоль и поперек гусеницами и огнем пушек и пулеметов. Успех был полный: было уничтожено до 20 автомашин, несколько десятков мотоциклов и истреблено до роты фашистов.

Но это было еще не все. Тов. Самохин увидел, что 10 немецких танков (две группы) выходят с западной опушки леса с намерением взять деревню в клещи. Тов. Самохин прицепил на буксир исправную автомашину с радиостанцией и поспешил уйти под прикрытием огня своей пехоты обратно в лес. Танки противника, идя навстречу друг другу и сжимая клещи, в наступающей темноте не опознали друг друга и, приняв свои танки за танки противника, начали истреблять самих себя при активной помощи танков тов. Самохина, действующих с опушки леса.

Группа наших смельчаков вернулась без потерь и с трофеями. Удар немцев был сорван, мы выиграли время (сутки) и приготовили врагу достойную встречу».[70]

Пружина немецкого наступления сжалась до предела, и уже наступал такой момент, когда она готова была раскручиваться в обратном направлении. На отдельных участках Западного фронта наши части не только остановили противника, но при создании благоприятных условий сами переходили в контратаки. 29 ноября был разгромлен отряд полковника Мантейфеля и отброшен назад на западный берег канала Москва—Волга.

Правда, Гитлер еще заявлял в эти дни, что «война в целом выиграна… то, что еще оказывают сопротивление в России, исходит не от людей, а от природных условий, то есть от погоды и проходимости дорог… У Красной Армии нет не только материального обеспечения для ведения войны, но и подготовленных войск».[71]

И хотя Гитлер и его окружение кричали об окончании военной кампании против советской России, у военачальников вермахта, у тех, кто находился на фронте, слышались уже другие нотки. Скажем, у того же Гудериана, потерявшего за последнее время значительную часть своих танков. Положение его армии было настолько серьезным, что с 5 на 6 декабря 1941 года он принял решение отвести войска на линию рек Дон, Шат и Упа,

где и занять оборону. И вот откровенное признание: «Наступление на Москву провалилось. Все жертвы и усилия наших доблестных войск оказались напрасными, мы потерпели серьезное поражение, которое из—за упрямства верховного командования повело в ближайшие недели к роковым последствиям. Главное командование сухопутных войск, находясь в далекой от фронта Восточной Пруссии, не имело никакого представления о действительном положении своих войск в условиях зимы, хотя и получало об этом многочисленные доклады».[72]

Принять решение об отводе войск заставили Гудериана не зима, не недостаток зимнего обмундирования, не нехватка войск и техники, а сознание того, что задача, поставленная перед ним, невыполнима. Этот свой шаг он оценивал весьма трезво: «За все время войны я не принимал ни одного решения с таким трудом, как это».

Но командующий группой армий «Центр» фон Бок все еще надеялся на чудо, гнал в бой войска, полагая, что «последний батальон» решит судьбу военной кампании.

А советские войска, оборонявшие Москву, уже ждали приказа о переходе в контрнаступление. Им предстояло разгромить еще достаточно сильную немецкую группировку.

В начале декабря 1–я гвардейская танковая бригада занимала позиции на новом рубеже. Он проходил по линии Каменка — Баранцево — Брехово. Отсюда до Москвы всего 40 километров. Пройди еще 10–20 километров, начался бы обстрел предместий города из дальнобойной артиллерии.

Для Катукова и его штаба снова начались бессонные ночи. Много времени занимала проверка готовности боевых экипажей. Бригада последнее время пополнялась новичками, молодыми бойцами, пришедшими из танковых школ. Им предстояло заменить тех, кто выбыл из строя по ранению или погиб в схватках с врагом. Опыта, как правило, у них было мало, его предстояло приобретать в боях и походах.

Собрав новые экипажи, Катуков говорил бойцам:

— Современный танковый бой скоротечен. Побеждает тот, кто виртуозно управляет машиной, кто быстрее и точнее стреляет. Постарайтесь запомнить эти прописные истины. Они вам очень пригодятся.

Особую роль Катуков отводил подготовке командиров. Фронтовой опыт подсказывал: от того, какое решение примет командир — грамотное или безграмотное, рискованное или осторожное, — зависит успех боя. Комбриг всегда требовал четкого взаимодействия как в наступлении, так и в обороне. В

чем смысл такого взаимодействия? Как оно осуществлялось на практике?

Казалось бы, все просто. Начался бой, в силу вступает закон огневой связи между экипажами, взводами, ротами. Но это простота кажущаяся. Если идут в атаку два танка, то один из них в обязательном порядке должен обеспечивать своим огнем продвижение другого. Атакует взвод, его полувзводы продвигаются при взаимном огневом обеспечении. Наступает рота, ее взводы строго согласовывают свой маневр и огонь. Но даже в тех случаях, когда в бой вступает батальон, ни на минуту не нарушается взаимодействие между ротами и эшелонами. Они содействуют друг другу огнем и маневром.

Заслуживает внимания и катуковская тактика ведения боя. Не случайно фронтовые операторы приезжали не к кому—нибудь, а к Катукову, чтобы заснять на пленку танковый бой. Говорят, документальный фильм, который был снят в 1941–1942 годах, и по сей день демонстрируется в аудиториях слушателям бронетанковой академии.

А тактика боя у Катукова была весьма своеобразной и называлась тактикой «заскоков». Танки шли в наступление не сплошной лавиной, набрав скорость, а продвигались вперед скачками, поддерживая друг друга огнем, четко взаимодействуя внутри танковых подразделений.

Безусловно, тут особую роль играла связь — зрительная, техническая (радиосвязь). Спустя много лет, говоря о радиосвязи, Михаил Ефимович рассказывал:

«Для танковых войск радиодело — это самое первое, самое необходимое. Есть закон в войсках связи и в военном искусстве. Все связи хороши, когда они дублируют друг друга — и радио, и посыльный на машине или на броневичке, и телефон, пеший посыльный, конный посыльный, на телеге, на велосипеде…

Если бы под Орлом в 1941 году я не использовал этих средств, я многого бы не знал, попался бы как кур в ощип. Но я побил Гудериана…»[73]

В тех случаях, когда 1–я гвардейская танковая бригада взаимодействовала с другими родами войск — пехотой и артиллерией, то общая задача решалась совместными усилиями, в зависимости от фронтовой обстановки. Катуков в начале боя мог бросить вперед пехоту, чтобы она подготовила поле деятельности для танкистов, мог, наоборот, пустить первыми танки, чтобы они расчистили путь пехоте. Артиллерия придавалась танкам для усиления их ударной силы или для подавления огневых точек противника.

Планы боев, которые разрабатывал штаб Катукова, никогда

не были стандартными, шаблонными. Вступая в бой даже с численно превосходящим противником, Михаил Ефимович был уверен, что одолеет врага, так как верил в силу русского оружия и в силу духа своих бойцов и командиров.

Не случаен успех бригады в последних двухнедельных боях. За это время противник потерял 106 танков, не считая другого вооружения, в то время как в бригаде вышло из строя 33 танка, 7 из них потеряно безвозвратно, остальные 26 — доставлены на СПАМ, восстановлены и введены в строй.

ТРУДНЫЕ ДОРОГИ НА ЗАПАД

Выдохшиеся, основательно потрепанные в боях под Москвой германские армии переходили к обороне. Нельзя, однако, говорить, что они окончательно утратили наступательный дух, силы еще были: к началу декабря 1941 года группа армий «Центр» имела в своем составе 1700 тыс. человек, около 13 500 орудий и минометов, 1170 танков, 615 самолетов. Советские войска насчитывали около 1100 тыс. человек, 7652 орудия и миномета, 744 танка, 1000 самолетов.[74]

Тем не менее Ставка Верховного Главнокомандования, несмотря даже на некоторое превосходство немцев в живой силе и технике, за исключением авиации, приняла решение о контрнаступлении. В конце ноября Военный совет Западного фронта представил в Генштаб план контрнаступления. Он был утвержден Ставкой ВГК. Основная идея его состояла в том, чтобы ударом на Клин, Солнечногорск и в истринском направлении разбить основную группировку противника на правом фланге и ударом на Узловую и Богородицк во фланг и тыл армии Гудериана разбить противника на левом фланге Западного фронта.

Почти одновременно с войсками Гудериана вынуждены были прекратить наступление 4–я танковая армия Гепнера и 3–я танковая армия Рейнгардта. Рейнгардт был в одном—двух переходах от Москвы, всего в 35 километрах. Но дальше продвинуться не мог. Как писал Гудериан, у него не было сил, «необходимых для достижения великой цели, уже видневшейся перед ним».

Москва многим мерещилась перед глазами. 19 ноября 1941 года сам командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Бок пожелал с передовых позиций вблизи Истры посмотреть в бинокль на Москву. Здесь, между Истрой и Крюковом, в результате двухнедельных боев гитлеровцы вбили острый клин в нашу оборону. Крюковский плацдарм давал им возможность сделать новый бросок к советской столице. Чтобы этого не случилось, советские войска должны были в самое короткое время срезать этот клин.

Задачу по разгрому противника командование 16–й армии поручило специально созданной группе, в состав которой вошли 8–я гвардейская стрелковая дивизия, которой после гибели Панфилова командовал бывший комендант г. Москвы генерал—майор В.А. Ревякин, 44–я кавалерийская дивизия и 1–я гвардейская танковая бригада.

На генерала Ревякина возлагалась персональная ответственность за проведение боевой операции по ликвидации Крюковского плацдарма. Немцы здесь успели закрепиться основательно. Рядом с Крюковом находилась небольшая деревня Каменка. Их разъединяли лишь карьеры кирпичных заводов. Каждый каменный дом, а их было тут немало, оккупанты превратили в дот, построили также и дерево—земляные сооружения, подтянули несколько десятков средних танков.

План боя, предложенный Ревякиным, не устраивал многих командиров, в том числе и Катукова. Во—первых, командующий группой распорядился распределить танки (по 5–6 машин) по стрелковым полкам, тем самым распылил силы для нанесения главного удара и развития успеха. Во—вторых, наступление предполагалось начать без предварительной артиллерийской подготовки.[75]

Утром 4 декабря началось наступление на Крюково. Как и следовало ожидать, противник открыл массированный огонь из всех видов оружия.

Кругом рвались мины и снаряды. Ни танки, ни пехота и уж тем более кавалерия не могли подойти даже к окраине села. Пришлось отводить войска на исходные позиции.

Стало очевидно: лобовая атака успеха не принесет. Крюково не взять без серьезной артиллерийской подготовки, и тем не менее Ревякин решил повторить атаку, направив в бой на этот раз все танки бригады, не оставив даже танкового резерва, что опять же чревато было серьезными последствиями: парировать контрудары противника было нечем. Катуков тревожился из—за того, что атака была назначена ночью, а при плохой видимости танкисты вряд ли выполнят поставленную задачу. Тем более бросать танки без прикрытия артиллерии куда как опасно.

Замысел — душа боя. Как раз замысел командующего группой не отличался ни четкостью, ни оригинальностью. И как результат — новая неудача. Бригада потеряла несколько танков.

Узнав о потерях, Катуков мрачно произнес:

— Если мы даже возьмем Крюково, то это будет пиррова победа. Слишком дорогая цена!

В ту же ночь в штабе 8–й стрелковой дивизии состоялось совещание командиров. Ревякин нервничал: две атаки, проведенные без видимых результатов, обескураживали его.

— Будем менять тактику, — сказал он. — Мы слабо знаем систему обороны противника, отсюда большие потери. Во время последней атаки не было четкого взаимодействия между подразделениями. Сказалось, конечно, на ходе наступления и отсутствие маневра. Это моя точка зрения на все наши неудачи.

В ходе обмена мнениями командиры высказали свои соображения по захвату Крюкова. Очередь дошла до Катукова.

— Теперь всем ясно, что действовали мы с самого начала неверно, — сказал Михаил Ефимович. — Придание одного—двух танков стрелковой роте не приносило желаемых результатов. Мы били противника, по сути дела, растопыренными пальцами, а не кулаком. Атаки показали, что взять Крюково в лоб трудно, значит, надо искать выход. Но какой? Фланговые удары, мне кажется, позволили бы достичь успеха. Надо все—таки обходить село, зажать его в железные клещи. Разумеется, все это предстоит сделать при достаточной артиллерийской подготовке.

С мнением Катукова согласилось большинство командиров.

Третья по счету атака началась утром 7 декабря. Основные силы группы наносили удар по фронту, два отряда, усиленные танками, обходили Крюково и Каменку. Танковые группы Лавриненко и Бурды, по замыслу Катукова, должны были действовать на главном направлении. Они поддерживали 1077–й гвардейский стрелковый и 45–й кавалерийский полки. Мотострелковый батальон Михаил Ефимович поставил на левом фланге, строго—настрого приказал капитану Голубеву действовать только по его сигналу.

Тринадцать минут артиллерия била по крюковским, затем по каменским укреплениям. С командного пункта видно было, как в воздух взлетали бревна блиндажей, рушились дома, превращенные когда—то в доты. Огонь велся довольно сильный и прицельный. Пошли в атаку передовые отряды. Гитлеровцы ответили огнем, они дрались за каждый дом, за каждый блиндаж и окоп, понимали, что если их выкурят из теплого насиженного места, то зимовать придется в поле.

Первые же донесения на командный пункт говорили о том, что наступление развивается успешно. Молчали только Лавриненко и Бурда. Но вот откликнулись и они. Их танки уже действовали в районе кирпичного завода и на северных окраинах Крюкова. И все же бой по разгрому Крюковского оборонительного узла затянулся, продолжался до второй половины дня 8 декабря. Гитлеровцы подтягивали резервы, бросались в контратаку. Только все их усилия были напрасны. Когда обозначился перелом в ходе боя, Катуков направил в обход Крюкова отдельный танковый батальон средних английских танков «Матильда» под командованием капитана Герасименко, приданный бригаде перед самым наступлением. Резерв комбрига сделал свое дело.

Разгромленный противник отступал на запад. На Крюковском оборонительном рубеже он потерял 10 танков, 2 грузовые и 10 легковых машин, 2 тягача, 2 тяжелых орудия. Кроме того, наши

войска захватили 12 легких и средних танков, 6 грузовых и 5 легковых автомашин, 4 тягача и другое военное имущество.

У бригады тоже были потери: подбито 9 танков, одна машина сгорела на поле боя, все остальные отбуксированы в Снегири, отремонтированы и вскоре вступили в строй.

Танковая бригада приобретала опыт наступательных боев. Пока что это были первые шаги на запад, а бойцы—катуковцы говорили, что это шаги к Берлину. Как только затихли бои, Катуков с Кульвинским обошли Крюково и Каменку, облазили блиндажи и подвалы, изучая систему немецкой обороны. Михаил Ефимович заносил все, что его привлекало, в рабочую тетрадь. Впоследствии его наблюдения легли в основу инструкций, наставлений, памяток для танкистов и мотострелков.

Закрепившись на новых рубежах, бригада Катукова готовилась к преследованию противника, отошедшего на западный берег Истры и Истринского водохранилища. Немцам нельзя было давать передышки, задача теперь одна — гнать их с московской земли, освобождать другие города и села.

Для преследования отступивших немецких частей командующий 16–й армией Рокоссовский создал три подвижные группы под командованием генералов М.Е. Катукова, Ф.Г. Ремизова и А.И. Белобородова. Катукову временно были приданы 17–я танковая и 40–я стрелковая бригады, в дальнейшем — 35, 55, 64 и 71–я стрелковые бригады.

Штаб 1–й гвардейской танковой бригады, разместившийся в живописном месте санатория «Мцыри», работал круглосуточно. Катуков вызывал командиров подразделений, выяснял положение в ротах и батальонах, их готовность, от инженерно—технического персонала требовал ускорить ремонт техники, от снабженцев — доставку горюче—смазочных материалов и боеприпасов.

7 декабря, в самый разгар боев, на должность командира танкового полка прибыл майор И.Г.Черяпкин вместо подполковника А.Я. Еремина, убывшего в распоряжение отдела кадров 16–й армии. Майор побывал в батальонах, возвратился в штаб. Выслушав его доклад, Катуков спросил:

— Как тебе, Иосиф Георгиевич, показался полк?

— Славные у вас танкисты, ничего, кроме этого, не могу сказать. Сейчас устраняют последние неисправности в машинах. К вечеру все должно быть готово.

— Вот и хорошо, — одобрительно заметил комбриг. — Дело теперь за разведчиками, ночку поработают, мы и пойдем по их следам дальше.

12 декабря получен приказ Рокоссовского о наступлении. Ударной группе Катукова приказано было переправиться через

Истру в районе Павловской Слободы и, взаимодействуя с 8–й гвардейской стрелковой дивизией, разгромить противника на западном берегу Истры, овладеть районом Румянцева, Бутырок, Рубцова.

На следующий день основные танковые силы бригады сосредоточились у деревни Нахабино. Командиры батальонов и рот имели строгие указания держаться ближе к грунтовым и шоссейным дорогам, откуда наносить удары по немецким гарнизонам. Отступая, гитлеровцы не создавали оборонительных полос в открытом поле, предпочитали держаться за поселки, железнодорожные станции, шоссе, водные переправы. Это давало возможность нашим войскам беспрепятственно обходить населенные пункты и бить по ним с тыла.

Сорок километров шла группа Катукова по тылам противника. Неожиданно для немцев она появилась у станции Ново—Иерусалимская, а западнее города Истры танки и мотострелковые подразделения вышли на Волоколамское шоссе. Немцы, отступая, взрывали дома, минировали дороги и мосты, отравляли колодцы, продукты, повсеместно оставляли «ловушки —сюрпризы» — крупные фугасы, на которых подрывались танки и грузовые машины. Только при наступлении на село Жилино 145–я танковая и 17–я стрелковая бригады потеряли 5 танков, подорвавшихся на минах. Катуков издал приказ: инженерно—техническую разведку проводить наряду с боевой, без проверки не занимать жилых домов, зданий и учреждений общественного назначения.[76]

В боях за Истринский рубеж противник оказывал особенно ожесточенное сопротивление. Немцы заминировали правый берег Истры, затем взорвали дамбу Истринского водохранилища. «Хлынувшая вода образовала мощный поток, который создал огромные трудности для наших войск, — писал командарм Рокоссовский. — Вот тут и сыграли большую роль подвижные группы. Своими ударами с севера и с юга Ремизов и Катуков облегчили выполнение задачи стрелковым дивизиям, вынудили противника к отступлению. Исход сражения был решен в нашу пользу».[77]

В середине декабря на полях Подмосковья лежал глубокий снег, морозы стояли тридцать градусов. Все это создавало дополнительные трудности при наступлении. Обстановка же требовала ускорить нажим на немцев.

— Михаил Ефимович, давайте создадим отряды лыжников, оденем в маскировочные халаты и вооружим автоматами, — предложил Кульвинский после тщательного анализа оперативных сводок. — Отряды будут нести двойную нагрузку — вести

разведку и громить небольшие гарнизоны.

— Признаться, я уже думал об этом, — ответил Катуков. — Однако на пути будут на только небольшие гарнизоны. Немцы яростно дерутся за каждое село. Конечно, отрядам можно придать легкие танки, но тогда мы ослабим ударную группу.

У Кульвинского был новый, вполне резонный и убедительный довод:

— Ударный кулак нам сейчас ни к чему. Он скорее всего потребуется под Волоколамском.

Лыжные отряды потом сыграли немаловажную роль. Создавались они, как правило, человек по пятьдесят, на легких танках уходили далеко вперед, перехватывали железные и шоссейные дороги, вели разведку в сторону Денькова, Скирманова, Ново—Петровского, Бели, Никольского, Веретеников, Онуфриева.[78]

Немцы отошли к Волоколамску. Здесь гитлеровское командование планировало остановить советские войска, отсидеться зимой, а с наступлением теплых дней начать новое наступление на Москву. Почти два месяца в городе строились оборонительные сооружения — доты, пулеметные гнезда, рылись траншеи и окопы. 19 декабря был получен приказ Рокоссовского нанести удар по Волоколамску. Командарм сам осуществлял общее руководство оперативными группами. В целях наиболее тесного взаимодействия частей группа Ремизова была подчинена Катукову.[79]

Группа Ремизова наступала с севера и северо—востока, с юго—востока и юга — группа Катукова. Гитлеровцы заминировали все дороги, ведущие к Волоколамску, поэтому впереди шли саперные подразделения, обеспечивая безопасность для танков и пехоты.

В ночь с 19 на 20 декабря мотострелковый батальон подошел к окраинам Волоколамска. Комбат Голубев докладывал, что его роты завязали бой с противником, упорно пробиваются к центру города. Нужна помощь танков. Для поддержки наступающих Катуков направил группу Бурды. Под защитой брони и пушечного огня продвижение мотострелков значительно ускорилось. Немцев выкуривали из подвалов и блиндажей, из окопов и траншей. Каждый дом, своеобразную маленькую крепость, брали штурмом, забрасывая гранатами.

К 13 часам 20 декабря немцы были выбиты из города. Они отступили в западном направлении, к реке Ламе.

Страшное зрелище представлял Волоколамск, старинный русский город, после боев. Разрушены жилые здания, бывшие советские учреждения, магазины. Трудно узнать, где тут что

было. На площади стояла виселица. Перед бегством оккупанты казнили группу московских комсомольцев, перешедших линию фронта в ноябре 1941 года. Группа пыталась установить связь с партизанами, но напоролась на немецкую засаду.

Тяжело видеть разрушенный город. Но от сознания, что он освобожден от фашистских захватчиков, у каждого бойца и командира становилось легче на душе. Волоколамск брали части 20–й и 16–й армий. В боях отличилась группа генерал—майора Ф.Т. Ремизова, 17–я стрелковая бригада полковника Г.А. Куталева, 64–я стрелковая бригада морской пехоты полковника И.М. Чистякова, 331–я стрелковая дивизия генерал—майора Ф.П. Короля, 17–я танковая бригада полковника Н.А. Черноярова. И конечно же, 1–я гвардейская танковая бригада генерал—майора М.Е. Катукова.

В этот день Катуков и Бойко обратились с письмом к личному составу бригады. Они писали: «Поздравляем славных гвардейцев —танкистов и пехотинцев, которые нанесли еще одно поражение фашистским захватчикам. Враг выброшен из города Волоколамска. Удвоим и утроим силу наших ударов по гитлеровцам. Смерть немецким оккупантам!»[80]

У частей и подразделений, участвующих в освобождении Волоколамска, будут потом свои задачи, но цель одна — наступление. Одни пойдут рядом с 1–й гвардейской танковой бригадой, другие — чуть в стороне, выйдут из состава группы Катукова, но все равно будут пробиваться на запад, освобождать от врага советскую территорию.

21 декабря по решению командования Западного фронта 1–я гвардейская танковая бригада переходит в подчинение из 16–й армии в 20–ю. В группе Катукова остались, кроме 1–й гвардейской танковой бригады, 17–я танковая и 40–я стрелковая бригады.[81]

В ходе наступления правого крыла Западного фронта 20–я армия подошла к наиболее укрепленному противником рубежу на реках Лама и Руза. Поэтому решено было усилить ее группой Катукова и другими частями, чтобы в ближайшее время начать штурм этого рубежа.

Весть о разгроме немецких армий под Москвой облетела всю страну, что там говорить — весь мир. Гитлеровская военная машина столкнулась с противостоящей ей силой и забуксовала. Планы вермахта трещали по всем швам. Это поняли гитлеровские генералы, еще недавно мечтавшие о блицкриге. Один из них — фон Бутлар — вынужден был позднее признать, что «в результате упорного сопротивления русских уже в первые дни боев немецкие войска понесли такие потери в людях и технике, которые были

значительно выше потерь известных им по опыту кампаний в Польше и на Западе. Стало совершенно очевидным, что способ ведения боевых действий и боевой дух противника… были совсем непохожими на те, с которыми немцы встретились в предыдущих «молниеносных войнах».[82]

Ему вторил другой гитлеровский генерал, Блюментрит: «… руководителям Германии важно было понять, что дни блицкрига канули в прошлое. Нам противостояла армия, по своим боевым качествам намного превосходившая все другие армии, с которыми нам когда—либо приходилось встречаться на поле боя».[83]

В связи с провалом блицкрига Гитлер снял со своих высоких постов командующего сухопутными войсками генерал—фельдмаршала фон Браухича, командующему группой армий «Центр» генерал—фельдмаршалу фон Боку предложил «подать прошение об отпуске для восстановления здоровья», на его место назначил генерал—фельдмаршала фон Клюге. Позже уволен был в резерв и небезызвестный Гудериан.

Перестановка в высшем командном эшелоне вермахта не спасала германскую армию от поражения.

20–я армия готовилась к наступлению. Группе Катукова предстояло штурмовать укрепления противника на Ламском рубеже. Комбриг знал, что немцы особенно прочно держали район высоты 296,3, которую попросту называли Лудиной Горой. Разведчики, уходившие во вражеский тыл, докладывали: Лудина Гора опоясана глубокими траншеями, на ее склонах — сотни пулеметных гнезд, кругом доты и дзоты, ровные площадки нашпигованы противотанковыми орудиями и минометами. Перед опорным пунктом глубокий овраг, где танки практически пройти не могут. Все это осложняло выполнение поставленной задачи.

Гитлеровское командование не случайно укрепляло этот оборонительный рубеж. Надежды все те же — отсидеться, перезимовать, а при благоприятных условиях начать наступление. Вот что говорилось в одном из приказов командира 23–й пехотной дивизии генерала Гельмесгерберга, перехваченного катуковскими разведчиками. Генерал обращался к командному составу:

«Господа командиры! Общая обстановка военных действий властно требует остановить быстрое отступление наших войск на рубеже реки Ламы. Позиция на реке Ламе, поселок Лудина Гора, должна защищаться до последнего человека…

Дивизия прочесывает в настоящее время все свои тылы и возвращает в полки оставшихся солдат. В дальнейшем требуются энергичные действия всего личного состава, чтобы каждый берег

свое и собирал брошенное оружие. У каждого воина должны снова пробудиться и укрепиться воля к обороне, вера в нашу собственную силу и превосходство. Настоящий кризис должен и будет преодолен. Вопрос поставлен о нашей жизни и смерти. После оповещения этот приказ уничтожить».[84]

Первые атаки на Лудину Гору не принесли успеха. Причина скрывалась не только в прочной обороне противника, в мощи его огневых средств, но и в том, что наступающие войска слабо поддерживали артиллерия и авиация. Об этом красноречиво говорил опыт предыдущих наступательных боев. После взятия Волоколамска комбриг Катуков, батальонный комиссар Бойко и начальник штаба Кульвинский в докладе командованию армии подчеркивали, что для успешного наступления нужны подвижные артиллерийские средства на механической тяге, противотанковые орудия, гаубицы калибром от 76 до 122 мм, которые успевали бы за танками, в нужный момент использовались бы при штурме сильных узлов сопротивления противника. Важно, отмечали они, включать в состав подвижных групп и мотопехоту для поддержки танков и успешного с ними взаимодействия.[85]

Оставался один выход — брать укрепленный район фронтальным и фланговыми ударами одновременно. Связавшись по телефону с управлением 20–й армии, Катуков объяснил начальнику штаба генерал—майору Л.М. Сандалову ситуацию у Лудиной Горы, убедил его в том, что надо искать обходные пути для прорыва. Тот согласился перебросить оперативную группу с левого фланга армии на правый, чтобы повести наступление совместно с 352–й стрелковой дивизией полковника Прокофьева.

Положив трубку полевого телефона, комбриг попросил у Кульвинского карту.

— Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к ней сам, — иронически заметил он начальнику штаба. — Нам разрешили обойти Лудину Гору и действовать с исходной линии Тимково — Тимонино.

— Это уже меняет дело, — оживился Кульвинский.

25 декабря оперативная группа Катукова ударила по селу Ивановскому, выбила немцев и вытеснила их за реку Ламу. Штаб группы сразу же стал размещаться в полуразрушенном здании бывшего ветеринарного техникума, налаживал связь с соседними частями и группой Ремизова. Комбриг решил дать короткий отдых танкистам и мотострелкам, чтобы затем атаковать соседнее село Михайловское. Оно почти рядом, километрах в двух с половиной. Но немцы, по донесению разведки, начинили вокруг поля минами, и пройти это в сущности пустяковое расстояние будет стоить немалых трудов. Засветло саперы начали

проделывать проходы для танков и мотострелков.

Утром 26 декабря на командный пункт позвонил капитан И.В. Голубев, доложил: мотострелки готовы к атаке!

— Хорошо, Иван Васильевич, жди сигнала.

Комбриг с уважением относился к этому офицеру, всегда точному и исполнительному, до дерзости смелому, умеющему найти выход даже в самой сложной ситуации. С легкой руки Катукова его прозвали в бригаде «следопытом».

Саперы закончили расчистку проходов от мин, теперь торопились обратно. В воздух взвилась ракета — сигнал к атаке. Первыми пошли вперед мотострелки. Они бежали по полю, рассыпавшись как горох, падали в глубоком снегу, поднимались и снова бежали, стремясь как можно быстрее достигнуть окраины села. Гитлеровцы открыли шквальный огонь, положили в снег наступающие цепи.

— Танки, вперед! — подал команду Катуков.

Прошли считаные минуты, и картина на поле боя резко изменилась. Хозяевами положения стали танки, они повели за собою мотострелков. Дружным, напористым ударом немцев выбили из села.

Атакой на Михайловское был вбит клин во вражескую оборону, создавались благоприятные условия для ее прорыва. Но для этого предстояло захватить еще одно — село Владычино. Катуков решил использовать приданную оперативной группе 64–ю морскую бригаду под командованием полковника И.М. Чистякова.

Полковник Чистяков прибыл в Ивановское по первому же вызову. Одет он был в обычную полевую форму, хотя и командовал морской бригадой.

— Чтобы взять Лудину Гору, Иван Михайлович, мы должны разгромить владычинский гарнизон немцев. — Катуков ставил комбригу задачу, обозначая стрелкой на карте направление предстоящего удара.

— Думаю, для морских пехотинцев эта боевая операция вполне по силам.

— Танками поддержите? — спросил Чистяков.

— Много не обещаю, но машин пять—шесть выделю.

Морские пехотинцы неплохо справились с поставленной задачей. При поддержке 6 танков они в течение нескольких часов захватили Владычино и закрепились на его западных окраинах, обеспечив широкое поле деятельности основным силам группы для штурма Лудиной Горы. Только события развернулись несколько иначе.

Спохватившись, гитлеровское командование поняло, что на

карту ставится слишком многое в результате потерь ряда сел, организовало контратаку на село Ивановское, где находился штаб 1–й гвардейской танковой бригады. Резким ударом немцы решили срезать клин, вбитый в Ламской оборонительный рубеж, и таким образом обезопасить себя, приостановить наступление советских войск.

Утром на село Ивановское обрушились бомбовые удары немецкой авиации, сразу же за этим последовал артиллерийский и минометный налет. Еще ветер не разнес запах пороховой гари от разорвавшихся бомб и снарядов, как в поле появилась вражеская пехота в сопровождении нескольких танков.

Под руками у Катукова оставался лишь комендантский взвод, ремонтники, впереди на позициях находилась минометная рота и неполный дивизион реактивной артиллерии. Действовать надо было быстро и решительно.

— Комиссар, всех в ружье! — Комбриг отдал распоряжение Бойко, а сам отправился на чердак одного из домов, откуда хорошо просматривалось заснеженное поле, по которому шли танки и цепи фашистских автоматчиков. Как потом выяснилось, это была психическая атака.

Складывалось скверное положение: с селом Михайловским, где расположился мотострелковый батальон капитана Голубева, не было связи. Видимо, гитлеровцы перехватили все дороги. Как назло не работала и радиостанция зенитной батареи, находящейся в подчинении комбата. Катуков ломал голову: в чем там причина? Потом написал записку начальнику штаба Кульвинскому и передал связному. В ней говорилось: «Противник силой до полка с 5 танками повел в 12.30 28.12.41 г. наступление на Ивановское. Все, что у нас есть на командном пункте, мы бросили в бой. Веди разведку немедленно на лес, что один километр западнее поселка Ленино. Извести штарм об этом. Все, что есть в поселке им. Ленина, бросьте сюда, в Ивановское, на помощь… Сообщи по радио Голубеву об обстановке…»[86]

Оказалось, что и Михайловское подверглось интенсивной вражеской бомбардировке, затем было атаковано крупными силами немцев. Голубев повел мотострелков в бой. Отбивались всей мощью огня — зенитными и противотанковыми пушками, отстреливались из пулеметов и винтовок.

Отбита была атака немцев и на село Ивановское. Главную роль здесь сыграла реактивная артиллерия. Залп «катюш», словно косой, положил первые цепи наступающих фашистов. С чердака Катуков подавал команды экипажу танка «Т–60», стоявшему в ремонте, но с исправной пушкой:

— Цель!.. Осколочный!..

Накануне Нового года группа Катукова разгромила тимковский гарнизон противника. Захватив село Тимково, она вплотную подошла к Лудиной Горе. Бой был тяжелый. Рота старшего лейтенанта Александра Бурды вела за собой пехотинцев 40–й бригады. Глубокий снег сдерживал продвижение, не позволял маневрировать по фронту своей техникой. Под шквальным огнем пехотинцы несколько раз ложились в снег, поднимались и снова кидались в атаку. Оперативная сводка тех дней сообщала: «Группа Катукова с 1162–м и 1160–м стрелковыми полками к 1.50 31.12 передовым подразделением с танками ворвалась в Тимково и ведет напряженный бой в центре населенного пункта. Нашими танками взорван тимковский склад боеприпасов. Бой идет с нарастающей силой. Противник оказывает сильное сопротивление с каждого дома населенного пункта».[87]

Дорогую цену пришлось платить за отвоеванные у врага населенные пункты. Вот и теперь понесли большие потери пехотинцы, выбыли из строя экипажи танков лейтенанта Семенова и сержанта Молчанова. Оба командира погибли. Петр Молчанов только что вернулся из госпиталя и попросил разрешения участвовать в этом бою. Чуть более двух месяцев воевал отважный танкист, придя в бригаду еще под Сталинградом в период ее формирования. За это время он подбил более десятка немецких танков и артиллерийских орудий, подавил немало пулеметных гнезд.

Молчанова придавали земле в селе Ивановском под троекратный салют из стрелкового оружия. На его могилу положили танковую гусеницу, как напоминание живущим, что здесь похоронен танкист.

Новый год танкисты встречали на боевых позициях. Все, кто свободен был от службы, собрались в здании ветеринарного техникума в селе Ивановском. Пришли экипажи, оставшиеся после боя без машин, легкораненые. Вечер выдался поистине праздничным. В бригаду приехали гости из Москвы — поэт Сергей Алымов и исполнительница народных песен Клавдия Иванова. Звучали стихи, песни. Выступали и свои самодеятельные артисты. Все присутствующие с большим вдохновением исполнили песню 1–й гвардейской танковой бригады, написанную лейтенантом Фокиным, радистом Гурьевым и комиссаром танкового полка Комловым:

Нас в бой послал народ страны великой,
Он дал наказ: ты будь к врагу суров!
Мы в бой идем и бьем врага жестоко,

Нас в бой ведет любимый Катуков.

В начале января 1942 года 20–я армия возобновила прерванное наступление на узком двадцатикилометровом фронте. Общее направление наступления — Шаховская. Снова в бой вводились стрелковые, кавалерийские и танковые силы. Конкретное задание получила и группа Катукова. Ей предстояло, начиная с 10 января, включиться в общее наступление, прорвать оборону противника на рубеже Захарино, Большое и Малое Голоперово, Тимонино, в дальнейшем развивать наступление на запад в направлении Гжатска.

А пока надо было выполнить ближайшую задачу — сбросить противника с Лудиной Горы. Вначале Катуков решил ударить по селам Биркино и Тимонино. Первые атаки дали лишь возможность выяснить немецкую систему обороны, зато последующие, с применением артиллерии, позволили танкистам и пехотинцам ворваться в Биркино. Но немцы продолжали удерживать Алферьево, Сидельницы, Тимонино, Ананьино, Лудину Гору.[88]

Снова и снова посылал Катуков своих разведчиков в тыл противника. Инструктируя их вместе с капитаном Лушпой, ставя задачу, говорил:

— Мне нужна точная информация о противнике, его огневых средствах.

Нужно отдать должное этим смелым и мужественным людям. Днем разведчики отдыхали, а когда наступала ночь, одна за другой уходили группы в кромешную тьму. Возвращались только под утро, причем не всегда в полном составе. Но их сведения были бесценными для штаба. На 5 января назначен штурм Лудиной Горы!

Штаб группы, разрабатывая операцию по ликвидации укреплений на Лудиной Горе, особое внимание уделял артиллерийской подготовке. Перед наступлением Катукову была придана артиллерийская группа во главе с майором Л.И. Кожуховым, которой предстояло подавить огневые точки противника, чтобы обеспечить успешное продвижение танков и пехоты.

В Ивановское были вызваны командиры подразделений. Катуков ставил задачу:

— Немцы считают Лудину Гору неприступной, обход ее невозможен, в одном они правы, местность вокруг действительно находится под сильным перекрестным огнем, простреливается каждый квадрат. Только часть задачи практически мы уже выполнили, обошли злополучную гору. Теперь нанесем по ней

решающий удар!

В 4 часа 40 минут 5 января, как и было запланировано, заговорила артиллерия. 20 минут она била по Лудиной Горе, затем на гитлеровцев обрушился удар реактивных минометов.

Над Лудиной Горой стоял сплошной грохот разрывающихся снарядов и мин. Когда все стихло, в атаку устремились части 331–й стрелковой дивизии и все танки бригады, за исключением небольшого резерва, который Катуков всегда держал при себе. На крайний случай, как любил он выражаться.

Немецкое командование трезво оценило создавшуюся обстановку: удержать укрепленный район не удастся, можно оказаться в железном мешке. И последовал приказ на отвод войск.

Осматривать укрепления на Лудиной Горе не было времени. И так было видно, что гарнизон поспешно покидал обжитые места, бросив артиллерию, минометы и исправные грузовики.

Падение мощного оборонительного рубежа на Лудиной Горе давало возможность усилить давление на отступающего противника. Дозаправив машины топливом, пополнившись боеприпасами, группа Катукова продолжала наступать. Успешно действовал и Ремизов. Его группа, взаимодействуя с конниками 3, 4 и 20–й кавалерийских дивизий, захватила село Исаково, затем Кобылино, подходила к Шаховской.

17 января 1942 года была взята Шаховская, противник отступил, но на рубеже Замошье — Щемелинки пытался организовать сопротивление нашим войскам, используя противотанковые орудия и минометы, авиацию и танки. В борьбе против танков Катукова немцы использовали специально созданные противотанковые группы. Эти группы минировали дороги, просеки и поляны в лесных массивах, устанавливали в засадах противотанковые орудия. Только и это не помогло.

Катуков создал свои контргруппы по разминированию дорог и прочесыванию лесных массивов. Устраивались засады из «кочующих» противотанковых орудий. Изобретательные катуковцы перевозили их в условиях бездорожья лошадьми на обычных крестьянских санях. Вперед уходили также лыжные батальоны, которые громили коммуникации врага, не давая ему закрепиться в населенных пунктах.[89]

Почти месяц войска Западного фронта вели наступательные бои, окружали и громили противника. К 20 января группа Катукова вышла на рубеж Аржаники, Ветрово, Петушки. Комбриг издает приказ, в котором, в частности, пишет: «Наша задача не выталкивать его (противника. — *В.П.*), а заходом на фланги и в тыл окружать и уничтожать его живую силу и захватывать

технику».[90]

Овладеть с ходу рубежом обороны немцев не удалось, а командование 20–й армии требовало ускорить наступление. Начальник штаба Сандалов то и дело спрашивал по телефону: «Аржаники взяты?»

Что мог ответить Катуков? Он выбивался из сил, чтобы выполнить приказ. Его группа медленно «прогрызала», в полном смысле этого слова, оборону противника, закрепившегося на рубеже сел Пустой Вторник, Аржаники, Крутицы. Атака в ночь с 20 на 21 января не получилась. Только на следующий день удалось выбить немцев с первой линии траншей, захватить блиндажи, закрепиться на опушке леса у Аржаников.[91]

И этот небольшой успех достался не так просто. Потеряно 6 танков. Погиб командир танкового батальона Константин Самохин, участвовавший в десятках танковых атак. Потери бригада понесла в основном от действий довольно сильных противотанковых групп противника и от налетов вражеской авиации.

Обстановка на фронте осложнялась. Противник умело оборонялся, часто контратаковал.

Но инициатива ведения боевых действия все—таки переходила в руки советского командования. Ставка, отдавая директиву войскам о наступлении, планировала с начала весны 1942 года провести ряд частных наступательных операций в Крыму, под Харьковом, на льговско—курском и смоленском направлениях, под Ленинградом и Демянском. Намечался также удар под Вязьмой и Ржевом. Верховный требовал гнать врага на запад без остановки.

Конечно, Гитлер и командование вермахта не могли спокойно взирать на то, как разваливается фронт на востоке, приняли соответствующие меры. Ведь надвигалась грозная опасность. В спешном порядке из Германии и Франции перебрасывались резервы, свежие силы, с которыми, кстати, группа Катукова уже столкнулась в январе—феврале 1942 года.

К этому времени угроза Москве была ликвидирована, освобождено около 11 тыс. населенных пунктов, в том числе города Калинин и Калуга. Но пока еще значительная часть территории страны находилась под гитлеровским сапогом. «Страна, трудящиеся массы оккупированных районов и областей ждут от нас быстрейшего освобождения советской земли от фашистской нечисти», — писал Катуков в одном из приказов в эти трудные дни.[92]

В январе и феврале 1942 года бои не прекращались ни днем, ни ночью. Часто у какой—нибудь деревушки разворачивались

драматические события. Скажем, у тех же Аржаников. Катуков несколько раз упоминает в своих мемуарах этот населенный пункт. В докладе командованию 20–й армии писал следующее:

«Бригада выполнила боевой приказ № 07 от 10.02.42 г. по прорыву обороны линии противника в районе Аржаники, ведя лесные бои… дважды врывалась в Аржаники, вела уличные бои, но, встретив сильное сопротивление ПТО, минометов и пулеметов, отходила на исходные позиции.

К 25 февраля, овладев линией блиндажей противника на западной опушке леса, бригада вместе с 40–й стрелковой и 64–й мотострелковой бригадой закрепилась в лесу, отражая атаки противника».[93]

Бои наступательные… Бои оборонительные… И потери. Причем потери не всегда оправданные. Катуков, человек с чувством высочайшей ответственности за порученное дело, понимал, что любой бой — это потери. Посылать людей на смерть — дело нелегкое. Но как уберечь людей, технику? Напутствуя командиров, идущих в бой, Михаил Ефимович постоянно напоминал: «В первую очередь берегите танкистов». Или: «Берегите танки, их у нас так мало осталось».

Но если вспомнить, в каких условиях наши войска начинали наступление, можно понять командиров любого ранга. Постоянная нехватка то одного, то другого. Все это сказывалось на эффективности боевых действий. Например, последнее время с ремонтных баз приходили танки без радиостанций. Нужны были тяжелые трактора типа «Ворошиловец», чтобы вытаскивать с поля боя подбитые машины. Трактор «С–2» не в состоянии тянуть тяжелый «КВ» и даже «Т–34». Вот и приходилось прибегать к помощи тех же «КВ», используя машины не по назначению. А как нужны были звукоулавливатели артиллеристам, чтобы можно было своевременно засекать вражеские батареи. Их тоже не было.

И все—таки оперативная группа наступала. Во взаимодействии с другими родами войск она наносила тяжелые удары по гитлеровцам. Правда, авиация противника еще господствовала в воздухе, доставляла немало хлопот. Но и тут Катуков находил выход, приказывал вести огонь по пикирующим самолетам из всех видов оружия. Первыми, как правило, вступали в бой зенитчики. Мотострелки и конники, рассредоточившись, стреляли из винтовок и пулеметов. От меткого огня падали на землю, объятые пламенем, фашистские стервятники. На счету зенитного дивизиона, приданного 1–й гвардейской танковой бригаде, было уже 25 сбитых немецких самолетов, 1–я батарея (командир старший лейтенант Куладский) уничтожила 7 самолетов, 2–я батарея (командир старший лейтенант Шведюк)

— 10 самолетов, 3–я батарея (командир старший лейтенант Милевский) — 8 самолетов.[94]

«Потери в самолетах в результате обстрела с земли исключительно велики, — признавало командование 23–го немецкого армейского корпуса в феврале 1942 года. — В одном соединении, введенном в бой для непосредственной поддержки наземных войск, количество действующих самолетов уменьшилось в результате обстрела с земли на 50 процентов. Причину этого следует искать в хорошо организованной противовоздушной обороне русских».[95]

За пять месяцев непрерывных боев едва ли наберется с десяток дней, когда 1–я гвардейская танковая бригада находилась в резерве. Но если такие дни и выпадали, то они использовались не только для отдыха, но и для массовой политической работы. Выйдя на земли Смоленщины, бригада расположилась в селе Спас—Вилки. Комиссары и политработники провели в подразделениях собрания и беседы. Многое интересовало людей, но в первую очередь положение на фронте и в тылу. И батальонный комиссар Антон Тимофеевич Ружин, человек с умудренным жизненным опытом, едва успевал отвечать на вопросы. С молодежью, комсомольцами и беспартийными работали политруки П.П. Мищенко и И.И. Ищенко.

Представилась возможность вручить бойцам и командирам правительственные награды. 120 воинов получили ордена и медали. Генерал Катуков поздравил награжденных. В заключение сказал:

— Все награды еще впереди. До Берлина далеко. Но уверен: дойдем!

Не всегда во фронтовых условиях удавалось запечатлеть такие торжественные минуты. И все же московские корреспонденты приезжали к танкистам, собирали материал для своих очерков, делали снимки. Сохранилась интересная фотография, невесть какими путями попавшая в школьный музей села Бояркино (на родине Катукова). После войны краеведы—энтузиасты обратились к Михаилу Ефимовичу с просьбой «расшифровать» ее, объяснить, какое событие происходило в тот момент, когда делался снимок. Катуков написал:

«Происходит поздравление с получением ордена Красная Звезда политрука санчасти Натальи Георгиевны Пухтаевич.

Слева направо: сама Пухтаевич, генерал Катуков, полковой комиссар Бойко, политрук Ястреб.

Дело происходит в лесу, на позициях в Смоленской области. Снимал корреспондент центральных газет СССР т. Колли, а подпись делал я — Катуков (Мишка косолапый). 10.02.42».

В перерывах между боями Катуков напряженно работал над обобщением опыта фронтовика. Когда—то эта идея возникла в разговоре с Рокоссовским. О ней напомнил и начальник Главного автобронетанкового управления генерал—лейтенант Я.Н. Федоренко. 20 января 1942 года он требовал прислать отчет с фронта о действиях танковых бригад.[96]

Нередко можно было видеть такую картину: в прифронтовом лесу, в штабной землянке, отдохнув час—полтора, комбриг брался за бумагу. Столом ему служили ящики из—под снарядов, стулом — тот же ящик. Напротив стояла фронтовая лампа — снарядная гильза, наполненная керосином, с заправленным в нее куском шинельного сукна вместо фитиля. Лампа чадит, дым ест глаза, но Катуков не обращает на это внимания. Он торопится закончить работу.

После боев за Волоколамск Михаил Ефимович написал брошюру «Танковые бои», которой заинтересовались в военных училищах и академиях. В ней он рассказал о тактике немцев в обороне и наступлении, об оборонительных танковых боях, о проведении разведки боем, очень кратко, но точно раскрывал секреты ведения боя из засады:

«Наилучшим способом ведения огня из засад является стрельба с места в упор на коротких дистанциях, с быстрым переносом огня по важным целям, с частой переменой своей огневой позиции и неизменным, быстрым переходом на новую, запасную позицию для открытия огня оттуда. Когда есть время, танки, как правило, должны быть окопаны с устройством удобного выезда назад. Сам танк и выезд должны быть хорошо замаскированы».[97]

Теперь Катуков заканчивал вторую брошюру — «Боевые действия танков». В ней уже шла речь о том периоде, когда 1–я гвардейская танковая бригада в составе оперативной группы действовала в наступлении, в разгроме немецких войск под Москвой зимой 1941/42 года. Со знанием дела описывает Михаил Ефимович систему немецкой обороны, которую совсем недавно приходилось взламывать танковым и мотострелковым подразделениям, обращает особое внимание на отдельные боевые операции, относящиеся не только к разряду удачных, но и ставших образцом военного искусства.

Вот как, например, описывает он боевые действия при прорыве обороны противника на реке Ламе и штурме узлов сопротивления у сел Биркино и Ананьино:

«Атака производилась лунной ночью. Часть танков с десантом пехоты направилась по удобным подступам в тыл противника и перерезала дороги; десант сходил с танков и

окапывался. Танки уходили в укрытие и располагались в засаде. Удар наносился с флангов, удар с фронта лишь обозначался.

Немцы начинали удирать и натыкались на наши засады. Они бросали машины, орудия, бросались наутек по целине, по снегу и расстреливались пехотным десантом, танки помогали десанту огнем пулеметов и орудий».[98]

Говоря о брошюрах, написанных Катуковым в это трудное время, нельзя не назвать еще один не менее интересный документ — «Памятку гвардейца». Писал ее работник политотдела Аркадий Ростков, но комбриг редактировал каждое ее положение. Гвардеец, считал Михаил Ефимович, — звание особое, почетное, оно завоевано в тяжелейших боях с врагом. Боевая слава, которую несут гвардейцы по полям сражений, наполняет гордостью сердца советских людей. Каким должен быть гвардеец? «Памятка» дает ответ на этот совсем не прозаический вопрос: «Быть воином Красной Армии — нет почетней обязанности на земле. Быть гвардейцем этой армии — втройне почетно. Будь до конца верен идеалам Коммунистической партии, интересам нашей матери— Родины.

Первейший девиз гвардейца — смелость, смелость и еще раз смелость. Где гвардия обороняется — враг не пройдет, где гвардия наступает — враг не устоит.

Нерешительность, безволие — худший враг. Решимость — половина победы. Помни суворовские правила — глазомер, быстрота, натиск.

Даже в самые напряженные моменты боя не оставляй товарища в беде. Взаимная выручка — естественная, необходимая потребность каждого гвардейца.

Береги как зеницу ока вверенную тебе машину, оружие и ни при каких обстоятельствах не оставляй на поле боя.

Честность — качество сильных и смелых. Обман, очковтирательство — удел малодушных и трусов. Как бы ни горька была правда, не бойся сказать о ней. Докладывай командиру только действительное положение. Вовремя исправленная ошибка — хорошее дело. Неисправленная ошибка — преступление.

Как бы ни хвалили тебя, будь скромным. Зазнайство, самовосхваление — признак слабости.

Будь требователен к себе и окружающим. Расхлябанность не к лицу гвардейцу.

Никогда не успокаивайся на достигнутом. Добился успеха — стремись к новому. Гвардеец — это новатор. Он всегда ищет новых путей к победе».[99]

Делиться фронтовым опытом было для Катукова насущной

потребностью. Но это отвлекало генерала от главного — боевых действий, которые то затихали на короткое время, то снова вспыхивали яростно и ожесточенно. 26 февраля 1942 года комбриг получил приказ, который, прямо скажем, несколько озадачил его. В приказе говорилось: «К утру 28 февраля 1942 года ночным маршем сосредоточиться в лесу севернее Астафьева, где поступить в распоряжение командарма–5».[100]

Предписывалось танки, грузовые машины и обозы провести двумя маршрутами: первый — Новые Рамешки, Дубронивка, Середа, Ягодине, Астафьево; второй — Малинки, Шаховская, Середа, Ягодине; комбригу к 10.00 27 февраля прибыть в Холмово, в штаб армии.

Столь поспешная передача бригады и подчинение другой армии была непонятна до посещения ее штаба. 5–й армией в это время командовал генерал—лейтенант Л.А. Говоров. До этого Катуков ни разу не встречался с ним, хотя во фронтовых сводках это имя упоминалось довольно часто. Командарм оказался простым в обращении человеком, может быть, немного суховатым. Он познакомил комбрига со своим начальником штаба генерал—майором Б. А. Пигаревичем и членом Военного совета бригадным комиссаром Л.Ф. Ивановым.

— Много слышали похвального, товарищ Катуков, о вашей оперативной группе, особенно о 1–й гвардейской танковой бригаде, — произнес Леонид Александрович, принимая гостя. — Теперь вам предстоит сражаться в составе нашей армии.

Г.К. Жуков, ставший 1 февраля 1942 года главнокомандующим войск западного направления, вспоминал: «Переутомленным и ослабленным войскам становилось все труднее преодолевать сопротивление врага. Наши неоднократные доклады и предложения о необходимости остановиться и закрепиться на достигнутых рубежах отклонялись Ставкой. Наоборот, директивой от 20 марта 1942 года Верховный вновь потребовал энергично продолжить выполнение ранее поставленной задачи».[101]

В такой обстановке бригада Катукова была переброшена на новое направление. К началу наступления она имела: 3 танка типа «КВ», 7 «тридцатьчетверок», 23 танка «Т–60». Кроме того, 8 машин разных типов находились в ремонте. По—прежнему в составе бригады оставался зенитный дивизион 4–батарейного состава (12 орудий калибром 37 мм и 3 орудия калибром 25 мм) и мотострелковый батальон в 328 активных штыков.[102]

4 марта 1942 года командарм Говоров передал Катукову 17–ю и 55–ю стрелковые бригады и приказал прорвать линию обороны в районе Клячино — Груздево, выйти на рубеж Красный Поселок

— Федюково, развить наступление на Прилепово.[103]

В 8.30 началась мощная артиллерийская подготовка — обработка переднего края противника в районе Груздева. Когда артиллерия замолчала, в бой пошли части 352–й и 331–й стрелковых дивизий. Их поддерживали 6 танков бригады. Немцы оказали упорное сопротивление, вели огонь из 150–мм орудий, затем вызвали авиацию с ближайшего аэродрома, расположенного в селе Дугино. Только к 13 часам Груздево было занято стрелковыми подразделениями, которые сразу же начали закрепляться. И вряд ли кто мог предположить, что, отступив, ровно через сутки немцы перейдут в контратаку и районы Груздево, Васильки и Сорокино станут ареной тяжелейших боев.

5 марта советские войска заняли Юхнов. Казалось бы, события развиваются благополучно, и следовало ожидать освобождения других оккупированных районов. Однако гитлеровское командование, перегруппировав свои силы, в тот же день нанесло мощный контрудар на Груздево, 352–я стрелковая дивизия не выдержала натиска и стала поспешно отступать. Танки Катукова остались без прикрытия. Бригада потеряла несколько машин.[104]

Фронт лихорадило. Командарм Говоров использовал 1–ю гвардейскую танковую бригаду на разных участках, там, где было особенно трудно. Она вела бои в районе сел Курмень, Дурово, Сорокино, Васильки. 7 марта возобновились бои за Груздево. Село горело, но взять его никак не удавалось. За короткое время немцы успели закрепиться, днем и ночью строили фортификационные сооружения, а при малейшем приближении советских войск открывали огонь 105–миллиметровыми термитными снарядами.[105]

Армии Говорова противостояли крупные силы гитлеровцев. При поддержке танков и авиации они постоянно контратаковали наши войска. Особенно упорно рвалась вперед 78–я пехотная дивизия. Используя мощные противотанковые орудия, немцы последнее время стали применять новую тактику истребления наших танков. При атаках сосредоточивали всю силу огня на отдельной машине, пока не выводили ее из строя. Нужны были контрмеры. И Катуков противопоставил свою тактику. Теперь роты ходили в бой уступом. Это давало возможность идущим сзади танкам видеть картину боя и сосредоточивать весь огонь по обнаруженным противотанковым орудиям противника.

Идея оправдала себя, и штаб армии отдал указание всем танковым частям использовать эту тактику.[106]

12 марта 1942 года после тяжелых и кровопролитных боев 1–я гвардейская танковая бригада овладела Груздевом. Для отдыха

и ремонта техники времени не было. Катуков лишь успел собрать короткое оперативное совещание с представителями штаба и различных служб, чтобы поставить новую задачу.

Бригада снова ушла в бой. Она поддерживала наступление 32, 19 и 50–й стрелковых дивизий. В боях с 7 по 31 марта катуковцы уничтожили 4 танка противника, 8 противотанковых орудий, захватили 20 пулеметов, 1 миномет, рацию, кухню, много винтовок и другого военного имущества. Уничтожили до 50 блиндажей и более 800 гитлеровских солдат и офицеров.[107]

Многие села Смоленщины были освобождены танкистами—гвардейцами. Тяжело смотреть на зверства гитлеровцев, на расстрелы и грабежи. Оккупанты выселяли жителей со своих насиженных мест. Семьи зачастую жили в сырых землянках и подвалах, питались чем придется. Но с приходом наших солдат готовы были поделиться последней коркой хлеба, кринкой молока, если, конечно, она имелась. На это способны только советские люди, о которых Константин Симонов писал:

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди.
Как слезы они вытирали украдкою,
Как вслед им шептали: «Господь вас спаси!» —
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

31 марта 1942 года 1–я гвардейская танковая бригада была выведена в резерв Ставки Верховного Главнокомандования. На этом, пожалуй, и заканчивается один из труднейших этапов героической гвардейской части, прошедшей славный боевой путь от Орла до древней Смоленской земли.

В тяжелых испытаниях сложились замечательные традиции танковой гвардии, бригада всегда действовала дружно, слаженно, все это давало возможность танкистам—катуковцам выходить из самых сложных положений и побеждать.

О командире бригады генерал—майоре Катукове, о его боевой деятельности за 1941 год в личном деле записано: «… приобрел опыт маневренной обороны на широком участке фронта. Использование танков как подвижных огневых точек при отражении превосходящих танковых сил противника».

В апреле 1942 года Катукова вызвали в Главное автобронетанковое управление. С ним выехал и комиссар Бойко.

СТАЛИНСКИЙ КОМКОР

В столице близость фронта ощущалась на каждом шагу, на улицах по—прежнему оставались заграждения — стальные ежи, у домов — высокие штабеля мешков, набитых песком и землей, в небе, куда ни посмотришь, плавали аэростаты воздушного заграждения. Кондратенко провел машину через Красную площадь и остановился у здания Народного комиссариата обороны СССР.

Яков Николаевич Федоренко встретил гостей приветливо, предложил чай, бутерброды. То, о чем он сообщил в начале беседы, и радовало, и удивляло: в Красной Армии начали создаваться танковые корпуса.

— Времена меняются, — продолжал Яков Николаевич, — не так давно я говорил вам в этом самом кабинете о решении Народного комиссариата обороны ликвидировать механизированные корпуса. Теперь его решение отменяется. Оборонная промышленность в состоянии дать фронту достаточное количество машин, чтобы создать крупные танковые соединения. Здесь, в Москве, мы уже начали создавать 1–й танковый корпус. Ты, Михаил Ефимович, назначаешься его командиром, а товарищ Бойко — комиссаром. Возражения будут?

Разве могли быть какие—то возражения? Танковый корпус, в сравнении с бригадой, — махина. Наверняка в него должны входить несколько бригад. Федоренко определил все точно: три танковые бригады, 170 машин, мотострелковая бригада, дивизион реактивных минометов, разведывательный батальон и другие подразделения. К тому же командиру предоставлялось широкое поле деятельности при решении оперативно—тактических задач.

В Главном автобронетанковом управлении в эти дни решался вопрос об укомплектовании танкового корпуса командными кадрами. На должность начальника штаба Федоренко порекомендовал опытного офицера — полковника А.Г. Кравченко.

— Хорошо, пусть будет так, — согласился Катуков. — В процессе работы узнаем друг друга, постараемся найти общий язык. Но в оперативный отдел я бы взял майора Никитина, в политотдел — подполковника Деревянкина. А уж без помпотеха Дынера не мыслю своей работы вообще. Нет необходимости характеризовать этих офицеров. За полгода боев каждый из них показал себя настоящим бойцом, знатоком своего дела.

Федоренко не возражал. Удалось отстоять и 1–ю гвардейскую танковую бригаду, которая должна стать костяком нового

танкового соединения. Кроме того, в состав корпуса вошли: 49–я и 89–я танковые бригады, 307–й гвардейский минометный батальон.[108]

Много вопросов предстояло решить в Москве, но завершить работу по формированию корпуса Катуков должен был в Липецке, куда, начиная с 6 апреля 1942 года, уже перебазировались танковые и мотострелковые подразделения. Михаил Ефимович нашел время, чтобы побывать в 1–й гвардейской танковой бригаде, прибывшей в Москву и разместившейся в казармах на Хорошевском шоссе. Бойцы с трудом узнавали своего командира. В боевых условиях его привыкли видеть в простой солдатской шинели, уставшего, озабоченного, а тут как будто его подменили. Новенькая одежда, уставные знаки различия, словом, все как положено генералу.

Катукова сопровождал полковник Н.Д. Чухин, принявший бригаду. Михаил Ефимович обрадовался, когда в управлении ему представили полковника и сказали, что Николай Дмитриевич назначается на должность комбрига. В июне 1941 года Чухин был начальником штаба 20–й танковой дивизии. Вместе отступали от западной границы, хлебнули лиха под Клеванью и Дубно.

На общем построении бригады был зачитан приказ о том, что Катуков убывает на более высокую должность — командиром корпуса. На лицах бойцов — и радость и огорчение. Радость из—за того, что их командир заслужил повышение по службе, огорчение — из—за расставания.

Михаил Ефимович дошел до середины строя, остановился, скрывая волнение, тихо произнес:

— Мы не расстаемся. Первая гвардейская будет воевать в составе танкового корпуса. Спасибо вам, дорогие товарищи, за службу. Я никогда вас не забуду…

В этот же день командир корпуса Катуков и комиссар Бойко побывали в Спасских казармах и в Серебряном Бору, где формировались другие части и подразделения, познакомились с их командирами, выяснили состояние дел. Не все еще подразделения готовы были начать движение из Москвы, хотя командиры уже имели на руках приказ штаба корпуса о маршруте движения. Он проходил через Подольск, Серпухов, Тулу, Ефремов, Елец до конечного пункта — Липецка. Надо было поторапливаться.

Перед отъездом в Липецк Катуков зашел в автобронетанковое управление, чтобы доложить Федоренко о начале передислокации корпуса. Танки уже грузились на железнодорожные платформы, а колесные машины пошли на юг своим ходом.

Яков Николаевич выслушал доклад, остался доволен:

формирование танкового корпуса, по его мнению, проходило нормально, время, отпущенное для этого, выдерживалось. Он пожелал успехов, как говорят, в боевой и политической подготовке. Теперь именно эти этапы предстояло пройти корпусу — боевую и политическую подготовку перед началом наступления.

Провожая Катукова, Федоренко неожиданно остановился у двери:

— Чуть не забыл, Михаил Ефимович, тебя просил зайти нарком танковой промышленности Вячеслав Александрович Малышев. Не знакомы с ним?

— Встречаться не доводилось.

— Вот и познакомишься. Нарком всегда рад танкистам—фронтовикам. Уверен, ты понравишься ему.

Яков Николаевич вернулся к столу, к телефонному аппарату, покрутил вертушку, набрал номер, с кем—то переговорил.

— Все в порядке, Михаил Ефимович, тебя ждут. До свидания!

С заместителем Председателя Совнаркома и наркомом танковой промышленности разговор состоялся недолгий, но обстоятельный. Малышева интересовало мнение фронтовиков о танках, выпускаемых нашей промышленностью, в первую очередь о «тридцатьчетверках» и «КВ». Как они показывают себя в боях? Удобно ли их ремонтировать в полевых условиях? На какие конструктивные недостатки жалуются танкисты?

Каждый танкист мог сказать немало добрых слов о наших машинах, об их достоинствах. Но они имели и недостатки. Командирам—фронтовикам это было известно доподлинно.

Посылая в бой группы танков с десантом на борту, Катуков всегда волновался за бойцов, сидящих на броне: на машинах не было ни леерных ограждений, ни поручней. И неудобно, и небезопасно. Вот и пришлось высказывать наркому пожелание о том, чтобы танкостроители приваривали вокруг башни поручни.

— Думаю, от этого немудреного технического приспособления польза будет несомненно большая, — говорил Михаил Ефимович.

Малышев поспешно записывал в блокнот все то, что сообщал ему танкист.

Слова наркома не расходились с делом. Уже через несколько месяцев на Дон, где воевал 1–й танковый корпус, стали приходить машины с поручнями для десантников.

Когда все дела по формированию танкового корпуса были закончены, Катуков покинул столицу и присоединился в районе Серпухова к общей колонне. Машины шли со скоростью 30–40 километров, соблюдая строгие правила маскировки, в ночное

время не включая фар. Короткие остановки были сделаны в Серпухове, Туле и Ефремове. Дольше, чем обычно, стояли в Ельце. Катуков решил дать возможность водителям осмотреть и подремонтировать машины, дозаправиться топливом, к тому же надо было хорошо покормить людей.

Елец, небольшой районный центр, был прифронтовым городом, в котором скопилось много воинских частей. Здесь сосредоточилась тогда 5–я танковая армия, которой командовал А.И. Лизюков.

Отдохнув, части 1–го танкового корпуса двинулись дальше. Весенние талые воды затрудняли переход: дороги развезло, а реки Туровец, Оку и Неруч пришлось форсировать. Лишь благодаря работе майора Авдеева, командира понтонного батальона, вовремя наводившего мосты, задержек практически нигде не было.

Наконец корпус прибыл в Липецк, конечную цель маршрута. В первые дни — хлопот невпроворот. Приходили эшелоны с танками, артиллерией. Их встречали работники штаба корпуса, отдавали распоряжения командирам бригад на размещение техники и людей в пригороде Липецка. До второй половины апреля корпус находился в распоряжении Ставки Верховного Главнокомандования и занимался боевой и политической подготовкой, сколачиванием боевых единиц — от экипажа танка до бригады.

Катуков все ближе сходился со своим начальником штаба А.Г. Кравченко. Андрей Григорьевич оказался человеком на редкость трудолюбивым, аккуратным, знающим свое дело. В 1928 году он окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе, на советско—финляндском фронте был начальником штаба танковой дивизии, с марта 1941 года начальник штаба ряда механизированных корпусов, командир отдельной танковой бригады. Вместе с ним разрабатывались планы боевой подготовки войск, возможные варианты их действий в масштабе корпуса.

Едва подсохли дороги, как Ставка передает 1–й танковый корпус в распоряжение Брянского фронта, которым командовал тогда генерал—лейтенант Ф.И. Голиков. Перед фронтом стояла задача в ближайшее время разгромить крупную группировку немецких войск в районе Орла. По донесениям разведки, противник в течение последних двух месяцев усиленно укреплял оборонительный рубеж по линии Мценск, Залегощ, Кутузово, Коровино.[109]

К наступлению готовилась 48–я армия, в составе которой должен был теперь сражаться 1–й танковый корпус. Его части разместились в районе города Ливны, в селах Муратово,

Мезенцево, Хвощевка. Танковые экипажи приводили в порядок материальную часть, командиры батальонов и бригад встречались с командирами стрелковых дивизий и решали вопросы взаимодействия в предстоящих боях.[110]

Катуков на броневике колесил от одной части к другой, его видели то у минометчиков, то у артиллеристов, но чаще — у танкистов.

Поездки командира корпуса имели главную цель — проверить боевую готовность частей. Надо отдать должное бойцам и командирам, все работали, как говорят, в поте лица.

К этому времени почти все танковые бригады были укомплектованы машинами, в основном танками «Т–34» и «КВ».

К середине мая 1942 года обстановка на фронте осложнилась до предела. Гитлеровские войска вновь перешли в наступление и временно захватили стратегическую инициативу.

Советские войска, отведенные на восток после неудач под Харьковом, закреплялись на новых рубежах. На какое—то время им удалось задержать противника в районе Обояни, западнее Купянска и Славянска. В этих горячих точках оказался и 1–й танковый корпус генерала Катукова. После марша с 18 на 19 июня 1942 года он занял позиции недалеко от города Ливны. Штаб корпуса разместился в селе Воротынск.

События на фронте развивались так, что корпус получил возможность подготовиться к боевым действиям. Полторы недели — такое бывает редко — Катуков имел в запасе, чтобы провести осмотр и ремонт техники после марша. Днем и ночью работала корпусная разведка, собирая сведения о противнике. Катуков вызывал начальника разведывательного отдела майора А.Н. Гагаринского, задавал традиционный вопрос:

— Что нового сегодня, майор?

Разведчик докладывал все, что удалось узнать за прошедшие сутки. Стало известно, что корпусу противостоят крупные силы противника: 45–я и 95–я пехотные дивизии, 9–я танковая и одна мотодивизия, номер которой еще не установлен. Немецкая разведка проявляла не меньший интерес к нам, чем мы к ним, засылала своих агентов в расположение наших частей.

— Обезвреживать удается? — спросил Катуков, обеспокоенный происками гитлеровской агентуры.

— Стараемся. На днях, например, задержан некий Евлашкин, бывший красноармеец.

— Дезертир?

— Говорит, что попал в плен. Согласился сотрудничать с немцами, чтобы потом бежать от них. Другой возможности не имел. Сведения принес интересные, заслуживающие внимания.

Они касаются обороны Орла.

— Выкладывайте, майор, — продолжал командир корпуса, — если эти сведения не дезинформация, примем к сведению.

И хотя информация исходила от человека, не внушавшего доверия, тем не менее Михаил Ефимович насторожился: в Орле немцы сосредоточили 10–15 тыс. солдат и офицеров, около 400 танков, опоясали город железобетонными укреплениями, установив на окраинах до 50 зенитных орудий. Кроме того, в 50–60 километрах от Орла, в районе Никольского разъезда, небольшой станции, была размещена 3–я моторизованая дивизия противника.[111]

Немцы в действительности проявляли большой интерес к нашим войскам, особенно к танковым, прибывавшим на фронт. Частые полеты разведывательной гитлеровской авиации, бомбардировки железнодорожных станций, где разгружались эшелоны с техникой, говорили о том, что враг всеми силами пытается помешать развертыванию наших танковых соединений.

26 июня гитлеровские войска из армейской группы «Вейхс» перешли в наступление и ударили в стык 13–й и 40–й армий, прорвали оборону южнее города Ливны. В прорыв устремились танки. Стало ясно, что противник стремится рассечь пополам войска Брянского фронта, отрезать им пути отхода на восток.

Вечером 26 июня Катуков получил приказ командующего фронтом Ф.И. Голикова, в котором говорилось о том, что 1–й танковый корпус, взаимодействуя с 16–м танковым корпусом, контратакует прорвавшегося противника с севера, из района Ливны, и уничтожает его в междуречье Кшен и Тима.[112]

Утром 30 июня корпус занял исходное положение. Катуков попытался связаться со штабом фронта. Связь была неустойчивой, подвижные средства связи — радиостанции типа «Пигмей», оборудованные на машинах, действовали на незначительном расстоянии. Чертыхнувшись, Михаил Ефимович обратился к начальнику оперативного отдела майору Никитину:

— Где выход, Матвей Тимофеевич? Ведь без надежной связи мы будем повязаны по рукам и ногам.

Никитин пожал плечами:

— Что тут посоветуешь? Надо теребить командование фронта.

В тот день специальной почтой Катуков запрашивал Военный совет фронта о выделении рации, «способной непрерывно поддерживать связь с корпусом. Кроме того, прошу придать самолет для связи, т. к. других средств в корпусе нет».[113]

Все это делалось по ходу развития событий, а они развивались в тот день довольно быстро. Получив информацию о

том, что противник накапливает пехоту и танки в районе Кривцова Плота и Марьина, Катуков решил упредить немцев, приказал командиру 1–й мотострелковой бригады полковнику С.И. Мельникову первым нанести артиллерийский удар. Ему было выделено по пять снарядов на орудие, «вперемешку — шрапнель с осколочными».[114]

Два дня — 30 июня и 1 июля — 1–й танковый корпус непрерывно атаковал противника, отбросил его на 4–5 километров в районе Жерновки, Овечьего Верха и Никольского. Успех можно было бы развить и дальше, но все усилия на нет сводила немецкая авиация, стаями набрасывавшаяся на наши танки.

На участке фронта, на котором действовал 1–й танковый корпус, нашей авиации было мало. Иногда прикрытие обеспечивали летчики 3–го истребительного авиакорпуса генерал—майора Е.Я. Савицкого. Но что могли сделать два—три, в лучшем случае пятерка истребителей против десятков «мессершмиттов», «хейнкелей», «юнкерсов»? Разве что подразнить!

В связи с этим Катуков обращается к командующему 13–й армией генерал—майору Н.П. Пухову:

«Выделенных для обеспечения операции корпуса 10 истребителей и 10 штурмовиков — явно недостаточно, т. к. со стороны противника в воздухе над районом расположения корпуса появляются одновременно свыше 50 самолетов противника.

Прошу вашего ходатайства перед командующим войсками Брянского фронта об усилении прикрытия корпуса с воздуха».[115]

1–й танковый корпус сражался на редкость самоотверженно, несмотря на превосходство сил противника, особенно в авиации. Об этом можно судить по донесениям штаба корпуса.

1 июля 1942 года — командованию 13–й армии:

«С 13.00 30.06.42 г. части корпуса ведут встречный бой с противником на рубеже Бараново, Муравский Шлях, Баранчик. Силы противника: по неточным данным, до 30 танков, 2 пехотных полка с сильной противотанковой артиллерией.

Противник от рубежа Бараново, Муравский Шлях к востоку не пропущен, но и части корпуса продвинуться вперед не смогли. Авиация противника в течение дня массированными налетами одновременно от 50 до 80 самолетов беспрерывно бомбит район действия корпуса».[116]

2 июля 1942 года — начальнику штаба Брянского фронта: «Противник форсировал р. Кшень в районе Калиновка и южнее, начал распространяться в восточном и северо—восточном

направлениях. К 16 часам в районе Калиновка, Турчаново, Алексеевка, Мишино — до 2 пехотных полков и 50 танков противника».[117]

В 6 часов утра 2 июля корпус вступил в бой с 385–й пехотной дивизией противника, имея задачей окружить и уничтожить ее. Ожесточенные схватки вспыхивали за каждую высоту, за каждый населенный пункт, будь то хутор или небольшая деревушка. Танкисты действовали испытанными приемами, били немцев из засад, перемалывая его живую силу и технику. В селе Мишино был, например, разгромлен пехотный полк, уничтожено два артиллерийских дивизиона.[118]

Но, пожалуй, наибольший успех выпал на долю 49–й танковой бригады. Катуков приказал комбригу полковнику Д.Х. Черниенко выбить немцев из населенных пунктов Огрызково и Новая Жизнь, занятых 3 июля. При поддержке частей 15–й стрелковой дивизии полковника А.Н. Слышкина Черниенко фланговыми ударами отрезал от реки Кшень 246–й полк противника и разгромил его. Лишь небольшим разрозненным группам вражеских солдат удалось вплавь переправиться на другой берег.[119]

Немцы настойчиво рвались на север и северо—восток, не считаясь ни с какими потерями. В боях с 2 по 10 июля в результате сдерживающих ударов 1–го танкового корпуса противник потерял до 10 тысяч солдат и офицеров, 51 танк, 5 бронемашин, 118 пушек, 81 противотанковое орудие, 56 минометов, 52 станковых и 42 ручных пулемета, 5 тягачей, 2 самолета и 1 аэростат.[120]

Ставка Верховного Главнокомандования обеспокоена положением наших войск на воронежском направлении, между реками Тим и Кшень. Из—за слабого прикрытия артиллерией и авиацией противник мог ударить по тылам 40–й и 15–й армий, что значительно бы ухудшило положение войск Брянского фронта. Чувствовал эту угрозу и Катуков: 1–й танковый корпус находился на стыке двух армий и принимал на себя удары, нередко неимоверной силы, гитлеровской авиации и танков. Чтобы выстоять, часто приходилось обращаться за помощью то к соседу слева — генерал—майору И.Н. Русиянову, командиру 1–й гвардейской стрелковой дивизии, то к соседу справа — полковнику А.Н. Слышкину, командиру 15–й стрелковой дивизии. Обоих командиров Михаил Ефимович знал по довоенному периоду. В трудный час пехотинцы поддерживали танкистов своим огнем.

Задержать немцев удалось, но разгромить — не хватало сил. Командование фронта вводило в бой танковые корпуса

разрозненно, поодиночке, что не давало должного эффекта. Наверно, осознав свою оплошность, штаб фронта решил объединить для совместных действий 1–й и 16–й танковые корпуса и придать им 15–ю стрелковую дивизию. Так, 5 июля 1942 года была создана сводная танковая группа под командованием Катукова.

Для обсуждения планов совместных действий в штаб 1–го танкового корпуса прибыл командир 16–го танкового генерал—майор М.И. Павелкин со своим комиссаром Соколовым. Катуков принял гостей, угостил чаем, а через полчаса уже шел предметный разговор, касающийся фронтовой обстановки и задач, стоящих перед группой.

Прорвав нашу оборону, немцы начали развивать успех в восточном направлении. Пять танковых, несколько моторизованных и пехотных дивизий вышли к Дону, южнее Ельца. Под угрозой оказался Воронеж, крупный промышленный и железнодорожный центр. Некоторым немецким частям удалось даже переправиться через Дон. Навстречу им устремились советские танковые соединения: с севера генерал—майора А.И. Лизюкова, с юга — 17–й танковый корпус Фекленко, с востока — генерал—лейтенанта Я.Н. Федоренко.

В связи с осложнением обстановки на Брянском фронте Яков Николаевич Федоренко оставил Москву и прибыл в Касторную. Ставка поручила ему возглавить оперативную группу в составе 4, 24 и 17–го танковых корпусов, которые предназначались для разгрома противника, прорвавшегося в район Горшечное, 4–й и 24–й танковые корпуса должны были нанести удар из района Старого Оскола на север, а 17–й танковый корпус — из района Касторной на юг.[121]

Ставка и Военный совет Брянского фронта поставили задачу перед группой Катукова: «Упорной активной обороной и нанесением частных ударов не допускать расширения фронта прорыва противника и развитие его успеха в северном и северо—восточном направлении. Всеми средствами уничтожать его живую силу и технику, и с началом наступления главных ударных сил, активными действиями во фланг и тыл противнику, отрезать пути отхода ему, не допускать подвоза новых резервов, уничтожая их на рубеже р. Кшень».[122]

Бойцам и командирам была разъяснена ситуация, сложившаяся на фронте. Обращаясь к ним, командование группы писало:

«Каждый… должен понять важность поставленной перед ним задачи, упорно оборонять свой рубеж, активными, решительными, короткими ударами вынуждать противника к

отступлению, подготовиться к решительному переходу в общее наступление на фронте. Быстро восстанавливать материальную боевую часть, обеспечить разгром фашистских банд.

Ни шагу назад, и победа обеспечена!»[123]

8 июля группа Катукова начала наступление с рубежа Хитрово — Сенирино. В 18 часов 50 минут была проведена артиллерийская подготовка, открыт огонь по обнаруженным батареям противника, а через десять минут в бой пошли танки.

В ходе разработки плана наступления 16–му танковому корпусу был выделен 4–километровый участок фронта и поставлена задача: во взаимодействии с 8–м кавалерийским корпусом наступать с рубежа Красное Сенирино, овладеть населенными пунктами Большая Ивановка и Сапрон. Хотя корпусу противостояли незначительные силы противника, задачу он не выполнил, встретив сильный заградительный огонь, его танковые и пехотные части повернули обратно, положение на рубеже спасли танкисты 1–й гвардейской танковой бригады. Только утром 11 июля Павелкину удалось занять прежние позиции.[124]

Как потом выяснялось, не лучшим образом наступали и некоторые части 1–го танкового корпуса. Что это — неудача или еще сказывается отсутствие боевого опыта? Скорее всего и то и другое. Катуков старался во всем детально разобраться.

— Как всякий опыт, боевой сразу не дается, — говорил Михаил Ефимович работникам штаба. — Ладно, 16–й танковый корпус еще не обстрелян как следует, но наши—то бригады достаточно понюхали пороху. Ведь неделю тому назад мы хорошо побили немцев, задержали их и на реке Олым, и на реке Кшень. Что же произошло?

В штабе подробнейшим образом разбирали и анализировали прошедшие бои. И вот появляется приказ Катукова, в котором говорилось:

«Установлено, что командование бригад не поняло моей учебы, моих указаний и приказов, в решающие моменты боя игнорировало, пренебрегло указаниями:

1. Донесения с поля боя не представлялись в сроки (1 мсбр), неточные (1 тбр).

2. Нет взаимосвязи между бригадами.

3. Нет достоверной разведки — тактической и боевой, о противнике поверхностное представление.

4. Нет наблюдательных пунктов с командирами штабов, наблюдающих за полем боя; в 1–й мотострелковой бригаде командование ездит по частям без толку, не руководит боем, в этой же бригаде в течение дня не была развернута бригадная

артиллерия. Штаб 1 мсбр не имел связи с батальонами.

5. Не ведется огонь пехоты из пулеметов по пикирующим бомбардировщикам.

6. Несвоевременно выносятся раненые с поля боя, не сразу оказывается помощь…»[125]

Выводы, сделанные в ходе разбора боевых действий группы, пошли всем на пользу. Командиры особое внимание уделяли теперь вопросам организации боя, техническому состоянию машин, взаимосвязи друг с другом, артиллерийской поддержке, словом, старались учесть все замечания Катукова.

Бои под Воронежем продолжались. В самый ответственный момент заболел командир 1–й гвардейской танковой бригады полковник Чухин. Его заменил молодой тридцатитрехлетний подполковник В.М. Горелов. Владимир Михайлович до войны с отличием окончил Военную академию механизации и моторизации, в боях показал себя умелым командиром.

1–й танковый корпус держал оборону на значительном участке фронта, героически сражался с врагом, не уступая ему ни одного метра своих позиций, нанося большие потери в живой силе и технике. Катуков был уверен в том, что 1–й танковый станет действительно первым в танковых войсках. В сущности таковым он и являлся, достоин был гвардейского звания. Не случайно в донесении Военному совету Брянского фронта Михаил Ефимович писал 11 июля 1942 года:

«Все бригады 1–го танкового корпуса за большие успехи по разгрому врага заслуживают присвоения им звания гвардейцев и в предстоящих решительных наступательных операциях с честью оправдают это звание.

Прошу вашего ходатайства перед Народным комиссаром обороны Союза ССР о присвоении 1–му танковому корпусу звания гвардейского корпуса».[126]

Не довелось Катукову сделать корпус гвардейским: был отозван на другой фронт. Но летом 1942 года его танкисты представляли грозную силу для врага. Немцы даже стали менять тактику при встрече с катуковцами, прятали свои танки за противотанковые батареи или за пехоту.

При разборе боевых операций со штабными работниками Катуков не стеснялся отдавать должное немецким командирам, если видел их грамотные и умелые действия:

— Противник — не дурак, если предпринял маневр, отвел свои танки. Значит, жди удара в другом месте.

В одном из боевых распоряжений Михаил Ефимович писал: «Полезно и нам применять такой маневр, предварительно приучив свою пехоту к тому, что отвод танков не отступление, а

маневр для сохранения материальной части».[127]

Но в то время любой отвод войск, неважно, какими мотивами он был продиктован, сопряжен был с крупными неприятностями для любого нашего командира и военачальника; вступал в силу приказ НКО Сталина № 227 от 26 июля 1942 года, известный в армии и в народе под названием «Ни шагу назад!». Он перекликался с приказом № 270, изданным 16 августа 1941 года. В чем их суть? Приказы издавались в тяжелое для страны время, преследовали цель укрепить боевой дух и дисциплину в войсках, указывали на необходимость решительного пресечения проявлений трусости, паникерства, нарушений дисциплины. Несомненно, они сыграли определенную роль в укреплении морального духа и воинской дисциплины.

И все же на фронте случалось всякое, приходилось и отступать. Но отступление — еще не поражение. Катуков, если видел необходимость отвести войска, отводил их. Сохранив материальную часть, перегруппировав силы, он неожиданно наносил мощный удар противнику, который потом долго залечивал свои раны. Например, во время развития атаки 6 июля 1942 года на рубеже Дробышево, Юдино, Красный, Усть—Юрское несколько раз приходилось отводить части то 1–го, то 16–го танковых корпусов, однако немцев удалось разбить, вклиниться в их передовые линии и удерживать занятую территорию в течение нескольких дней.[128]

Успех группы надо было закрепить, и Катуков со своим штабом приступил к разработке новых планов наступления. Только наступать пришлось уже на другом участке фронта. Пришел приказ Военного совета Брянского фронта передать позиции в районе Ломигоры, Большая Вершина, Большая Ивановка 16–му танковому корпусу и 15–й стрелковой дивизии, а части 1–го танкового корпуса переместить по тылам 15–й армии на восток. Это связано было с тем, что противнику удалось прорвать нашу оборону на стыке Брянского и Юго—Западного фронтов на глубину до 80 километров, вплотную подойти к Дону и Воронежу.

На фронт приехал представитель Ставки Верховного Главнокомандования генерал—полковник А.М. Василевский. Ему поручено было организовать контрудар 5–й танковой армии Лизюкова совместно с приданными ей 7–м, 1–м и 16–м танковыми корпусами по группировке «Вейхс». Войскам ставилась задача: перерезать коммуникации противника, сорвать переправу через Дон, разгромить его части.

19 июля 1942 года, завершив марш, 1–й танковый корпус сосредоточился в районе Каменки, Килово, Большая Верейка,

Муравьевка, Суриково, Озерки. Предстояло провести техосмотр материальной части, ремонт, организовать разведку позиций противника.

Военный совет фронта поставил перед Катуковым задачу: действуя на участке 340–й и 193–й стрелковых дивизий, по выходе их на тактическую глубину обороны противника (южный берег реки Сухая Верейка) войти в прорыв на участке Хрущево — Лебяжье, уничтожить артиллерию, резервы и штабы противника, овладеть районом Руца, Сомово, Гремячье и развить наступление на юг, обходя села Землянки и Кондрашовка.[129]

Все шло по намеченному плану, стрелковые дивизии готовили на Сухой Верейке десять переправ, по которым должны были пройти танки. И вдруг у командира корпуса открылась старая болезнь, и врачи настаивали на госпитализации. Михаил Ефимович ехать в госпиталь отказался, руководил боями со своего командного пункта.[130]

Начальник штаба Кравченко, обеспокоенный болезнью Катукова, хотел уведомить об этом командира оперативной группы войск генерал—лейтенанта Н.Е. Чибисова, которому в это время подчинялся 1–й танковый корпус.

— Упаси бог, Андрей Григорьевич, — воспротивился Катуков. — Чибисову сейчас не до меня: немцы лезут на всем участке фронта, дотерплю, не впервой.

Решая поставленную задачу, Катуков вводит в прорыв свои бригады в таком порядке: 49–я танковая наступает в первом эшелоне на участке 340–й стрелковой дивизии, форсирует под прикрытием пехоты реку Сухую Верейку в районе Хрущево, овладевает селами Руда и Гремячье; 1–я гвардейская танковая на участке 193–й стрелковой дивизии форсирует реку в районе Лебяжье и овладевает Сомовом и Большой Трещовкой; 1–я мотострелковая наступает из Перекоповки во втором эшелоне за 49–й танковой бригадой, прикрывает правый фланг корпуса от возможных контрударов противника с запада, обеспечивает успех 1–й гвардейской и 49–й танковой бригад; 89–я танковая (без батальона «КВ») оставалась в резерве командира корпуса, но стояла в готовности в Каменке и могла быть брошена в любом направлении, в зависимости от развития ситуации на фронте.[131]

Наступление началось в 4 часа 30 минут 21 июля. На КП командира корпуса — временное затишье. Катуков ждет донесений с передовой линии. Рядом с ним дежурит врач. Поступают первые донесения, они не радуют. К моменту ввода корпуса в прорыв стрелковые дивизии не сумели прорвать оборону противника, 340–я дивизия лишь овладела скатами на высоте 213,8, село Хрущево так и осталось в руках немцев. Части

193–й стрелковой дивизии ворвались на северную окраину села Лебяжье, южную — противник прочно удерживал за собой, удерживал и южный берег Сухой Верейки.

Тогда командир корпуса принимает новое решение. В 16.00 приказывает одной роте 1–й гвардейской танковой бригады из района Ломово атаковать высоту 181,8, остальными силами наступать на Лебяжье. Комбригу Горелову приказывает:

— Владимир Михайлович, Лебяжье должно быть в наших руках через несколько часов. Тебя поддержит генерал Смехотворов, командир 190–й стрелковой дивизии. Справишься с делом, доложишь!

Горелов выполнил поставленную задачу, взял село, но остановился на берегу Сухой Верейки: на минах подорвалось несколько танков, оказалось, что немцы оставили на местах, удобных для переправы, сплошное минное поле.

В течение ночи саперы занимались разминированием берегов реки, сняли более ста мин. И все же потери были ощутимы. Горелов потерял 12 танков, 6 из них подорвались на минах, 6 — подбиты противотанковой артиллерией противника.[132]

Только в 13 часов на следующий день танковые части переправились на другой берег и совместно с мотострелками завязали бои с противником у села Лебяжье.

Медленно продвигалась вперед и 49–я танковая бригада. Слабо поддержанная частями 340–й стрелковой дивизии, она переправилась через Сухую Верейку в половине одиннадцатого 22 июля, сразу же повела наступление в южном направлении. Противник упорно оборонялся, стягивал с других участков фронта резервы, в воздухе постоянно висело до 30–40 немецких самолетов.

Корпус продолжал наступать. Катуков торопился завершить операцию: авиационная разведка сообщала, что противник перебрасывает в район Касторной крупные танковые и пехотные силы, до 17 эшелонов прошло в северо—восточном направлении.

На командный пункт позвонил Кравченко:

— Противник повсеместно оказывает ожесточенное сопротивление. Считаю, Михаил Ефимович, пора вводить в действие наш резерв, 89–ю танковую бригаду.

— Согласен, генерал. Но одну роту все же придержи. Немцы из Ломова могут нанести неожиданный удар.

Начальнику штаба в эти дни было присвоено звание генерал—майора танковых войск, вскоре он станет командовать крупным танковым соединением, а пока он прилагал усилия по организации наступления в районе Высочино, Хрущево, Гремячье, Сомово, Большая Трещевка.

Несколько дней подряд на степных просторах Придонья шли тяжелейшие бои, по масштабам своим несравнимые ни с мценскими, ни с подмосковными. Катуков инстинктивно чувствовал, как противник вырывает у него инициативу наступления, сдерживает его, вводит в действие свежие части. Прорвав оборону стрелковых дивизий, немцы к исходу дня 25 июля вышли на рубеж Суриковы Выселки — Ломово, одновременно повели наступление на Сомово, Большую Трещевку, Лебяжье, Хрущево. Стрелковые части уже дрались в полуокружении.

Для парирования удара противника Катуков бросает в бой все имевшиеся в его распоряжении резервы. Когда и это не помогает, он принимает решение под покровом ночи 26 июля вывести из села Лебяжьего 1–ю гвардейскую и 1–ю мотострелковую бригады, оставив там небольшое прикрытие. О принятом решении было сообщено командующему 38–й армией Н.Е. Чибисову.

Михаил Ефимович, забыв о своей болезни, практически не покидал КП, пока не получил донесение о выводе из—под удара танковых и мотострелковых частей. Обнаружив уход наших войск, противник усилил нажим на 49–ю и 89–ю танковые бригады, которые, прикрывшись арьергардами, прорывались на Большую Верейку.

В этот день все части 1–го танкового корпуса по приказу штаба фронта были выведены из района Лебяжье и заняли оборону на рубеже Крещенка — окраины Фомино—Негачевка.[133]

Неудачу Катуков переживал особенно остро. Были невосполнимые потери людей и техники. Потери могли быть во сто крат больше, не прими он решение об отводе войск до того, как оно последует свыше. О причинах неудачного наступления говорилось потом много — в приказах по корпусу, армии и фронту. Были сделаны и соответствующие выводы, суть которых сводилась к следующему: наступление не было как следует подготовлено, танки оказались без артиллерийской и авиационной поддержки, пехотные части не обеспечили прорыв обороны противника.

Что это — просчеты командования? Да. Иначе как можно объяснить, что прорвавшимся вперед частям 1–го и 2–го танковым корпусам не была оказана поддержка другими соединениями, скажем, действовавшими рядом 7–м танковым корпусом генерал—майора П.А. Ротмистрова и 11–м танковым корпусом генерал—майора И.Г. Лазарева. Их роль при прорыве противника сводилась лишь к его сдерживанию.

В докладе о ходе боев 1–го танкового корпуса 21–27 июня Катуков писал: «В результате невыполнения задач прорыва

обороны стрелковыми дивизиями, самостоятельного прорыва танковыми бригадами переднего края, темп наступления был замедлен, противник, закрепившись на новых рубежах, подтянул резервы, нащупал слабое место в обороне 284–й и 540–й стрелковых дивизий, нанес решающий удар во фланг ударной группировке, создал угрозу окружения вклинившимся частям. Парирование контрудара было организовано поздно, а резервы ударной группы были втянуты в бой».[134]

Противник на этот раз одержал верх, но война на этом не заканчивалась, 1–й танковый корпус готовился к новым боям: приводились в порядок стрелковые и танковые части. Дынер со своими ремонтными службами поистине творил чудеса, восстанавливая разбитую технику. 20 июля начальник штаба Кравченко убывал к новому месту службы. Кому передать должность? Из штабных работников наиболее подходящей кандидатурой был майор М.Т. Никитин, начальник оперативного отдела. Незаменимый Никиток, так дружески называл его Катуков. Именно ему, Никитину, офицеру грамотному, превосходно разбирающемуся в тонкостях штабной и оперативной работы, человеку во всех отношениях порядочному, командир корпуса приказал принять дела, а оперативный отдел временно возглавил майор П.И. Шевяков.

25 августа Матвею Тимофеевичу Никитину было присвоено звание «подполковник». Этот человек стоял во главе штаба корпуса, а затем оперативного отдела армии, которой командовал Катуков. О своем выборе Михаил Ефимович никогда не жалел.

И снова наступление. 8 августа был получен приказ командующего 38–й армией генерал—лейтенанта Н.Е. Чибисова, в котором говорилось:

«Оперативная группа генерал—майора Катукова (1–й тк, 157 сд, 104 сбр, 1112 ал РГК, 124 сап РГК, 65 гмп) наносит главный удар в направлении Каверья, прорывает фронт на Большую Верейку и к исходу дня 10.08.42 г. выходит на рубеж Чуриково, Каверья, Скляево, в дальнейшем развивает удар в направлении Русская Гвоздевка».[135]

На этот раз командование Брянского фронта замыслило широкомасштабную операцию, привлекло к участию в ней достаточно большое количество войск. Кроме группы Катукова, в наступлении участвовала и группа И.Г. Лазарева, которой предстояло овладеть рубежом Гремячье — Лебяжье, развивать успех на Сомово, Чистую Поляну, Малую Верейку. 38–я армия прорывала оборону противника на участке Ивановка — р. Дон, уничтожала землянскую группировку немцев.[136]

Наступление планировалось начать в час ночи 10 августа по особому распоряжению, но артиллерийский обстрел позиций противника начался уже 8 августа.

Перед наступающими войсками стояла нелегкая задача. Было известно, что противник с целью обеспечения своих операций на юге использовал заранее подготовленные позиции Воронежского обвода на рубеже Козинка, Лобановка, Ивановка, Спасское, Малая Верейка, Большая Верейка, Нижняя Верейка — сел у реки Дон. Перед фронтом 38–й армии немцы ввели в первом эшелоне четыре пехотные дивизии, во втором эшелоне, в районе Малой Верейки, Землянска, Большой Трещевки и Гремячьего, 9–ю и предположительно 11–ю танковые дивизии. Войскам приказано было держаться до последнего солдата.[137]

Перед началом общего наступления Катуков решил провести силовую разведку переднего края противника, выяснить его огневые точки. После ранения А.Н. Гагаринского корпусную разведку возглавил майор П.Г. Лихошвай, смелый и энергичный человек, не раз уже добывавший ценные сведения о противнике. Его пригласили в штаб. Катуков и Никитин объяснили поставленную задачу, указали на важность и сложность ее выполнения.

Когда все детали были уточнены, начальник штаба спросил:

— Кому, Петр Григорьевич, поручим это ответственное дело?

Не задумываясь, майор ответил:

— Поручите мне.

Как прошла операция, говорит документ: «В ночь с 10 на 11.08 проведена силовая разведка с задачей: уточнить начертание переднего края обороны противника, уничтожить боевое охранение и выявить расположение огневых точек противника. В результате операции было уничтожено до 150 немцев, захвачены трофеи и 4 пленных. Разведотряды закрепились на отбитых у противника позициях. Руководил операцией Лихошвай».[138]

Пленных, ефрейтора и троих солдат, доставленных в расположение корпуса, Катуков допрашивал сам. Их вводили по одному, задавали вопросы. Переводчица Ольга Дмитриевна Модина едва успевала переводить показания разговорившихся фашистов, подтвердивших номера дивизий — пехотных и танковых, известных уже нашей разведке. Немцы подтвердили также сведения о том, что в первом эшелоне у них достаточно сильные огневые средства — артиллерия, танки. Прикрытие будет осуществлять авиация, базирующаяся на аэродромах вблизи Воронежа.

Сопоставляя разведывательные данные и показания пленных, можно было заключить: оперативной группе предстояло

прорывать хорошо подготовленную противником линию обороны.

12 августа в 5 часов утра после тридцатиминутной артиллерийской подготовки пошли в атаку стрелковые и мотострелковые части, за ними — танковые. К 16 часам 167–я стрелковая дивизия, сломив сопротивление врага, вышла к северной окраине Большой Верейки, к Чурикову и Верейским Выселкам, где прочно закрепилась. Успешно продвигалась и 1–я мотострелковая бригада, преодолевшая минные поля у западной окраины Скляева–1. У Скляева–3 уже находилась 104–я стрелковая бригада.

Катуков, медленно меряя шагами расстояние на командном пункте, ждал донесений от командиров танковых бригад. Когда они стали поступать, Михаил Ефимович оживился. Приятную новость сообщил Горелов, командир 1–й танковой. Своими силами он построил переправу и форсировал реку Большую Верейку. Катуков не удержался, передал по радио:

— Молодец, комбриг. Закрепляйся!

Трудно пришлось 89–й танковой бригаде. Комбриг А.В. Жуков доложил о том, что его танки достигли северного берега Большой Верейки, но дальше продвинуться не могли из—за сильного противотанкового огня и минных полей. Потеряно уже 11 машин. Только на следующий день танкисты Жукова ворвались в Чуриково.

В течение нескольких дней на реках Большая и Малая Верейки шли тяжелые бои с переменным успехом. 17 августа противник предпринял восемь атак на Скляево–1, бросал танки, артиллерию и авиацию. К сожалению, наша авиация появлялась только в первые дни наступления. Потери в людях и технике были довольно ощутимы.

Самое разумное, что можно было теперь сделать, — прекратить наступление, закрепиться на занятой территории, прочно удерживать позиции. Для развития наступления в глубине обороны противника сил уже не хватало. Это поняло и командование фронта. Оно отдало приказ приостановить наступление.

1–й танковый корпус, не выходивший из боя почти три месяца, выведен был теперь в резерв Ставки Верховного Главнокомандования. Его части расположились южнее Тулы, в 9 километрах от Ясной Поляны, знаменитой усадьбы Льва Николаевича Толстого, и начали восстанавливать свою боеспособность.

Штаб корпуса разместился в селе Горюшино. Там подводились итоги июльско—августовских боев. В результате ударов корпуса противник потерял: танков — 122, орудий разных

калибров — 326, противотанковых орудий — 152, минометов — 12, автомашин — 173, повозок с грузами — 119, самолетов — 12, пулеметов — 264, зенитных орудий — 6, складов боепитания — 6, радиостанций — 14, броневиков — 6, тягачей — 6.[139]

В журнале боевого пути 1–го танкового корпуса отмечалось: «В результате героических действий, смелости и отваги всего личного состава задача, поставленная перед корпусом, была выполнена с честью. Где бы противник ни пытался развить успех, везде встречал сокрушительный отпор танкистов и на север продвинуться не смог».[140]

Возвращаясь к только что закончившимся боям, Катуков вместе со своими соратниками — командирами бригад анализировал успехи и неудачи в период наступательных и оборонительных операций, задавался вопросом — почему так неэффективно использовались танковые силы на Брянском фронте? 5–я танковая армия и несколько танковых корпусов находились в распоряжении командующего фронтом, но ни разу они не вводились в бой для одновременного, массированного удара по врагу.

Пожалуй, ответ на этот вопрос дал позже А.М. Василевский. Он писал: «Тех сил и средств, которым он (Брянский фронт. — *В.П.*) располагал, было достаточно не только для того, чтобы отразить начавшееся наступление врага на курско—воронежском направлении, но и вообще разбить действовавшие здесь войска «Вейхса». И если, к сожалению, этого не произошло, то только потому, что командование фронта не сумело своевременно организовать массированный удар по флангам основной группировки противника, а Ставка и Генеральный штаб, по—видимому, ему в этом плохо помогали».[141]

Недостатки в использовании танковых сил были вскрыты в специальном приказе Народного комиссара обороны за № 325 от 16 октября 1942 года.

«Этот приказ, — писал позднее М.Е. Катуков, — сыграл большую роль в дальнейшей судьбе танковых войск. Он, по существу, стал важнейшей теоретической основой их боевого применения».[142]

Вскоре командир корпуса был вызвал в Москву на прием к Верховному Главнокомандующему.

Сталин принял Катукова 17 сентября 1942 года на ближней даче, недалеко от Кунцева, куда привез его А.Н. Поскребышев, незаменимый долгие годы помощник генсека, забрав из приемной Председателя Совета Народных Комиссаров. С Верховным Главнокомандующим Михаил Ефимович ни разу не встречался, лишь разговаривал по телефону, когда его бригада

находилась под Мценском.

В небольшой комнате, в которой оставил его Поскребышев, открылась боковая дверь и вошел Сталин.

— Здравствуй, товарищ Катуков! — произнес он глуховатым голосом с заметным кавказским акцентом.

«У меня все мои заготовленные слова рапорта пропали из головы, и я только мог сказать: «Здравствуйте, товарищ Сталин!» — вспоминал Катуков об этой встрече в 1947 году.

Верховный предложил сесть, разрешил курить. Потянулся к трубке и сам.

Разговор, к счастью, наладился сразу. Сталин поинтересовался, как воюет корпус, как показывают себя наши танки в бою. Когда—то такого рода вопросы задавал ему нарком танковой промышленности В.А. Малышев. Отвечал Катуков тогда прямо, ничего не утаивая. И перед Сталиным решил не кривить душой. От Верховного много зависело. Может, прислушается к мнению фронтовика и окажет влияние на выпуск нашей промышленностью более нужных для фронта танков.

— Что касается танков «Т–34», они превосходны, в бою показывают себя с наилучшей стороны, — Михаил Ефимович следил за Сталиным, медленно, почти неслышно ступавшим по мягкому ковру. — Иное дело — тяжелые машины «КВ» или легкие «Т–60» и «Т–70». Первые фронтовики недолюбливают из—за того, что они неповоротливы, с трудом преодолевают препятствия, и пушка у них слабовата, вторые — из—за слабой брони и никудышной пушки. Двадцати или сорокапятимиллиметровым снарядом прошибить броню немецких танков нельзя. Практика боев в Подмосковье показала, что легкие танки трудно, почти невозможно использовать в распутицу или по глубокому снегу. Их приходится таскать на буксире.

Сталин слушал доводы Катукова, морщился, ему явно хотелось другой аттестации машин, выпускаемых нашей танковой промышленностью. Возражал, доказывал, что тяжелые и легкие танки не так уж плохи, фронтовики просто не успели оценить их или плохо использовали на поле боя. Катуков стоял на своем, хотя и знал, что Верховный не любит, чтобы ему противоречили.

— Любой танкист, товарищ Сталин, отдаст предпочтение «тридцатьчетверке». Но если «КВ» вооружить более мощной пушкой, тогда, пожалуй, машина будет использована с большей эффективностью. И еще одна существенная деталь, — добавил Михаил Ефимович, — радиосвязь. Не только командирские, но и линейные машины должны быть оснащены радиостанциями. На поле боя часто возникает необходимость осуществить быстрый маневр взводом, ротой, батальоном. Пока сработает зрительная

сигнализация, уходит время, противник успевает принять контрмеры…

О многом, что хотелось бы изменить в танковых войсках, говорил командир корпуса. Для него все это было важно, существенно. От этого часто зависела судьба техники, людей.

Когда Сталин спросил, как на фронте награждают отличившихся бойцов и командиров, Катуков высказал свое несогласие с существующей практикой. Ведь как было. Пока списки отличившихся в боях пройдут все армейские инстанции, попадут в Москву, пока появится Указ Президиума Верховного Совета СССР и все вернется на круги своя, проходит месяц, а то и два. Бои между тем продолжаются. За это время одни по ранению попадают в тыловые госпитали, другие погибают, третьи при различных обстоятельствах переводятся в другие части — на фронте всякое бывает. Приходят награды и не находят своих владельцев. Катуков высказал пожелание, чтобы право награждать предоставлено было фронтам, армиям, соединениям.

На заключительном этапе беседы Сталин вновь вернулся к танковым войскам, видимо, хотел знать все о нашей бронетанковой технике, о ее слабых и сильных сторонах, о причинах неудач некоторых операций на Дону. Получив от фронтовика нужную информацию, он вдруг сказал:

— Вот что, товарищ Катуков, вы назначаетесь командиром механизированного корпуса. Он будет посильнее танкового.

И тут же показал на карте, где мехкорпусу предстоит воевать. Это были районы Калининской области.

Предложение неожиданное, и все же приятно было почувствовать доверие, которое оказывают сам Верховный и Ставка. В то же время Михаил Ефимович понимал и о грузе ответственности, который ложился на его плечи. Он будет нелегкий. Утешал себя тем, что в жизни ничего легкого не бывает, и уж тем более на войне.

Поблагодарив Сталина за доверие, Катуков все же попросил его включить в новое соединение части, с которыми он воевал под Москвой и на Дону. Это касалось в первую очередь 1–й гвардейской, 49–й танковой и 1–й мотострелковой бригад. Верховный не противился, сразу же позвонил начальнику Генерального штаба и все уладил. Было также получено согласие на отзыв из 1–го танкового корпуса П.Г. Дынера и М.Т. Никитина.

На прощание Сталин пожелал успехов новому мехкорпусу, его командирам в предстоящих боях на Калининском фронте.

Вернувшись в Москву, Михаил Ефимович отправился к Федоренко, чтобы узнать более подробно о том, кому и когда сдавать 1–й танковый корпус, когда выезжать к новому месту

службы. Яков Николаевич был занят какими—то срочными делами и попросил подождать в приемной. Не прошло и двадцати минут, как он пригласил Катукова:

— Надеюсь, ваша беседа с Верховным Главнокомандующим прошла, как принято говорить, на высоком уровне?

— В общем—то да, мы нашли общий язык. Верховный удовлетворил мою просьбу, разрешил забрать из 1–го танкового корпуса две танковые и одну мотострелковую бригады.

Федоренко задумался, молча начал листать какие—то бумаги, лежавшие перед ним на столе, затем басовито произнес:

— Это меняет дело. Наверняка забираешь 1–ю гвардейскую танковую. Сроднились, поди. Какие еще части?

— 49–ю танковую и 1–ю мотострелковую бригады.

Брови у Федоренко подскочили кверху:

— Значит, от бригады «КВ» отказываешься?

— Отказываюсь, Яков Николаевич. Я и Сталину об этом говорил. В болотах Калининской области использовать тяжелые танки нецелесообразно и, как мне кажется, неразумно: угробим дорогостоящую технику.

Доводы Катукова были более чем убедительны.

Новый формирующийся механизированный корпус получил порядковый номер — три. Кроме уже указанных соединений, в него вошли 3–я и 10–я механизированные бригады, другие части и подразделения. Всего в корпусе насчитывалось 175 танков. Мощная ударная сила!

Предстояло еще подобрать командный и политический состав корпуса, сделать кое—какие перестановки. Этим занималось Главное автобронетанковое управление. 18 сентября 1942 года был отдан приказ Народного комиссара обороны Союза ССР по личному составу Красной Армии: «Командир 1–го танкового корпуса гвардии генерал—майор танковых войск Катуков Михаил Ефимович освобождается от занимаемой должности и назначается командиром 3–го механизированного корпуса, с установлением ему гвардейского оклада жалованья;

подполковник Никитин Матвей Тимофеевич — начальником штаба 3–го механизированного корпуса;

подполковник Горелов Владимир Михайлович (бывший заместитель командира 1–й гвардейской танковой бригады) назначается командиром 1–й гвардейской танковой бригады;

инженер—подполковник Дынер Павел Григорьевич — помощником командира 3–го механизированного корпуса по технической части».[143]

Среди тех, кому довелось работать и воевать рядом с Катуковым на Калининском фронте, был бригадный комиссар

Н.К. Попель, назначенный на должность военного комиссара корпуса. Николай Кириллович был на год моложе Катукова, но они быстро подружились и не расставались уже до конца войны. Их фронтовая дружба продолжалась и в мирные дни. Война застала Попеля в Дрогобыче, где стоял 8–й механизированный корпус. С тяжелыми боями комиссар выводил из окружения свои части, затем был членом Военного совета 38, 21 и 28–й армий.

Политотдел корпуса возглавил старший батальонный комиссар Никита Трофимович Лясковский, оперативный отдел — подполковник Борис Яковлевич Рыбаков, разведывательный отдел — подполковник Давид Абрамович Драгунский, впоследствии дважды Герой Советского Союза, генерал—полковник. О некоторых командирах и комиссарах Катуков успел кое—что узнать в Москве, более подробно знакомился с ними на калининской земле, когда в сентябре 1942 года сдал 1–й танковый корпус генерал—лейтенанту В.В. Буткову.

30 сентября Михаил Ефимович получил приказ Главного автобронетанкового управления погрузить части 3–го механизированного корпуса и отправить их к новому месту дислокации. Станцию назначения указал позже Генеральный штаб.[144]

Машина командира корпуса мчалась в Калинин. Рядом с Катуковым сидели Никитин и Дынер. За рулем — неразлучный Кондратенко, отличившийся в боях на Дону. На его груди сверкал орден Красной Звезды, вместо сержантских нашивок с тремя ромбами появился командирский квадратик. Приказ о присвоении звания младшего лейтенанта подписал 17 сентября 1942 года командующий Брянским фронтом К.К. Рокоссовский. У Кондратенко теперь ответственная должность, он — адъютант командира корпуса.

Во второй половине дня «эмка» вышла на центральные улицы Калинина. Город сильно пострадал от бомбардировок и артиллерийских обстрелов, война не пощадила этот некогда красивый областной центр. Кругом развалины, зияют пустыми глазницами полусгоревшие здания. Но город живет, работает, сражается.

Катуков и Никитин побывали на приеме у секретаря обкома партии И.П. Бойцова, выяснили фронтовую обстановку, попросили выделить проводников, которые помогли бы найти подходящее место для размещения штаба корпуса. Проводники нашлись. Они привели машины в район Желтикова Поля. Вокруг сплошной стеной стоял лес, шумели сосны и ели, недалеко — Волга. Михаил Ефимович прошелся по поляне, полюбовался деревьями, стоявшими в осеннем наряде. Место понравилось.

— Тут и будет наш штаб, — сказал Катуков, оборачиваясь к Никитину. — До города — рукой подать, а с точки зрения маскировки, чего желать лучше.

Через несколько дней лесную поляну уже трудно было узнать: хозяйственники потрудились на славу, построили невысокие срубы, землянки, связисты протянули провода, штаб 3–го механизированного корпуса начинал новую боевую жизнь.

Комкор вызывал к себе командиров бригад, знакомился. Это были люди с боевым опытом, понюхавшие пороху на войне. Запомнилась встреча с командиром 3–й мехбригады подполковником А.Х. Бабаджаняном. Амазасп Хачатурович — пехотинец, еще недавно командовал пехотным полком, но в Народном комиссариате обороны СССР то ли по иронии судьбы, то ли по необходимости распорядились направить его в танковые войска. Михаил Ефимович вспоминал:

«Однажды поздно вечером в дверь постучали, и в комнату вошел подполковник с темными живыми глазами и смуглым лицом. Комбинезон болтался на его худом, почти юношеском теле, как на вешалке.

— Подполковник Бабаджанян. Прибыл на должность командира мехбригады, — представился он.

Пристально посмотрел я на нового комбрига — во внешности ничего выдающегося, но недаром говорят, что внешность обманчива. Новый комбриг, ставший после войны Главным маршалом бронетанковых войск, показал себя не только сообразительным, прекрасно знающим военное дело командиром, но и человеком исключительной храбрости. В трудные минуты он мог сесть в танк и возглавить атаку, а если нужно, вооружиться противотанковыми гранатами и швырнуть их в прорвавшуюся в тыл гитлеровскую машину».[145]

А вот как эту встречу описывает А.Х. Бабаджанян:

«М.Е. Катуков встретил меня радушно, попросил рассказать о прошлой службе.

— Ну вот, вопрос прямо в точку — танкист—то я от нуля…

— Большой беды нет, — успокоил меня М.Е. Катуков, — будем считать, что тебе повезло: корпус стоит, и, пока стоит, есть время подучиться. Остальное все от тебя самого зависит».[146]

3–й механизированный корпус был придан 22–й армии, которой командовал генерал—лейтенант В.А. Юшкевич, начальником штаба был генерал—майор М.А. Шалин. С ними Катуков познакомился 3 октября, когда был вызван в штаб армии вместе с командным составом и начальниками инженерных служб для получения приказа и проведения рекогносцировки».[147]

Командарм В.А. Юшкевич ввел Катукова в курс дел на

Калининском фронте, рассказал о расстановке противоборствующих сил — наших армий и армий противника. Против 22–й армии держала оборону 86–я германская пехотная дивизия, танко—гренадерская дивизия «Великая Германия», в резерве находилась 12–я танковая дивизия.

— Страна переживает самые тяжелые дни войны, — сказал Василий Александрович. — Враг рвется к Волге. Под Сталинградом сейчас решается судьба Родины, и Ставка поставила перед нами непростую задачу — сковать на Калининском фронте силы противника, чтобы он не перебросил отсюда ни одной дивизии, ни одного полка.

Планы подготовки корпуса к предстоящим боям решались вместе с начальником штаба М.А. Шалиным. Михаил Алексеевич показался Катукову сухим, малоразговорчивым человеком. Перейдя к делу, он сразу же повел речь о дислокации частей, прибывавших на Калининский фронт:

— По мере разгрузки эшелонов танки направить ночным маршем, а при нелетной погоде — и дневным, по маршруту Соблаго — Андреаполь — Нелидово — Щумилы — Ерменево.

Катуков переглянулся с Никитиным, начал было записывать маршрут движения танковых колонн, но Шалин упредил его:

— Можете не утруждать себя. Вы получите приказ, где все будет обозначено подробно. Хочу напомнить об одном: в районе сосредоточения ваших бригад должна соблюдаться строжайшая маскировка, материальную часть и личный состав расположить в лесах, танки и машины — окопать. В ближайшие дни вам укажут, где и когда получить боеприпасы, продовольствие и горюче—смазочные материалы.

Странное впечатление производил начальник штаба. Но это только на первый взгляд. Катуков обратил внимание на одну его особенность: Михаил Алексеевич ни разу не заглянул в бумаги, лежавшие на столе, а ведь оперировал массой цифр, названиями десятков населенных пунктов, инструкциями и штабными предписаниями. Все это он держал в памяти.

Позже, познакомившись поближе, Михаил Ефимович узнал, что Шалин — образованный и умный человек, его трудолюбию мог позавидовать любой штабной работник. Он родился в Оренбургской губернии в 1897 году. Окончил городское училище и учительскую семинарию, а спустя несколько лет — и Виленское военное училище. В дни октябрьского переворота молодой прапорщик перешел на сторону революционных солдат и матросов. В 1918 году вступил в ряды партии большевиков, участвовал в Гражданской войне, в подавлении Кронштадтского мятежа. При штурме одного из фортов был ранен. После

Гражданской войны работал военкомом в Башкирии, командовал отдельным Башкирским полком. В 1931 году перешел на штабную работу и с тех пор не покидал ее. Успешно окончил курсы «Выстрел» и Академию имени М.В. Фрунзе, с конца 30–х годов работал военным атташе в Токио. Великую Отечественную войну Михаил Алексеевич начал начальником штаба 16–й армии.[148]

Пройдет совсем немного времени, и Шалин возглавит штаб 1–й танковой армии, которой будет командовать М.Е. Катуков.

3–й мехкорпус готовился к боевым действиям, повсеместно шла кропотливая работа. 19 октября командарм Юшкевич короткой запиской уведомил Катукова о необходимости в течение двух дней вывезти горючее, боеприпасы и продовольствие, предназначенные для войск корпуса. Михаил Ефимович вызвал своих заместителей — по артиллерии подполковника И.Ф. Фролова и по тылу подполковника В.А. Макарова:

— На вас, товарищи, ложится ответственная работа по обеспечению корпуса горючим, боеприпасами и продовольствием. Чтобы все вывезти с баз, придется задействовать до шестисот грузовых машин, автоцистерн и тракторов. Колонны формировать по 10–20 машин, списки начальников колонн представить мне немедленно.

Пока снабженцы и тыловики занимались хозяйственными делами, в лесах шла напряженная учеба — и теоретическая и практическая. В танковых и механизированных бригадах проводились учения, отрабатывались приемы боевых действий. Процесс сколачивания частей и подразделений проходил, к сожалению, довольно медленно. Обеспокоенный таким ходом дела, Катуков провел совещание с командирами частей, поделился опытом прошлых боев, говорил о том, как лучше подойти к разрешению того или иного вопроса, связанного с подготовкой к наступлению. Он настоятельно требовал организовать и целеустремленный контроль со стороны командования, штабов частей и соединений за ходом боевой и политической подготовки».[149]

В начале ноября началось строительство оборонительного рубежа № 3 в районе Приволье — Шейнино, предстояло возвести два ротных и четыре батальонных опорных пункта, требовалось немало строительных материалов, и Катукову пришлось обращаться в штаб 22–й армии, чтобы выделили цемент, лес, арматуру, словом, надо было на время стать заправским хозяйственником. 9 ноября 1942 года Михаил Ефимович сам проверял ход строительных работ, торопился закончить их к началу наступления.[150]

В район опорных пунктов, ставших прочным нашим

оборонительным рубежом, были введены танковые и механизированные бригады, совершившие многодневный трудный переход по лесной и болотистой местности. Катуков вспоминал: «В район сосредоточения мы выступили глубокой осенью. Шли ночами через калининские леса и болота. Бездорожье, грязь. Двигались по гатям — настилам из жердей, бревен и хвороста. На многие десятки километров протянулись жередевые дороги. Сойти с них и не думай: шаг—другой в сторону — и увязнешь в болотной топи. Нужно ли говорить, что скорость нашего движения в те ночи не превышала пешеходную. Днем укрывались в лесных массивах. Иначе узенькие, в ниточку, гати могли бы стать большим кладбищем для наших войск. Фашистская авиация по—прежнему господствовала в воздухе. «Костыли» с восхода до захода солнца маячили в небе, «мессеры» с ревом проносились над гатями, контролируя подходы к фронту».[151]

Как ни старались быть осторожными на переходе, потерь избежать не удалось, вышло из строя много техники, танков и автомашин. Только в 3–й механизированной бригаде подполковника Бабаджаняна оставлено в болотах 11 танков — 5 «тридцатьчетверок» и 6 легких танков «Т–70». Узнав об этом, Катуков был вне себя:

— Такие потери могут быть оправданы только в бою, в условиях же обычного перехода, пусть сложного, — непростительно. Пиши, Никиток, приказ — объявить выговор командиру бригады Бабаджаняну, начальнику штаба Богомолову и батальонному комиссару Эмельдешу.

В приказе были такие строки: «Такое количество выхода материальной части из строя явилось результатом плохой организации марша и недостаточным руководством со стороны командного состава».[152]

Танкисты говорили, что этот выговор Амазасп Хачатурович вспоминал потом всю жизнь. Став уже Главным маршалом бронетанковых войск, на одной из встреч ветеранов—катуковцев кто—то напомнил ему о марше в калининских лесах. Бабаджанян улыбнулся:

— Помню, там я схлопотал выговор от командира корпуса.

…24 ноября позвонил командарм В.А. Юшкевич, потребовал сосредоточить корпус в районе Борисово, Заборье, Соньково. Через два дня начались бои.

По первоначальному плану штаба армии 3–й механизированный корпус вводился в прорыв на второй день операции, как только части 238–й и 185–й стрелковых дивизий прорвут оборону противника на глубину 6 километров на фронте

хутор Мята — река Лучеса и выйдут на рубеж Карская — Старухи.

Штаб корпуса уже подготовил приказ, который с минуты на минуту должны были разослать по частям. Неожиданно поступает дополнительное указание Юшкевича о том, что корпус вводится в прорыв в другом месте — на рубеже Малое Соино — Староселье, действуя в северо—восточном направлении, овладевая районом Емельяники, Зубовка, Сидорово, Гусево.

Наступление планировалось с учетом того, что противник в течение восьми месяцев совершенствовал свою оборону. Корпусная разведка, которую первое время возглавлял подполковник Д.А. Драгунский, а после его назначения на должность начальника штаба 1–й механизированной бригады майор Д.В. Давыдов, постоянно следила за передним краем немцев. Не счесть, сколько раз уходил в тыл противника старший сержант В.Н. Подгорбунский со своей группой, добывая «языков», изучая передний край. Владимир Подгорбунский, бывший беспризорник, прослыл в корпусе удачливым разведчиком, действовал всегда решительно и дерзко. Это его люди перед наступлением проникали в район сел Михеево, Федоровское, Петрово, подходили к хутору Александровскому, выяснили, что немцы везде понастроили много дотов, дзотов, окопов полного профиля с развитой системой ходов сообщения, траншей, блиндажей и других инженерных сооружений. Во многих селах танки зарыты в землю и могут использоваться как доты. Перед окопами повсеместно — проволочные заграждения, танкопроходимые места и дороги заминированы. Участок фронта, на котором предстояло наступать 3–му механизированному корпусу, оборонял 216–й пехотный полк 86–й пехотной дивизии немцев.[153]

Войска находились на исходных позициях и ждали приказа о начале наступления. Катуков справедливо считал, что успех во многом будет зависеть от того, как скоро справятся со своей задачей стрелковые дивизии по прорыву обороны противника. Он решил вводить в бой корпус двумя эшелонами. В первом эшелоне поставил 3–ю и 10–ю механизированные бригады, 35–й истребительно—противотанковый полк и 49–ю танковую бригаду; во втором — 1–ю механизированную и 1–ю гвардейскую танковую бригады, 34–й разведывательный батальон, управление корпуса, 405–й отдельный гвардейский минометный дивизион, 476–й гвардейский артиллерийский полк.[154]

Бригады, полки, батальоны и дивизионы, развернувшись в боевые порядки, выполняли самостоятельные задачи, но в бою должны были поддерживать друг друга. В приказе о наступлении говорилось:

«Части и соединения корпуса должны быть нацелены на стремительность и внезапность действий, не давать противнику опомниться, закрепиться и подтянуть силы для контрударов. Маневром с флангов и тыла широко применять выброску танковых десантов, групп автоматчиков и мотопехоты на коммуникации противника. Действовать дерзко, энергично. Движение не останавливать ни днем, ни ночью».[155]

25 ноября наша артиллерия открыла огонь по переднему краю обороны противника. Когда канонада стихла, настал долгожданный момент, пошли в атаку стрелковые дивизии. Томительно долго Катуков ждал известий с передовых позиций. Только в 15.00 на КП донесли, что оборона противника прорвана, заняты села Федоровское, Староселье, Дьяково. Идут бои за Шопотово.

Через несколько минут вышел на связь Юшкевич. Ему, как и Катукову, доложили о прорыве обороны противника, поэтому командарм потребовал ввести в бой 1–ю механизированную бригаду, наступать в направлении Староселье, Богородицкое, захватить переправу на реке Лучеса, а 1–й гвардейской танковой наступать в направлении сел Петрово, Белоусово, Перепечье, совместно с частями 238–й стрелковой дивизии ликвидировать противника в этих селах. Это указание несколько меняло планы.

Интуитивно Катуков почувствовал неладное: связи со стрелковыми дивизиями не было в течение четырех часов. Для уточнения обстановки он решил направить корпусных разведчиков в 238–ю и 185–ю стрелковые дивизии, которые вели наступление после артподготовки. Разведчики сообщили: дивизии свою задачу не выполнили, линию обороны противника не прорвали, продвинулись лишь на 1–1,5 километра, овладев селами Петрово, Федоровское, залегли перед Михеевом, Белоусовом, Старосельем и хутором Александровским.

Получилось так, что комдивы стрелковых дивизий поторопились отрапортовать, неправильно информировали и штаб корпуса, и штаб армии. Ситуация! В практике боевых действий у Катукова такое встречалось впервые. С КП он позвонил Никитину:

— Матвей Тимофеевич, Шалин ничего нового не сообщал?

— Пока нет, видимо, штаб армии считает, что все идет по плану.

Делать нечего, задачу выполнять надо. Только теперь, чтобы ее выполнить, брешь в обороне противника предстояло пробивать своими силами. А это значит — потеря времени, материальной части и людей.

Катуков приказал комбригам Горелову и Мельникову

подтянуть свои части ближе к передовой, чтобы утром 26 ноября начать наступление. Ночь прошла в тревожном ожидании.

Утром комбриги доложили о готовности к атаке, она назначена была на 10.15. Катуков и Попель поднялись из блиндажа наверх. Метель, начавшаяся с вечера, утихла, лишь небольшая поземка волнами перекатывалась по полям. В обозначенное время произведена короткая артподготовка, и в атаку пошли танки.

1–я мехбригада успешно продвигалась вперед, к 12 часам овладела хутором Александровским. Заминка произошла в районе Староселья, откуда била противотанковая артиллерия. Медленно развивала атаку и 1–я гвардейская танковая бригада. Обойдя Белоусово, прикрывшись заслонами со стороны сел Толкачи и Малое Соино, Горелов направил основной удар через Перепечье на Большое и Малое Ярцево.[156]

Танковые части подошли к Шопотовскому укрепленному узлу. Катуков ввел в бой 3–ю и 10–ю механизированные бригады. Теперь уже все силы механизированного корпуса рвали укрепления врага, разрушая доты и дзоты, подавляя огневые точки, ликвидируя минные поля.

Надо сказать, что для создания мощных узлов сопротивления в глубину обороны немцы избирали местность с господствующими высотами, с хорошим обзором в сторону вероятного наступления наших войск, создавали прочные инженерные сооружения из земли и бревен, стали и бетона, насыщая все вокруг большим количеством огневых средств — противотанковыми и зенитными орудиями, минометами и пулеметами. Все доты и дзоты поддерживали друг друга огнем, имели проводную связь (телефон), радиосвязь, сигнальные средства — ракеты, трассирующие пули и снаряды.

И все же под ударами наших танков Шопотовский опорный узел пал. Дался он нелегко. На подступах к нему гибли люди, горела в огне техника. Героически сражались наши танкисты и мотострелки. В боях за Большое и Малое Соино отличился экипаж гвардии лейтенанта Петрова. Преследуя противника, танкисты уничтожили немецкую автомашину с боеприпасами, миномет, расстреляли из пулемета до десятка фашистов. Неожиданно в машину попал тяжелый снаряд, взрывом вырвало поддерживающий каток и повредило левую гусеницу. Но даже подбитый танк продолжал сражаться, его экипаж уничтожил две пушки, повозку с продовольствием и мотоцикл. Немцы стали окружать советскую машину, пытаясь поджечь ее. Связками гранат вывели из строя оптические прицелы и приборы наблюдения. «В течение суток, пока не подоспела помощь, —

сообщал в штаб корпуса комбриг Горелов, — экипаж гвардии лейтенанта Петрова отбивался от немцев, истребив еще при этом 12 немецких солдат и офицеров и разбив 12 дзотов и блиндажей» в Ярцево.[157]

В первый день наступления была выполнена только часть общей задачи, теперь предстояло взять новый опорный пункт противника — Михеевский, более укрепленный, чем Шопотовский, насыщенный десятками огневых точек. Катуков знал, что немцы приготовят еще не один сюрприз. Тут будут и минные поля, и наверняка опять выйдут самоходные артиллерийские установки, которые танкисты прозвали «змеями». Сделав по 5–6 выстрелов, такая змея обычно уползала в свое укрытие. Самую большую опасность представляли противотанковые орудия, стрелявшие нередко бронебойными снарядами, которые пробивали мощную броню «тридцатьчетверок» и даже «КВ».

Утром 27 ноября после тридцатиминутной артподготовки наступление было продолжено. Катуков нервничал, курил папиросу за папиросой: позвонил Никитин и сообщил, что не все части к началу атаки вышли на исходный рубеж. Правда, в ходе наступления все выровнялось, лавина за лавиной шли танки на укрепления врага в Большом Соине, Поперечном, Михееве. Чтобы разгромить михеевский опорный пункт, Катуков бросил наиболее боеспособные в данный момент бригады Горелова и Бабаджаняна, приказав им обходным маневром нанести удар на Михеево, а потом развить наступление на Кострицу.

Замысел командира корпуса был успешно выполнен. В бою отличилась бригада Бабаджаняна. Она стремительно продвигалась вперед, сокрушая все на своем пути. Пленные немецкие солдаты и офицеры говорили потом, что против них действовала какая—то отборная часть, с которой впервые пришлось столкнуться в Ярцево.[158]

Разгром Шопотовско—Михеевского оборонительного узла противника считался обычной боевой операцией на Калининском фронте в ноябре—декабре 1942 года, и вряд ли кто в то время обратил на нее внимание: таких узлов сопротивления немцев было разгромлено предостаточно. Лишь спустя некоторое время генерал— майор И.Ф. Дремов, принявший корпус, внимательно изучивший документы, писал: «27 ноября после артподготовки части корпуса перешли в решительное наступление. Генерал Катуков предпринял замечательный обходной маневр, заслуживающий специального изучения и описания. В результате этого маневра передовым частям корпуса удалось разгромить 216–й пехотный полк 86–й германской пехотной дивизии и

овладеть Михеевом и Шопотовом. Противник откатился на запасной оборонительный рубеж Карская — Старухи».[159]

Немецкое командование усилило свои войска, ввело в бой 1–й гренадерский полк из дивизии «Великая Германия». А у Катукова таяли силы: корпус потерял уже несколько десятков танков, ощущался недостаток и в людях. Михаил Ефимович опасался, что наступление может замедлиться. К счастью, этого не произошло. На запросы штаба комбриги коротко отвечали: «Ведем бой», «Прорываемся вперед», «Разминируем поле, двинемся дальше».

На исходе дня 29 ноября части 49–й танковой и 1–й механизированной бригад вышли к Лучесе, неширокой, но полноводной, петляющей в лесах реке. Она стала тяжелой преградой для наступающих танкистов. Немцы уничтожили здесь все переправы, заминировали подходы, а берега залили водой и заморозили.

Когда разведчики доложили Катукову о состоянии участка фронта на реке Лучесе, который предстояло форсировать, он насторожился, обо всем поведал Н.К. Попелю. Николай Кириллович высказался просто:

— Коль немцы ждут нас у Богородицкого, надо искать другой участок, где меньше будет потерь.

— В принципе все верно. Но у нас нет времени на поиски. И кто даст гарантию, что противник на другом участке не преподнесет сюрприз? Подождем, что скажут сами комбриги — Мельников и Черниенко.

Радист быстро вышел на связь с 49–й танковой бригадой. Д.Х. Черниенко отозвался быстро.

— Что у тебя происходит, Дмитрий Хрисанфович? Почему молчишь?

— Немцы обстреливают из дальнобойных орудий. Батареи расположены в районе Богородицкого и Травина. Если их подавить, можно построить переправу и форсировать Лучесу.

— Хорошо, примем меры!

Такого же мнения придерживался и Мельников, вышедший на связь несколько позже.

Настильные переправы пришлось строить под артиллерийским огнем: все батареи подавить не удалось. И все же в ночь на 1 декабря танкисты и мотострелки переправились на северный берег Лучесы и завязали бои за Богородицкое и Васильцово. Здесь проходила вторая полоса обороны противника, которую защищал 2–й батальон 1–го полка дивизии «Великая Германия», а также части 252–го пехотного полка 110–й пехотной дивизии. С этими силами можно было бы управиться быстро, но в

районе Кузовлева и Пустошки немцы ввели в бой свежие силы. Мельников сообщил по радио:

— Нас контратакует пехота и двенадцать танков. Занимаем оборону.

Катуков передал с КП:

— Держись, полковник! Тебя и Черниенко поддержит 10–я мехбригада.

В 10–ю механизированную бригаду отправился помощник командира корпуса полковник С.В. Сафронов. Сергей Васильевич прибыл в Калинин по приказу Народного комиссариата обороны СССР в начале ноября 1942 года, принимал участие в планировании боевых операций.

3–й механизированный корпус углубился на территорию противника на 15–18 километров. Каждую пядь земли пришлось брать с боем. Штурмом овладевали части 1–й гвардейской и 3–й механизированной бригад селами Гороватка, Жерносеково, Мартыново. После двух дней боев удалось оттеснить немцев на север.

Непрерывные бои, длившиеся уже полторы недели, измотали людей, корпус потерял значительную часть личного состава убитыми и ранеными, в строю осталось 52 танка. Наступать дальше не имело смысла. Попытка продвинуться в сторону Емельяников, Кострицы, Парфенова, Васькова не дала никаких результатов. Противник, почувствовав ослабление натиска на свою оборону, подтянул резервы — 90–ю и 6–ю пехотные дивизии, перегруппировал разбитые части 110–й пехотной дивизии и дивизии «Великая Германия», начал переходить в частые контратаки, бросая в бой пехоту, танки и самолеты.

3–й мехкорпус перешел к обороне, а с 6 на 7 декабря решением Военного совета 22–й армии выводился из боя. Катуков сдал свой участок фронта 155–й стрелковой дивизии.

Можно было считать, что первый этап наступательной операции закончился. Предстояло подвести итоги, разобраться, что в ней было положительного, поучительного с точки зрения приобретения боевого опыта, а также и отрицательного, чтобы извлечь уроки. За это время все было — и удачи, и потери. Только танков осталось на поле боя — 136, из них 104 «тридцатьчетверки».[160]

Конечно, и противник потерял много, лишился значительной территории, у него был отбит 51 населенный пункт. Кроме того, понес значительные потери в живой силе и технике, 3–й мехкорпус уничтожил: 13 400 солдат и офицеров, 78 танков, 30 самоходных орудий, 164 орудия разного калибра, 14 самолетов, 137 пулеметов, захвачено 11 самоходных орудий, 63 орудия

разного калибра, 96 пулеметов, 55 автомашин и другое военное имущество.[161]

Когда возник вопрос о том, как отразить в докладе начальный этап ввода корпуса в прорыв, Никитин обратился к Катукову:

— Как тут быть?

— Пиши, Никиток, все, как было: части 238–й и 180–й стрелковых дивизий прорыва обороны противника не сделали, ввод корпуса в прорыв не обеспечили. Своим обманом о взятии населенных пунктов Староселье и Дьяково дезориентировали командование армии и корпуса. Корпус вел настоящее планомерное наступление на оборону противника, методически преодолевая его узлы сопротивления первой и второй линии.[162]

Снова возвращался к мысли Катуков о том, что командование по—прежнему использует механизированные корпуса разрозненно и по задачам, и по времени. Делает вывод: «С целью развития прорыва (в районе реки Лучеса. — *В.П.*) необходимо было за корпусом в затылок иметь такой же корпус или по крайней мере две механизированные и две танковые бригады, пустить их с выходом корпуса на рубеж Галичкино — Жерносеково — Богородицкое, когда противник был в тяжелом положении.

Необходимо иметь, кроме обеспечения флангов корпуса, еще 2–3 стрелковые дивизии, с задачей расширить прорыв вправо и влево, не давая противнику закрыть горловину прорыва в ее основании, закрепить успех корпуса».[163]

Прошедшие бои — день вчерашний, а до конца войны еще далеко. Фронтовая обстановка свидетельствовала о том, что корпусу вряд ли придется долго отдыхать. Катуков торопился восстановить боеспособность соединений и частей до того уровня, с каким они вступили в бой в ноябрьские дни 1942 года. И хотя бригады пополнялись техникой и личным составом медленно, все же была надежда к началу нового наступления быть во всеоружии.

Отличившиеся в боях части и подразделения 3–го мехкорпуса — 49–я танковая, 1–я и 3–я мехбригады и 6–й армейский ремонтно—восстановительный батальон были представлены командованием к званию «гвардейских», а 1–я гвардейская танковая бригада — к ордену Ленина. 19 января 1943 года Катуков и Никитин направили реляцию командованию Калининского фронта, в которой писали: «В боях с немецко—фашистскими захватчиками 1–я гвардейская танковая бригада имеет ряд серьезных успехов. Бои под Орлом, Скирмановская операция, самоотверженная борьба на подступах к Москве, прорыв Ламского оборонительного рубежа, успешные боевые

действия на Брянском фронте, прорыв обороны противника и наступательные операции западнее Оленина поставили бригаду в ряды лучших соединений Красной Армии».[164]

И для самого Катукова бои на Дону и на Калининском фронте не прошли даром. В его личном деле записано: «… приобрел опыт ведения оборонительных боев большими силами танков на широком участке фронта».

В те же январские дни 1943 года его снова вызвал Верховный Главнокомандующий.

НА КУРСКОЙ ДУГЕ

«У–2» держал курс на Москву. Под крылом самолета, летевшего на небольшой высоте, простирались леса, заснеженные поля и болота. Летчик то и дело оборачивался назад, посматривая на своего пассажира — генерала—танкиста, одетого довольно необычно — полушубок, валенки, ватные брюки, солдатская шапка—ушанка. На подходе к Торжку «У–2» неожиданно атаковал немецкий истребитель. Летчик маневрировал, бросая свой маленький фанерный самолет из стороны в сторону, затем, снизившись, пошел на такой высоте, что казалось, лыжами можно задеть верхушки деревьев. Полет на малой высоте, в складках местности, помог оторваться от преследователя. До Москвы пришлось совершить две посадки: в Торжке для осмотра самолета, в Калинине для дозаправки. В Тушине Катуков сел в поджидавшую его машину и отправился в Кремль.

Михаил Ефимович шел на прием в том же обмундировании, в котором вылетел из корпуса. Он не знал, зачем его вызывает Верховный. Причин могло быть две: взбучка за какую—нибудь оплошность, им не замеченную, либо новое назначение. Оказалось все же — назначение.

В кабинете Сталина находились командующий бронетанковыми и механизированными войсками Я.Н. Федоренко и член Военного совета Н.И. Бирюков, командующий Северо—Западным фронтом С.К. Тимошенко и начальник штаба В.М. Злобин, а также начальник Главного политического управления Красной Армии А.С. Щербаков.[165]

«Поздоровавшись, Верховный неожиданно спросил:

— Как, товарищ Катуков, справитесь, если мы вас поставим командовать танковой армией?

Я опешил, но молчать в его кабинете долго не полагалось. Поблагодарил за доверие и ответил, что надеюсь справиться.

— Вот, почитайте, — сказал Сталин и, взяв со стола два документа, протянул их мне.

Первый документ — Постановление Государственного комитета обороны от 4 января 1943 года. В нем говорилось о формировании 1–й танковой армии и о том, что меня назначают командовать ее войсками. Из второго я узнал, что мне присвоено звание генерал—лейтенанта танковых войск».[166]

Так писал М.Е. Катуков об этой встрече в Кремле.

Подробности формирования танковой армии стали известны позже. Я.Н. Федоренко из Кремля привез Михаила Ефимовича в Главное управление бронетанковых и механизированных войск

(так с декабря 1942 года стало именоваться Главное автобронетанковое управление), где они беседовали добрых два часа. Армия и корпус — понятия несравнимые. Главную ее ударную силу должны составить 3–й механизированный и 6–й танковый корпуса, отдельная 100–я танковая бригада, четыре отдельных танковых полка, 6–я, 9–я воздушно—десантные и 11–я зенитно—артиллерийская дивизии, а также лыжно—стрелковые бригады, истребительно—противотанковые полки, другие инженерные и тыловые части и учреждения.[167]

Опыт формирования частей и соединений у Катукова был немалый, но с армией — оперативным объединением иметь дело не приходилось. Тут нужны усилия не только его как командарма, но и многих людей.

— Сроки формирования армии короткие, — сказал Федоренко, — отпущено на это полтора месяца. К 17 февраля 1943 года я должен доложить Верховному: 1–я танковая армия готова к боям. Ясно?

— Не совсем, Яков Николаевич. Сроки нереальны, — возразил Катуков. — Разве за это время можно управиться?

— Катуков управиться может. Так считает Верховный, так считаю и я. Не отчаивайся, Михаил Ефимович. Поможем.

Возражать было бесполезно.

Во исполнение постановления ГКО № 2791 Ставка Верховного Главнокомандования 30 января 1943 года издала директиву № 46021 о создании 1–й танковой армии на Северо—Западном фронте. В директиве говорилось:

«1. Сформировать 1–ю танковую армию в составе и численностью согласно прилагаемому перечню № 1.

2. Назначить:

командующим 1–й танковой армией — гвардии генерал—лейтенанта танковых войск Катукова М.Е.; членом Военного совета армии — генерал—майора Попеля Н.К.; начальником штаба армии — генерал—майора Дронова Н.С.».[168]

Возвратившись из Москвы в Тагощу, Катуков сразу же взялся за дело. Перво—наперво предстояло сдать корпус новому командиру генерал—майору С.М. Кривошеину. Семен Моисеевич — танкист опытный, воевал в Испании, на Халхин—Голе, до войны командовал механизированным корпусом. С августа 1941 года был начальником управления боевой подготовки автобронетанковых войск Красной Армии. Сомневаться в нем не приходилось: работу потянет.

Но Михаил Ефимович не знал другого комкора — А.Л. Гетмана. Об Андрее Лаврентьевиче слышал еще под Москвой, когда он командовал 112–й танковой дивизией. Хотелось верить,

что все будет нормально. Так все и получилось. Гетман оказался прекрасным танковым командиром, хотя по натуре своей был человеком резковатым, вспыльчивым, но отходчивым, главное — знал свое дело.

Сложен механизм управления армией, и, чтобы она выполняла свои задачи, важно этот механизм заставить действовать четко и слаженно — в подразделении, части, соединении. Порвись одно звено в общей цепи, нарушится все управление. Вот почему Катуков придавал первостепенное значение людям, с которыми предстояло работать. Он мог положиться на Попеля, Дынера, Никитина, комбригов, с которыми прошел огни и воды. Однако в армию приходили новые люди (1–я танковая армия формировалась на базе 29–й общевойсковой армии), совершенно не знакомые со спецификой танковых войск. Переучиваться у них не было времени, у некоторых не было и желания.

Не ладилось пока дело в штабе. Дронову и его помощникам с трудом давалась танковая наука. Начальник штаба и сам чувствовал свою некомпетентность. Исправить дело помог представитель Ставки Г.К. Жуков, приехавший на Северо—Западный фронт. По просьбе Катукова Георгий Константинович сделал перестановку: Шалина направил в 1–ю танковую армию, Дронова — в 22–ю общевойсковую. На должность начальника оперативного отдела был отозван из 3–го мехкорпуса М.Т. Никитин.

С приездом Шалина и Никитина закрутились винтики штабной машины, налаживались связи с частями, разрабатывались планы боевой и политической подготовки, в привычном ритме стали работать все армейские службы. Хотя организационных и хозяйственных дел было предостаточно, Катуков вздохнул свободно. Появилась уверенность: армия будет сформирована в срок.

Планы, однако, хороши тогда, когда подкрепляются делом. И первейшая задача у командарма состояла в том, чтобы собрать все соединения и части в одном месте. Таким местом стал небольшой городок в Калининской области Осташков. К нему с берегов Тагощи и других районов потянулись танковые и автомобильные колонны, обозы с военным имуществом, длинные цепи мотострелков, десантников и лыжников.

Переход по зимнему бездорожью стал нелегким испытанием для 1–й танковой армии, казалось, сама природа испытывала людей на прочность, словно они держали экзамен на мужество и стойкость. «Ледовым походом» называли в армии этот переход. Пожалуй, наибольшие трудности испытывали на себе ремонтные

службы. Бездорожье сказывалось на состоянии колесного транспорта и танков. Ремонт приходилось делать на ходу.

Катуков обратился к своему заместителю по технической части П.Г. Дынеру:

— Павел Григорьевич, на тебя вся надежда.

Дынер, не спавший уже третьи сутки, отвечал:

— Я не бог, но постараюсь, чтобы ремонтники не подвели.

И старался, как мог. В одном из отчетных документов об этом переходе удалось найти такую запись: «В условиях морозов, при почти полном отсутствии запасных частей эта новая задача — ремонт танков и автомашин — казалась совершенно невыполнимой. Но русское упорство, сообразительность, правильная расстановка людей, широко развернутая политико—воспитательная работа сделали свое дело. Эти трудности армии были преодолены».[169]

Но это еще не все испытания, выпавшие на долю армии. На новом месте она столкнулась с новыми трудностями: в районе формирования не оказалось ни продовольствия, ни горючего, ни боеприпасов, а до баз снабжения не менее 200–250 километров. Заснеженные дороги не позволяли пробиться автоколоннам к Осташкову. Пришлось снова использовать танки в качестве тягачей.

Хозяйственные дела отнимали у Катукова массу времени, но он все чаще стал появляться в штабе, где шла подготовка к наступательной операции. Ставка Верховного Главнокомандования планировала использовать 1–ю танковую армию для разгрома немцев под Ленинградом и полной ликвидации блокады. Она включалась в состав группы войск под командованием генерала М.С. Хозина. «Наша группа войск, — писал о замысле этой операции Катуков, — должна была войти в прорыв, созданный 1–й ударной. Напомню, что в состав армии входили воздушно—десантные дивизии и лыжные бригады. Они должны были выбросить десант в район узловой железнодорожной станции Дно и развернуть наступление на Псков. Но в том же направлении намечалось ввести в бой отдельные танковые полки и часть имеющейся в армии артиллерии.

Развивая наступление, десантники, лыжники и другие войска обязаны были выйти к Псковскому и Чудскому озерам и на побережье закрепиться. Выполнив задачу, они образовывали заслон, обращенный фронтом на запад. Цель заслона — лишить противника возможности подбрасывать подкрепления своей отрезанной ленинградской группировке».[170]

Основные силы 1–й танковой армии во взаимодействии с 1–й

ударной должны были продвигаться через Лугу к берегам Балтийского моря. Если бы операция осуществилась, она бы вошла славной страницей в историю Великой Отечественной войны, считал Михаил Ефимович.

Идея предстоящей операции захватила всех штабных работников. Они часами просиживали над картами, планами, схемами. Шалин и Никитин сделали необходимые расчеты, подготовили приказы. Большую помощь оказывал им заместитель командующего армией генерал—майор Е.В. Баранович. Ефим Викентьевич — опытный военачальник, участник трех войн, начинал с русско—японской. Его советы и рекомендации при разработке планов наступления были конкретны, определенны, принимались всеми без возражений.

17 февраля 1943 года 1–я танковая армия вышла в исходный район. Уже два дня советские войска вели бои на Демянском выступе. После прорыва линии обороны противника 1–й ударной армией на рубеже Ритино — Корчиково — Холмы должна была вводиться в бой 1–я танковая. Развивая успех, одной группой войск предстояло захватить Струги Красные, Лугу, другой группой — Псков, наконец, правофланговыми частями действовать совместно с 59–й армией по овладению Новгородом. [171]

С тревогой ждал Катуков приказа о наступлении. Неожиданно после вьюг и морозов подули теплые ветры, по—весеннему засветило солнце, началось раннее таяние снегов. По полям и лугам потекли ручьи, еще день—другой — и ни пройти и ни проехать. Надежд на похолодание никаких: метеослужба выдавала сводки с плюсовой температурой.

— Повоюешь в такой слякоти, — ворчал Катуков, когда танки, пущенные для пробы, увязли в грязи едва ли не по самую башню. — Если наступление начнется, погубим армию.

Командование Северо—Западного фронта поняло, что использование в наступлении при такой погоде мощной танковой группировки невозможно, отдало директиву об отмене операции.

Сам факт сосредоточения танковых войск на Демянском выступе не остался незамеченным противником. Опасаясь окружения 16–й армии, германское командование отвело ее за реку Ловать. Демянский плацдарм, с которого немцы планировали начать наступление, был оставлен без боя.

23 февраля 1943 года пришел приказ Ставки: 1–ю танковую армию (без воздушно—десантных и лыжных частей) погрузить в эшелоны и направить на юг. Куда конкретно, никто не знал. На пути к Москве Шалин, прослушав сводки Совинформбюро, высказал предположение:

— Скорее всего будем воевать на южном участке советско—германского фронта.

Катуков, уставший от хлопот во время погрузки частей в железнодорожные эшелоны, отдыхал. Но и его тревожила мысль: куда перебрасывается армия? Повернувшись к начальнику штаба, Михаил Ефимович произнес:

— Скоро все станет на свое место. Если же говорить более определенно, то наши дела под Харьковом и Белгородом складываются неважно. Немцы снова овладели ими.

Во время короткой остановки в Москве Катуков и Попель побывали в Главном управлении бронетанковых и механизированных войск. Но и Федоренко не внес ясности, куда направляются эшелоны:

— Сам не знаю. Генштаб определит.

По Московской окружной дороге эшелоны повернули к Курску.

…Поздней ночью адъютант Кондратенко разбудил командарма:

— Товарищ генерал, Касторная…

Катуков поднялся, быстро натянул на себя одежду. Шалин встретил его в купе, и они вышли на платформу. Пока посланные штабные работники узнавали, в каком направлении проследует эшелон, на станцию налетели немецкие самолеты, началась бомбежка. В нескольких местах хлопали частые зенитные выстрелы, прожекторы выискивали в ночном небе невидимые цели. Бомбы рвались рядом. Налет вражеской авиации доставил немало неприятностей: на путях горели паровозы и вагоны, были разрушены пристанционные здания, нарушена связь, имелись и человеческие жертвы. Только утром служба движения дала зеленый свет, и воинский эшелон продолжал свой путь.

От Касторной до Курска — рукой подать, но эшелон шел очень медленно. Перед Щиграми немецкая авиация разбомбила мост, пока его восстанавливали, изрядно пришлось постоять, хотя в работе принимали участие и технические службы танковой армии.

Вот и Курск. Город изранен войной и разрушен. На вокзале Катуков нашел представителей вспомогательного пункта управления Ставки Верховного Главнокомандования. Они привели его к генералу А.И. Антонову.

Алексей Иннокентьевич обрадовался появлению командарма, поднялся из—за стола, протянул руку:

— Очень рад, товарищ Катуков, что вы наконец добрались. Но вид мне ваш не нравится. Понимаю, устали… Отдыхайте, завтра утром поговорим…

Корпуса 1–й танковой армии шли к новому месту дислокации по непросохшим дорогам, но скорость движения была значительно быстрее, чем с Тагощи под Демянск в печальной памяти «ледового похода». К 25 марта они расположились вокруг Обояни. Штаб армии разместился в селе Успенов.

В ходе зимней кампании 1943 года советские войска глубоко вклинились во вражескую оборону, образовалась так называемая Курская дуга длиною 550 километров по фронту. Используя выгодное положение своих войск, немцы планировали сходящимися ударами по основанию выступа окружить и уничтожить войска Центрального и Воронежского фронтов, затем нанести удар в тыл по войскам Юго—Западного фронта. Эта операция получила кодовое название «Цитадель».

1–я танковая армия была вначале в резерве Ставки Верховного Главнокомандования, а в апреле 1943 года она вошла в состав Воронежского фронта, которым командовал Н.Ф. Ватутин. До войны Николай Федорович закончил Военную академию имени М.В. Фрунзе и Военную академию Генштаба, выдвинулся как крупный штабной работник. Еще совсем недавно он был начальником оперативного управления и заместителем начальника Генштаба. На должность командующего фронтом его назначили в марте 1943 года.

На Курском выступе 1–я танковая армия была более однородной, чем на Северо—Западном фронте, она избавилась от «довесков» — воздушно—десантных войск и лыжных батальонов. В ее составе были в основном танковые и механизированные войска. Кроме танкового и механизированного корпусов в армейском подчинении находились четыре танковых полка, которые, как отмечал Катуков, никак не вписывались в новую организационную структуру. Родилась мысль создать еще один полнокровный танковый корпус на основе 100–й отдельной танковой бригады и четырех танковых полков.

Задумка показалась всем интересной, и Катуков решил реализовать ее, обратившись в Военный совет Воронежского фронта. Там как раз находился представитель Ставки Г.К. Жуков. Георгий Константинович не возражал, но предложил согласовать этот вопрос с Верховным.

Связавшись со Сталиным, Михаил Ефимович доложил о своем предложении.

«Сталин спросил, какие еще силы мы думаем выделить на формирование нового корпуса. Я доложил, что мы решили взять временно из наших уже сложившихся и воевавших корпусов по одной мотострелковой роте и передать вместо обычных мотострелковых батальонов каждой бригаде для нового корпуса.

Из армейских резервов сумеем выделить немного средств связи, а вот мотострелковую бригаду, мотострелковые батальоны, артиллерию, минометы, транспорт и средства связи просим дать Ставку.

Сталин внимательно выслушал меня и одобрил наше предложение. А на прощанье сказал:

— Действуйте. Желаю удачи»,[172] — писал Катуков.

Новый корпус был создан, ему присвоен номер — 31–й. В его состав вошли три бригады — 100–я, 237–я и 242–я. Командиром корпуса стал полковник Д.Х. Черниенко, ранее командовавший 49–й танковой бригадой. Вскоре ему было присвоено звание генерал—майора. Во главе 49–й танковой бригады Катуков поставил хорошо известного в армии А.Ф. Бурду, которого тоже повысили в звании.

Таким образом, 1–я танковая армия вступала в сражение под Курском в составе трех корпусов, хотя 31–й танковый не успел получить из Ставки средства связи, транспорт, средства усиления.

С 19 апреля Катуков постоянно находился в разъездах — проходила проверка боеготовности частей и соединений армии. Работая над книгой, автор разослал десятки писем оставшимся в живых бойцам и командирам 1–й танковой армии, в которых среди прочих вопросов был и такой: «Каким вам запомнился командующий?» Разные были ответы, о многом писали люди, вспоминая пережитое. Но каждый отмечал его доброту и заботу о солдате.

Приведу лишь выдержку из письма командира танка лейтенанта Георгия Спиридоновича Калиничука, участника Курской битвы, проживающего в Одессе: «Это было весной 1943 года. Бригада (1–я гвардейская танковая) стояла на отдыхе в каком—то лесу. Вдруг по расположению (от экипажа к экипажу) пронесся слух: Катуков в бригаде, проверяет чистоту машин, оружие и прочее. Через некоторое время подходит он со «свитой» к моей машине (танку «Т–34»). Мы стоим, вытянувшись в струнку. Спрашивает меня, что, мол, НЗ (неприкосновенный запас) не съели? Покажите! Я юркнул в машину через люк водителя, вытаскиваю вещмешок с НЗ. Показываю сухари, брикеты каши. Помню, каша была гречневая и пшенная.

Взяв в руки брикет, Катуков хмыкнул: «Кто придумал такой НЗ? Где солдат будет варить эту кашу? Посадить бы того интенданта на этот паек!..»

Тут же распорядился, чтобы НЗ поменяли и согласовали с ним. Через некоторое время сдали мы старые НЗ и получили новые — сухари, сухую колбасу, мясные консервы в банках…

Почему запомнилось? Да потому что не раз приходилось

благодарить товарища Катукова за НЗ, иначе пришлось бы грызть сухую кашу».

Есть ли необходимость что—либо добавить к этому? Думаю, нет.

Готовя армию к тяжелым испытаниям, Катуков, конечно, понимал, что успех в бою будет зависеть от каждого солдата и командира, от наличия техники, ее качества и количества, от умения управлять ею. Известно, что победа добывается не простым превосходством в технических средствах и в живой силе, важно еще и то, как они будут расставлены. На решающих участках столкновения с противником обязательно должно быть создано двойное, а если позволяет возможность, то и тройное превосходство. По Воронежскому фронту наши войска превосходили противника в пехоте в соотношении 1,2:1, по артиллерии 1,8:1. В танках превосходил противник. По фронту это превосходство выражалось цифрами 1,1:1, а перед 6–й гвардейской армией было более чем шестикратным.[173]

В повседневных заботах Катуков не упускал из вида противника, его усилий по подготовке к наступлению. Тут, конечно, свое слово могла сказать разведка. Начальник разведывательного отдела армии полковник А.М. Соболев постоянно докладывал командарму о том, что происходило в стане врага. Алексей Михайлович — разведчик опытный, в армии с 1929 года, окончил военную школу, много лет служил на Дальнем Востоке, до войны окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе.

Еще в апреле, перед поездкой по корпусам, Катуков предупреждал работников штаба:

— Ставка может ввести в бой армию в любое время, поэтому готовность ее должна быть постоянной. О противнике мы должны знать все, начнутся бои, будет меньше неприятностей.

Соболеву дано было задание связаться с разведывательными отделами Центрального и Воронежского фронтов, собрать информацию о гитлеровских войсках на широком участке фронта Курской дуги. Это задание было вскоре выполнено. Поездка по фронтам начальника разведывательного отдела дала безусловно много. Стало известно, что в начале мая противник стал передвигать свои войска в районах Белгорода, Томаровки, Грайворона и Харькова, подтягивать танковые и пехотные соединения ближе к линии фронта. Ставка предполагала, что немцы начнут наступление 10–12 мая на курско—орловском или на белгородско—обоянском направлении. Не исключалось, что удар последует сразу с двух направлений.

Важной составной частью подготовительного периода стали

также командно—штабные учения, проходившие в июне 1943 года в бригадах, корпусах, в целом по армии. Июньская жара изматывала до предела. Трудно приходилось всем, но особенно тяжело было танкистам. Накалялась броня, температура внутри машин поднималась и от работающего мотора, дышать нечем, а впереди — полоса препятствий с противотанковыми рвами, условными минными полями и прочими военными премудростями, которые предстояло преодолеть. Только к вечеру затихали учебные бои.

Свободное время у командарма выдавалось редко, но в минуты отдыха его часто можно было застать с книжкой в руках. Адъютант А.Ф. Кондратенко рассказывал: «А как он (Катуков. — *В.П.*) умеет с солдатами разговаривать! О винтовке рассказывает, как роман читает, и с офицерами у него всегда интересный разговор. Поклонник Суворова, с увлечением разбирает все его операции. Интересуется всеми современными новинками тактики и стратегии. А вне служебного времени — интереснее собеседника не найти. У него машина полна книг. Любитель русских былин, истории. Помнит многие стихи Пушкина, Лермонтова. Знает уйму сказок, рассказов. Любит природу, страстный охотник, рыболов. На любую тему с ним интересно поговорить».[174]

Досуг оставался досугом, а война — войной. В конце июня немецкая авиация усилила разведывательные полеты над нашей территорией. Фашистские летчики не рисковали далеко углубляться, действовали парами, а то и четверками, сбросив по десятку небольших бомб, удалялись. Проявление активности противника Катуков расценил как попытку прощупать нашу оборону перед наступлением. Вместе с Попелем он отправился на КП 6–й гвардейской армии И.М. Чистякова, стоявшей в первом эшелоне. Иван Михайлович командовал под Москвой бригадой морских пехотинцев. Прошло полтора года с тех памятных дней. И вот — новая встреча. Она была приятна вдвойне, потому что начальником штаба у него оказался генерал—майор В.А. Пеньковский, сослуживец по 27–й Омской стрелковой дивизии. Вспомнили довоенные годы, учебные бои, друзей и товарищей.

Гостить, однако, танкистам долго не пришлось: время горячее. Противник в любой момент мог ринуться на наши позиции. В районе Томаровки — Белгорода сосредоточились: 52–й армейский корпус в составе 255–й и 332–й пехотных дивизий; 48–й танковый корпус — 3–я и 11–я танковые дивизии, 167–я пехотная дивизия; 3–й танковый корпус — 6–я и 7–я танковые дивизии; танко—гренадерская дивизия «Великая Германия», танковый корпус СС в составе танко—гренадерских дивизий

«Мертвая голова», «Рейх» и «Адольф Гитлер».

Катуков и Попель договорились с командованием 6–й гвардейской армии провести совместные учения, чтобы отработать различные варианты контрударов и контратак. Увязывая вопросы взаимодействия с пехотинцами, артиллеристами, авиаторами, Катуков надеялся, что это принесет свои плоды, облегчит руководство частями и соединениями в период боевых действий.

5 июля над курскими полями стояла тишина. С раннего утра нещадно палило солнце, и все живое стремилось спрятаться в тень. Из штаба 6–й гвардейской армии прибыл Соболев. Выпив залпом кружку холодной воды, он присел к столу.

— Что у нашего соседа, Алексей Михайлович? Рассказывай! — торопил его командарм с нетерпением.

Отдышавшись после качки в самолете, начальник разведывательного отдела докладывал:

— Перед 6–й гвардейской армией противник развернул в первой линии две пехотные и одну танковую дивизии, во втором эшелоне — пять танковых дивизий. В общей сложности у немцев насчитывается около 1200 танков. Кроме того, восточнее и юго—восточнее Белгорода наши разведчики засекли еще две танковые дивизии. Но они находятся в полосе 7–й гвардейской армии генерала Шумилова.

И ПЛАВИЛАСЬ БРОНЯ…

Вопрос о наступлении на Курской дуге решался в апреле. Но тогда еще свежи были в памяти сталинградские события. 3 и 4 мая Гитлер провел два важных совещания, на которых присутствовали представители верховного командования, командующие группами армий «Юг» — фон Манштейн и «Центр» — фон Клюге, а также командующий 9–й армией Модель. Вопрос прежний — наступление.

В соответствии с планом начальника генерального штаба генерала Цейтцлера немецкие войска должны были при помощи двойного флангового охвата разгромить наши войска под Курском, тем самым ослабить их наступательный порыв.

Сорок пять минут Гитлер убеждал присутствующих в том, что обстановка на Восточном фронте благоприятствует наступлению, что германская армия в состоянии выполнить поставленную перед нею задачу и захватить инициативу в свои руки. Он апеллировал к довольно важному аргументу — появлению в армии новых видов вооружений, в первую очередь танков «тигр» и «пантера», штурмовых орудий.

Гитлеру и Цейтцлеру возражал Модель, и тоже не менее аргументированно. Он доказывал пагубность наступления под Курском. Располагая подробной информацией о подготовке Красной Армии к обороне (данные аэрофотосъемок), командующий 9–й армией говорил, что русские отвели главные силы танковых и механизированных соединений с выступающих вперед позиций, в свою очередь усилили артиллерию и противотанковые средства. В такой ситуации лучше следовать другой тактике, а еще лучше — отказаться от наступления вообще.

С Моделем был солидарен и командующий группой армий «Юг» Манштейн. Он заявил, что наступление могло быть успешным, если бы началось в апреле. Теперь же время упущено.

После выступления Клюге дошла очередь до Гудериана. Вот что он сказал: «…наступление бесцельно; наши только что подтянутые на Восточный фронт свежие силы при наступлении по плану начальника генерального штаба будут снова разбиты, ибо мы наверняка понесем тяжелые потери в танках. Мы не в состоянии еще раз пополнить Восточный фронт свежими силами в течение 1943 года».[175]

И все—таки решение о наступлении было принято. Оно началось 5 июля 1943 года. Перед наступлением, как стало известно позже, немецким солдатам был зачитан приказ Гитлера,

в котором говорилось:

«С сегодняшнего дня вы становитесь участниками крупных наступательных боев, исход которых может решить войну.

Ваша победа больше чем когда—либо убедит весь мир, что всякое сопротивление немецкой армии в конце концов все—таки напрасно… Мощный удар, который будет нанесен советским армиям, должен потрясти их до основания… И вы должны знать, что от успеха этого сражения зависит все».[176]

5 июля Катуков получил приказ Военного совета Воронежского фронта: «К 24.00 5.07.43 г. два корпуса выдвинуть на второй оборонительный рубеж 6–й гвардейской армии и прочно занять оборону: 6–й танковый корпус — на рубеже Меловое, Раково, Шепелевка; 3–й механизированный корпус — на рубеже Алексеевка, Яковлево; 31–й танковый корпус — расположить в обороне на рубеже Студенок, совхоз «Сталинский», Владимировка, Орловка.

Штаб армии — Зоринские Дворы.

Задача:

1. Ни при каких обстоятельствах не допустить прорыва противника в направлении Обоянь. Быть в готовности с рассветом 6.07 перейти в контрнаступление в общем направлении на Томаровку.

2. Танки в обороне закопать и тщательно замаскировать.

3. Потребовать от войск максимального напряжения для выполнения поставленной боевой задачи…»[177]

Прочитав приказ, Катуков не поверил своим глазам. Разве можно говорить о контрнаступлении на второй день битвы? Противник накопил огромные силы, у него численное превосходство в танках, причем «тигры» из своих 88–миллиметровых пушек могут поражать наши танки с расстояния в два километра, в то время как «тридцатьчетверкам» сподручнее наносить удар из засад, бить по бортам с 400–500 метров, но только не в лоб.

— Торопится командование фронта, — сказал командарм, показывая приказ Попелю. — Как же тут быть?

Член Военного совета нахмурился, неопределенно пожал плечами. Комиссар есть комиссар. Он всегда сторонник выполнения любого приказа. И на этот раз Николай Кириллович изрек в своей традиционной манере:

— Приказы в армии не обсуждаются.

— Все так, — согласился Катуков. — И все же я намерен высказать командованию фронта свои соображения о том, что наносить контрудар преждевременно. А приказ будем выполнять.

Учитывая решение командующего фронтом, с которым все же

удалось переговорить, прежде чем отдать приказ о передислокации войск, Катуков решил поставить в первом эшелоне 6–й танковый и 3–й механизированный корпуса, во втором — 31–й танковый.

На первый взгляд, казалось бы, целесообразнее поставить в первый эшелон два танковых корпуса, они посильнее, чем танковый и механизированный. Однако командарму пришлось исходить из того, что 31–й танковый корпус полностью сформировать не удалось, по огневой мощи он уступал полнокровным корпусам. Кроме того, еще раньше в помощь соединениям 6–й гвардейской армии было выделено из состава 3–го механизированного корпуса две танковые бригады, гаубичный и артиллерийский полки, два гвардейских минометных полка. [178] Они уже были втянуты в бой. Чтобы отозвать их обратно, об этом не могло быть и речи.

После войны некоторые танковые начальники, в том числе и П.А. Ротмистров, ставили в вину Катукову то, что он на Курском выступе неудачно построил 1–ю танковую армию. Вместо обоих (6–го и 31–го) танковых корпусов поставил в первый эшелон 6–й танковый и 3–й механизированный корпуса.

«Не следовало ставить мехкорпус в первом эшелоне, — писал Павел Алексеевич. — Полностью подготовленный, укомплектованный личным составом и техникой, он все же уступал танковому корпусу по количеству боевых машин, а также в маневренности и силе удара.

3–й механизированный корпус имел пять бригад, в том числе одну танковую, если бы наступал во втором эшелоне, мог бы под прикрытием танковых корпусов развернуться на выгодном рубеже и успешно отражать танковые атаки противника, а с подходом резервных соединений фронта — окончательно остановить врага». [179]

Как бы ни складывались обстоятельства, противник вскоре столкнулся с непреодолимой преградой — корпусами 1–й танковой армии, стеной стоявшими на его пути.

К ночи все соединения, пройдя по 35–40 километров, заняли исходное положение с готовностью наступать: 6–й танковый корпус — на Меловое, Васильевку, Дмитриевку, Раково, Красный Починок, Бутово, Томаровку, Алексеевку, Казацкое; 3–й механизированный корпус с рубежа обороны Шепелевка, Луханино, Сырцово, Яковлево делал все возможное, чтобы не допустить прорыва противника на Обоянь; 31–й танковый корпус — на Ивню, Меловое, Дмитриевку, Круглик, Раково, Бутово, Томаровку, Яковлево, далее вдоль шоссе на Белгород. [180]

К этому времени противник продвинулся на отдельных

участках на 4–10 километров, потеснив части 6–й гвардейской армии. Командующий 4–й немецкой танковой армией генерал Готт готовился ввести в бой свой резерв — два танковых корпуса — 48–й и танковый СС, чтобы захватить переправы на реке Псел в районе Обояни и севернее Кочетовки.[181]

Катуков и Никитин перебрались на новый командный пункт, расположенный в роще рядом с селом Зоринские Дворы. Связь с частями и соединениями уже действовала, и Михаил Ефимович решил связаться с 6–м танковым корпусом. Комкор Гетман в это время укреплял свою оборону, закапывал технику, маскировал позиции. Об этом и докладывал командарму.

Выслушав его, Катуков резко оборвал:

— Не забывай, что мы готовимся наступать, а не обороняться!

Впоследствии Андрей Лаврентьевич Гетман об этом разговоре написал так:

«Укрепляя свою оборону, мы, конечно, поступали правильно, однако оценено это было не сразу и не всеми. Даже М.Е. Катуков меня отчитал по телефону:

— Что это ты, Лаврентьевич, закапываешься глубоко в землю: нам ведь наносить контрудар по противнику.

Я ответил, что когда отобьем вражескую атаку, не опоздаем вывести танки из окопов и нанести контрудар всеми силами корпуса.

— Ну хорошо, — согласился Михаил Ефимович, — действуй…»[182]

Не только Гетман, и другие командиры корпусов — Кривошеин и Черниенко, оказывается, тоже готовились к обороне.

— Послал же бог мне таких командиров, — сказал Катуков только что приехавшему на КП Попелю. — Нам завтра контратаковать противника, а они, как кроты, зарываются в землю.

Николай Кириллович, зная характер Катукова, старался в такие минуты, когда командарм был чем—то недоволен, свести дело к шутке, сгладить шероховатости:

— Кстати, о командирах. Не бог тебе их послал, а начальство. Это во—первых. Во—вторых, они правы. По—своему, конечно. Сейчас самое время не в атаку идти, а обороняться.

Катуков не остался в долгу:

— Наконец—то и комиссар это понял.

И оба рассмеялись.

Утром 6 июля на КП прибыл командующий 6–й гвардейской армией Иван Михайлович Чистяков. Он был мрачен, озабочен тем, что противник потеснил его дивизии. Не хотел признавать и смириться с тем, что немцы оказались в данный момент сильнее.

Катуков успокоил его:

— Ничего, Иван Михайлович, выдержим. — И предложил план совместных действий, заключавшийся в том, что 1–я танковая будут поддерживать соседей всей огневой мощью.

В 10 часов утра немцы возобновили наступление. Еще в долинах стоял туман, а тишину уже рвали тысячи моторов на земле и в воздухе.

В 13.30 два батальона немцев, поддержанные 20 танками, ворвались в Яковлево, затем ударили в стык 3–го мехкорпуса Кривошеина и 5–го гвардейского танкового корпуса Кравченко. Вскоре на этом участке появилось до 200 вражеских танков, создавших угрозу прорыва фронта на левом фланге армии.

Катуков пытался представить себе на минуту, как немецкие танки врываются на наши позиции, утюжат окопы, разбивают опорные пункты, сеют панику среди бойцов. Он просит Никитина:

— Дай—ка мне, Матвей Тимофеевич, Кривошеина!

Радиосвязь работала исправно. Командир корпуса отозвался незамедлительно.

— Семен Моисеевич, слушай меня внимательно, — кричал в трубку командарм. — Одним батальоном 49–й танковой бригады поддержи 1–ю гвардейскую. Помоги Горелову выбить немцев из Яковлева. Поддержи также действия 100–й танковой бригады огнем минометов и артиллерии, тем самым будет обеспечен твой левый фланг. Понял меня?

— Понял, командарм!

Был отдан также приказ командиру 31–го танкового корпуса Черниенко выдвинуть 100–ю танковую бригаду в район села Михайловка, чтобы ликвидировать прорыв противника на стыке 3–го механизированного и 5–го гвардейского танкового корпусов. [183]

С передовой, где шли тяжелые танковые бои, стали поступать сведения о больших потерях. Немцы с дальних дистанций расстреливали наши машины. Надо было срочно связываться со штабом фронта и добиваться отмены приказа о контрнаступлении. Прошло уже достаточно много времени, но ни Ватутин, ни начальник штаба Иванов по существу предложения Михаила Ефимовича ничего не ответили.

На КП раздался телефонный звонок. Начальник связи майор Г.П. Захаров со значительным тоном произнес:

— Из Ставки… Верховный Главнокомандующий…

Катуков вспоминал:

«Верховный Главнокомандующий по телефону затребовал донесение о ходе боя. Я доложил и сказал, что, по моему мнению, нанесение контрудара нашими войсками преждевременно: враг

располагает большими неизрасходованными резервами, в том числе танковыми.

— Целесообразнее было бы, — добавил я, — использовать соединения армии для усиления второй полосы обороны, где бы танки, глубоко зарытые в землю, из засад с места смогли бы подпускать врага на 300–400 метров и уничтожать его живую силу и технику точным огнем.

Верховный согласился со мной и сказал:

— Так и делайте. Противника надо сначала измотать жесткой, упорной обороной, а потом добить. Команду товарищу Ватутину об этом я дам сам».[184]

Разговор со Сталиным не унял в душе тревогу за судьбу армии, ее людей и технику, но когда позвонил Ватутин и сказал, что контрудар отменяется, Михаил Ефимович почувствовал огромное облегчение. Видимо, его беседа с Верховным как—то повлияла на решение командующего фронтом. Теперь срочно надо дать новую ориентировку корпусам.

Броневик командарма пылил по бездорожью в 3–й механизированный корпус, отбивавший с утра яростные атаки врага в районе Яковлева и на Обоянском шоссе. На узком участке фронта немцы бросали по 150–200 танков. Завязывалась танковая дуэль, в воздухе носились десятки самолетов — немецких и наших. Пыль, поднятая взрывами снарядов и бомб, дым горевших танков и автомашин застилали солнце, словно тучи в грозовой день.

Катуков с трудом пробрался на КП Кривошеина, расположенного всего в четырех километрах от линии фронта. Тут тоже часто рвались снаряды.

— Как дела, Семен Моисеевич? Докладывай!

— Прет немец без удержу, пробивает брешь от Луханина до Яковлева. Там у меня подполковник Липатенков со своими артиллеристами мертвой хваткой держит позиции, выбивает немецкие машины. Только силы не равны. Сколько продержится Липатенков, сказать трудно.

Когда противник бросил в бой второй эшелон своих танков, дело приняло скверный характер. С НП 3–го мехкорпуса Катуков связался с командованием 2–й воздушной армии и вызвал «Илы». Самолеты отсекли немецкие танки, в воздухе закрутилась настоящая карусель.

Гитлеровцы с тупым упорством рвались также и в расположение бригады Бабаджаняна. Однако их встретил огонь 461–го артиллерийского дивизиона капитана В.А. Мироненко. Восемь танков подбили батарейцы, а противник продолжал напирать. Вышли из строя расчеты, капитан сам стал у орудия и

вел бой до последнего снаряда.[185]

День уже был на исходе, а бои по всему фронту не затихали. Катуков видел, что противник, хотя и не прорвал нашу оборону, а лишь оттеснил отдельные части, обладает еще крупными силами и неиспользованными резервами. Как сдержать его?

В 21.00 Катуков, Шалин и Попель подписали донесение командующему фронтом, в котором раскрывали сложившуюся ситуацию в полосе армии, докладывали о прорыве немецких танков в районе Яковлева и Луханина, о захвате этих населенных пунктов.[186]

Подводя итоги второго дня сражения, Катуков вынужден был признать:

— Трудно нам пришлось сегодня, но и противнику нечем утешить себя. То расстояние, которое он прошел, сплошь усеяно его техникой. Однако Готт производит перегруппировку своих сил. Значит, завтра продолжит наступление. Будем готовиться, чтобы дать ему хороший бой.

Штабы армии работали всю ночь. Не до сна командирам; короткий отдых выдался и у бойцов. К Шалину на стол одно за другим ложатся донесения из бригад и корпусов. Потери, потери… Армия потеряла 37 танков, противник же лишился 140 танков и штурмовых орудий.[187] Главное — части выстояли, не пропустили немцев на Обоянь.

…Заканчивалась короткая июльская ночь. Это была ночь раздумий и размышлений, после которой надо было принимать новое решение. Командарм терялся в догадках, что предпримут утром Готт и Манштейн, командующие немецкими группировками? Скорее всего где—то ослабят натиск, а бить будут по—прежнему на Обоянь.

— Как считаешь, Михаил Алексеевич, где ударят немцы? — спросил Катуков у начальника штаба, работавшего с курвиметром и картой. Шалин поднял голову, протер уставшие глаза:

— Поспать бы часок—другой, на свежую голову я бы ответил более точно. У меня сложилось твердое убеждение, что Готт, например, не отказался от мысли быть на северном берегу реки Псел. Вот и Гетман так считает, только что сообщил: перед его корпусом остался лишь минометный полк. Танки противник сосредоточил в районе Духанино, Дубровы, Яковлево. Значит…

— Значит, — перебил его Катуков, — все танковые силы немцы обрушат теперь на Кривошеина, чтобы смять его. Нет уж, такого удовольствия мы им не предоставим.

Позвонил командующий фронтом, поинтересовался положением 1–й танковой армии. «Держимся! — доложил Катуков. — Цепляемся за каждую высоту, перекрестки дорог,

населенные пункты. Тактикой жесткой и маневренной обороны не даем противнику сосредоточить силы в одном месте».

В связи с прорывом немецких войск в районе Тетеревино командующий приказал выдвинуть туда 31–й танковый корпус, усилив его 29–й истребительно—противотанковой артиллерийской бригадой из резерва фронта. Корпусу поставлена задача ликвидировать прорыв.

Надо заметить: по мере ожесточения боев на обоянском направлении Ватутин усиливал 1–ю танковую армию, передавал в оперативное подчинение стрелковые дивизии, танковые корпуса, бригады и полки.[188]

Утром в штабе армии появился начальник разведывательного отдела Соболев. Взяв руку под козырек, приготовился докладывать Шалину.

— Садись, Алексей Михайлович, — предложил начальник штаба, — сейчас придет командарм, поговорим.

Катуков отдыхал в соседней избе. Едва ли он спал, вид по—прежнему напряженный, сосредоточенный. Переступив порог, поздоровался с присутствующими, деловито спросил:

— Не шумит противник? Разведка, вы ближе бываете к передовой. Какие изменения за ночь?

Соболев подошел к карте:

— Противник из—под Белгорода перебрасывает танки, перегруппировку сил производит в районе села Яковлево. Думаю, намерен ударить со стороны села Лучки по корпусам Кривошеина и Кравченко.

Катуков молча ходил по избе, держа во рту папиросу, не решаясь ее прикурить. Он привык к коротким докладам своих подчиненных. Нередко, выслушав каждого, тут же принимал решение. На этот раз стал уточнять:

— Это предположение или уверенность в том, что противник будет наступать на позиции 3–го механизированного и 5–го гвардейского танковых корпусов?

Соболев даже слегка растерялся от такой постановки вопроса. Командарм никогда его так не ставил. Ответил:

— Всю ночь немцы не прекращали атак против Кравченко, а частью сил начали обтекать правый фланг его корпуса в направлении Большие Маячки.

Шалин поддержал Соболева:

— Другого пути у немцев нет. Удара следует ждать по 3–му механизированному, 5–му гвардейскому и, я бы добавил, 31–му танковым корпусам.

С рассветом начался новый затяжной бой. Он стал самым трудным и кровопролитным. Гитлеровское командование бросило

на узком участке фронта весь 48–й танковый корпус. Удар наносился опять в том же направлении — на Обоянь.

По всему фронту гремела канонада, немецкая авиация — до 80 самолетов — бомбила боевые порядки 3–го механизированного корпуса у села Сырцово. Не успела осесть на землю пыль, как из лесного урочища Волчий Лог выползли танки. Гитлеровцы рассчитывали, что авиация сделала свое дело, осталось только теперь добить зарывшиеся в землю советские войска. По строго заведенному порядку впереди шли «тигры», затем штурмовые орудия, «пантеры» и танки других систем. Но едва они приблизились к переднему краю нашей обороны, как начали бить противотанковые ружья, пушки, гаубицы, откуда—то плеснул залп гвардейских минометов.

3–й мехкорпус яростно оборонялся, отбив первую атаку, готовился отразить вторую. «Стоишь?» — запрашивал Кривошеина командарм. «Что нам сделается, — шутил комкор. — Только больно жарко, как в бане».

В середине дня враг предпринял пятую атаку, потеснив к северу 3–й механизированный и 31–й танковый корпуса. Спасти положение могли только свежие силы.

Катуков решает придать Кривошеину и Черниенко 192–ю танковую бригаду, прибывшую из 38–й армии, 222–й и 1244–й истребительно—противотанковые полки, 108–й и 139–й батальоны противотанковых ружей, а также 112–ю танковую бригаду полковника М.Т. Леонова, находившуюся до этого дня во втором эшелоне 6–го танкового корпуса.[189]

Только к концу дня противник был остановлен на рубеже Луханино, Сырцово, Красная Дубрава, Грезное. Но еще по—прежнему вызывало беспокойство командарма положение на стыке 5–го гвардейского и 31–го танковых корпусов в районе Тетеревино. Выбить немцев со второй полосы обороны не удалось: корпус Черниенко долго топтался на реке Солотинке. Там были разрушены все переправы, к тому же пришлось отражать атаки танковой дивизии СС «Рейх». Позже комкор доложил, что закрепился на рубеже Большие Маячки — Грезное.

Выстояла армия и на третий день наступления. К вечеру было перехвачено донесение немецкой авиаразведки: «Русские не отступают. Они стоят на том же рубеже. Наши танки остановились. Они горят».[190]

Это маленькое донесение, которое положил на стол перед командармом начальник разведотдела, было приятней всех других сообщений. Михаил Ефимович повертел его в руках, с гордостью произнес:

— Я знал и верил: армия выдержит чудовищный натиск

гитлеровской военной машины. Не видать Курска ни Готту, ни Манштейну, ни Гудериану!

Фронт в эти дни гнулся, но не ломался. Только на участке 3–го механизированного корпуса гитлеровцы наступали пятью пехотными полками при поддержке 400 танков, 56 из них — «тигры». Девять атак отбили мотострелки. Корпус потерял до 700 бойцов и офицеров и 78 танков, досталось и немцам, они оставили на поле боя 14 «тигров», 56 средних танков, 33 малых, 5 бронетранспортеров, до 1000 человек пехоты.[191]

Из корпусов и бригад начали поступать оперсводки. Бабаджанян вместо составления бумаг решил ограничиться докладом по телефону:

— Утерли нос Кнобельсдорфу, командиру 48–го танкового корпуса. Надолго запомнит он этот день!

После подведения итогов боя и отправки донесения в штаб фронта Катуков выехал в части: с начала войны он взял себе за правило бывать среди бойцов, чтобы не по донесениям знать об их настроении и боевом духе, а видеть все на месте своими глазами.

Сурова и буднична жизнь на передовой. Бой закончился, жди, когда наступит новый. Над курскими полями давно опустилась ночь, а спать некогда. Танковые и артиллерийские подразделения, минометчики и стрелки проверяют оружие, пополняются боезапасом, ремонтируют машины. Делается все без суеты, размеренно и деловито.

Спроси любого командира о делах, ответит однозначно, традиционно: «Порядок в танковых частях».

Выслушав короткие доклады комбригов, их просьбы и предложения, командарм возвращается в штаб, чтобы к утру, к началу нового боя, принять соответствующие меры.

В штабе горит свет, на столе у Шалина карты, схемы, различные документы. Рядом с начальником штаба — Никитин разбирает оперативные сводки, тонко отточенным карандашом заполняет журналы, планы, ведомости.

— Что же вы, братцы, засиделись? — обращается к ним командарм. — Надо бы отдохнуть, день будет опять нелегкий.

Шалин отодвигает от себя груду бумаг:

— Вот закончим подготовку последних приказов, отправим офицеров связи, тогда и отдохнем.

Раздался телефонный звонок. Начальник штаба фронта генерал С.П. Иванов передал решение Ватутина нанести утром контрудар по вклинившейся группировке противника, чтобы восстановить прежнее положение. Контрудар наносили 2–й и 10–й танковые корпуса, а также часть сил 40–й армии. У 1–й

танковой армии задача прежняя — держать обоянское направление.

Утром 8 июля гитлеровские войска пошли в наступление. С КП Катуков следил за развитием боя. Комбриги докладывали, что авиация бомбит боевые порядки. Следовало ожидать, что минут через 20–30 появятся танки. Наступают они, как правило, тремя эшелонами. Натолкнувшись на сильный заградительный огонь, отходят назад, а в дело вступают авиация и артиллерия.

Тактику немцев Михаил Ефимович хорошо изучил за эти дни. Он обратил внимание на то, что бомбардировочная авиация очень быстро появляется там, где танки натыкались на непреодолимые препятствия наших опорных пунктов, на организованный огонь противотанковых батарей. Оставалось предположить: представители авиачастей с радиостанциями находятся недалеко за боевыми порядками танков или непосредственно в боевых порядках, откуда вызывают самолеты непосредственно с аэродромов.

Своей догадкой Михаил Ефимович поделился с Никитиным, находившимся постоянно на КП в самые ответственные моменты боя. Выслушав командарма, Матвей Тимофеевич произнес:

— Логично, объяснить успехи немецкой авиации можно не только хорошей связью, но и связью прямой: поле боя — аэродром.

Катуков поднес к глазам бинокль:

— Тут не только логика, Никиток, тут рационализм в чистом виде. Мы ведь как действуем? Пока свяжемся со штабом воздушной армии, дадим свою заявку, запросим столько—то самолетов, пока там рассмотрят, отреагируют, отдадут приказ летчикам, проходит время, бой, глядишь, уже подходит к концу. И тут либо мы тесним противника, но без авиации, либо нас теснят. Соображаешь?

— Соображаю, Михаил Ефимович, опыт противника берем на заметку?

— Не на заметку, а на вооружение.

Впоследствии Катуков настоял на том, чтобы командование фронта предоставило ему право самому решать вопросы использования авиации, связываясь прямо с аэродромами.

Основные события дня 6 июля развернулись в полосе 6–го танкового корпуса, куда противник после артиллерийской и авиационной подготовки бросил крупные танковые силы. Начались тяжелые бои в районе сел Сырцово и Верхопенье. Немцы здесь атаковали группами танков — 30–60 машин, пытаясь прорваться в северо—западном направлении. Но их сдерживали бригады полковников М.В. Моргунова и М.Т. Леонова.

Обороне района Верхопенья Военный совет Воронежского фронта придавал особое значение. В отданном в этот день боевом распоряжении танковым корпусам (2–й и 5–й гвардейский, 10–й и 2–й) говорилось:

«Главная группировка до 300 танков противника наступает против Катукова в районе Гремучий на Верхопенье. Стремительно выходите в тыл этой группировки в соответствии с поставленными корпусам задачами».[192]

В кровопролитных боях 220–я и 112–я танковые бригады потеряли до 40 процентов материальной части, но стояли насмерть.[193] Сначала Леонов, потом Моргунов донесли, что положение на участках обороны становится угрожающим. Катуков сразу же выдвинул 22–ю танковую бригаду ближе к реке Пена, уплотнил таким образом боевые порядки танкового корпуса Гетмана.

Уже несколько дней 1–я танковая армия сражалась в одноэшелонном построении. Не раз Катуков и Шалин ставили вопрос перед командованием фронта о создании второго эшелона, и только когда бои достигли критической точки (9 и 10 июля), Ватутин решил усилить армию 10–м танковым корпусом, 309–й стрелковой дивизией, 14–й истребительно—противотанковой артиллерийской бригадой, несколькими истребительно—противотанковыми полками и другими частями.[194]

План «Цитадель» явно проваливался, однако гитлеровское командование продолжало упорствовать, бросая в огненную мясорубку уже достаточно протрепанные дивизии и корпуса. 7 июля 1943 года Геббельс заявлял, что в районе Белгорода и южнее Орла вчера потерпели неудачу сильные атаки большевиков, предпринятые ими с ранее приготовленными для этой цели крупными соединениями, в результате наша армия перешла в наступление, глубоко вклинилась в оборону русских.[195]

Ни днем, ни ночью не затихали боевые действия в районе Сырцова, Верхопенья, Яковлева, Ивни. Кроме танков, противник бросал крупные силы авиации. Группы самолетов по 25–30 машин постоянно бомбили боевые порядки 1–й танковой армии.

Большую роль в отражении налетов гитлеровской авиации сыграла 6–я зенитная дивизия РГК под командованием полковника И.Г. Каменского. По приказу Ставки три ее полка — 797–й (командир подполковник Доначевский), 848–й (командир майор Громов) и 1063–й (командир подполковник Гузенко) — 5 июля стали на защиту воздушного пространства армии.[196]

Вечером полковник Каменский был вызван в штаб, где получил необходимые указания Шалина на размещение полков:

правый фланг армии (6–й тк) должен прикрывать 797–й полк, левый (3 мк) — 848–й полк, центральную ударную группу (31–й тк) — 1063–й полк орудий среднего калибра.[197]

За несколько дней боев зенитчики сбили десятки самолетов противника, не дав им сбросить смертоносный груз на наши позиции. К исходу дня 8 июля немцы вышли на рубеж Шепелевка — Верхопенье — Кочетовка, вплотную приблизились к позициям 1063–го полка. А когда бой вступил в решающую фазу, в расположение полка прибыл командарм Катуков. Он отдал приказ подполковнику Гузенко немедленно переместить батареи на новое место: над передним краем висело до 50 вражеских бомбардировщиков. Они заходили на цели группами по 6–10 машин.

Самоотверженным трудом зенитчиков, пехотинцев, танкистов, представителями других родов войск ковалась победа под Курском. Это они, скромные труженики войны, продолжали сдерживать немецкие бронированные клинья 9 и 10 июля. Теперь уже с юга враг рвался к Обояни, создав довольно высокую плотность танков (от 50 до 100 единиц на 1 километр фронта). И все напрасно. Не имела успеха и опергруппа «Кемпф» на корочанском направлении в полосе 7–й гвардейской армии.

Враг метался по фронту, отыскивая слабые места в обороне 1–й танковой армии. Но делал это уже в состоянии агонии.

— Еще день—другой, и противник выдохнется, — сказал Михаил Ефимович, подписывая очередное донесение в штаб фронта. — Резервы у него израсходованы, и взять неоткуда.

Разведчики Соболева проникали в расположение врага, захватывали «языков», которые на допросах называли номера своих частей, вступивших в бой 5 июля и до сих пор находящихся на передовой.

— Все, мы свое дело сделали, — подвел итог многодневных боев командарм. — Враг еще будет огрызаться, бросать в атаку войска, только сделать они уже ничего не могут.

Как выяснилось позже, немецкое командование, убедившись в том, что пробить оборону 1–й танковой армии вряд ли удастся, решило обойти ее и, перегруппировав свои силы, ударить с востока через Прохоровку на Курск.

Однако этот план был своевременно разгадан советским командованием, и к местам сражений стягивались подкрепления из резервов Степного фронта. 7 июля начала выдвижение из района Россошь, Березовая, Острогожск 5–я гвардейская танковая армия генерала П.А. Ротмистрова, ее передовые отряды через два дня подошли к реке Псел. В район Прохоровки была направлена также 5–я гвардейская армия генерала А.С. Жадова.

Командующий фронтом Ватутин не ставил перед Катуковым больших задач на ближайший период, ему надо было сковать войска немцев на обоянском направлении, лишить возможности германское командование свободно маневрировать своими резервами, способствовать успеху армий Ротмистрова и Жадова под Прохоровкой.

Обсудив со своими помощниками поставленную задачу, Михаил Ефимович решил двумя корпусами — 5–м гвардейским генерала А.Г. Кравченко и 10–м танковым генерала В.Г. Буркова — нанести контрудар совместно с частью сил 6–й гвардейской армии в восточном направлении на Яковлево, и во взаимодействии с 5–й гвардейской танковой армией, наступавшей из района Прохоровки, окружить и разгромить 4–ю танковую армию противника.[198]

События на фронте разворачивались в сложной обстановке. Рано утром германские войска нанесли удар по 69–й армии генерала В.Д. Крюченкина и захватили Ржавец, Рындинку, Выползовку, тем самым создав угрозу левому флангу 5–й гвардейской танковой армии.[199]

Для парирования этого удара Ротмистров вынужден был бросить свой резерв, состоящий из нескольких артиллерийских и танкового полков под командованием генерала К.Т. Труфанова в полосу 69–й армии.[200]

12 июля под Прохоровкой разыгралось встречное сражение, в котором с обеих сторон принимало участие 1200 танков. Такого еще не знала история войн. Размах его был поистине грандиозен. Только за один день боев войска вермахта потеряли здесь до 400 танков.

А как же складывались дела у Катукова?

В 10 часов 12 июля танковые корпуса Кравченко и Буркова пошли в наступление, но были встречены мощным заградительным огнем. Продвижение шло медленно. Гитлеровское командование бросило против них доукомплектованную моторизованную дивизию «Великая Германия», большое количество бомбардировочной авиации.

Вскоре командир 5–го танкового корпуса Кравченко донес о том, что продвигаться дальше нет никакой возможности: немцы ведут интенсивный артиллерийский и минометный огонь, бомбят его боевые порядки. Практически к этому времени задача, поставленная Ватутиным перед 1–й танковой армией, была выполнена. С обоянского направления враг не снял ни одного полка.

Катуков отдал приказ корпусам остановиться, закрепиться на занятых рубежах, незначительными контратаками создавать

видимость у противника поиска слабых мест в его обороне.

Поздно ночью командарм связался с 6–м танковым корпусом и приказал Гетману к 5.00 сосредоточить части в урочищах Толстое и Плотовое, чтобы атаковать противника в направлении Раково, Сырцово и Верхопенье.[201]

Вскоре, однако, разведка донесла, что в этот район немцы стянули большое количество танков и артиллерии, собираются встретить наши войска мощным контрударом. Катуков задумался: стоит ли ограниченными силами затевать операцию? Обсудил ситуацию со своим заместителем Барановичем и начальником штаба Шалиным. Было принято новое решение. Вдогонку за первым приказом Гетману пошел второй — не атаковать противника, а перейти к обороне в районе сосредоточения.

Рано утром противник бросил из Красного Узлива до 70 танков и пехоту, ударив между урочищем Силино и урочищем Плотовое. Разгорелся тяжелый танковый бой.[202]

А.Л. Гетман вспоминал: «…гитлеровцы, атаковавшие нас с утра 14 июля, встретили дружный отпор. Несмотря на свою малочисленность (после боев 10 июля у Гетмана в строю осталось 35 танков и 10 орудий. — *В.П.*), части корпуса успешно отразили и все дальнейшие атаки врага, предпринятые им в тот день, а также 15 июля, видимо, с целью улучшения позиций. Характерно, что гитлеровцы теперь, после понесенных ими потерь, действовали небольшими группами и далеко не так напористо, как в предшествующие дни. Во всем этом чувствовался надлом их сил и в особенности духа. Несомненно, они уже видели провал планов своего командования».[203]

Начиная с 15 июля, ставка Гитлера окончательно отказалась от наступательных действий и стала бросать танковые дивизии для штопки прорывов наших войск, перешедших в наступление северо—восточнее Брянска, восточнее Орла, на Миус—фронте.

Докладывая командующему Воронежским фронтом о боях последних дней, Катуков говорил, что противник не оказывает никакого сопротивления, переходит к обороне, в отдельных случаях откатывается на старые позиции, которые занимал перед началом наступления.

— Так происходит повсеместно, — обрадовал его Ватутин. — Мы выстояли и победили на этом этапе нелегкой битвы.

Победа! Она далась нелегко. Десять дней изнурительных и кровопролитных боев измотали людей физически, но не отняли у них воли к борьбе, не сломили боевого духа.

16 июля 1943 года 1–я танковая армия была выведена из боев и направлена в тыл. Ее части и соединения разместились в селах Обоянского района. Лишь 6–й танковый корпус продолжал

преследовать отступающего противника.

Так развивались основные события на Курской дуге. Эта операция имела два этапа — оборонительный и наступательный. Она многим обогатила советское военное искусство. Впервые на Воронежском фронте, на белгородском направлении, были введены в прорыв крупные подвижные силы при наступлении. Становилось ясно, что главное назначение танковых армий — глубокое вторжение в оперативную оборону противника с целью ее дезорганизации, а не прорыва.

Своеобразная тактика применения частей и соединений также способствовала успешному ведению боевых действий. Катуков об этом писал: «Характерная особенность наших действий в этой оборонительной операции заключалась в том, что часть сил объединения вела оборону рубежа, а в то же время в ее глубине готовился новый, который занимали находящиеся в резерве части, используемые двояко: при необходимости они привлекались для контратак, а при прорыве передового оборонительного рубежа принимали на себя удар наступающего противника, обеспечивая время для занятия и подготовки новой обороны в тылу своего расположения».[204]

Острие танкового клина вражеской группировки в период Курской битвы надломилось при ударе о бронированный щит 1–й танковой армии под Обоянью, окончательно сломалось под Прохоровкой. Не случайно генерал Готт, командующий 4–й танковой армией, считал, что основной задачей после прорыва обеих полос противника будет разгром «1–й танковой русской армии, ибо без ее уничтожения дальнейшее проведение операции немыслимо».

Под Курском советские армии доказали, что могут наступать не только зимой, но и летом.

Победа под Курском досталась нам слишком дорогой ценой. О потерях хотя говорили и писали, но в традициях того времени свои потери старались преуменьшить, зато преувеличить потери противника. Лишь после снятия грифа «совершенно секретно» с военных архивов в 1993 году мы узнали подлинную картину. «Общие потери войск составили 863 303 человека. Из них безвозвратные (убитые, умершие от ран, попавшие в плен) — 254 470 человек. Красная Армия потеряла 6044 танка и 242 самоходных орудия и миномета, 1656 самолетов. Противник потерял под Курском около 50 000 солдат и офицеров. На поле боя осталось более 2000 танков, 3700 самолетов, до 4000 орудий».[205]

Разные выводы из этой битвы делали военные специалисты и историки, но все сходились на том, что Курское сражение явилось

последним крупным немецким наступлением, что оно ознаменовало поворотный пункт в ходе войны и привело к краху гитлеровскую Германию.

ПО ДОРОГАМ УКРАИНЫ

Пик лета. Жара нестерпимая. Прохладу можно найти только в лесу, в тени деревьев, у речки или водоема, но такой благодатью Катуков мог воспользоваться разве что по пути из штаба армии в корпус или возвращаясь обратно. Последние дни командарм колесил между Ивней и Зоринскими Дворами, Орловкой и Владимировкой, другими населенными пунктами, где стояли части армии, приводившие себя в порядок после длительных и ожесточенных боев.

Корпуса и бригады восстанавливали свою боеспособность. В ходе Курской битвы армия безвозвратно потеряла 130 танков, подбитые же машины, отбуксированные на СПАМы, предстояло отремонтировать и ввести в строй. Дынер обещал закончить работу в конце июля. Свое слово он сдержал. К началу наступления ремонтники довели число боевых машин до 500 единиц.[206]

Если быть более точным, то боевой состав армии выглядел так: 3–й механизированный корпус имел 226 танков, 11 392 солдата и сержанта, 2019 офицеров; 6–й танковый корпус — танков 138, солдат и сержантов 6113, офицеров 1254; 31–й танковый корпус — танков 142, солдат и сержантов — 3334, офицеров — 814.[207]

Катукову очень хотелось, чтобы особо отличившиеся корпуса — 6–й танковый и 3–й механизированный — пошли в новое сражение гвардейскими. 18 июля 1943 года Военный совет армии представил их к званию гвардейских. Этим же постановлением 1–я гвардейская танковая бригада представлена к ордену Ленина, 49–я и 22–я танковые, 1–я и 3–я механизированные бригады — к ордену Красного Знамени.[208]

К предстоящим боям готовились основательно: противник сосредоточил в районах Белгорода и Харькова крупную группировку войск в составе 18 дивизий, в том числе 4–х танковых дивизий и других частей и подразделений, входивших организационно в 4–ю танковую армию и оперативную группу «Кемпф».[209]

Немецкие войска, перешедшие к жесткой обороне по реке Ворскле, на рубеже сел Солдатское, Герцовка, Каменный Лог, имели в первой линии три пехотные дивизии — 255, 332 и 167–ю, ближайшие оперативные резервы — две танковые дивизии дислоцировались в селах Мощеное и Томаровка (19–я тд), Орловка и Бессоновка (6–я тд).[210]

Планирование наступательной операции, получившей

кодовое наименование «Румянцев», началось заблаговременно. 22 июля в штабе Воронежского фронта состоялось совещание командующих и членов Военных советов армий, на котором заместитель Верховного Главнокомандующего Г.К. Жуков изложил план предстоящей наступательной операции Воронежского и Степного фронтов на Белгород и Харьков. Операция имела целью разгромить белгородско—харьковскую группировку противника и создать условия для освобождения Правобережной Украины.

На этом совещании Катуков получил оперативную директиву, согласно которой 1–я танковая армия вводилась в прорыв и развивала успех 5–й гвардейской армии в общем направлении на Томаровку, Богодухов, Валки.[211]

Возвратившись в штаб, Михаил Ефимович первым делом проинформировал своих помощников о предстоящем контрнаступлении, вкратце рассказал о замысле операции, закончив свою речь словами: «Нас ждет Украина!»

На подготовку к операции отводилось всего десять дней. За это время предстояло проделать огромную работу: довести до штатного расписания материальную часть, проработать со штабами всех степеней вопросы взаимодействия, в первую очередь со штабами 5–й и 6–й гвардейских армий, 5–й гвардейской танковой армии, 5–го гвардейского стрелкового корпуса.

Прикрывать с воздуха 1–ю танковую армию должна была 2–я воздушная армия. Катуков пригласил к себе ее командующего генерала Красовского со своими помощниками, с которьми отрабатывались детали взаимосвязи на разных этапах развития наступательной операции.

Михаил Ефимович отмечал в одном из докладов: «В подготовительный период все вопросы взаимодействия отрабатывались, как правило, личным общением командиров и ответственных офицеров штабов. Увязка всех вопросов проводилась методом совместной работы танковых, пехотных, артиллерийских и саперных офицеров взаимодействующих частей, соединений и штабов. Командиры соединений, штабы корпусов и бригад на местности отрабатывали вопросы взаимодействия со штабами стрелковых корпусов и стрелковых дивизий. Весь офицерский состав тщательно изучал местность в направлении предстоящих действий, а на рекогносцировках участвовали все — до командира танка включительно».[212]

Предвидя удары Красной Армии, противник усиленно готовился к обороне, создавал опорные пункты в районе Томаровки, Борисовки, Бессоновки, улучшал естественные

рубежи. Разведка выяснила, что в конце июля немецкое командование начало уплотнять боевые порядки частей, действовавших в первой линии, заменять потрепанные подразделения полнокровными, снимая их с сумского направления.

1 августа 1943 года Г.К. Жуков и Н.Ф. Ватутин собрали на командном пункте 5–й гвардейской армии командармов и командиров корпусов и предложили уточнить рубежи, по достижении которых стрелковыми дивизиями должен осуществляться ввод в бой танковых армий, определить маршруты движения соединений от переднего края до рубежа ввода в сражение. Устанавливался день наступления — 3 августа.

На исходные рубежи части и соединения 1–й танковой армии выдвигались в ночь на 2 августа. Командиры получили приказ о наступлении. Перед боем, как известно, каждый переживает напряженные часы и минуты. Командиров беспокоит — все ли продумано до конца, все ли сделано. Больше всех переживал командарм, армия шла в наступление неполным составом. Ее укомплектованность составляла: по личному составу — 82 процента, по танкам — 81 процент, по самоходно—артиллерийским установкам — 67 процентов, орудиям и минометам — 85 процентов, по автотранспорту — 55 процентов. Не хватало около 3 тысяч автомашин.[213]

Катуков вводил армию в сражение в двухэшелонном построении. 6–й танковый корпус наступал на правом фланге, 3–й механизированный с приданными частями усиления — на левом, 31–й танковый корпус составлял второй эшелон и шел за мехкорпусом.

Вначале планировалось ввести основные силы 1–й танковой армии на участке Лог Лопатин — хутор Вознесенский, но пехотные части 5–й гвардейской армии генерала Жадова не сумели прорвать линию обороны противника и отбросить его от реки Ворсклы. Немцы продолжали удерживать за собой села Драгунское, Каменный Лог и Лог Лопатин. Решать задачу пришлось своими силами.

В штаб срочно был вызван начальник инженерных войск полковник Ф.П. Харчевин. По дороге в корпус Гетмана его перехватил адъютант командующего Кондратенко.

— Что случилось? — прямо с порога обратился он к командарму.

— Случилось, Федор Павлович, то, чего не ждали, — Катуков усадил полковника напротив себя. — Слушай внимательно. Прорывать линию обороны противника, видимо, придется самим. Армия Жадова прошла километра четыре и остановилась. На

Ворскле надо навести переправы, чтобы перебросить наши танки. Времени у вас в обрез — сутки. Сможешь?

Командарм задал этот вопрос лишь для того, чтобы лишний раз проверить самого себя. Харчевин — мужик хозяйственный, саперные батальоны, находящиеся в его подчинении, имели все необходимое для наведения мостов. Ответ был кратким:

— Постараюсь, товарищ командарм!

— И вот что, — в глазах Катукова пробежала лукавая усмешка, — в балке, недалеко от Луханина, припрятаны бревна от старых построек. Там стоят части Гетмана, люди укажут место. Задействуй все трактора для перевозки.

Харчевин еще никак не мог прийти в себя от такого предложения:

— Откуда в балке быть бревнам? Я что—то об этом ничего не знаю. Бог послал?

— На бога надейся, а сам не плошай, — сказал Михаил Ефимович. — Желаю успехов!

К началу ввода армии в прорыв 4–й саперный батальон в течение одной ночи под огнем противника построил через Ворсклу в районе хуторов Веселый и Вознесенский пять мостов, что позволило беспрепятственно переправить танки, артиллерию и другую технику не только своей армии, но и некоторых частей 5–й гвардейской армии.[214]

В 5 часов утра 3 августа на передовые позиции противника обрушились удары нашей артиллерии и авиации, через два часа сорок минут открывают огонь гвардейские минометы. На горизонте стеной поднялись столбы пыли и дыма. Но вот взметнулись в небо красные ракеты, и лавина людей, танков, самоходных установок устремилась вперед.

В ходе наступления в обороне немцев образовался небольшой коридор, в который были введены 1–я и 5–я гвардейская танковые армии.

К 7 часам передовые части 6–го танкового корпуса (200–я танковая бригада) форсировали Ворсклу в районе хутора Веселый, через четыре часа они обогнали пехоту 5–й гвардейской армии, преследуя противника, не давая ему закрепляться. Вскоре Гетман донес на КП Катукова: авангардные части корпуса заняли села Стрелецкое и Пушкарное, дальнейшее продвижение остановлено из—за сильного артогня у Томаровки и Красного Острожка.[215]

— Андрей Лаврентьевич, подтягивай остальные части, — приказал командарм. — Утром совместно с 5–м гвардейским стрелковым корпусом ударишь по Томаровке.

— Понял, Михаил Ефимович, сделаем все в наилучшем виде!

Успешно продвигались вперед и другие соединения армии — 3–й механизированный и 31–й танковый корпуса. Согласно планам наступления Богодухов должен быть взят на третий день операции, на четвертый — Валки и Новая Водолага.

Наступали наши войска настолько стремительно, что уже в первый день после прорыва обороны противника была отсечена белгородская группировка немцев от томаровской, теперь предстояло разгромить их по частям.

Враг сопротивлялся, 49–я танковая бригада, шедшая в авангарде, в районе Томаровки была атакована четырнадцатью фашистскими танками и ротой пехоты. Комбриг Бурда удачно отбил атаку, к концу дня разгромил танковую группу и захватил село Домнин. Вслед за 49–й бригадой в прорыв пошел весь 3–й мехкорпус.[216]

Катуков торопил переправить через Ворсклу последние части армии, чтобы утром ударить по Томаровскому укрепленному узлу. На переправах хозяйничал генерал Е.В. Баранович с группой офицеров штаба. Когда командарм прибыл в село Надельное, там, у переправы, находились уже тыловые службы. Ефим Викентьевич с генералом В.Ф. Коньковым, начальником тыла армии, готовились «протолкнуть» очередную автоколонну с горючим, боеприпасами и продовольствием.

— Вижу, дела у вас идут нормально, — подошел к ним Катуков. — Можно надеяться, что со снабжением задержек не будет.

— Если бы так, — сокрушался Баранович, глядя в сторону реки. — Мосты, сделанные второпях, не выдерживают нагрузок, и после пропуска танковых колонн совсем развалились, опасно переправлять грузовики.

— Ничего, главное уже сделано — войска за Ворсклой, — успокоил его Катуков. — Но чтобы работа не прекращалась, подновите настил. Бревна, доски, надеюсь, у нас найдутся. В крайнем случае у соседей разживемся — как—никак помогали им переправляться.

К утру пробок на переправах не наблюдалось. По подновленным мостам прошли вторые эшелоны, резервы, тыловые и другие учреждения. А тем временем ударные группы армии втягивались в бой, тесня противника к юго—западу.

Генерал—полковник Готт не ожидал, что советские войска в начале августа начнут новое наступление, и появление за Ворсклой наших танковых соединений было для него полной неожиданностью. Об этом можно судить хотя бы по тому, что немцы не успели перегруппировать свои силы в первой линии обороны. Получив удар наших танков, 332–я и 167–я пехотные

дивизии потеряли управление, начали мелкими группами отступать. Подошедшие им на смену 164–я и 57–я пехотные дивизии также потеряли связь со своими штабами, перемешались, попали в полосу 332–й пехотной дивизии и отступали с ней вплоть до Уды.[217] За действиями противника внимательно следил разведывательный отдел армии. Полковник Соболев постоянно докладывал Катукову и Шалину о том, что германское командование, узнав о прорыве наших войск в полосе 332–й и 167–й пехотных дивизий, потребовало от командира 5–го армейского корпуса, в состав которого входили 255, 332, 167–я пехотные и 19–я танковая дивизии, восстановить положение на фронте. «Восстановление этого рубежа в рамках общего имеет решающее значение», — говорилось в боевом приказе командира 19–й танковой дивизии генерала Шмидта.[218]

Разгромить Томаровский укрепленный узел 4 августа не удалось: противник силами 19–й танковой и остатками 57–й и 332–й пехотных дивизий оказал упорное сопротивление, сковал действия танкового корпуса Гетмана. Медленно продвигался и Кривошеин. Во второй половине дня Катуков приказал ему прикрыться 6–й мотострелковой бригадой со стороны Томаровки, обойти ее с востока, продолжать атаки.

И снова неудача. Тогда командарм бросает 6–й танковый корпус вслед за 3–м механизированным, чтобы прорвать вторую линию обороны противника, подтягивает к Томаровке 31–й танковый корпус Черниенко и 5–й гвардейский танковый корпус Кравченко, снова подчиненный 1–й танковой армии. Завязываются жестокие бои, в результате которых 19–я танковая дивизия немцев была разгромлена. Погиб и ее командир генерал Шмидт. Его штабную машину с документами наши танкисты пригнали на КП армии.[219]

Томаровский укрепленный узел пал, наши войска захватили большие трофеи — 45 исправных «тигров», только что вышедших из ремонта, склады военного имущества.

Тем временем войска Степного фронта генерала И.С. Конева, наступавшие левее, сломили сопротивление гитлеровцев и вышли к Белгороду. С севера наступали войска 69–й армии В.Д. Крученкина, с юга — 7–й гвардейской армии М.С. Шумилова. К вечеру концентрированными ударами с нескольких сторон гитлеровцы были разбиты и вытеснены из города.

В тот же день войска Брянского фронта под командованием генерала М.М. Попова заняли Орел.

Разгром нескольких немецких группировок и освобождение городов Орла и Белгорода — несомненно крупная победа Красной Армии. В приказе Верховного Главнокомандующего в связи с

этим отмечалось: «Отразив все попытки противника прорваться к Курску со стороны Орла и Белгорода, наши войска сами перешли в наступление и 5 августа, ровно через месяц после начала июльского наступления немцев, заняли Орел и Белгород».[220]

Назывались части и соединения, отличившиеся в боях. Среди них — и 1–я танковая армия.

Москва впервые салютовала доблестным советским войскам, освободившим Орел и Белгород.

7 августа командующий Воронежским фронтом поручил Катукову главными силами овладеть Богодуховом. Эту задачу выполнили авангардные бригады 6–го и 3–го корпусов. В 17 часов первой в город с востока ворвалась 22–я танковая бригада полковника Веденичева, а 200–я танковая бригада полковника Моргунова ударом с севера овладела железнодорожной станцией. Местный гарнизон не оказал сколько—нибудь серьезного сопротивления нашим танкистам, поспешно отступил, оставил на станции несколько железнодорожных эшелонов с грузами, большое количество складов, в том числе складов с горючим.[221]

Потеря Богодухова — очередной удар по германским войскам. Правда, немецкое командование еще надеялось вернуть город. Но какой ценой? Стало перебрасывать с Юго—Западного фронта эсэсовские танковые дивизии — «Рейх», «Мертвая голова», «Викинг», с Центрального фронта — «Великая Германия» и 10–ю моторизованную дивизию.[222]

Ватутин предупредил Катукова о том, что перед боевыми порядками 1–й танковой армии в ближайшие дни могут появиться эсэсовские дивизии, и потребовал усилить разведку. Уведомление, что и говорить, своевременное, в то же время и настораживающее, в ходе наступления армия оторвалась от своих соседей — 5–й и 6–й гвардейских армий — на 25–35 километров, вышла в район населенных пунктов Становая, Сафоны, Кленовая, оказалась с открытыми флангами. Если противник ударит в направлении Грайворон, Богодухов, беды не миновать.

В штабе эту опасность поняли сразу, и разведотделу было поручено добыть необходимую информацию, связанную с перемещением эсэсовских танковых дивизий.

— Мне нужно точно знать, с какого дня и часа нашим флангам будет угрожать реальная опасность, — говорил Катуков Соболеву. — Придется взять под неослабный контроль железные и автомобильные дороги. Использовать для разведывательных целей самолеты нашего авиаполка. Командир полка подполковник Иванов предупрежден об этом.

Разведчики работали денно и нощно, их труд увенчался успехом. В ночь с 7 на 8 августа был захвачен пленный солдат из

танковой дивизии «Рейх». На допросе он показал, что его дивизия 3 августа вела бои на Миус—фронте, а 7 августа уже была переброшена в район Крысино, Сковородиновка, совхоз «Рогозянка».[223]

Вскоре стало известно и о других танковых дивизиях, которые торопились к Богодухову и Харькову. Опять заслуга армейских разведчиков. Это они — Лев Борисович Супла, Михаил Степанович Христофоров, Владимир Васильевич Петропавловский, Владимир Николаевич Подгорбунский, Сальман Тагиров — колесили по дорогам на машинах и броневиках, летали на ночных бомбардировщиках «У–2», добывая нужные сведения для штаба армии.

Командование высоко оценивало их деятельность, в августе 1943 года отмечало:

«Разведывательный отдел штаба 1–й танковой армии с работой справился. Военный совет армии своевременно предупреждался о подходе свежих резервов к полю боя и о группировке противника в полосе армии.

В течение всей операции разведывательный отдел оценку противника давал правильно, и все выводы, вытекающие из глубокого анализа и изучения обстановки, были верные».[224]

Обстановка на правом фланге 1–й танковой армии и в тылу по—прежнему продолжала оставаться напряженной. В районе Борисовки сосредоточилась 11–я немецкая танковая дивизия, которая совместно с войсками, отошедшими из Томаровского укрепленного узла, стремилась нанести фланговый удар.

Перед Катуковым теперь стояла задача не только парировать удар немецких танковых сил, но и разгромить их. Решено было сделать это двумя корпусами — 31–м танковым Черниенко и 5–м гвардейским танковым Кравченко, который Ватутин приказал использовать для освобождения Грайворона еще б августа.

Армия продолжала наступать. С новой силой вспыхивают бои в районе Алексеевки, Высокополья, Левандаловки, Ковяги, Валки, причем бои велись настолько ожесточенные, что их можно сравнить разве с боями под Курском. С выходом 1–й танковой армии в район Богодухова белгородско—харьковская группировка врага была рассечена на две части. Германское командование принимало отчаянные усилия, чтобы остановить наступление войск Воронежского фронта, при кризисной ситуации под Харьковом (она уже вырисовывалась вполне определенно) старалось эвакуировать войска Манштейна на запад.

Не только танковыми дивизиями немцы рассчитывали закрыть образовавшуюся на фронте брешь, но и авиационными соединениями, также снятыми с Юго—Западного фронта и

брошенными против 1–й танковой армии. Продвигаясь в юго—западном направлении, танкисты Катукова ломали оборонительные сооружения противника, отбивая одну атаку за другой. Но за рекой Мерчик обстановка значительно осложнилась.

Ставка Верховного Главнокомандования постоянно координировала действия войск Воронежского и Степного фронтов. 10 августа представитель Ставки Г.К. Жуков, находившийся в войсках Воронежского фронта, получил телеграмму из Москвы. В ней говорилось: «Ставка Верховного Главнокомандования считает необходимым изолировать Харьков путем скорейшего перехвата основных железнодорожных и шоссейных путей сообщения в направлении на Полтаву, Красноград, Лозовую и тем самым ускорить освобождение Харькова. Для этой цели 1–й танковой армией Катукова перерезать основные пути в районе Ковяги, Валки, а 5–й гвардейской армией Ротмистрова, обойдя Харьков с юга, перерезать пути в районе Мерефа».[225]

Несомненно, эта телеграмма повлияла на планы дальнейшего наступления советских войск. В тот же день Катуков получил приказ штаба фронта резко повернуть войска на юг в направлении на Валки, перерезать железную и шоссейную дороги Харьков — Полтава. В ночь на 11 августа корпуса — 6–й танковый и 3–й механизированный — возобновили наступление. Шедшие впереди бригады — 112–я полковника М.Т. Леонова, 49–я под командованием подполковника Н.И. Лебедева (подполковник А.Ф. Бурда после ранения под Богодуховом находился в госпитале), 10–я полковника И.И. Яковлева — форсировали реку Мерчик и атаковали станцию Ковяги. В 6 часов утра подошла 1–я гвардейская танковая бригада полковника В.М. Горелова и закрепила успех.[226]

Казалось, все складывалось как нельзя лучше, но на душе у командарма было тревожно: корпуса слишком ослаблены в боях. Смогут ли они сдерживать натиск гитлеровских танковых колонн, рвущихся к Богодухову? 31–й танковый и 3–й механизированный корпуса потеснены на 3–4 километра. Положение пока спасают включившиеся в сражение 5–я гвардейская танковая и 5–я гвардейская общевойсковая армии, а также 22–й гвардейский стрелковый корпус 6–й гвардейской армии.[227]

К исходу дня 12 августа противнику удалось окружить наши передовые части в районе Алексеевки, Ковяги и выйти на рубеж Сергеевка, Землянский, Вторая Сотня, Шаровка, южная окраина Александровки.[228]

Накануне Катуков информировал штаб фронта о тяжелом

положении армии, ведущей бои с превосходящими силами противника в районе Высокополья и Ковяги. Ему была оказана помощь, видимо, постарался маршал Г.К. Жуков. Шалин получил копию приказа штаба фронта командующим 6–й гвардейской и 27–й армиям, подписанную начальником штаба генерал—лейтенантом Ивановым. В ней говорилось: «В связи с создавшейся обстановкой, на основании личного приказа маршала Жукова, командующий войсками фронта приказал:

— Не позднее 10.00 12.08.43 г. одним корпусом во взаимодействии с частями Катукова нанести удар в направлении Мурафа, Китчиновка, Константиновка с задачей уничтожить прорвавшегося противника и выйти на рубеж Слободка, Константиновка, Шелестово, тем самым обеспечить действия армии Катукова, Ротмистрова, Жадова с запада».[229]

Отрезанные от основных сил армии передовые бригады — 112, 49, 1–я гвардейская — вынуждены были отойти к реке Мерчик и перейти к жесткой обороне. Чтобы оказать им помощь, Катуков передал в оперативное подчинение Гетману 163–ю стрелковую дивизию, которой ставилась задача — контратаковать противника на правом фланге корпуса. В центре удар принимали на себя 200–я танковая и 6–я механизированная бригады, на левом фланге 22–я и 112–я танковые бригады.[230]

Одновременно противник усиленно нажимал и на 3–й механизированный корпус в районе Крысино, Бабынки, Кияны, видимо, ставя перед собой задачу любой ценой выйти к Богодухову.

И хотя 1–я танковая армия сражалась на широком участке фронта, причем сражалась в одноэшелонном построении, Катуков все же принимает решение 13 августа нанести по противнику удар правым флангом в районе Дергачи, Марьино, Первомайский, чтобы к исходу дня выйти к Высокополью, Левандаловке, Ковяге.[231]

Решение рискованное, но командарм исходил из того, что по соседству на рубеже Березовка — Коломак действуют части 6–й гвардейской армии, а командующий 5–й гвардейской армией всю противотанковую истребительную артиллерию и батальоны ПТР выдвинул на богодуховское направление.

Продвижение войск на правом фланге дало возможность укрепить позиции у железной дороги Харьков — Полтава. Все попытки гитлеровских танковых частей выбить катуковцев с этого рубежа заканчивались неудачей.

Германское командование подтянуло к местам боев 5–й танковый корпус СС и танковую дивизию «Викинг». При поддержке авиации 14 августа немцы атаковали 3–й

механизированный корпус.

Фронт изгибался и снова выпрямлялся, танки и мотопехота отступали и наступали, сдерживая противника. Возникла реальная опасность прорыва немецких танков в районе Хрущевой Никитовки и совхоза «Гавриши». Узнав об этом, Ватутин связывается со штабом 1–й танковой армии, Катуков в это время находился на передовой, к аппарату «СТ» подошел Шалин. Начальник штаба доложил обстановку, сделав акцент на усилиях, которые предпринимались командармом, чтобы задержать врага.

Выслушав его, Ватутин сказал:

«Передайте товарищу Ефимову[232] следующее. «Успехи противника сегодня могли быть лишь вследствие преступного поведения командиров, защищавших богодуховское направление. В общей сложности мы, несомненно, имеем превосходство над противником.

Приказываю: решение товарища Катукова, доложенное сейчас вами, носит исключительно пассивный характер и характеризуется разброской сил. Кроме того, не принимается никаких реальных мер, чтобы усилить ваши части, занимающие район Высокополья. Наоборот, я все время получаю от вас ходатайство о разрешении отвести ваши части из района Высокополья. Это в корне противоречит общему замыслу действий, и я категорически требую немедленно принять более реальные меры для усиления войск в районе Высокополья. Точно так же удерживать район станции Ковяги.

Ни Катуков, ни Ротмистров никаких мер не принимают к тому, чтобы перейти в наступление и выйти на тылы противника. Имейте в виду, что Чистякову поставлена задача выйти на фронт Березовка, Коломак, Высокополье, Шаровка, Хрущевая Никитовка. Вы всячески этому содействуете и, пользуясь успехом Чистякова, выходите в район Коломак, Чутово, Благодатное и режете железные дороги противника в районе Карловки. Это наша главная ближайшая задача. Эту задачу выполнить к исходу 15 августа. В течение 14 августа подготовиться к выполнению этой задачи и одновременно самыми решительными действиями совместно с Ротмистровым, Чистяковым и Жадовым разбить противника, наступающего на богодуховское направление и полностью восстановить здесь положение.

Всякое пассивное поведение мы резко осудим и виновных накажем. *Николаев. Сергеев. Павленко*».[233]

Вечером возвратился Катуков. Начальник штаба передал ему содержание разговора с Ватутиным и записанный по «СТ» текст приказа. Пробежав глазами по листу, Михаил Ефимович обронил:

— Ну что же, там, наверху, видней. Мы — солдаты, нам

положено воевать. Наши соседи проинформированы о содержании этого документа?

— Да, Ватутин приказал это сделать. Так что Ротмистров, Чистяков и Жадов оповещены о нем.

— Тогда вот что, — Катуков подошел к карте, лежавшей постоянно на столе начальника штаба, посмотрел на расположение корпусов, — попробуем маневрировать огневыми средствами подразделений 5–го гвардейского стрелкового корпуса и оставшимися танками Гетмана и Черниенко. Тем временем наши соседи соберутся с силами, а время на войне — фактор серьезный. Ибо, как говаривал наш незабвенный полководец Александр Васильевич Суворов, «одна минута решает исход баталии, один час — исход сражения, один день — судьбу государства». Не знаю, как насчет судьбы государства, а вот баталию мы должны выиграть.

Шалин напомнил:

— 5–й гвардейский стрелковый корпус в соответствии с приказом командующего фронтом вышел из оперативного подчинения нашей армии еще позавчера.

— Но приказы—то он продолжает получать через наш штаб и действует в одном с нами направлении. Будем держать рубеж Мерефа — Александровка, пока хватит сил.

Богодуховское направление удалось отстоять ценой огромных усилий. Немцы здесь не прошли, а лишь оттеснили наши войска на 18–20 километров.

Командующий группой армий «Юг» генерал—фельдмаршал Манштейн начал спешно готовить контрудар на Богодухов с северо—запада, приказал стянуть в район Ахтырки крупные силы — моторизованную дивизию «Великая Германия», 10–ю моторизованную дивизию, 51–й и 52–й отдельные батальоны тяжелых танков, части 7, 11, 19–й танковых дивизий. Южнее Ахтырки должна была наступать танковая дивизия «Мертвая голова».[234]

В первой половине дня 15 августа противник ударом танков и пехотных частей прорвал фронт 6–й гвардейской армии, захватил ряд сел. Теперь уже полностью изолировал 6–й танковый корпус.

Трудно пришлось бы Гетману, не поддержи его сосед Ротмистров. Андрей Лаврентьевич вспоминал: «В трудный момент, когда противнику казалось, что цель его уже близка, нам оказала помощь 5–я гвардейская танковая армия. Совместно с ней в ходе ожесточенных боев, длившихся до 16 августа, наш корпус и другие соединения 1–й танковой и 6–й гвардейской армий остановили врага, нанесли ему тяжелый урон».[235] Был прорван фронт также и на рубеже 27–й армии С.Г. Трофименко. Немцы

вышли в район сел Каплуновка и Запорожец. Командование Воронежского фронта выдвинуло им навстречу 4–ю гвардейскую армию генерал—лейтенанта Г.И. Кулика и часть сил 1–й танковой армии, поставив задачу остановить и отбросить контратакующего противника.

Катуков мучительно искал выход из создавшегося положения. Немцы били по нашей обороне крупными танковыми и моторизованными силами. Только у Каплуновки они бросили до ста машин. Противопоставить такой же бронированный кулак не представлялось возможным. К 19 августа в строю находилось всего 91 «тридцатьчетверка» и 48 машин «Т–60». Ударная сила армии снижалась еще и из—за того, что 31–й танковый корпус Черниенко оставлен был для поддержки неустойчивого фланга 6–й гвардейской армии. Так что для выполнения задачи на главном направлении Михаил Ефимович мог выделить всего 65 танков «Т–34».[236]

Рассмотрев огневые возможности каждой бригады, полка и батальона, взвесив практически все — и опыт командиров, и обеспеченность частей боеприпасами и горюче—смазочными материалами, приняв во внимание бесперебойную работу тыла в условиях наступления, командарм продиктовал начальнику оперативного отдела Никитину боевое распоряжение: «Обращаю особое внимание командиров корпусов на создание противотанковой обороны и требую, в первую очередь, в передовую линию выставить противотанковую артиллерию, ПТР, команды истребителей танков. Танкоопасные направления до 5.00 19.08.43 года полностью заминировать, взять под губительный противотанковый огонь. Боевые порядки соединений как на марше, так и в обороне плотно прикрыть зенитными средствами».[237]

Под боевым распоряжением поставили свои подписи Попель и Шалин.

Совершив ночной марш, части 1–й танковой армии сосредоточились в районе Купьеваха, Новая Одесса, Губановка. В 7.30 Катуков отдал последние распоряжения со своего командного пункта, а через полчаса началось наступление. Основной удар наносился по Ахтырке. Части, введенные в бой, встретили упорное сопротивление противника, прикрывавшегося сильным заградительным артиллерийским и минометным огнем. При удобном же случае немцы контратаковали наши войска танковыми группами по 15–20 машин.

Рядом с танкистами 1–й танковой армии шли стрелковые дивизии 27–й армии генерала С.Г. Трофименко. Вчера Катуков здорово помог своему соседу. Сергей Георгиевич не придал

значения удару, нанесенному гитлеровцами со стороны Ахтырки по его армии, не проинформировал об этом соседей и штаб фронта, очевидно рассчитывая на свои силы, и оказался в тяжелейшем положении. Пехотные дивизии 7–й немецкой армии и части танковой дивизии «Великая Германия» зашли ему в тыл.

Наступая, наши части продвинулись на 3–4 километра: 6–я механизированная и 22–я танковая бригады достигли западной окраины села Комсомолец, 112–я танковая бригада, действуя во втором эшелоне, вышла к селу Запорожец, 200–я танковая бригада сосредоточилась в небольшом лесу юго—западнее Павловки.[238]

Вечером на КП появился Попель, находившийся в 31–м танковом корпусе. Положение там незавидное после гибели комкора генерал—майора Черниенко. Это случилось 18 августа. Дмитрий Хрисанфович только что вышел из своего командного пункта, оборудованного прямо в траншее. Бой уже уходил далеко в сторону, и вдруг из—за леса ударил немецкий миномет. Осколки от разорвавшейся у щели мины разлетались во все стороны. Один из них наповал сразил генерала. Похоронили Черниенко в Богодухове, городе, который он защищал. Корпус принял полковник И.К. Жидков, и уже под его командованием бригады ушли в бой.

В конце дня 19 августа получено было сообщение штаба Воронежского фронта о том, что 1–я танковая армия переходит в оперативное подчинение 27–й армии, два корпуса — 6–й танковый и 3–й механизированный — были сразу же задействованы командармом генерал—лейтенантом Трофименко на ахтырском направлении, а 31–й танковый корпус (без 242–й танковой и 10–й механизированной бригад) остался на участке 6–й гвардейской армии.[239]

В последующие дни ахтырская группировка противника была разгромлена. Это позволило Степному фронту более успешно решать вопросы освобождения Харькова. 23 августа город освободили соединения 53, 69 и 7–й гвардейской армий.

Безусловно, 1–я танковая армия сыграла немаловажную роль в Белгородско—Харьковской операции. Действуя в оперативной глубине, маневрируя корпусами и бригадами, командарм Катуков с успехом применял обходы и охваты отдельных узлов сопротивления противника, что позволяло избегать крупных потерь в тяжелейших сражениях.

Офицер Генштаба Красной Армии подполковник Поздняков, находившийся в 1–й танковой армии с 3 августа по 4 сентября 1943 года, в своем докладе начальнику оперативного управления Генштаба генерал—лейтенанту С.М. Штеменко отмечал: «Армия,

войдя в прорыв и действуя в оперативной глубине в ходе операции, оттянула на себя с других участков не только Воронежского фронта, но и соседних фронтов лучшие танковые дивизии противника (танковый корпус СС), чем облегчила наступление наших войск на других участках фронта».[240]

Больше месяца армия Катукова вела бои, потеряла значительную часть техники и личного состава. Она нуждалась в отдыхе. Только 9 сентября штаб Воронежского фронта получил директиву Ставки Верховного Главнокомандования вывести ее из боев и сосредоточить в районе города Сумы. Два корпуса — 3–й механизированный и 31–й танковый — направлены были своим ходом к новому месту базирования, а 6–й танковый корпус, переданный в оперативное подчинение 40–й армии, продолжал военные действия в районе города Лебедина и вошел в состав армии лишь 19 сентября.[241]

Немцы и во второй половине лета не добились успеха. Гудериан вынужден был заметить: «Наш фронт до 8 сентября должен был отодвинуться на линию Мариуполь, западнее Сталино, западнее Славянска. До середины сентября пришлось оставить рубеж, проходивший по р. Донец; к концу этого месяца русские стояли перед Мелитополем, на подступах к Запорожью и у устья Припяти».[242]

А в личном деле генерала Катукова боевой 1943 год отмечен записью: «…приобрел опыт ведения оборонительных и наступательных операций с участием большого количества танков».

АРМИЯ ВЫХОДИТ НА ГРАНИЦУ

Во второй половине октября 1943 года командарма Катукова и члена Военного совета Попеля вызвали в Москву. Когда следует такой вызов, невольно возникает вопрос: «Зачем?» Связавшись по ВЧ с Главным управлением бронетанковых и механизированных войск, Михаил Ефимович узнал у Якова Федоренко, что Верховный в ближайшие дни проводит совещание командующих танковыми армиями и членов Военных советов. Федоренко предложил, поскольку Катуков будет в Москве, выступить перед слушателями Академии механизации и моторизации по теме: «Наступательные операции на белгородско—богодуховском направлении в августе 1943 года».

Катуков догадывался, что на встрече у Верховного речь, скорее всего, пойдет о дальнейшем наступлении, все вроде бы ясно, а вот доклад в академии — дело ответственное, даже слишком. Тут без Шалина, Никитина и начальников служб не обойтись. Объяснив им задачу, Михаил Ефимович и сам подключился к работе.

15 октября две легковые машины, а также «Додж три четверти», который вез запас горючего, отошли от штаба армии, находившегося в селе Песчаном, под Сумами, и взяли курс на Москву. Маршрут пролегал через Курск, Орел, Мценск, Тулу, места до боли знакомые по начальному этапу войны.

Машину командарма вел новый шофер В.В. Дорожкин. Кондратенко находился здесь же, при командарме, но уже как адъютант. Михаил Ефимович с волнением вспоминал 1941 год. У моста через речку Оптуху, недалеко от Мценска, попросил шофера остановиться, вышел из машины.

— Вон там, на высотках, — показывал он места прежних боев, — мы из засад выбивали танки Гудериана. Смешно вспомнить: у нас было тогда всего каких—нибудь три десятка танков. А вот поди же, выстояли!

Миновав Тулу и Серпухов, машины все ближе подходили к столице. Москва уже заметно изменила свой облик. По мере удаления от фронта исчезали с улиц различные заграждения, надолбы, эскарпы, стены из мешков с песком, ежи на перекрестках дорог. О войне напоминали лишь аэростаты воздушного заграждения, строгий режим на контрольно—пропускных пунктах да деловой вид людей, спешивших к месту своей работы — в цехи заводов, лабораторий, в учреждения.

Прежде чем идти на прием в Кремль, Катуков и Попель побывали у Федоренко, обговорили некоторые вопросы,

связанные с пополнением 1–й танковой армии, уточнили время выступления командарма в академии.

Яков Николаевич предупредил:

— После совещания у Верховного зайдите в Президиум Верховного Совета СССР. Обоих вас ждет Михаил Иванович Калинин.

Совещание состоялось через три часа. В кабинете Верховного собрались командующие и члены Военных советов, присутствовал также начальник Главного политического управления Красной Армии.

Сталин сидел за столом, предназначенным для проведения совещаний, затем поднялся, поздоровался со всеми. Вернувшись на свое место, закурил и начал речь с информации о том, что в ближайшее время фронты начнут новое наступление, и ему хотелось разобраться в организационных и штатных вопросах танковых армий. Каждому предлагалось выступить и рассказать, как он представляет себе организационную структуру такого объединения, как танковая армия.

Прошла минута—другая при полном молчании. Никто не решался начать первым. Потом, осмелев, присутствующие начали высказывать свою точку зрения. Одни говорили, что танковые армии отвечают тем требованиям, которые предъявляет им фронтовая обстановка, другие предлагали сделать их более мобильными и подвижными.

Общее внимание привлекло выступление командующего 3–й танковой армией Павла Семеновича Рыбалко. Он предложил танковые армии максимально «облегчить», изъяв госпитали, дорожно—мостовые батальоны, санитарно—эпидемические отряды. Обслуживать танкистов могли бы и общевойсковые армии, заключил он.

Катуков категорически не согласился с Рыбалко. Во время прорыва, говорил Михаил Ефимович, танки уходят вперед, отрываются от общевойсковых армий на десятки километров. Как обойтись без дорожно—мостовых служб при форсировании рек, которых по пути на запад будет великое множество? Нельзя и без госпиталей. У танкистов ранения особенные, специфические — сильные ожоги, переломы, ушибы. Врачи—специалисты знают, как лечить такие раны, и личный состав быстро возвращается в строй. Каждый опытный боец или командир стоит десятка новичков.

— У меня в госпиталях лечится 23 процента людей из других армий, — заявил в конце своего выступления командарм. — Ими я пополняю полки, бригады и корпуса.[243]

Кроме того, командарм Катуков предложил Верховному

усилить танковые армии гаубичной артиллерией, столь необходимой для стрельбы по скоплениям войск противника в лощинах и за холмами.

Большинство командующих согласились с точкой зрения Катукова. И Сталин видел в его предложениях определенный резон. Вопрос о штатах был решен, равным образом как и вопрос о гаубичной артиллерии. Она впоследствии тоже получила прописку в танковых армиях.

Прямо с совещания Катуков и Попель поспешили к М.И. Калинину. Там их ожидал сюрприз — ордена, которыми Президиум Верховного Совета СССР наградил их за участие в Курской битве. К ордену Ленина у Михаила Ефимовича добавился теперь и полководческий орден Кутузова 1–й степени.

Отмечены командованием также были соединения армии Катукова. Приказом наркома обороны СССР 6–й танковый и 3–й механизированный корпуса преобразовывались в гвардейские. Буквально перед отъездом из Москвы в гостиницу позвонил Федоренко и сообщил о приказе № 306 от 23 октября 1943 года. Корпуса теперь получили новую нумерацию: 6–й танковый стал 11–м гвардейским танковым, 3–й механизированный — 8–м гвардейским механизированным. Соответственно новое наименование получили и бригады.

Война продвинулась на запад, но еще заглядывала в глаза миллионам советских людей. За последнее время на советско—германском фронте произошли большие перемены, Красная Армия отбросила германские войска за Днепр, освободила Киев. За Днепром был создан достаточно большой плацдарм, с которого 1–й Украинский (бывший Воронежский) фронт планировал продолжить наступление по освобождению Правобережной Украины. Полным ходом шла подготовка к Житомирско—Бердичевской операции.

Готовились и немцы. Гитлеровское командование сосредоточило между Житомиром, Казатином и Фастовом крупную группировку войск, которая в начале ноября 1943 года нанесла по нашим войскам довольно мощный удар, продвинувшись в глубину до 40 километров. В дальнейшем враг был остановлен, но он постоянно угрожал Киеву.

Гудериан рекомендовал Гитлеру не распылять танковые и моторизованные дивизии, отказаться от нанесения незначительных, мелких ударов, а сосредоточить все имеющиеся силы для наступления на Киев и Бердичев. «Я предложил также подтянуть сюда танковую дивизию из района предмостного укрепления (плацдарма. — *В.П.*) у Никополя, — писал он позже, — которое оборонялось Шёрнером, и танковые дивизии

группы армий Клейста, оборонявшиеся по р. Днепр у Херсона. При беседе с Гитлером я придерживался своего старого принципа: «Бить так бить!»[244]

Перед войсками 1–го Украинского фронта стояла теперь задача разгромить противника, освободить Житомир и территорию по линии Любар, Винница, Липовец.

Создается ударная группировка войск, в которую включаются 18–я армия генерал—полковника К.Н. Леселидзе, 1–я гвардейская армия генерал—полковника А.А. Гречко, 38–я армия генерал—полковника К.С. Москаленко, 3–я гвардейская танковая армия генерал—полковника П.С. Рыбалко, 1–я танковая армия генерал—лейтенанта М.Е. Катукова. Эти армии наносили основной удар, вспомогательный на флангах наносили 13–я армия генерал—лейтенанта Н.П. Пухова и 60–я генерал—лейтенанта И.Д. Черняховского, 40–я генерал—лейтенанта Ф.Ф. Жмаченко и 27–я генерал—лейтенанта С.Г. Трофименко.[245]

К этому времени 1–я танковая армия, переброшенная под Киев, в район Дарницы, восстановила свою боеспособность. Были получены с уральских заводов новые танки, теперь их насчитывалось около 600 единиц. Кроме того, Ватутин передал для усиления армии 874–й и 1664–й истребительно—противотанковые полки.[246]

16 декабря Катуков получил оперативную директиву войскам 1–го Украинского фронта, в которой давалась оценка действий войск противника, в первую очередь танковых дивизий, в районе Высокое, Брусилов, Корнин, а также на участке Малин и Радомышль. Через четыре дня приходит приказ: 1–й танковой армии занять исходное положение для наступления за рекой Ирпень, притоком Днепра. Танковая армия вводилась в прорыв в полосе наступления 38–й армии, развивала успех на Казатин.

На исходный рубеж выводились танки, артиллерия, реактивные минометы. Все делалось в соответствии с боевым расписанием. Катуков решил войти в прорыв на участке Брусилов — Хомутец, имея в первом эшелоне 11–й гвардейский танковый корпус и 8–й гвардейский механизированный корпус, во втором — 64–ю гвардейскую танковую бригаду и армейский артиллерийский резерв (79–й отдельный гвардейский минометный, 874–й и 1664–й истребительно—противотанковые полки). Танки шли следом за 74–м и 17–м стрелковыми корпусами 38–й армии. К исходу первого дня наступления предполагалось овладеть районом Водотый — Лисовки, частью сил захватить Корнин, развивать наступление на Бровки и Казатин.[247]

Было известно, что перед 1–й танковой армией держат

оборону 19–я и 25–я танковые дивизии немцев. Катуков предполагал, что противник имеет где—то резервы. Какие и сколько? Незнание такой важной детали могло привести к непоправимому. За линию фронта была послана группа капитана Графова. Разведчики прошли по тылам немцев, у города Ружина захватили пленных из 25–й танковой дивизии. В одном из подбитых бронетранспортеров оказались документы 17–й танковой дивизии. Графов передал эти сведения в штаб.

Информация о 17–й немецкой танковой дивизии поставила Катукова и Шалина в тупик.

— Неси—ка, Никиток, свою «стратегическую» карту, — попросил командарм начальника оперативного отдела.

Никитин расстелил на столе оперативную карту. Стали разбираться. 17–я танковая дивизия, по данным разведки, должна находиться в районе Кривого Рога. Как она попала в Ружин? Если переброшена, то когда? Это предстояло выяснить полковнику Соболеву.

Наступило утро 24 декабря. Подходил к концу первый месяц зимы, но вместо ожидаемых морозов наступила оттепель. Для здешних мест такое случалось редко. Погода могла здорово помешать ходу наступления. И все же в 8.00 артиллерийские части прорыва 38–й армии и значительная часть артиллерии 1–й танковой армии начали артиллерийскую подготовку. Она длилась 50 минут и чередовалась с авиационными ударами, которые наносили 291–я штурмовая и 8–я гвардейская истребительная авиационные дивизии.[248]

200 стволов на километр фронта — такая плотность огня была достигнута при прорыве линии обороны противника. Кроме того, сотни самолетов бомбили передний край. Это в значительной степени облегчило пехоте выполнение своей задачи.

В 9.20 Катуков ввел в бой авангардные танковые бригады, а когда они обогнали пехоту — и главные силы.

Немцы не ожидали такого мощного удара и стремительного продвижения советских войск. Перед началом наступления по специальному приказу Катукова были созданы четыре самостоятельные группы смельчаков по 5–6 экипажей. Им ставилась задача: захватить переправы на реке Ирпень, расстреливать скопления немцев на пути движения главных сил армии, с крупными вражескими группами в бой не вступать, обходить их, организовывать оборону.[249]

Отступая, немцы все же взорвали часть переправ через Ирпень, но они на следующий день были восстановлены. Стараясь задержать наши войска, немцы минировали мосты, дороги,

устраивали танковые и артиллерийские засады. Чтобы избежать больших потерь, Катуков приказал командирам частей обходить немецкие узлы сопротивления, которые потом разбивались артиллерией и авиацией, передовые же отряды старался как можно быстрее «протолкнуть» на юг и на запад.

Полковник Соболев докладывал в штабе армии:

— Немцы понимают, что потеря Казатина будет для них большим ударом, поэтому стягивают к городу резервы, все, что имеется под рукой, — штурмовые батальоны, артиллерийские полки 20–й моторизованной дивизии, мелкие строевые и даже нестроевые части.

Катуков, слушая начальника разведывательного отдела, неожиданно прервал его:

— Все это хорошо, Алексей Михайлович. Информация важная и нужная. Но меня интересует: где 17–я танковая дивизия? Вы должны были выяснить ее местонахождение.

Соболев почувствовал, что начал не с главного, стушевался, но тут же быстро исправился:

— Разобрались мы с этой дивизией, будь она неладна. Под Уманью она, входит в состав 3–го танкового корпуса. Выяснилось, этот корпус получил приказ сосредоточиться в Ружине, потом приказ был отменен. Отдельные подразделения 17–й танковой дивизии вместе со штабом находились в селе Ильинке, куда пробрались наши разведчики. Так попали к ним документы из подбитого бронетранспортера.

Опасность со стороны 17–й танковой дивизии, понял Катуков, пока не угрожает; хотя она и находится рядом, а вот 20–я моторизованная, переброшенная из Бердичева, постоянно контратакует, стремясь задержать наше наступление. И все же обстановка благоприятствовала тому, чтобы нанести удар по Казатину. К этому времени войска Гетмана вышли в район Андрушевки, Бережков, Яроповичей, а Кривошеина — на рубеж Бровки — Хорлеевка, захватили село Вчерайше. Следом шла 38–я армия, слева действовала 40–я армия, справа — 3–я гвардейская танковая армия, которая уже овладела Коростышевом, Шахворостивкой и Щеглиевкой.[250]

Катуков и Шалин уточнили корпусам задачу. Гетман должен был, прикрывшись 44–й гвардейской танковой бригадой со стороны Андрушевки, наносить удар в направлении Белополье, Глуховцы и перерезать железную дорогу Бердичев — Казатин, Кривошеин наступал вдоль железной дороги и овладевал Казатином.[251]

Вечером 27 декабря танковые соединения двинулись на Казатин. Громя небольшие группы противника, передовые отряды

8–го гвардейского механизированного корпуса прошли за ночь около 30 километров, с ходу пытались взять город. Враг отбил атаку. Только 29 декабря разведчики Владимира Подгорбунского прорвались сквозь оборонительные линии немцев с севера. Несколько танков с десантом на броне прошли по центральной улице города, уничтожая пушечным огнем артиллерию противника и расстреливая из пулеметов его пехоту.

Тем временем к Казатину подошел танковый полк подполковника И.Н. Бойко. Иван Никифорович был уроженцем здешних мест, из села Жорнище. Ему и доверено было закрепить успех по захвату города. Собрав командиров, Бойко сказал:

— Слушайте меня, хлопцы. Сейчас мы идем на Казатин. По пути будет лежать мое родное село Жорнище. На ваших картах оно помечено как высота 281. Мы должны его взять, не допустить, чтобы враг устроил там пожар.

На КП армии пришли первые сведения о ходе наступления, но Кривошеин молчал. На запрос Катукова Семен Моисеевич ответил:

— Разведка ведет бой.

Сведения весьма скупые. Оставалось одно: ждать. Между тем в бой втягивались не только разведывательные отряды полка Бойко, но и основные его силы. Командир решил идти к Казатину не по грунтовым дорогам, а по железной дороге, прямо по шпалам. Танки двигались ночью с зажженными фарами, не встречая сопротивления на своем пути. Лишь в 10 километрах от города пришлось вступить в бой с немецкой ремонтно—транспортной колонной, которую сопровождали пять танков. Два танка были уничтожены, остальные скрылись, бросив на произвол судьбы транспортные машины.

В селе Янковцы (2 километра от Казатина) Бойко поставил новую задачу командирам групп: роту танков гвардии старшего лейтенанта Сулима направил по шоссе через город к высоте 290,3, чтобы оседлать перекрестки дорог Казатин — Бердичев, Казатин — Комсомольское; роту старшего лейтенанта Науменко — на захват станции Казатин; группу гвардии старшего лейтенанта Быстренина выбросил на перекрестки дорог Винница — Казатин, Казатин — Белиловка, чтобы закрыть немцам выход из города на юг; два оставшихся резервных танка должны были занять почту.[252]

В 9.30 танкисты на больших скоростях ворвались в город. Немцы в панике бросились отступать по полю на Комсомольское и Бердичев. Бой на улицах города длился не более часа, противник был разбит. В плен попал начальник штаба 25–й танковой дивизии. Гитлеровское командование пыталось оказать

помощь осажденному гарнизону Казатина, направив туда бронепоезд, но он был уничтожен на подходе к станции.

Связь полк — бригада — корпус — сработала быстро, и Кривошеин с радостью докладывал в штаб армии: Казатин пал. Полк Бойко занял круговую оборону! Бои под Казатином не обошлись без жертв. Радость победы была омрачена гибелью прославленных командиров, участников Курской битвы и других сражений старшего лейтенанта Г.И. Бессарабова, лейтенанта И.П. Калюжного и многих других.[253]

Разгром немцев под Казатином — событие огромное. Оно отмечено в приказе Верховного Главнокомандующего от 30 декабря 1943 года:

«Войска 1–го Украинского фронта, перейдя в наступление на житомирском направлении, прорвали оборону немцев и за шесть дней упорных боев, к исходу 29.12.43 года продвинулись вперед от 50 до 100 километров, расширив прорыв на 30 километров по фронту, овладели городом и крупной железнодорожной станцией Казатин.

В боях по овладению городом Казатин отличились войска гвардии генерал—лейтенанта танковых войск Катукова, танкисты гвардии генерал—лейтенанта Гетмана.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем войскам, участвовавшим в боях за Казатин».[254]

Успехи войск 1–го Украинского фронта отмечались в нашей печати. Откликнулась на них и зарубежная печать. Например, военный обозреватель газеты «Нью—Йорк геральд трибюн» Элиот писал: «Победа Красной Армии вызывает уважение и восхищение среди народов, объединенных наций. Русские победы показали всему миру, какие огромные возможности для всемирного состояния может принести лучшее понимание Советского Союза».[255]

Тесня гитлеровцев, советские войска, кроме Казатина, заняли важный районный центр Житомирской области Ружин, железнодорожную станцию Сквира. А Катукова уже интересовал Бердичев. Разрабатывались планы его захвата. На столе у Шалина лежали подписанные приказы, которые оставалось довести до командиров частей и соединений. Разведчики Соболева изучали передний край противника, нанося на свои карты его узлы сопротивления.

Интересовал Бердичев и Ватутина. Командующий позвонил Катукову и потребовал ускорить наступление.

— Имейте в виду, Бердичев — ключ к Шепетовке и Львову. Возьмем его, и Киев вздохнет более свободно.

— Понимаю, товарищ командующий. Мы делаем сейчас все,

чтобы разгромить бердичевскую группировку врага.

Наступать на Бердичев должны были части 11–го гвардейского танкового корпуса совместно с войсками 38–й армии. Гетман выслал вперед передовой отряд — 44–ю гвардейскую танковую бригаду И.И. Гусаковского, основные силы корпуса выступили на сутки позже. Им должны были содействовать войска 8–го гвардейского механизированного корпуса. Однако эти планы реализовать не удалось.

Заняв Казатин, 1–я танковая армия рассекла на две части германские войска, действующие против 1–го Украинского фронта. Создавалась также угроза и белоцерковской группировке. Чтобы отбить Казатин, немцы стали собирать силы и переходить в контратаки. Основной удар они направили против 8–го гвардейского механизированного корпуса.

Катуков приказал Кривошеину:

— Зарыться в землю, но Казатин удержать!

Изменились планы и у Гетмана. Ему предстояло передать 44–ю гвардейскую танковую бригаду 305–й стрелковой дивизии 36–й армии, а главными силами корпуса наступать в восточном направлении на Комсомольское, Самгородок, разгромить резервы противника у Казатина и не допустить захвата его врагом.[256]

Первые атаки танков Гусаковского успехов не дали. Перед Бердичевом немцы создали глубоко эшелонированную оборону, опоясали город тремя траншеями полного профиля, за ними поставили танки — «тигры» и «пантеры», глубоко зарыв их в землю, заминировали перекрестки дорог и танкоопасные направления.

Новый 1944 год танкисты встречали в бою: продолжались поиски слабых мест в немецкой обороне. 1–я танковая армия продолжала идти впереди войск фронта, пробивая им дорогу на запад. 5 января Ватутин потребовал от Катукова совместно со стрелковыми частями 38–й армии нанести удар по противнику на юго—восток, чтобы соединиться в Христиновке с войсками 2–го Украинского фронта. Этот маневр позволял полностью изолировать гитлеровскую группировку, обороняющую днепровский рубеж.

Однако возникла опасность мощного контрудара со стороны Винницы и Умани, где немцы сосредоточили значительные пехотные и танковые силы, поэтому штаб 1–го Украинского фронта отдал 1–й танковой армии новый приказ: наступать в западном направлении, к исходу 8 января выйти к реке Южный Буг, на участке Селище — Тывров форсировать ее и захватить плацдармы, имея в виду в дальнейшем нанести удар на Жмеринку.[257]

Жмеринку освободить не удалось: безнадежно отстали стрелковые части 38–й армии, которые должны были оказывать помощь танкистам и закреплять за собой занятую территорию. И все же рейды авангардных бригад имели немаловажное значение. В боевых стычках танкисты сковали крупные силы врага, не давая ему перебрасывать на восток свои резервы.

Проанализировав с работниками штаба фронтовую обстановку, Катуков понял, что командование фронта с опозданием отдало приказ о повороте 1–й танковой и 38–й армий на Винницу и Жмеринку. К 10 января противник уже создал здесь крупную группировку войск, перебросив танковые и пехотные дивизии из Италии и Югославии.

С 22 января 1944 года 1–я танковая армия находилась во втором эшелоне, продолжала оборудовать занимаемые позиции в районе Зозовки, Россоши, Тягуна, станции Оратов и Очеретни. Ее части ремонтировали и восстанавливали технику. Атаки противника отбивал 31–й танковый корпус В.Е. Григорьева, а 11–й гвардейский танковый корпус А.Л. Гетмана был передан в оперативное подчинение 40–й армии.

Представитель Генштаба при 1–й танковой армии подполковник Баранов докладывал 22 февраля 1944 года генерал—полковнику С.М. Штеменко о том, что своевременные меры, принятые командармом Катуковым, помогли избежать больших неприятностей в тот момент, когда гитлеровские войска пытались окружить армию под Винницей, «части вышли почти без потерь, выведена вся материальная часть».[258]

4 марта началась Проскуровско—Черновицкая наступательная операция. К этому времени уже были освобождены многие города Украины, в том числе Житомир, Бердичев, Луцк, Ровно, Казатин, Белая Церковь, Кировоград, Кривой Рог, Никополь. Создавались условия для полного освобождения Украины.

В планах 1–го Украинского фронта армии Катукова отводилась роль основной ударной силы при прорыве обороны противника в период наступления на Тернополь и Каменец—Подольский. Ей предстояло с рубежа Великие Борки — Колодзеевка, совместно с 60–й армией генерала И.Д. Черняховского, сломить сопротивление противника и к исходу первого дня операции овладеть рубежом Теребовля — Гримайлов, к исходу второго дня — рубежом Чертков — Пробежна и к исходу третьего дня форсировать Днестр и овладеть рубежом Городенка — Залещики — Окно, а передовым отрядом освободить Черновцы.[259]

С выходом в район Черновиц 1–я танковая армия рассекала

вражеский фронт и создавала главным силам 1–го и 2–го Украинских фронтов условия для окружения и разгрома 1–й немецкой танковой армии. Наши войска выходили к Карпатам.

Командующим 1–м Украинским фронтом с 1 марта 1944 года был утвержден Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. 29 февраля генерал армии Н.Ф. Ватутин по пути из штаба 13–й армии в 60–ю на окраине села Милятын был тяжело ранен. Позднее, 15 апреля, скончался в киевском госпитале.[260]

17 марта корпуса Дремова и Гетмана сосредоточились в выжидательном районе, 31–й танковый корпус генерала Григорьева снова забрали из армии для выполнения других задач. Пока никто не знал, когда последует приказ о наступлении. Но армия изготовилась к прыжку, она ждала. Катуков постоянно держал связь с командованием фронта, соседями — командующим 4–й гвардейской танковой армией Д.Д. Лелюшенко, командующим 60–й армией И.Д. Черняховским, с другими частями, приданными армии.

В штабе еще раз уточнялись сведения о противнике, о дивизиях, действующих перед фронтом 1–й танковой армии. Разведка и на этот раз не подвела. Заместитель Соболева подполковник В.А. Дубинский не зря гонял «У–2» по армиям фронта, собирая информацию о немецких войсках. Каждой дивизии — танковой и пехотной — разведотдел мог дать исчерпывающую характеристику.[261]

Наконец ожидание кончилось. 21 марта армия перешла в наступление. Утро выдалось туманным, сырым. После артиллерийской подготовки обработку переднего края противника начала штурмовая авиация 297–й авиационной дивизии. Катуков с волнением следил за тем, как мотопехота преодолевала первую линию обороны противника.

Стремительный удар по гитлеровцам — и образовалась брешь шириной в 10 километров по фронту. В нее хлынули танковые и пехотные соединения. Войска выдерживали высокий темп наступления. За два дня пройдено до 50 километров, освобождено много населенных пунктов. Пробитая брешь в немецкой обороне была расширена до 60 километров, разорван надвое фронт 4–й немецкой танковой армии.

Весенняя распутица хотя и сдерживала наступление армии, тем не менее она продвигалась достаточно быстро. Передовые танковые отряды избегали фронтальных атак опорных пунктов противника, обходили их стороной, осуществляя широкий маневр на поле боя.

Все внимание командарм сосредоточил на том, чтобы как можно быстрее вывести войска к Днестру и форсировать реку. Г.К.

Жуков предписывал армии: «Помните важность стоящих перед вами исторических задач. Обходите противника, окружайте его, не ввязывайтесь в длительные бои с его арьергардами».[262]

Как только подвезли горючее и произвели дозаправку танков, Катуков отдал приказ командиру 1–й танковой бригады Горелову следовать в район Устечка, чтобы захватить мосты и держать их до подхода главных сил.

На пути к Днестру бригада столкнулась с огромной автоколонной — тылами 7–й танковой дивизии и дивизии СС «Адольф Гитлер», двигавшейся к переправе. На большой скорости танки обошли ее и преградили путь отступления. Часть машин была уничтожена, другая часть (свыше 1000 единиц) захвачена танкистами.[263]

Под ударами 1–й танковой армии немецкие и венгерские части отступали по всему фронту и устремлялись к переправам Днестра. Туда же пробивались и наши войска. Когда разведчики подошли к реке в районе Устечко, то увидели печальную картину: один пролет моста длиною в 25 метров был взорван противником. Такое же положение — и в Залещиках. Переправляться практически не на чем. 3–я понтонно—мостовая бригада, приданная армии, застряла где—то в дороге. Дремов доложил обстановку командарму.

— Реку форсировать на подручных средствах! — последовал приказ Катукова.

Что могло служить подручными средствами? Плоты, лодки, бочки, доски. На них можно было переправить только мотопехоту и легкое вооружение. А как быть с танками и орудиями? Ведь без них плацдарм на другом берегу не захватишь.

Чтобы достичь успеха при разгроме противника, важно было организовать планомерную переправу войск через Днестр. Разрушенный мост уже восстанавливали саперы под руководством подполковника Абакумова.

— Сколько времени потребуется для того, чтобы привести мост в надлежащий вид? — спросил командарм у Дремова.

— Суток двое, не меньше.

— Тридцать шесть часов, — отрезал Катуков. — Больше дать не могу!

Катуков дал «добро» на проведение еще одной операции, успешное завершение которой ускоряло переправу. Ночью полковник Соболев доложил, что его разведчики видели в одной деревеньке, занятой немцами, понтонный парк. Операцию поручили провести «богу разведки» Владимиру Подгорбунскому и его людям. Как был разбит фашистский гарнизон и угнаны понтоны, а затем сплавлены по реке, знали только разведчики, но

25 марта понтоны уже стояли в районе Устечка. За эту смелую вылазку Подгорбунский был награжден орденом Красного Знамени.

Все новые и новые подразделения переправлялись через Днестр. Они уже прочно держали оборону на противоположном берегу. Катуков отдает боевой приказ: 8–м мехкорпусом и 11–м стрелковым корпусом, приданным армии, обеспечить свой правый фланг в направлении на Львов, Калуш. Главными силами стрелкового корпуса очистить от противника предгорье Карпат, выйти на рубеж Надворная, Делятин, Коломыя, Заболотов. Силами 11–го гвардейского танкового корпуса и 351–й стрелковой дивизии овладеть районом Черновцы и выйти к государственной границе на рубеж Старожинец, Глыбока, Герца, обеспечить левый фланг армии, не допустить отхода противника на юго—запад и запад из районов Липканы, Хотин.[264]

Для захвата Черновцов была переброшена через Днестр 64–я гвардейская танковая бригада. Провожая Бойко, командарм напутствовал его:

— Возьмем Черновцы, вся Северная Буковина — в наших руках!

Первое время бригада шла вдоль правого берега Днестра по захваченному плацдарму, потом резко повернула к югу, начала сбивать вражеские заслоны, 25 марта овладела станцией Мошин и вышла к окраинам Черновцов.

Первой ворвалась в город разведывательная группа под командованием лейтенанта П.Ф. Никитина. На станции находилось несколько немецких эшелонов, на одном из которых были танки. Открыв огонь прямо с платформ, немецкие машины начали сползать на землю. В этом бою Никитин подбил семь вражеских танков, но и сам попал под перекрестный огонь и погиб в жаркой схватке.

Форсировав реку Прут у Количанки, Бойко решил ударить по городу с востока. В это время на помощь подошли 45–я гвардейская танковая бригада полковника Моргунова и 24–я стрелковая дивизия генерал—майора Ф.А. Прохорова. 29 марта в 17.00 город Черновцы был взят совместными усилиями танкистов и пехотинцев.[265]

Почти одновременно с наступлением на Черновцы Катуков решил ударить на Коломыю и Станислав (Ивано—Франковск). В штабе внимательно проанализировали обстановку. Пока соединения 1–й танковой армии создавали внешний фронт окружения вражеской группировки, сосед слева — 4–я танковая армия Лелюшенко — успешно наступал через Гусятин на юг. 26 марта она освободила Каменец—Подольский, на глубине более

150 километров от переднего края замкнула внутренний фронт окружения противостоящей группировки противника.

Левый фланг армии был надежно прикрыт, на правом же немецкие войска не проявляли особой активности. Обстановка, как видим, благоприятствовала развитию операции и вглубь и вширь.

Наступала на Коломыю 1–я гвардейская танковая бригада полковника Горелова. Впереди шла группа танков — девять «тридцатьчетверок» — и десант автоматчиков под командованием капитана В.А. Бочковского. Капитан молод, ему шел двадцать первый год, но он уже успел отличиться в боях на Брянском, Калининском, Воронежском и 1–м Украинском фронтах, дважды был ранен, награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, медалью «За отвагу».

Форсировав Днестр и совершив 27 марта 50–километровый марш, танки Бочковского атаковали Коломыю. Город оборонял 41–й пехотный полк 20–й венгерской моторизованной дивизии. Были здесь и немецкие части. Прорвавшись к центру, танкисты столкнулись с организованной противотанковой обороной. Обойдя ее с севера, Бочковский разгромил и этот очаг сопротивления. 28 марта противник отступил.[266]

В результате решительных действий советских танкистов были перерезаны восемь шоссейных и железных дорог, идущих через Коломыю в Карпаты и Станислав. Захвачены огромные трофеи. Венгерские войска потеряли важные коммуникации, по которым осуществляли подвоз продовольствия и боеприпасов.

Капитан Бочковский был представлен к званию Героя Советского Союза.[267]

Подписывая наградной лист, командарм Катуков с удовольствием отметил:

— Вполне заслуживает этого звания!

Выход войск 1–го Украинского фронта к Черновцам и Коломые позволил основательно потрепать крупную проскуровско—каменецподольскую гитлеровскую группировку. Но некоторым ее частям, окруженным в районе реки Збруч, удалось прорваться на запад. Эти части потом доставили немало неприятностей 1–й танковой армии.

А пока Дремов, получив приказ командарма, старался главными силами развить наступление на станиславском направлении. Ударить по Станиславу решено было с трех сторон. Вначале все шло нормально. Утром 28 марта части 19–й и 21–й гвардейских механизированных бригад овладели Тлумачом и Тысменницей, на следующий день подошли к Станиславу. Войска 7–го венгерского армейского корпуса были потеснены. Однако

командиры танковых полков не стали прорываться в город, а остановились в ожидании подхода стрелковых частей, замешкавшихся на переправе через Днестр.

Тем временем сначала венгерские, затем и немецкие войска перешли в контратаки, обрушив мощные удары на подошедшую со стороны Черткова 1–ю гвардейскую танковую бригаду. Хотя танкам Горелова и удалось пройти по улицам Станислава, но и они вынуждены были отступить: противник бил по ним фаустпатронами.

Потеря внезапности атаки, несогласованность действий танковых и пехотных подразделений привели к тому, что город взять не удалось.

Дремов доложил командарму:

— Противник теснит наши части!

Катуков ответил:

— Немедленно восстановить положение!

Отдавая приказ, командарм, видимо, не располагал полной информацией об обстановке в 8–м гвардейском механизированном корпусе, а может быть, надеялся на чудо. Чудес, однако, на войне не бывает. Сила побеждает силу.

Впоследствии Дремов писал: «Вернуть утраченные позиции на флангах было уже невозможно из—за понесенных потерь и растянутости частей корпуса по фронту. У нас мало осталось мотопехоты и еще меньше танков. В бригадах не больше восьми—десяти машин. Положение было серьезным. Немцы уже форсировали Днестр в районе села Нижний и пытались на ряде направлений теснить наши боевые порядки».[268]

Не радовал успехами и Гетман. Он тоже отводил свои войска, маневрируя немногочисленными резервами. Правда, ему вскоре удалось закрепиться на занятых рубежах и даже направить 44–ю гвардейскую танковую бригаду Гусаковского на оказание помощи 40–й армии по захвату Хотина. 3 апреля город был взят.[269]

В дальнейшем события на Заднестровском плацдарме развивались еще более стремительно, 1–я танковая армия немцев, окруженная северо—восточнее Каменец—Подольска, начала прорываться на запад в направлении Бучач, Подгайцы, ломая внутренний фронт. 4 апреля 9–я и 10–я танковые дивизии СС из группы армий «Юг» нанесли удар по внешнему фронту в районе Подгайцы, смяли оборону 18–го стрелкового корпуса 1–й гвардейской армии и устремились к Бучачу навстречу выходящей из окружения своей группировке.

Командование 1–го Украинского фронта считало, что немцы обязательно двинутся на юг, к Днестру, поэтому старалось 1–й танковой армией поглубже охватить противника на рубеже

Залещики, Черновцы, Коломыя.

Г.К. Жуков впоследствии писал: «Сейчас, анализируя всю эту операцию, считаю, что 1–ю танковую армию следовало бы повернуть из района Чертков — Толстое на восток для удара по окруженной группировке. Но мы имели тогда основательные данные, полученные из различных источников, о решении окруженного противника прорываться на юг через Днестр в районе Залещиков. Такое решение казалось вполне возможным и логичным».[270]

В связи с создавшейся обстановкой Катуков отдает приказ командирам корпусов — Дремову и Гетману — с приданными им стрелковыми частями продолжать прочно удерживать рубежи, частью сил к утру 6 апреля 1944 года переправиться на северный берег Днестра в районе Устечка, нанести удар в направлении Толстое — Базар, во взаимодействии с частями 1–й гвардейской армии, 4–й гвардейской танковой армии и 38–й армии разгромить и уничтожить окруженную группировку противника.[271]

В эти тревожные дни Катуков не покидал войска, находящиеся на передовой. По пути в корпус Дремова его догнала приятная весть — приказ о присвоении ему звания генерал—полковника.

7 апреля в районе Бучача соединились части 1–й танковой армии немцев, прорвавшиеся из окружения, и станиславской группировки. Это значительно осложнило положение на фронте. Гитлеровские войска, прижимаясь к Днестру, пытались прорваться к переправам. Отбиваться приходилось с большим трудом.

В армии у Катукова оставалось не более сотни исправных танков, но часто случалось так, что и заправить их было нечем: базы, находящиеся в Черткове и Копычинцах, отрезаны противником. Катастрофически сокращались боеприпасы и продовольствие. Вся надежда на транспортную авиацию. Распорядительный генерал Коньков уже налаживал снабжение армии по воздуху. Каждую ночь транспортные самолеты садились в Коломые, доставляя все необходимое, забирая обратным рейсом больных и раненых.

В непрерывных боях армия понесла большие потери, ослабла. Она нуждалась в помощи. Катуков обращается к Жукову, объясняет сложившуюся ситуацию. Вскоре командующий фронтом прислал 399–й гвардейский тяжелый самоходно—артиллерийский и 72–й гвардейский тяжелый танковый полки. Это — 16 самоходок «ИСУ–152» и 10 танков «ИС–2».[272]

Когда 20 апреля гитлеровские войска двинулись на

Городенку, Катуков поставил их на угрожаемых участках. Из 48 гитлеровских танков, подошедших к селам Незвиско и Герасимову, осталось восемь. Остальные были уничтожены огнем самоходок и тяжелых танков.[273]

Силы противника иссякали, и в штаб фронта от Шалина шли короткие донесения: «Противник в течение 24.04.44 активных действий не проявлял, ограничиваются артминометным огнем по порядкам наших войск. Авиация (20–60 самолетов) бомбила районы Жукув, Хацымеж, Бортники, Юзефувка».[274]

Было и настораживающее донесение, адресованное непосредственно Г.К. Жукову:

«Противник в 8.00 26.04.44 силами до пехотной дивизии при поддержке 70–80 танков наступал в южном и юго—восточном направлениях, пытаясь прорвать оборону наших войск и развить успех в общем направлении на Обертын.

Все атаки противника успеха не имели. На отдельных участках фронта ценою больших потерь удалось вклиниться в нашу оборону. Особенно отмечается активность действий минометов противника.

Авиация противника в течение дня в полосе армии не появлялась. *Катуков, Попель, Шалин*».[275]

Постепенно обстановка менялась в пользу советских войск. К рубежам, удерживаемым 1–й танковой армией, стали подходить стрелковые дивизии 38–й и 18–й армий, в район Колоши выдвинулись две механизированные бригады и танковые полки 4–й гвардейской танковой армии, усилена была и наша авиация, положившая конец господству гитлеровской авиации.

В начале мая 1944 года гитлеровские войска прекратили атаки и перешли к обороне. Можно было с уверенностью сказать: 1–я танковая армия выстояла в тяжелейших боях. Катуков отмечал: «В Черновицко—Прикарпатской операции 1–я танковая армия в период оборонительных боев удерживала, совместно с приданными корпусами 38–й армии, фронт до 400 километров, имея главные силы танкового и механизированного корпусов на направлении главного удара противника из района Станислава».[276]

По приказу командующего фронтом армия Катукова была выведена во второй эшелон, но продолжала занимать танкоопасные направления. 25 апреля — памятный для танкистов день. Приказом Наркома обороны СССР за проявленный высокий героизм и организованность личного состава, за успешное выполнение боевых задач, поставленных командованием, 1–я танковая преобразована в гвардейскую. Корпусам присвоено наименование Прикарпатских, бригадам — Гусятинских,

Чертковских, Черновицких, Коломыйских.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПОЛЬШИ

Почти полтора месяца стояла 1–я гвардейская танковая армия в Северной Буковине, находясь во втором эшелоне. Армия набиралась сил, а ее командующий болел. В армейском госпитале ему была сделана операция аппендицита. Немного оправившись после операции, Катуков включился в армейскую жизнь, вскоре предстояли новые бои, начиналась Львовско—Сандомирская наступательная операция.

К лету 1944 года многое изменилось на советско—германском фронте: окончательно снята блокада Ленинграда, советские войска готовились к решительному наступлению на юге страны, на Балтике и в Белоруссии.

Решением Государственного комитета обороны Г.К. Жуков был отозван в распоряжение Ставки, командующим 1–м Украинским фронтом назначен Маршал Советского Союза И.С. Конев.

Произошли изменения и в 1–й танковой армии. Она пополнилась личным составом, новой техникой и вооружением, в мае—июне были получены 150 «тридцатьчетверок» с более мощной, 85–миллиметровой пушкой, 10 тяжелых танков «ИС–2», 19 самоходных установок «ИСУ–152».[277] Огневая мощь армии увеличилась с прибытием тяжелого танкового, самоходно—артиллерийского, зенитно—артиллерийского и мотоциклетного полков.

Началась планомерная подготовка бойцов, экипажей, орудийных расчетов. Каждый новичок (новое пополнение составило около 5 тыс. человек) обязательно работал в паре с бывалым солдатом, участвовавшим во многих сражениях. Большая часть учебного времени отводилась изучению опыта ведения наступательного боя, построению боевых порядков, управлению, вопросам взаимодействия всех родов войск, отражению контратак противника, особенно танковых, форсированию рек, укреплению захваченных рубежей.

Перед 1–м Украинским фронтом стояла ответственная задача: мощными ударами танковых и общевойсковых соединений разгромить немецкую группу армий «Северная Украина», насчитывающей в своем составе до 40 дивизий, развить наступление на Карпаты и выйти к Висле, форсировать ее и захватить плацдарм на левом берегу.

Предстоящее наступление не давало покоя командарму Катукову. Казалось, все спланировано, подготовлено, выверено. Армия превосходила противостоящего противника как по

личному составу, так и в технике. Она имела 35 494 человека, 416 танков и самоходно—артиллерийских установок, 476 орудий и минометов, 40 реактивных установок и 3867 автомашин. Личным составом армия была укомплектована почти на 100 процентов, танками и самоходно—артиллерийскими установками — на 66 процентов, орудиями и минометами — на 90 процентов. [278]

Правда, размах предстоящей операции превосходил все те, которые проводились раньше. Как на этот раз поведет себя противник?

Обычно в период боевых действий Михаил Ефимович редко заглядывал в штаб, связь держал с ним по радио или по телефону с командных пунктов — армейского, корпусного, бригадного, словом, оттуда, где находился, но в момент подготовки к боевым действиям штаб почти не покидал.

До седьмого пота работали все службы: отрабатывались звенья взаимодействия по руководству войсками как передовых частей, так и частей тыла. Немалое внимание уделялось взаимодействию с соседями — 13–й армией генерала Н.П. Пухова, 3–й гвардейской танковой армией генерала П.С. Рыбалко, командованием 5–го штурмового и 7–го истребительного авиационного корпусов.

В ночь на 25 июня армия по приказу командующего фронтом, совершив 300–километровый марш, вышла в район города Дубно, известного всем по гоголевской повести «Тарас Бульба». Здесь когда—то сражались запорожские казаки. Перегруппировка частей и соединений проходила скрытно, соблюдалась строжайшая маскировка на всем пути движения автоколонн, танки и артиллерия на железнодорожных платформах маскировались под невоенные грузы. Чтобы дезориентировать разведку противника, на прежнем месте дислокации армии остались макеты танков, какое—то время продолжали работать радиостанции.

26 июня Катуков с членом Военного совета Попелем и начальником штаба Шалиным находился у командующего фронтом в селе Токи северо—западнее города Волочиска. И.С. Конев и его начальник штаба В.Д. Соколовский познакомили их с замыслом предстоящей операции и поставили армии конкретную задачу: форсировать Западный Буг с прорывом Сокальского и Каменско—Струмиловского укрепленных районов. С выходом в район Рава—Русская завершить окружение бродской группировки противника, не допустить отхода львовской группировки немцев в северо—западном направлении. [279]

До начала операции оставалось почти полмесяца. Срок на

подготовку достаточно большой, столько времени ни разу за время войны не давалось армии. 7 июля на столе Шалина уже лежали наброски плана наступательной операции, а через несколько дней он был готов (текстуально и графически) и представлен на утверждение командарма и члена Военного совета.

В последующие дни Катуков встречался с командирами корпусов и бригад, а также с авиационными начальниками, провел рекогносцировку местности, затем на картах и на рельефном плане был разыгран предполагаемый вариант наступления.

Михаил Ефимович заслушал подробный доклад полковника Соболева. Начальник разведки сообщил, что немцы готовятся к жесткой обороне. Солдатам зачитали приказ Гитлера, в котором говорилось, что они обороняют границу и отступление с позиций будет караться смертью. Командирам же дано указание — в случае наступления превосходящих сил Красной Армии отходить на вторую линию обороны и далее на третью, чтобы измотать силы наступающих, затем остановить их на реке Западный Буг.

Оказывать сопротивление наступающим советским армиям немцам становилось все труднее, хотя основные их группировки еще сохраняли боеспособность.

Разведка — фронтовая и армейская — располагала достаточной информацией о состоянии немецких войск, но Катукова интересовали многие детали планов командиров частей, противостоящих танковой армии. Он спросил Соболева:

— Хотел бы точно знать, собирается ли противник отводить свои войска с первой линии обороны? Это принципиально важно. Если он оставит позиции, то известим командование фронта об этом, а наступать будем без артподготовки.

— Разведчики ведут наблюдение за первой линией, — сказал Соболев. — Пока там тихо. Если начнется отвод, штаб сразу же будет извещен.

Ждать долго не пришлось. Нервы у командующего группой армий «Северная Украина» генерала Гарпе, которого Гудериан характеризовал как человека «с трезвым умом и холодным рассудком», не выдержали. 11 июля он отдал приказ об отводе своих войск на вторую линию, на линию «Принц Евгений». Разведчики сообщили, что противник перебросил 16–ю танковую дивизию из района Станислава в Порьщк, а 17–ю танковую дивизию — из Румынии в Крыстынополь, с ковельского направления были сняты 848–я артиллерийская дивизия РГК и штурмовой полк 4–й танковой армии.[280]

Сведения об отводе гитлеровских войск поступали также из

армий Рыбалко, Пухова, командиров других соединений. Перед самым наступлением решено было их проверить. С 11 по 12 июля отряды разведчиков уточняли передний край и огневую систему противника на широком участке фронта, а в ночь на 13 июля было организовано наступление усиленных передовых батальонов с артиллерийской подготовкой, которая создавала видимость нашего наступления с решительными целями.

Катуков бросил в бой 1–ю гвардейскую танковую бригаду и 44–ю механизированную бригаду Гусяковского.

14 июля начали наступление главные силы 3–й гвардейской и 13–й армий. Чтобы сломить сопротивление противника, им все же пришлось на отдельных участках прибегать к артиллерийской подготовке. Стрелковые корпуса армии Пухова пробили брешь в немецкой обороне, в которую Катуков ввел довольно крупный отряд — бригаду Горелова, 6–й мотоциклетный полк В.Н. Мусатова, 400–й самоходно—артиллерийский полк, 15–й понтонный батальон, двенадцать 122–миллиметровых орудий на быстроходных тракторах. Перед отрядом была поставлена задача: обогнать в районе Свинюхи части 76–го стрелкового корпуса, стремительным ударом овладеть Порьщком и к утру 15 июля форсировать Западный Буг севернее города Сокаль, захватить мосты и переправы, создать плацдарм и удерживать его до подхода главных сил.[281]

Противник ожидал ударов танковой армии и принял действия ее передового отряда за наступление главных сил. Видимо, поэтому немецкое командование стало стягивать на этот участок фронта крупные силы — пехоту, артиллерию и минометы, танки из 16–й дивизии, штурмовые отряды.

Развернулись тяжелые бои. В районе населенного пункта Конюхи немцы постоянно контратаковали, использовали против наших танков танкеты—торпеды «Голиаф» и фаустпатроны. Бригада Горелова понесла большие потери: 23 танка, 3 самоходные артиллерийские установки, 2 орудия, было убито 45 человек и 120 ранено.[282]

На следующий день, 15 июля, разгорелся еще более жаркий бой, в котором ранен был комбриг Горелов. Командование отрядом принял его помощник подполковник С.А. Миндлин.[283]

Противник с каждым часом наращивал удары по передовому отряду, бросал в бой бомбардировочную и истребительную авиацию, которая базировалась в Замостье, Львове, Цунюве, Мелеце, Жешуве, Стрые. И все же танки 1–й гвардейской бригады прорвались к Порыцку.

Конев медлил, не вводил в бой основные силы 1–й гвардейской танковой армии и конно—механизированную группу

Баранова, ждал, пока 13–я армия прорвет вторую полосу обороны противника. Но вот 16 июля линия «Принц Евгений» была прорвана. Последовал приказ о начале общего наступления.

Катуков решает 8–м гвардейским механизированным корпусом развить удар на Сокаль, к исходу дня 17 июля форсировать Западный Буг, овладеть передовым отрядом переправами и выйти на линию Печигуры, Хоробрув, Опульско; 11–му гвардейскому танковому корпусу выйти на линию Савчин, Боратьш, Острув, Крыстынополь.[284]

Ночью войска 1–й гвардейской танковой армии сосредоточились в выжидательном районе. Уточнив задачи с командирами, Михаил Ефимович отправился отдыхать, предупредив адъютанта Кондратенко разбудить его перед рассветом.

В 10.00 17 июля армия пошла в наступление на Стоянув, Бышув, Переспу и Сокаль. Бригады развивали высокий темп движения. На КП с переднего края стали поступать доклады: немцы не успели занять вторую линию обороны, вынуждены поворачивать обратно, откатываться к Западному Бугу.

Эта легкость, с которой шли корпуса, настораживала Катукова. Он старался успокоить себя: ведь в том, что сейчас происходит на переднем крае, есть и определенная закономерность. В какой—то мере удалось ввести в заблуждение гитлеровское командование, что основной удар наносится на Порьщк, где сражается передовой отряд — 1–я гвардейская танковая бригада и другие части.

Когда противник понял, что главный удар советские войска наносят на Сокаль и Доброчин, было уже поздно, как говорят, поезд ушел. Спешно переформировав силы 16–й и 17–й танковых дивизий, немцы стягивают в район Сокаля до 80 танков, штурмовые орудия 848–го тяжелого артдивизиона РГК. Последовали жесткие контрудары в направлении Завишни против наступающих частей 8–го механизированного и 11–го танковых корпусов.[285]

Войска пробивались к Западному Бугу, выходили на государственную границу. Сначала об этом доложил Гетман, затем последовал такой же доклад от Дремова. Бригада Гусаковского начала форсировать реку южнее Доброчина. Батальон капитана К.Я. Усанова, перебравшись на противоположный берег, обеспечивал переправу другим подразделениям. Вовсю кипел бой, он шел на земле и в воздухе.

Утром 18 июля бой возобновился с новой силой. К этому времени разведывательные группы под командованием капитана А.П. Иванова захватили железнодорожную станцию Клусов,

недалеко от Доброчина, куда стали подходить главные силы 11–го гвардейского танкового корпуса.

Командарм по радио запросил Гетмана:

— Как идет переправа, Андрей Лаврентьевич?

— Западный Буг форсирую в двух местах, севернее и южнее Доброчина. Танки идут вброд, полевую артиллерию перебрасываю на плотах. Противник бомбит.

— Наши истребители прикрывают переправу?

— Вполне успешно. Отгоняют фашистских асов от реки. Надеюсь, что скоро весь корпус будет на противоположном берегу.

— Ну и отлично! — закончил разговор командарм. — Двигайтесь как можно скорее вперед!

У Катукова уже созрела мысль перебросить у Доброчина и 8–й гвардейский механизированный корпус. Дремов немного задержался с выходом к Западному Бугу, а немцы, опираясь на Сокальский укрепленный район, оказали ему упорное сопротивление.

В тот же день 8–й гвардейский мехкорпус успешно форсировал реку и вышел на свое направление, в район Сокаля, где вступил в бой с основными силами немцев, сосредоточивших здесь до 100 танков.[286]

Тесня части 16–й и 17–й танковых дивизий, а также 29–й пехотной дивизии противника, 1–я гвардейская танковая бригада значительно расширила плацдарм на Западном Буге, установила взаимодействие с конно—механизированной группой Баранова, что позволило окружить бродскую группировку немцев. Через два дня она прекратила свое существование.

Развивая наступление, Катуков направлял войска к Сану, нацеливая их на Ярослав и Перемышль. Дело в том, что к этому времени Рава—Русская уже была освобождена войсками 13–й армии, а конно—механизированная группа Баранова заняла Деревляны. Конев дал указание как можно быстрее форсировать Сан, овладеть Пшевурском, Зажечьем, Косткувом, перехватить пути отхода противника из Львова на Ярослав и Перемышль, перерезать дорогу Перемышль — Кросно.[287]

Одновременно и конно—механизированная группа генерал—лейтенанта С.В. Соколова получила приказ наступать на Цешанув, Синяву, к 25 июля форсировать Сан, овладеть районом Лежайск, Соколув, Стеберно, у Ярослава войти в боевую связь с 1–й гвардейской танковой армией.[288]

Противник, потерпевший поражение на Западном Буге и в районе Равы—Русской, отступал, сколько—нибудь значительного сопротивления не оказывал. Перед фронтом 1–й гвардейской

танковой армии отходили 72, 88, 291–я пехотные, 213–я охранная и 17–я танковая дивизии, тылы 16–й танковой дивизии и других частей, боевая группа «Беккер», некоторые части 4–й танковой армии.[289]

Немецкое командование принимало меры, чтобы отвести свою львовскую группировку, избавить ее от окружения и уничтожения. С этой целью из Румынии была переброшена 24–я танковая дивизия, которая, действуя в направлении Ярослав, Перемышль, оказала сильное сопротивление нашим наступающим войскам.

Вечером 22 июля корпуса Дремова и Гетмана почти одновременно подошли к Сану, полноводной реке, ширина которой достигала до 100 метров, глубина в отдельных местах 1,5–2 метра. Передовые отряды форсировали ее и захватили плацдарм на противоположном берегу. Саперы спешили навести переправы — мосты в 12 и 16 тонн севернее и южнее Ярослава. По ним вскоре пошли основные силы танковой армии.

Выход танков за реку Сан имел огромное значение для развития дальнейшего наступления не только 1–й гвардейской танковой армии, но и всего фронта. Советские войска вбили острый клин в стык между 1–й и 4–й танковыми армиями немцев, неудержимо рвались к Висле. Огромные массы войск — танки Катукова и Рыбалко — двигались параллельными дорогами, все шире отворяя ворота в Польшу.

Теперь И.С. Конев ставит перед Катуковым задачу: 11–м гвардейским танковым корпусом овладеть Перемышлем и переправами через Сан у Дубецко, Кшивча и не допустить отхода противника на запад; 8–м гвардейским механизированным корпусом освободить Ярослав, Каньчугу, Яворник—Польски и быть в готовности отразить контрудары с северо—запада и запада.[290]

Реализовав этот план, 1–я гвардейская танковая армия рассекала немецкую группировку «Северная Украина» на две части.

Оборона Ярослава и Перемышля опиралась на водную преграду — реку Сан, имела также и другие укрепления. Поэтому при разработке плана операции по штурму этих городов штаб армии старался учесть не только систему укреплений противника, его силы, но и наметить возможные варианты маневра подвижными войсками.

Катуков усилил корпуса Дремова и Гетмана стрелковыми дивизиями 13–й армии, придал силы артиллерийской и авиационной поддержки. Все это безусловно сказалось потом при завершении операции. 27 июля Ярослав и Перемышль были взяты

войсками 13–й общевойсковой, 1–й и 3–й гвардейскими танковыми армиями. В этот же день были освобождены два крупных областных центра — Львов и Станислав.

На всем протяжении 1–го Украинского фронта гитлеровские войска были скованы Красной Армией. Переброска из Румынии в район Кросно 23–й танковой дивизии уже не могла изменить фронтовую обстановку или существенным образом повлиять на нее.

В штаб 1–й танковой позвонил И.С. Конев, поздравил с завершением операции по захвату Ярослава и Перемышля, поставил новую задачу:

— Сдашь, Михаил Ефимович, свой участок Пухову и Соколову, а корпуса перебросишь в район Лежайска. Утром 29 июля предстоит новое наступление. Вместе с Рыбалко будешь прорываться к Висле, чтобы захватить плацдарм у города Сандомир. Это приказ Ставки.

Совершив многокилометровый марш, корпуса сосредоточились западнее Лежайска. Они подошли сюда раньше, чем противник успел подтянуть свои резервы. Армии предстояло форсировать Вислу и к утру 1 августа захватить плацдарм шириной в 30 километров, глубиной в 25 километров, передовыми отрядами освободить Опатув и Сташув.

29 июля к реке двинулся 6–й мотоциклетный полк под командованием полковника В.Н. Мусатова и часть понтонного парка. Впереди шла разведка. Следом за ними выступили передовые отряды: от 11–го гвардейского танкового корпуса бригада Гусаковского на Тарнобжег, от 8–го гвардейского механизированного корпуса бригада Горелова на Баранув.

Над Вислой развернулись воздушные бои, потом начались бои на земле. Они усиливались по мере подхода к реке танковых и механизированных частей. Обогнав стрелковые корпуса 13–й армии, танки и мотопехота сокрушали на своем пути арьергарды противника, пытавшегося оказать сопротивление нашим войскам.

Катуков, не дождавшись сосредоточения всей армии, отдал приказ форсировать Вислу на подручных средствах. Пока возводились мосты, разведка и мотопехота переправлялись на лодках, потом в ход пошло все, что держалось на воде. Жители ближайших сел приносили на берег ворота, бревна, плетни. Из этого разнообразия «плавсредств» делались плоты, на которых уходили в ночную темноту автоматчики. Им первым предстояло начинать бой на противоположном берегу по захвату плацдарма.

Тем временем понтонно—мостовая рота капитана М.А. Высокогорца строила мост. За три часа было забито двадцать свай и поставлены две рамные опоры. Неожиданно налетела вражеская

авиация, началась бомбежка. От разрывов бомб обе рамы были сорваны, накренились. Когда самолеты улетели, бойцы с новыми силами взялись за восстановление моста. Почти трое суток без отдыха трудились рулевые катеров ефрейторы А.Ф. Ковальский и З.Н. Ахметзянов. Их самоотверженный труд отмечен был командующим армией, обоим присвоено звание Героя Советского Союза.[291]

Форсирование Вислы проходило под непрерывным обстрелом вражеской артиллерией восточного берега и авиационными бомбежками. Гитлеровское командование пыталось сбросить в реку наши войска, выиграть время для сосредоточения своих резервов, подтягивая их из Польши и Германии. В районе Дембица уже развертывалось прибывшее из Крыма управление 17–й армии, которое должно было объединить отходящие под ударами Красной Армии разгромленные части, прибывшие резервы, восстановить оборону между 4–й танковой армией и группой «Раус».

Немцы спешно создавали две группировки: одну в районе города Мелец — из двух пехотных дивизий и остатков 17–й танковой дивизии, другую — в районе Сандомира из соединений 4–й танковой армии. Этими силами планировалось нанести удар по сходящимся направлениям вдоль берега реки Сан, уничтожить советские войска, вышедшие к Висле.[292]

К 1 августа на участке переправы уже действовало 24 парома большой грузоподъемности, которые перевозили танки и артиллерию. Вся эта масса войск двигалась под неослабным контролем командарма. Его вездеход постоянно сновал между Тарнобжегом и Баранувом. Командир 6–го гвардейского механизированного корпуса И.Ф. Дремов вспоминал: «В ходе боев нас не раз навещал командарм Катуков и начальник оперативного отдела штаба армии полковник М.Т. Никитин. Бывая в боевых подразделениях войск, они спокойно и ловко делали перебежки под артиллерийским огнем и разрывами бомб. Успевали заглянуть всюду: в окопы, траншеи, землянки, на артиллерийские позиции. Их любили в наших войсках за простоту, сердечность, за бесстрашие… Командарм требовал от меня ускорить форсирование и выход на плацдарм за рекой Висла. Вскоре его вездеход устремился туда, где наступали войска генерала Гетмана».[293]

Рядом с 1–й гвардейской танковой армией шла танковая армия П.С. Рыбалко. Павел Семенович связался с Катуковым и попросил воспользоваться его переправами. Михаил Ефимович дал соседу «добро». Все шло хорошо, но Рыбалко не оставил никакой охраны для прикрытия своего левого фланга. Этим,

конечно, воспользовалось немецкое командование. Собрав значительный кулак танковых и пехотных подразделений, оно нанесло мощный контрудар со стороны Кольбушова, поставив в трудное положение 1–ю и 3–ю гвардейские танковые армии.[294]

Немцы планировали, захватив Кольбушов, крупный узел шоссейных и грунтовых дорог, продвинуться на северо—запад, соединиться со своей группировкой, действовавшей в районе Тарнобжега, отрезать наши войска от Вислы.

Катуков понял сразу, к чему стремится противник. На левом фланге он выставил сильный заслон — 64–ю гвардейскую танковую бригаду. Затем сюда подошел 7–й гвардейский танковый корпус 3–й танковой армии. Совместными усилиями атаки немцев были отбиты, положение восстановлено.

Тогда противник попытался изменить направление ударов — сначала на Майдан, потом на Баранув, бросив в бой 23–ю и 24–ю танковые дивизии. Достигнуть цели ему не удалось: танковые атаки парируются силами 1–й, 3–й гвардейских танковых и 13–й общевойсковой армий. Фронт форсирования Вислы был расширен до 30–35 километров, создан плацдарм для дальнейшего наступления.[295]

Немецкое командование не раз пыталось разгромить 1–ю гвардейскую танковую армию, бросая против нее значительные силы. Все чаще вражеские самолеты сбрасывали листовки, в которых писалось о том, что Висла — последний рубеж, до которого дошли советские танки.

В одном из писем Катуков писал корреспонденту «Комсомольской правды» Юрию Жукову: «Когда начались контратаки немцев на плацдарме за Вислой, самолеты сбрасывали листовки, где говорилось, что Катукова они утопят в Висле, но, как видите, им это сделать не удалось. С приветом *Катуков М.Е.*».[296]

На фронте, в районе Сандомира, сложилась трудная и весьма своеобразная обстановка. 13–я армия наступала на запад, корпуса 1–й гвардейской танковой армии стремились соединиться с ней и окружить сандомирскую группировку противника. В свою очередь, противник из района Сандомира тоже развивал наступление, старался окружить и уничтожить 1–ю гвардейскую танковую армию.

С первых же дней выхода советских войск за Вислу немцы проявляли особую активность. Сил у них было достаточно. Помимо уже упоминавшихся 23–й и 24–й танковых дивизий, здесь действовал 42–й армейский корпус, спешно пополнялись танками 16–я и 17–я танковые дивизии. К месту боев подтягивались 1–я, 3–я танковые и 20–я механизированная

дивизии. Удары по нашим войскам наносили также авиационные соединения, базирующиеся на близлежащих аэродромах.[297]

1 августа Конев по «ВЧ» передал Катукову: 162–ю стрелковую дивизию 13–й армии повернуть фронтом на север и наступать на Климантув; 64–ю гвардейскую танковую бригаду снять из—под Кольбушова, а оборону участка возложить на части Пухова; 9–му механизированному корпусу 3–й гвардейской танковой армии предписывалось вести наступление на Мелец, двумя бригадами 1–й гвардейской танковой армии — на Опатув.[298]

— Что же, все правильно. Пока над фронтом нависает сандомирская группировка, всякие разговоры о продвижении наших войск в глубь Южной Польши неуместны, — прокомментировал этот приказ командарм.

Позже выяснилось, что войска 13–й и 3–й гвардейской танковой армий не были готовы к наступлению. На фронте действовали лишь передовые отряды 1–й гвардейской танковой армии, и только 6 августа пошли в наступление ее основные силы. Обходя узлы сопротивления немцев в районе Климантува, Богорья, танковые и механизированные бригады начали теснить противника к Сандомиру и Влостуву.[299]

Немцы готовились оказать серьезное сопротивление. Они создали в районе Хмельника, Бруске—Здруя, Жабче ударный кулак из четырех танковых и одной моторизованной дивизий во главе с опытным генералом Бальком, планировали выйти в тыл нашим войскам, действуя в направлении Опатув.[300]

Планы сандомирской группировки противника определялись приказом Гитлера. Разведчики в недавних стычках раздобыли его, и Катуков имел возможность с ним познакомиться:

«Три года мы бились с Советами. Армия проявила великий воинский дух. Настал решающий час войны. Мы не можем позволить русским наступать дальше. Потеря Кельце означала бы утрату важнейшего опорного пункта на подступах к Восточной Германии и поставила бы под угрозу окружения радом—сандомирскую группировку. Лишившись этого крупного узла железных и шоссейных дорог, мы дали бы Красной Армии свободный выход на оперативный простор Левобережной Польши и поставили бы под угрозу Лодзинский промышленный район и Верхне—Силезский угольный бассейн.

Приказываю: группе армий «Северная Украина» ликвидировать русские плацдармы в районах Баранув и Магнушев».[301]

Развернулись тяжелые бои на западном берегу Вислы, которые продолжались до 14 августа. Противник предпринял ряд мощных контратак, 7 августа из дальнобойной артиллерии в

течение четырех часов обстреливал командный пункт штаба армии в районе Завидза.[302]

К исходу дня 14 августа 8–й гвардейский механизированный корпус перерезал железную дорогу Сандомир — Островец, овладел Даромином, Ботанцином и Лопатой, 11–й гвардейский танковый корпус отбил девять атак, вел бои за овладение населенными пунктами Яновице и Кунице.[303]

С раннего утра 16 августа на всем 120–километровом участке фронта вспыхивали дымки от разорвавшихся снарядов и мин: шла десятиминутная артподготовка. Грохот стих, и 1–я гвардейская танковая армия во взаимодействии с 102–м стрелковым корпусом 13–й армии перешла в наступление, отбрасывая противника за реку Опатувку. К исходу дня корпуса вели бои за населенные пункты Лукава, Кихары, Грабув Новый и Грабув Старый.[304]

Катуков то и дело запрашивал командиров корпусов и бригад о поведении противника. Отвечали все, словно сговорились: «Сопротивляется!»

Немцы сопротивлялись отчаянно. Части Гетмана к полудню заняли село Лукаву, закрепились на реке Опатувке, затем овладели Кихарами, но переправу у Оцинска занять не сумели. Незначительно продвинулся и Дремов. У села Двикозы он был остановлен.

Битва за Сандомир продолжалась и на следующий день. Вспыхивали ожесточенные танковые бои, они затихали только с наступлением темноты. Перелом мог бы наступить значительно раньше, будь у Катукова под руками лишняя танковая бригада. Увы, этого не было. И ждать помощи сейчас от командования фронта не приходилось: слишком много дыр предстояло закрывать не только на плацдарме, но и на всем фронте.

Хотя сандомирская группировка противника находилась в котле, у Катукова были опасения, что немцы, разрывая кольцо окружения, нанесут удар изнутри и извне. Если удар последует на Яновице, Стодолы, Адамув, то некоторые наши части окажутся в окружении.

Заняв круговую оборону, корпуса стойко отбивали атаки агонизирующего противника. Бои то затихали, то вспыхивали вновь. Бригады несли большие потери, выбывали из строя танки, люди. На этот период армия имела всего 184 танка и самоходно—артиллерийские установки, в мотострелковых батальонах нередко оставалось от 50 до 100 бойцов.[305]

В ожесточенных боях был ранен комбриг А.Х. Бабаджанян, погибли командир 27–й гвардейской мотострелковой бригады полковник С.И. Кочур, командир моторизованного батальона автоматчиков 44–й гвардейской танковой бригады капитан К.Я.

Усанов, бесстрашный разведчик В.Н. Подгорбунский.

Командующий фронтом И.С. Конев требовал от Катукова ускорить разгром окруженной немецкой группировки, он приказал силами 11–го гвардейского танкового корпуса во взаимодействии с 3–й гвардейской танковой армией нанести удар на юг.

18 августа на коротком оперативном совещании командарм принял решение: 11–му гвардейскому танковому корпусу с 64–й гвардейской танковой бригадой и частями усиления продолжить наступление, главными силами войти в боевую связь в районе Двикозы с 3–й гвардейской танковой армией, совместно с 13–й армией овладеть Сандомиром; 8–й гвардейский механизированный корпус также входил в боевую связь с армией Рыбалко, действуя из района Кихары и Чернин.[306]

В 7.00 началась артиллерийская подготовка, она длилась относительно недолго, и сразу же 1–я гвардейская танковая и 13–я армии пошли на штурм Сандомира. Навстречу им двигался со своей армией Рыбалко. Войска сближались медленно, их наступление прерывалось частыми контратаками противника, который простреливал цепи наступающих частей артиллерией разного калибра как извне, так и со стороны окруженной группировки.

Два с лишним часа шли напряженнейшие бои за Сандомир. Танкисты Гетмана и Рыбалко, пехотинцы Пухова теснили противника к юго—западным окраинам, наконец полностью очистили город. Оставляя города, немцы обычно взрывали дома. На этот раз сделать ничего не успели, надо было уносить ноги. Наши солдаты, проходя по брусчатым мостовым, с любопытством разглядывали острые шпили костелов, древних замков, от которых веяло седой стариной.

Однако торжествовать победу было рано. В районе Ожарува немцы скрытно сосредоточили 17–ю и 23–ю танковые дивизии, при поддержке полка тяжелых минометов утром 19 августа нанесли сильный удар в юго—западном направлении по ослабленному в боях 8–му гвардейскому механизированному корпусу. Дремов отвел войска на рубеж Винярки, Чернин, Гуры Высокие, Кихары, Головице, Лукава, Ярошувка, Стодолы.[307]

Затем последовал второй удар — на Оцинек. Ценой огромных усилий противнику удалось пробить коридор в нашей обороне и в ночь на 20 августа вывести на север остатки сандомирской группировки. В основном это были части 42–го армейского корпуса.[308]

Так закончились боевые действия 1–й гвардейской танковой армии в Львовско—Сандомирской наступательной операции. 21

августа она была выведена во второй эшелон фронта, а через неделю — и в резерв Ставки.

НА ПОДСТУПАХ К «ВОСТОЧНОМУ ВАЛУ»

В сентябре начало поступать новое пополнение, молодые воины сразу же попадали в заботливые руки. «Старики», участники сражений, передавали им свой опыт в вождении танков, в стрельбе из пушки, в умении обращаться с техникой, поступавшей на вооружение армии. Подходило время, когда армия, восстановив свою боеспособность, должна была выступить в новый боевой поход. К осени 1944 года в ее организационной структуре произошли некоторые изменения — влились новые части и подразделения: артиллерийские, танковые, инженерные. Произошла перестановка в командном составе. Убыл Е.В. Баранович. У командарма стало два заместителя: А.Н. Слышкин и А.Л. Гетман. Командование 11–м гвардейским танковым корпусом по настоянию Катукова принял полковник А.Х. Бабаджанян, только что прибывший из госпиталя. Амазасп Хачатурович показал себя в прошедших боях как талантливый командир, умелый воспитатель подчиненных. Полковник В.М. Горелов ушел в заместители к И.Ф. Дремову, а 1–ю гвардейскую танковую бригаду возглавил подполковник А.М. Темник. Абрам Матвеевич — в прошлом политработник, участник боев на Халхин—Голе, войну начал на гродненском направлении, защищал Москву, сражался под Сталинградом, на Дону. Награжден двумя орденами Красного Знамени, многими медалями. В 1943 году окончил курсы переподготовки офицерского состава. Вернувшись на фронт, командовал танковым полком 21–й механизированной бригады.

О планах предстоящей операции уже было известно, хотя и в общих чертах. Она имела целью силами 1–го Украинского и 1–го Белорусского фронтов завершить освобождение Польши и подготовить условия для нанесения удара на Берлин. Устную ориентировку по замыслу Висло—Одерской операции командование армии получило на военной игре в штабе фронта. Ее замысел сводился к следующему: разгромить варшавско—лодзинскую группировку противника и выйти на линию Лодзь, в дальнейшем предстояло наступать на Познань с выходом на линию Бромберг — Познань, чтобы занять исходное положение для выполнения основной стратегической цели — взять Берлин и закончить войну.[309]

Подготовкой армии к наступлению Катуков руководил уже из киевского госпиталя, куда угодил в начале декабря 1944 года. Старая болезнь постоянно давала о себе знать, и перед наступлением надо было хотя бы немного подлечиться. Михаил

Ефимович горько шутил по этому поводу: «Начало войны встретил в госпитале, теперь и конец ее тоже буду встречать там же».

В Киев его отвез адъютант А.Ф. Кондратенко. «Там командарм пробыл около недели, — писал Александр Федорович Юрию Жукову, — хотя врачи говорили, что ему надо лечиться несколько месяцев — болезнь он свою запустил на войне. Но вы упрямый характер Михаила Ефимовича знаете. Он держал связь с начальником штаба Шалиным прямо из госпиталя и давал ему оттуда все нужные указания, а когда пришло время наступления, оделся, и мы с ним выехали на фронт, — я при нем тогда находился опять безотлучно».[310]

3 января 1945 года Катуков возвратился в армию и приступил к исполнению своих обязанностей. Шалин, оставаясь за командарма, сделал достаточно много для подготовки к наступлению частей и соединений: в конце декабря провел с командирами штабные игры на картах, отработал боевую документацию, отдал необходимые распоряжения по артиллерийскому и инженерно—техническому обеспечению.

В 1–й гвардейской танковой армии отрабатывались вопросы взаимодействия с армией прорыва — 8–й гвардейской В.И. Чуйкова, с соседней — 2–й гвардейской танковой армией С.И. Богданова, устанавливались контакты с командирами, завязывались личные знакомства с авиаторами — 2–й и 11–й гвардейской штурмовых и 232–й и 286–й истребительно—авиационных дивизий. Проведены отрядные учения на местности по теме «Как лучше организовать взаимодействие танков и авиации на поле боя», в которых принимали участие группы танков и авиационные подразделения.

Перед наступлением Катуков перенес свой КП на Магнушевский плацдарм, участок земли, отвоеванный у немцев южнее Варшавы, 46 километров по фронту и 18 километров в глубину. Нам впервые приходилось начинать наступление с плацдарма, до сего времени его обычно захватывали и только потом на нем сосредоточивали главные силы.

Разведчики изучали передний край обороны противника, состоящий из семи оборонительных рубежей, глубиной до 500 километров. Ежедневно Соболев приносил командарму листки с разведывательной информацией о противнике, который готовился отразить наше наступление. Что и говорить, трудно придется — и танкам и пехоте. На переднем крае выявлено до 80 минных полей при средней плотности до 1000 мин на каждый квадратный километр.[311]

На пути армии было немало и естественных препятствий —

реки Пилица, Варга, Обра, более мелкие речки — Джевичка, Равка, Бзура, Нер, Верешница, Могильница, Плейске. Поймы рек заболочены, имеют широкие долины.

Оборонительный рубеж вдоль германо—польской границы и в глубине до реки Одер носил название «Восточный вал». Он представлял собой оборонительную полосу долговременных сооружений по линии Штольц, Дризен, Ратибор. В систему обороны были включены также старые немецкие крепости Познань, Кюстрин, Глогау, Бреслау, частично модернизированные в 1941 году.[312]

Далее шел Мезеритцкий уцепленный район, который представлял собой на участке Лангер — Зее — Буршен противотанковую линию с законченной системой оборонительных сооружений.

В полосе наступления 1–й гвардейской танковой армии держали оборону соединения противника: 6–я и 45–я пехотные, 19–я и 25–я танковые дивизии. Начальник разведывательного отдела Соболев, давая командарму информацию о противнике, прилагал к каждой части короткую справку, в которой указывал ее номер, где и когда она сформирована, в каких участвовала боях, наличие вооружения и личного состава.

Армия имела многократное превосходство над немцами. Это вселяло уверенность в успехе. В ее составе было 40 300 человек, 752 танка и самоходно—артиллерийские установки, 620 орудий и минометов, 64 реактивные установки, 47 боевых единиц — корпусов, бригад, частей армейского подчинения.[313]

Общее наступление начиналось 14 января, но 1–я гвардейская танковая армия вводилась в прорыв на второй день операции — 15 января. Форсировав Пилицу, она занимала Нове—Място, на четвертый день операции — Лович, на пятый — Кутно и Ленчицу.[314]

В первый день наступления на рубеж дороги Бялобжеги — Едлинск выдвигался передовой отряд, в который входили 1–я и 44–я гвардейские танковые бригады. Катуков лично инструктировал комбригов Темника и Гусаковского, которым ставилась задача: прикрыть ввод армии в прорыв и развертывание ее главных сил, к концу второго дня наступления захватить переправы на реке Пилице, чтобы обеспечить выход войск на оперативный простор.[315]

13 января в армию прибыл командующий фронтом Г.К. Жуков. Вместе с Катуковым и Попелем он побывал в корпусах и бригадах, проверял их готовность к боевым действиям. Маршал остался доволен состоянием войск. Уезжая на другой участок фронта, сказал Михаилу Ефимовичу:

— Помните, ваша задача — стремительно двигаться в глубину обороны противника, форсировать водные преграды, избегать затяжных боев за населенные пункты. Их возьмут части Чуйкова. Желаю вам успехов!

Наступила тревожная ночь перед наступлением. Крупными мокрыми хлопьями валил снег. Катуков надел валенки, накинул на плечи неразлучную бурку и отправился на свой КП. В небольшом блиндаже, обустроенном заботливыми хозяйственниками Харчевина, решил скоротать ночь. Командарм не спал: сказывалась как всегда напряженная работа, да и предстоящее наступление волновало не меньше. Сделано много. Корпуса выведены на исходные позиции, командиры ждут приказа. Увязаны все вопросы с авиационным начальством, командиры авиационных полков находятся при штабах танковых бригад, откуда будут управлять действиями самолетов. Участок фронта должны прикрывать 2500 самолетов. Такого еще никогда не было. Хватает и артиллерии, на каждый километр линии фронта приходится 320 орудий, причем на двухчасовую артподготовку предполагается израсходовать в общей сложности 3 миллиона снарядов.[316]

Неплохо сработал и тыл. Генерал Коньков позаботился о боеприпасах, продовольствии, горючем. Часть всех запасов была сосредоточена в выжидательном районе, у мостовых переправ через Вислу, другая часть переброшена на Магнушевский плацдарм.

Всю ночь на плацдарме играла музыка, мощные усилители прокручивали военные марши, звучали «Катюша», «Вечер на рейде», «Огонек» и другие популярные в то время советские песни. Это была своего рода небольшая военная хитрость: музыка заглушала шум моторов танков, выдвигаемых к переднему краю.

В 8.30 утра 14 января началась артиллерийская подготовка. От нее ожидалось много, и она себя оправдала. От мощных залповых ударов противник потерял, как показывали позже пленные, до 60 процентов личного состава.[317]

И вот уже армия Чуйкова устремилась вперед, ее ударную силу составляли 230 танков, самоходно—артиллерийский полк СУ–85 и полк ИСУ–122. Танки дальнего действия имели задачу: двигаться в полосе наступления, выйти на шоссе Радом — Варшава, затем повернуть фронтом на юг, чтобы в случае атаки 19–й и 25–й танковых дивизий немцев парировать их удары.[318]

Вначале в 8–й гвардейской армии обозначился успех. Стрелковые корпуса, выбив немцев с первой линии обороны, продвинулись вслед за танками. Дальше произошла заминка: 6–я пехотная дивизия противника оказала сильное сопротивление.

Оборону на тактическую глубину прорвать не удалось. Это означало, что для 1–й гвардейской танковой армии не были подготовлены условия для ввода ее в прорыв.

Командарм Чуйков переживал случившееся, готовился с утра после очередной артподготовки продолжить наступление. В связи с создавшейся обстановкой командующий фронтом Г.К. Жуков приказал Катукову задержаться в исходном районе и ввести армию в прорыв не в 7.00, как намечалось планом, а в 13.00 15 января.

В середине дня Чуйкову удалось осуществить то, к чему он стремился с первого дня наступления, — прорвал главную оборонительную полосу противника. И сразу же последовал приказ Катукова: «Танки, вперед!»

С исходного рубежа двинулся передовой отряд — бригады Гусаковского и Темника. Перед наступлением командарм побывал у танкистов. Им первыми предстояло пробиться к Пилице, захватить переправы и удерживать до подхода главных сил. Михаил Ефимович проверял готовность к боевым действиям каждого батальона, интересовался, как и чем обеспечены бойцы.

На Магнушевском плацдарме гвардейцы дали клятву советскому народу, заверили командование армии, что свой долг они выполнят до конца. «Клянемся тебе, великий народ, — произнес комбат капитан Бочковский торжественные слова, — что мы, идя в последний и решительный бой, будем драться до последнего дыхания, пока бьется сердце в груди, а глаза видят землю.

Клянемся тебе, наша Родина, что сполна рассчитаемся с немецко—фашистскими подлецами за сожженные города и села, за сожженных в дьявольских печах и отравленных в душегубках, за расстрелянных и замученных наших жен и детей, братьев и сестер, отцов и матерей. Мы жестоко отомстим за все!»[319]

Прошло не более часа. Катуков с волнением ждал донесений от комбригов передового отряда. Вскоре они доложили, что обогнали стрелковые части 8–й гвардейской армии, помогая им наращивать удары, громить отходящего противника. Перерезав дорогу Бялобжеги — Радом, 44–я гвардейская танковая бригада Гусаковского к 21.00 овладела населенным пунктом Кеджин, вышла к реке Пилица, южнее Томчице, а 1–я гвардейская танковая бригада Темника к исходу дня была на рубеже Кадлуб — Турск.[320] Во второй половине дня 15 января Катуков ввел в прорыв основные силы армии. Корпуса Бабаджаняна и Дремова, форсировав Пилицу, развивали наступление на запад. Продвигаясь вперед, они все больше захлестывали петлю над попавшей в окружение варшавской группировкой противника.

— Теперь и нам пора, — сказал Катуков оперативной группе. — У переправы работы хватит всем.

Командарм сам возглавил оперативную группу, в которую вошли член Военного совета Попель, начальник оперативного отдела Никитин, командующий артиллерией Фролов и офицеры связи. Группа передвигалась на бронетранспортерах под охраной двух танков и взвода автоматчиков.

Штаб армии оставался во втором эшелоне. Катуков поддерживал связь с Шалиным по радио и давал ему команду на перемещение только после того, как войска уходили далеко вперед.

Бой грохотал далеко за Пилицей, терялась связь с корпусами и бригадами, видимо, командирские танки находились вне зоны досягаемости. Оперативная группа остановилась у небольшого населенного пункта Нове—Място. Здесь командарм решил разобраться в обстановке, наладить связь с ушедшими вперед частями.

Из ранее полученной информации можно было сделать вывод, что 6–я немецкая пехотная дивизия отступает по всему фронту. Ее артиллерийские и минометные части, не имея прикрытия пехоты, бросали технику и откатывались на запад. В районе Лукава, Воля Лукавска 103–й минометный полк РГК оставил 30 шестиствольных минометов. Лишь 920–я учебная бригада штурмовых орудий оказывала сопротивление до рубежа Бялобжеги — Едлинск. Однако 11 орудий из 30 были подбиты нашими танкистами.[321]

Передовые батальоны уже вели бои с частями народно—гренадерской дивизии, а также танками из 19–й и 25–й танковых дивизий, которые германское командование бросило в бой из своего ближнего резерва.

Войска 1–й гвардейской танковой армии, пробиваясь на запад, занимали города и села Польши. Местное население оказывало помощь передовым разведывательным отрядам в поисках бродов на реках, проходимых мест на заболоченных участках. Люди иногда останавливали танки, чтобы предупредить о минных полях, оставленных отступающими фашистами.

Рядом шли войска 2–й гвардейской танковой армии. Командарму Богданову удалось зайти в тыл варшавской группировки противника. Опасаясь окружения, немцы стали откатываться на запад. 17 января 1945 года столица Польши Варшава была освобождена.

Перед 1–м Белорусским фронтом открывалась перспектива захвата нового оборонительного рубежа противника. Поэтому Г.К. Жуков стремился как можно быстрее выдвинуть общевойсковые и

танковые армии на линию Тори, Коло, река Варга. Он считал, что если не удастся сделать это в течение ближайших трех дней, то придется иметь дело с подошедшими резервами немцев.

Утром 17 января командующий фронтом ставит Катукову задачу: наступать на Раву—Мазовецкую, Стрыкув, Поддембице, чтобы к исходу дня выйти в район Ленчице, Поддембице, Згеж. [322]

С постановкой этой задачи менялось направление удара армии. Раньше, как известно, он направлен был на Лович, Кутно, теперь предстояло держать курс на Познань, Поддембице. Такая переориентировка связана была с успешными действиями правого крыла войск 1–го Белорусского фронта. Одним словом, создавалась благоприятная ситуация для нанесения удара на Познань.

Переговорив с Шалиным, уточнив обстановку с командирами корпусов, Катуков принял решение вести армию в наступление двумя эшелонами по четырем маршрутам, имея на правом фланге 11–й гвардейский танковый корпус, на левом — 8–й гвардейский механизированный корпус.

Обстановка на фронте менялась постоянно. Отступая, немцы не применяли массированных танковых контратак, как это было раньше, но на засаду можно было нарваться в любом месте. Мелкие группы немецкой пехоты и танков, попавшие в окружение, старались пробиться к своим войскам. Попытки эти, как правило, заканчивались для них плачевно.

Однако во второй половине дня 17 января небольшой польский городок Нове—Място, где размещалась оперативная группа Катукова, был атакован довольно сильной вражеской частью из окруженной варшавской группировки, в которой насчитывалось до двух тысяч солдат и офицеров, имевших артиллерию и 5 танков.[323]

Продвигаясь вперед, 1–я гвардейская танковая армия сковала действия войск противника, не давала ему останавливаться и создавать оборону, продолжала гнать все дальше и дальше на запад. Лишь на отдельных участках фронта, преимущественно в городах, немецкие гарнизоны оказывали сопротивление. 18 января, развивая наступление, армия углубилась на территорию противника на 80 километров, расширила фронт прорыва до 45 километров, овладела городами и узлами дорог: Рава—Мазовецкая, Скерневице, Лович, Мышковице, Глухов, Бжезина, Стрыкув, Ленчице, Озоркув, Згеж, Адександрув, вышла к реке Нер в районе Поддембице.

Катуков стремился добить части 8–го армейского корпуса, отрезать гарнизон города Лодзь от основных сил 9–й армии. К

концу дня эту задачу удалось выполнить: Лодзь обойдена с севера, с юга ее обошли войска 8–й гвардейской армии Чуйкова, а также 9–й танковый и 7–й гвардейский кавалерийский корпуса.

19 января Лодзь — крупнейший промышленный центр Польши — была очищена от немецких оккупантов.

Германское командование, стремясь оказать помощь терпящей поражение 9–й армии, начало переброску резервов с других фронтов и из Германии. Из Восточной Пруссии (Милау) по железной дороге направлялась в район Кутно, Клодава гренадерская дивизия «Бранденбург». Из Познани шли минометные полки 10–й моторизованной дивизии, батальоны фольксштурма, части учебного артдивизиона и саперные подразделения.[324]

С выходом 1–й гвардейской танковой армии в районы Лодзь, Коло, Унеюв перед ее частями все чаще стали появляться группы истребителей наших танков, вооруженные фаустпатронами. По указанию Катукова разведотдел армии создал специальные контргруппы, которые занимались выявлением «фаустников» и их уничтожением.[325] Следовало ожидать, что по мере продвижения армии к границам Германии будет расти сопротивление противника. Нередко на пути движения корпусов и бригад появлялись эсэсовские части и специальные команды, на которые возлагалась задача остановить наше наступление. К 19 января немцы создали в районе Кутно, Конин и Коло крупную группу войск численностью свыше 9 тысяч человек, на вооружении которой было 40 орудий, 20 самоходных установок и 300 фаустпатронов. Остановить советские войска она, конечно, не могла, но оказать серьезное сопротивление на каком—нибудь участке фронта была в состоянии.[326]

В соответствии с приказом командующего фронтом Катуков старался ускорить продвижение войск к реке Варге, чтобы захватить плацдарм на западном берегу на рубеже Коло, Каспелец, Турек, Добра, Пекары. Для прикрытия со стороны Лодзи были оставлены 20 и 21–я гвардейские механизированные бригады.[327]

Эти планы уже начали претворяться в жизнь, как вдруг их пришлось срочно менять. Позвонил Г.К. Жуков и потребовал овладеть районом Сомпольно, Слесин, Конин, Коло, передовыми отрядами занять Вильчин, Клечев, Голино. Так что вместо южного берега Варты армию пришлось перенацеливать на северное направление.[328]

Связавшись с командирами корпусов, Катуков объяснил им поставленную фронтом задачу: форсировать Варту, обходить вражеские резервы, прорываться на познанско—варшавскую

автостраду. Ближайшая цель — Познань!

Наступая на Сомпольно и Гнезно, корпус Бабаджаняна вел упорные бои с моторизованной дивизией «Бранденбург». Отбив контратаки немцев, 20 января войска заняли Сомпольно, через день бригада Гусаковского вошла в Гнезно, старинную резиденцию польских королей.

Успешно действовал и 8–й гвардейский механизированный корпус. Форсировав Варту в районе Унеюва, Дремов направил 21–ю гвардейскую механизированную бригаду на захват Коло, 1–ю гвардейскую танковую — на Конин. Коло и два других населенных пункта — Свенте и Слупца — взяты нашими частями если не с ходу, то после непродолжительных боев, с городом Конином, крупным опорным пунктом противника, пришлось повозиться. Здесь почти каждое здание было превращено в дот, подступы к городу простреливались артиллерийским и минометным огнем, а окопы вдоль шоссе занимали «фаустники».

Командарм запросил:

— Как дела?

Дремов ответил одним словом:

— Застрял.

— Что думаешь делать?

— Создаю штурмовые группы.

— Поторопись, Иван Федорович, командующий фронтом ждет от нас донесений о начале наступления на Познань. А чтобы быстрее закончил операцию, подброшу тебе кое—что из армейского резерва.

Дремов продолжал атаки Конина. Но как только штурмовые группы достигли северных его окраин, немцы взорвали мосты через Варту. Разведке пришлось искать новые переправы. В 7 километрах западнее города, у Славска, местные жители показали броды. По ним войска перешли реку.

Приведя себя в порядок, войска 8–го гвардейского механизированного корпуса со средствами усиления и несколькими подразделениями 64–й гвардейской танковой бригады, присланными Катуковым, нанесли удар по Конину с запада. Сопротивление гитлеровцев было сломлено, и 21 января город очищен от оккупантов.[329]

Впереди была крепость Познань. Чтобы ее взять, предстояло все обстоятельно продумать и взвесить. Исходить пришлось из того, что войска должны штурмовать три обвода, включавших в себя доты и дзоты, противотанковые рвы и надолбы, затем старую часть города и цитадель.

План немецкой обороны крепости не был известен командованию армии. Но вот разведчики Соболева захватывают в

плен подполковника Флакке, заместителя командира гарнизона Познани. На допросе гитлеровец дал необходимые сведения.

Обговорив детали наступления с Шалиным, Катуков отдал приказ командирам корпусов: Бабаджаняну ударить с северо—запада, Дремову — с востока. С утра 22 января передовые отряды приступили к форсированию Варты, основные силы армии выступили только во второй половине дня: произошла задержка с подвозом горючего.

В ночь на 25 января на нашу сторону перешел шофер коменданта Познани, который, как и подполковник Флакке, рассказал о том, как гарнизон готовится отразить удар советских частей. За последние дни в город постоянно прибывали танки, артиллерия, эсэсовские части, полиция и жандармерия. Комендант крепости заявил, что намерен оборонять Познань до последнего солдата.[330]

25 января Познань была окружена, начался штурм ее предместий. Вокруг города танкисты Дремова захватили все аэродромы, на которых базировалось до 700 фашистских самолетов.[331] В дальнейшем к штурму подключился 11–й отдельный танковый корпус генерала И.И. Ющука. Однако крепость оставалась неприступной.

Стало ясно, что армия может надолго застрять на Варте, а тем временем противник подтянет на Мезеритцкий укрепленный район свои резервы и прогрызать его оборону придется с большими потерями.

Военный совет армии обратился к командующему фронтом Г.К. Жукову с предложением возложить штурм Познани на общевойсковые армии, 1–ю же гвардейскую танковую бросить на запад, к государственной границе Германии.

Это было вполне разумно. Ведь куда целесообразнее использовать танки по их прямому назначению — взламыванию обороны противника.

Оказывается, Г.К. Жуков уже принял такое решение и вскоре довел его до сведения Катукова. Познань должны брать 8–я гвардейская армия В.И. Чуйкова и 69–я армия В.Я. Колпакчи. Армия Катукова получила свободу маневра, главными силами развивала наступление на Мезеритц и Швибус, а частью сил мотострелковых войск блокировала Познань с севера и запада.[332]

Под Познанью осталась группа войск под командованием заместителя командира 8–го гвардейского механизированного корпуса В.М. Горелова, которая держала блокаду города до подхода армий Чуйкова и Колпакчи.

Основные силы армии Катуков повел к Одеру. Утром 25

января 8–й гвардейский механизированный корпус Дремова переправился через Варту в районе Чапуры. Как только войска были сосредоточены на западном берегу, вперед была брошена бригада Темника. Вечером в этом же месте реку перешел 11–й гвардейский танковый корпус Бабаджаняна, и его 45–я гвардейская танковая бригада с ходу вступила в бой с группой генерала Штрека, которую германское командование «сколотило» из запасных частей, учебных и саперных батальонов.[333]

В ближайшие дни войскам предстояло штурмовать Мезеритцкий укрепленный район, а там — и Берлин.

ПУТЬ В ПОМЕРАНИЮ

Советские войска подходили к границам Германии. Можно было с уверенностью сказать, что война вступала в завершающую стадию, хотя еще требовала немалых усилий страны, народа, армии и флота.

В феврале 1945 года 1–я гвардейская танковая армия отмечала вторую годовщину со дня своего создания. За короткий срок она прошла с боями тысячи километров, нанесла врагу огромные потери в живой силе и технике. Ею уничтожено и пленено 20 790 немецких солдат и офицеров, уничтожено и захвачено 4438 танков, 3318 орудий, 1857 минометов, 654 самоходные установки и много другой техники.[334]

Катуков понимал: армия готова разгромить укрепленный район. Силы у нее были. Только какой ценой? В истории войн еще не было примера, чтобы танковая армия прорывала мощные укрепленные рубежи противника, обычно это делали общевойсковые соединения своей тяжелой артиллерией, авиация, саперные части.

Порадовали разведчики донесением: противник не успел ввести на Мезеритцкий УР свои войска. Передний край занят немецкими солдатами лишь очагами. Значит, есть возможность найти лазейки между отдельными узлами сопротивления — «панцерверке».

26 января поступил приказ командующего фронтом Г.К. Жукова, предписывающий передовым отрядам армии захватить города Бирнбаум на Варге и Шверин на Обре, удерживать их до подхода главных сил 8–й гвардейской армии.[335]

Катуков приказал Бабаджаняну выделить из 44–й гвардейской танковой бригады, находящейся в районе Пинне, два танковых батальона, роту мотопехоты, батарею самоходно—артиллерийских установок и двигаться к Бирнбауму.

Противник успел подтянуть резервы на рубеж Бирнбаум, Гожин, Дормово. Здесь завязался тяжелый бой. 28 января Бирнбаум был взят основными силами 44–й гвардейской танковой бригады.[336]

Шверин уже брали подошедшие части 35–й стрелковой дивизии, а Гусаковский получил новую задачу — двигаться как можно быстрее к Обре, чтобы захватить там плацдарм.

Главные силы армии подошли к Обре и приступили к форсированию. Под огнем противника наводились мосты, особенно упорно обороняли немцы район города Бомста. Здесь сосредоточены были силы Берлинской офицерской и двух унтер—

офицерских школ, конно—полицейский батальон СС, два батальона боевой группы «Балл», запасной учебный батальон «Бранденбург» и тяжелый зенитный дивизион противовоздушной обороны Берлина.[337]

Бомст взяли штурмом войска 8–го гвардейского механизированного корпуса Дремова и 11–го отдельного танкового корпуса Ющука, участок севернее в районе Альт—Тирштигеля захватил корпус Бабаджаняна.[338]

Первым попробовал прочность Мезеритцкого укрепленного района полковник Гусаковский. Его 44–я гвардейская танковая бригада, усиленная 1454–м самоходно—артиллерийским полком, начала прорыв оборонительной полосы противника в районе Хохвальде, в 12 километрах юго—западнее Мезеритца. Комбриг имел на руках карту минных полей района, добытую разведчиками. Это в значительной степени облегчало выполнение боевой задачи.

Разведка, постоянно шедшая впереди, доложила, что не все доты и дзоты заняты немецкими полевыми войсками, дорога в укрепленный район свободна, через противотанковый ров переброшен мост. Донесение насторожило комбрига. Что это, противник устроил ловушку? Только потом стало ясно, что дорога оставалась открытой на случай, если танки немцев пойдут в контратаку.

Не дождавшись подхода главных сил корпуса, Гусаковский принял решение ночью прорваться через укрепленный район. Саперы растащили по сторонам рельсы, на скорую руку вставленные в гнезда надолбы, цепочкой встали у дороги, освещая ручными фонариками путь, чтобы машины не напоролись на минные поля и, как говорят, благословили на подвиг батальоны Карабанова, Боридько и Пинского.

Услышав шум танковых моторов, немцы открыли огонь. Но было уже поздно, наши танкисты начали подавлять вражеские доты и дзоты, уходя в глубь оборонительного района.

Вслед за 44–й гвардейской танковой бригадой должна была идти 45–я гвардейская. Комбриг Моргунов начал атаку несколько севернее, в районе Нитнера, но мощный огонь вражеской артиллерии заставил его отойти назад. Часа через два танки все же вышли на дорогу, по которой прошла бригада Гусаковского. Немцы, однако, пришли в себя, приняли меры, перекрыли мост через противотанковый ров, заняли круговую оборону.

«Долгое время штаб армии не знал, что стряслось с моей бригадой, — рассказывал генерал армии Ираклий Иосифович Гусаковский на встрече с автором на его даче в селе Архангельское летом 1990 года. — Там высказывали догадку, что

мы отрезаны не только от основных сил армии, но и от корпуса Бабаджаняна. Мог бы помочь Дремов, но он вел бои за город Либенау, расположенный южнее Мезеритца.

Было ясно, что противник в ближайшее время подтянет свои резервы и разгромит 44–ю гвардейскую танковую бригаду. Уже начали действовать боевые группы из корпуса генерала Претцеля. Генерал потребовал на позициях драться до последнего солдата, выбивать в первую очередь советские танки. Вся надежда была на командарма».

Катуков решил действовать без промедления, направил корпус Бабаджаняна по следам Гусаковского, а корпус Дремова, после ликвидации блуждающей группы противника, тоже нацелил на Мезеритцкий район. Одновременно решено было создать подвижной отряд из 6–го мотоциклетного и танкового полков со средствами усиления. Во главе отряда командарм поставил полковника Соболева. Обращаясь к начальнику разведывательного отдела, Михаил Ефимович сказал:

— Разведчикам не положено рвать укрепленный район, но нет правил без исключения. Твоя задача: пробиться через укрепления, соединиться с Гусаковским и тянуть за собой всю армию, задача очень тяжелая, но ее надо выполнить.[339]

Отряд Соболева, пройдя несколько десятков километров, добрался до Швибуса, где только что закончились бои с блуждающей группировкой противника, иначе — «блуждающим котлом», которая безуспешно пыталась пробиться на запад. Севернее Швибуса отряд вышел к каналу, форсировав который можно было выбраться на дорогу, ведущую к небольшому городку Лагову.

Разрозненные немецкие части, узнав о приближении советских танков, оставляли поселки и города, уходили в глубь Германии. Так было и в Лагове. Когда танкисты вошли в город, над ратушей колыхался на ветру белый флаг, означавший полную капитуляцию.

31 января Катуков приказал корпусам Дремова и Бабаджаняна следовать по маршруту отряда Соболева. Танки стремительно продвигались к Одеру, сбивая на ходу бронированные колпаки на вражеских укреплениях.

Родина высоко оценила подвиг танкистов, первыми прошедших Мезеритцкий укрепленный район. Командир бригады полковник И.И. Гусаковский был награжден второй медалью «Золотая Звезда». Звание Героя Советского Союза присвоено также майорам Ф.П. Боридько, М.С. Пинскому, А.А. Карабанову (посмертно), капитану П.А. Днепрову, старшему лейтенанту А.М. Орликову, лейтенантам П.Ф. Колесникову, И.Х. Кравченко, К.П.

Никонову, младшим лейтенантам В.М. Бенберину, Г.А. Виноградову и старшине С.Г. Амеличкину. Многие воины получили ордена и медали.[340]

У войск, подошедших к Одеру, была теперь одна задача — активными действиями закрепить успех, подтянуть отставшие части, пополнить запасы горючего, боеприпасов, продовольствия, затем стремительным броском взять Берлин. Эту задачу понимал каждый — от солдата до маршала. Других задач на данном этапе пока не ставилось.

Командующий 1–м Белорусским фронтом Г.К. Жуков настоятельно требовал от Катукова как можно быстрее подтянуть армию к переправам, форсировать Одер, захватить плацдарм до того, как немцы успеют занять там оборону. Уже было известно, что противник снял с Западного фронта 4 танковые и 5–6 пехотных дивизий и перебрасывал их на восток. В том же направлении шли войска из Прибалтики и Восточной Пруссии, чтобы прикрыть Померанию, не допустить наши войска к Штеттину и в Померанскую бухту.[341]

В соответствии с шифрограммой командующего фронтом от 2 февраля 1945 года Катуков начал выдвигать свою армию в район Фридеберга, Берлинхена, Ландсберга. Предстояло форсировать Варту в районе Центоха, Герлахстали, где, по сведениям штаба фронта, имелись мосты. Прибывшая к Центоху 64–я гвардейская танковая бригада моста не обнаружила. Мост, оказалось, был только через реку Нитца, у ее впадения в Варту. Комбриг Бойко поступил так: артиллерию и минометы переправил по льду у Борков, а танки повернул на Герлахсталь, куда теперь держал направление весь 8–й гвардейский механизированный корпус.

Катуков опасался, что немцы могут преподнести неожиданный сюрприз — затопить поймы рек Варты и Одера. В январе 1945 года они произвели пропуск воды из водохранилища на реке Дунаец, вследствие чего уровень воды в Висле повысился на 110 сантиметров. К счастью, тяжелых последствий тогда не произошло.

Однако было известно, что верхнее течение реки Одер тоже зарегулировано плотинами и шлюзами.

— Надо бы предупредить об этом командиров корпусов, — посоветовал Михаил Ефимович Шалину, — а то потом греха не оберемся, если что—то случится опять.

— Не только командиров корпусов. Комбригам и комбатам информация о возможной опасности тоже не помешает. Я постараюсь издать по этому поводу специальный приказ.

Соединения и части вскоре получили уведомление начальника штаба:

«В связи с выходом наших войск к реке Одер следует учесть, что верхнее течение реки Одер до г. Бреславль сплошь зарегулировано — плотины, шлюзы, водохранилища.

В целях создания искусственного паводка, взламывания льда, срыва переправ наших войск и затопления водой противник, несомненно, попытается разрушением плотин и шлюзов создать водные заграждения.

К этому надо быть готовыми».[342]

Переправа через Варту задержала армию на целые сутки, только 4 февраля в 19.00 она вышла в район Берлинхена, Карцига, Ландсберга, Фридеберга, где находилась почти неделю, готовясь к новым боям.

Практически на этом и закончилось участие 1–й гвардейской танковой армии в Висло—Одерской наступательной операции.

Подводя ее итоги, Военный совет фронта высоко оценил действия гвардейцев—катуковцев, объявил им благодарность за мужество, отвагу, за доблесть и воинское мастерство, беззаветную любовь к своей Родине.

Армия одержима была одной мыслью — как можно скорее покончить с ненавистным врагом. В ее частях шла интенсивная подготовка к решительным действиям на берлинском направлении.

13 февраля Катуков получил оперативную директиву Военного совета фронта, которая определяла место 1–й гвардейской танковой армии в общем наступлении на Берлин. Форсировав Одер на участке Гросс—Ноендорф, Каленциг, с выходом пехоты 5–й ударной и 47–й общевойсковых армий на рубеж Блисдорф, Ригенвальде, она должна была на второй день ввода в прорыв ударом с севера и северо—востока, во взаимодействии с 2–й гвардейской танковой армией, овладеть северо—восточной частью Берлина.[343]

В течение нескольких дней штаб армии должен был разработать план наступательной операции и представить его на утверждение Военному совету фронта к 12.00 17 февраля 1945 года.

Предстояло проделать кропотливую работу, учесть собственные силы и силы противника. Учесть собственные силы трудов особых не составляло. А что выставит противник? Разведка Соболева уже знала, что германское командование стягивало на берлинское направление пехотные дивизии «Гросс—адмирал Дёниц», «Дебериц», 212–ю, 25–ю моторизованную и 21–ю танковую дивизии, большое количество боевых групп, танковых и моторизованных батальонов, артиллерийских и других частей.[344]

Приходилось учитывать и то, что советские войска, углубившиеся на германскую территорию, встречали упорное сопротивление противника, который превращал свои города в крепости, улицы — в оборонительные полосы.

Видимо, поэтому командование фронта, вслед за оперативной директивой, направило указание по ведению боя за крупные города Германии и потребовало создания специальных штурмовых групп и отрядов, хорошо вооруженных противотанковыми ружьями, трофейными фаустпатронами, ранцевыми огнеметами и средствами задымления. Отрядам и группам придавались танки и самоходно—артиллерийские установки, при необходимости — орудия калибром 152 или 203 миллиметра, а также 160–миллиметровые минометы.[345]

14 февраля Катуков издал распоряжение о том, чтобы указание штаба фронта было изучено всем офицерским составом соединений и частей. «В ходе подготовки войск, — говорилось в его распоряжении, — широко использовать опыт, накопившийся у генералов и офицеров в боях за города Казатин, Бердичев, Жмеринку, Черновцы, Станислав, Ярослав, Перемышль, а также учесть все ошибки, допускавшиеся в боях за города».[346]

До начала наступления, как предполагал командарм, оставались считаные дни. Что ж, армия готова к нему. В исправности танки, артиллерия, автомобильный транспорт. Как всегда много сделали ремонтные службы. В январских боях в болотах и реках было потеряно много техники — танков, бронетранспортеров, автомашин. Но потеряно не навсегда, а временно. Специальные группы эвакуаторов не оставили без внимания ни одной машины. Позже Дынер докладывал: с 15 января по 3 марта 1945 года отремонтировано и введено в строй 642 танка.[347]

Катуков ценил специалистов технических служб, старался, чтобы они не были обойдены вниманием, наградами. Сразу же после окончания боев приказал Павлу Григорьевичу Дынеру, а также командирам корпусов и бригад представить к правительственным наградам отличившихся бойцов, сержантов и офицеров. В приказе отмечал, что «личный состав ремонтных и эвакуационных частей и подразделений проявил самоотверженность, мужество и героизм, восстанавливая танки бесперебойно, без отдыха, день и ночь, в боевых условиях, вытаскивая затонувшие машины из—под льда, часто опускаясь в ледяную воду для прицепки танков. Успешное техническое обеспечение дало возможность боевым частям армии выйти на рубеж реки Одер, имея 75 процентов матчасти в строю».[348]

На 20 февраля 1–я гвардейская танковая армия имела 415

танков и 152 самоходно—артиллерийские установки, готова была к выполнению любой боевой задачи.[349]

Только задача у нее была теперь другая. Наступать пришлось не на берлинском направлении, а, круто повернувшись на север, к Балтийскому морю. Что же произошло?

В январе—феврале 1945 года приостановилось наступление 2–го Белорусского фронта, которым командовал К.К. Рокоссовский. Тем временем активизировалась крупная немецкая группа армий «Висла» в Померанской провинции. К 20 февраля в состав этой группы входило 20 пехотных, 4 танковые, 4 моторизованные дивизии и много других частей общей численностью 450 тысяч человек. Командование группы имело в своем распоряжении 500 боевых самолетов, около 1 тысячи танков и до 5 тысяч орудий и минометов.[350]

«Было ясно, — писал Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский, — что немецко—фашистское командование постарается использовать свою восточно—померанскую группировку, чтобы дать решительный бой советским войскам и этим задержать их продвижение к Берлину. Нам уже было известно, что фашистское руководство, сосредоточивая усилия своих войск против Красной Армии, преднамеренно ослабляет свой западный фронт и уже ищет пути для сговора с правительствами США и Англии о заключении сепаратного мира».[351]

Так что группа армий «Висла» угрожала не только 2–му Белорусскому, но и правому крылу 1–го Белорусского фронта. Кроме того, в нашем тылу оставались окруженные группировки немецких войск, которые не складывали оружия, для их ликвидации нужно было отвлекать немало сил. Приходилось учитывать и то обстоятельство, что наши коммуникации растянулись более чем на 500 километров, большинство мостов на реках выведено противником из строя, истощены запасы, требовалось время, чтобы восстановить технику и пополнить новой части и соединения.

В силу этих причин наступление на Берлин в феврале 1945 года не состоялось.

Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение сначала разгромить немецкую группу армий «Висла», обезопасить свой тыл, а уж потом продолжить наступление на берлинском направлении.

А пока — путь в Померанию.

1–му Белорусскому фронту предстояло прорвать оборонительные рубежи противника в районе Арнсвальде, развить наступление на Кольберг, Каммин, разгромить 3–ю

танковую армию, выйти на побережье Балтийского моря от Кольберга до Померанской бухты и, развернувшись на запад, очистить от врага правый берег Одера.

В этой операции должны участвовать 3–я ударная, 61–я, 47–я общевойсковые армии, 1–я армия Войска Польского и две танковые армии — 1–я и 2–я гвардейские.

17 февраля 1945 года немцы предприняли попытку контратаковать наши войска в районе Мадю—Зее, Арнсвальд. Г.К. Жуков сразу же распорядился вывести 1–ю гвардейскую танковую армию в район Берлинхен, Фридеберг, Вальденберг, чтобы, в случае продолжения наступления противника, ввести в действие ее главные силы.[352]

22 февраля Катуков получил оперативную директиву штаба фронта, в которой ставилась конкретная задача: после прорыва главной полосы обороны противника силами 3–й ударной армии генерал—лейтенанта Н.П. Симоняка начинала действовать 1–я гвардейская танковая армия и развивала успех пехоты в общем направлении на Неренберг, Вангерин. В первый день ввода ее в прорыв она овладевала районами Грасс—Зее, Гинов, Вангерин, Цейнике и удерживала их до подхода главных сил 3–й ударной армии, передовыми отрядами предстояло занять Драмбург, Лабес, Рекков. Артиллерийское обеспечение возлагалось на 3–ю ударную армию, авиационное — на 16–ю воздушную.[353]

В штабе армии анализировались детали предстоящего наступления. Уже изучена территория Восточной Померании, и каждый из командиров отдавал себе отчет в том, что путь к Балтийскому морю будет усеян отнюдь не розами, а надолбами, бронеколпаками, противотанковыми рвами да плюс ко всему этому десятками ручьев, рек, озер, болот, межозерных дефиле, которые противник приготовил к обороне.

— Ну что ж, опыт прорыва укрепленных районов у нас есть, — говорил Катуков, рассматривая карту Восточной Померании. — Будем его использовать и обогащаться новым. Уверен: побьем группу армий «Висла», хотя ею и командует сам Гиммлер.

Шалин, измерявший расстояние от места сосредоточения армии до побережья Балтийского моря, отложил в сторону курвиметр:

— Опыт — дело хорошее. И все же при штурме Померанского вала войскам придется трудновато: дожди превратили ручьи в речки, низины — в болота. Удастся ли выдержать планируемый среднесуточный темп наступления в 40 километров?

— Выдержим! — Катуков рубанул ладонью воздух. — Мы имеем преимущество над противником в людях и технике. А это

многое значит.

Перед наступлением 1–я гвардейская танковая армия насчитывала в своих рядах 35 470 человек, имела 419 танков и 143 самоходно—артиллерийские установки. Соотношение сил было таково: по численности войск 1:5, по танкам 1:5, по артиллерии 1:1. Однако соотношение сил по артиллерии увеличивалось в нашу пользу за счет 3–й ударной армии, прорывавшей оборону противника и осуществлявшей артиллерийское обеспечение 1–й гвардейской танковой армии при вводе ее в прорыв.[354]

А что противопоставлял противник? По сведениям разведки, в первый день ввода армии в прорыв она могла встретить сопротивление 5–й легкой пехотной дивизии и дивизии СС «Шарлемань», 7–й танковой дивизии СС «Гольштайн», 911–й бригады штурмовых орудий, 503–го тяжелого танкового батальона СС, а также части сил 402–й запасной дивизии и 11–й моторизованной дивизии СС «Нордланд», занимавших рубеж западнее Реетца. В общей сложности противник имел до 15 тыс. солдат и офицеров, 300 орудий и около 80 танков и штурмовых орудий.[355]

26 февраля командующие армиями Катуков и Симоняк утвердили план взаимодействия войск, определявший порядок ввода в прорыв 1–й гвардейской танковой армии и порядок замены заслонов. Была достигнута договоренность о том, что с началом атаки оба командующих будут находиться на общем КП в Либенове. При штабе 1–й гвардейской танковой армии находится представитель 3–й ударной армии со своей рацией. Все это давало возможность более эффективно управлять войсками в период прорыва оборонительных линий Померанского вала.

В последние дни февраля Катуков вместе со своими заместителями Гетманом и Дынером побывал в корпусах и бригадах, проверял готовность материальной части. Танки прошли сотни километров, многие машины выработали положенный моторесурс, двигатели требовали замены отдельных узлов.

Комбаты и комбриги докладывали: люди делают все возможное, чтобы техника не подвела в бою. Люди не подведут. Это командарм знал твердо. А машины? Заменить бы часть из них, поставить на капитальный ремонт. Однако новые танки придут только через неделю. Об этом сообщил член Военного совета фронта К.Ф. Телегин.

В ходе наступления армия теряла боевые машины, на смену им приходили новые, более совершенные. Многие танки в армии носили имена заводских коллективов, колхозов, отдельных

людей, отдавших свои сбережения на строительство боевой техники.

Утром 1 марта в 8.45 началась артиллерийская и авиационная подготовка. О ее эффективности судить было пока трудно: стоял туман и моросил мелкий дождь. Но она сделала свое дело. Вскоре пехота прорвала первую позицию главной полосы обороны противника.

Получив эти сведения, Катуков спустился на КП к Симоняку.

— Каковы успехи, Николай Павлович?

— Огрызаются, бисовы диты, — налегая на украинский акцент, ответил командарм, бросив на рычаг трубку телефона, по которому только что распекал кого—то из своих подчиненных. — Надо бы, танкист, помочь пехоте своими «коробочками». Веселее дело пойдет.

В это время позвонил командующий фронтом Г.К. Жуков и приказал ввести в бой передовые отряды 1–й гвардейской танковой армии.

— Вот теперь поможем царице полей, — улыбнулся Катуков.

С исходного рубежа рванулись вперед бригады Темника и Гусаковского. К 11 часам они углубились на 20–25 километров, 1–я гвардейская танковая бригада повела бой в районе Гросс—Зее, а 44–я — приступила к штурму Неренберга.

И все же погодные условия сказывались на ходе наступления. Передовые отряды, а следом и основные силы армии, введенные в бой, не выдерживали темпов наступления, да и противник каждый населенный пункт защищал с особой яростью.

Только к утру 3 марта, когда пали Неренберг и Вангерин, удалось прорвать оборону немцев на всю глубину, и для танковой армии открылся путь к Балтийскому морю.

Часть немецких войск отошла на север, другая часть была отброшена к Драмбургу. К этому времени войска 2–го Белорусского фронта завязали бои за город Кезлин, а 2–я гвардейская танковая армия успешно наступала на Наугард и Каммин. Катуков сразу же заметил, что остается оголенным левый фланг его армии, немцы могут ударить с запада. Следовало ожидать удара и с востока.

Оценив обстановку, командарм вносит поправку в боевой приказ по армии от 1 марта 1945 года, направляет корпус Дремова на захват Драмбурга, Бельгарда и Керлина. Взяв их, войска должны перейти к обороне и не допустить прорыва противника с востока на запад. Корпус Бабаджаняна получает задачу овладеть Кольбергом, Трентовом и Гросс—Естином, затем переходит к обороне и готовится отразить удары немцев с запада.
[356]

3 и 4 марта возросли темпы наступления: главные силы немцев были разгромлены. Разрозненные, деморализованные отряды отступали к северу. Нашим войскам сдавались города и поселки, о чем с радостью доносили командиры на КП Катукова.

4 марта Москва салютовала доблестным войскам 1–го Белорусского фронта, а также 1–й Польской армии генерала С.Г. Поплавского, прорвавшими немецкую оборону в районе города Штаргарда и овладевшими другими городами в Померании двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий.[357]

В эти дни был освобожден поселок Рыбино, в котором находился филиал Штутгофского концлагеря. В нем содержалось 1800 человек — люди разных национальностей: русские, поляки, французы, англичане, норвежцы, датчане. Рядом с лагерем находился ров, где расстреливали узников. Круглосуточно действовали газовая камера и крематорий.

За годы пребывания в неволе люди здесь были настолько истощены и измучены, что еле держались на ногах. Танкисты накормили их, обогрели, поделились одеждой и обувью из своих запасов. Покидая поселок, они увезли для командования армии письмо такого содержания:

«Дорогие товарищи! Мы, бывшие заключенные концентрационного лагеря в Рыбино, освобожденные танкистами вашего соединения, выносим свою глубочайшую благодарность родной Красной Армии…

Мы долгое время томились в лагере Штутгоф под Данцигом. Территория лагеря обнесена шестью рядами колючей проволоки, по которой был пропущен ток. Более пятидесяти злющих псов и пятьдесят эсэсовцев, не уступавших в свирепости волкодавам, охраняли нас…

Нет слов, чтобы выразить нашу радость. Мы вновь обрели жизнь и смысл существования. Но годы, проведенные в концлагере, никто из нас не забудет».[358]

Когда Катуков прочитал переданное Попелем письмо рыбинских узников, лицо его сделалось белым как ватман. Среди мужских имен с указанием национальности и профессиональной принадлежности — датский журналист, профессор из Варшавы, польский юрист, инструктор райисполкома Ленинградской области, заместитель председателя Красного Креста Латвии — привлекло внимание два женских: Егорова Надя — учащаяся из Керчи и Буланова Дина — партизанка из Орла.

Продвигаясь вперед, 1–я гвардейская танковая армия освободила Шандемин, Шифельтайн, к 12 часам 4 марта подошла к Кольбергу. Город с ходу взять не удалось. Несколько раз атаковала его 45–я гвардейская танковая бригада полковника Н.В.

Моргунова — и все безрезультатно. Гарнизон упорно оборонялся. Затем подошла 40–я гвардейская танковая бригада полковника М.А. Смирнова, и Кольберг был полностью блокирован с суши.

Вечером 4 марта в штабе армии появился офицер связи из корпуса Бабаджаняна, доставивший донесение и бутылку морской воды. Вначале командарм с удивлением смотрел на столь странный предмет, потом понял:

— Стало быть, дошли до Балтийского моря?

— Дошли, товарищ генерал—полковник, — радостно сообщил офицер. — Как свидетельство тому комбриг Смирнов велел отрапортовать вот таким способом…

Бутылка морской воды была поистине бесценным подарком. Значит, войска уже у вод Балтийского моря, можно считать, что задачу свою выполнили. Теперь важно не пропустить немцев на запад.

С отчаянием обреченных под ударами войск 2–го Белорусского фронта и 1–й армии Войска Польского пробивался на запад 10–й корпус СС и его корпусная группа «Теттау». Им удалось сбить заслоны 21–й бригады 8–го гвардейского мехкорпуса, 5 марта захватить города Шлегвитц, Лабендзе, Длифенбайн и отрезать 11–й гвардейский танковый корпус от основных сил армии.[359]

Катуков принимает срочные меры. Для разгрома гитлеровцев он вводит в бой свой резерв — 64–ю гвардейскую танковую бригаду И.Н. Бойко, генералу И.Ф. Дремову приказывает силами 20–й гвардейской механизированной бригады удерживать позиции в районе Бельгарда и Керлина, а 1–й гвардейской танковой бригадой из района Гросс—Рамбина нанести удар на Польцин. Корпус А.Х. Бабаджаняна должен был силами 44–й гвардейской танковой бригады наступать из района Штольценберга на Нелеп, во взаимодействии с бригадой А.М. Темника разгромить прорывающуюся на запад группировку противника.[360]

Несколько дней продолжались кровопролитные бои. Совместными усилиями 1–й гвардейской танковой армии, 134–го стрелкового корпуса 19–й армии и 1–й армии Войска Польского к исходу 7 марта вражеская группировка была разгромлена и прекратила свое существование.

6 марта Катуков получил шифротелеграмму Военного совета 1–го Белорусского фронта, в которой говорилось о том, что армия переходит в подчинение 2–го Белорусского фронта.

— Ты что—нибудь понимаешь, Михаил Алексеевич? — Командарм положил на стол Шалину шифротелеграмму.

Начальник штаба бегло пробежал глазами по строчкам:

— Что же тут непонятного. Рокоссовский торопится покончить с немцами в Померанской провинции, вот и выпросил нас у Верховного. Известно, что только Сталин решает такого рода вопросы.

— Возможно, Ставка решила?

— Возможно.

— Однако час от часу не легче. — Катуков полез в карман за любимыми папиросами «Казбек». — Переподчинение 2–му Белорусскому фронту означает немедленное наступление. А нам — кровь из носу — нужны хотя бы сутки, чтобы привести в порядок материальную часть. Дынер не раз уже напоминал, что пора менять масло в моторах, иначе рассыплются. Да и сам я прекрасно понимаю, что возможности танков не беспредельны.

Встретившись 8 марта с командующим 2–го Белорусского фронта, Катуков и Попель доложили ему о состоянии армии. Рокоссовский задумался. Потом, подойдя к карте, карандашом обвел район, куда вышли его войска, обратил внимание на реку Лупов—Флисс.

— Эта злополучная река, — сказал Константин Константинович, — может сыграть роковую роль в ходе дальнейшего наступления. Немцы уйдут за нее, укрепятся, придется пролить немало крови, прежде чем мы их ликвидируем там.

Опасения командующего не напрасны. Ситуация требовала немедленных действий. Но положение с танковым парком в армии было незавидным. Всякие нормы пробега давно перекрыты, отработали гарантийные сроки танковые двигатели, к тому же существует инструкция, которую командарм должен выполнять.

И все же в интересах дела пришлось на время забыть об инструкции. Не будешь же ею громить войска 2–й немецкой армии? Решено было масло в моторах танков не менять, а лишь долить его, заменить самые необходимые детали, на что требовалось всего несколько часов.

Тут же маршал Рокоссовский поставил армии задачу: главными силами выйти на рубеж частей 19–й армии в район Лупов, Рексин, Гловиц, Бандзехов, Манвитц, развить удар в направлении Лауенбург, Нойштадт, к исходу 9 марта захватить переправы через реку Леба и канал Бренкенхоф на участке Лауенбург, Адмиг, Фреест.[361]

Вернувшись в штаб после встречи с Рокоссовским, Катуков занялся разработкой плана предстоящей операции. Выслушал своих помощников, начальников отделов и служб. Соболев подробно информировал о состоянии вражеской группировки: необходимые сведения предоставила фронтовая разведка.

Картина получалась такая: на отрезанном участке Восточной Померании площадью в 7700 квадратных километров вражеская группировка имела 11 пехотных дивизий, 2 танковые, одну мотодивизию СС и четыре боевые группы общей численностью до 80 тысяч человек. Войска были основательно потрепаны, но еще могли сражаться и оказать серьезное сопротивление.[362]

Выслушав всех присутствующих, Катуков задал вопрос:

— Что может предпринять противник, оказавшись в такой ситуации, в какой находится сейчас, будучи отрезанным от сухопутных коммуникаций, лишенный возможности получать боеприпасы, продовольствие, горючее?

Поднялся Шалин, подошел к карте, висевшей на стене, спокойно, неторопливо, как всегда это делал, доложил:

— У немецкого командования один выход: отводить свои войска в район портов Данциг и Гдыня, чтобы морским путем эвакуировать их. Безусловно, они окажут нам сопротивление. Арьергарды будут драться, не щадя живота своего. Придется иметь дело с минными полями, ловушками, танковыми и артиллерийскими засадами на дальних и ближних подступах к портам.

Катуков согласился с начальником штаба, но счел своим долгом добавить:

— Нельзя забывать еще вот о чем: если противнику удастся надолго сковать нас в Померании, то Гитлер получит возможность лучше организовать оборону Берлина. Ведь ни для кого не секрет, что, разгромив померанскую группировку немцев, мы снова вернемся на берлинское направление. Значит, сроки окончания войны во многом будут зависеть и от нашей армии.

Армия поворачивалась на восток на 90 градусов. Впереди основных сил решено было направить два передовых отряда — полковника В.И. Землякова и подполковника В.Н. Мусатова. Земляков командовал 19–й самоходно—артиллерийской бригадой, ему приданы были 1430–й легкий артиллерийский полк, инженерный и понтонно—мостовой батальоны. Мусатов со своим 6–м мотоциклетным полком имел уже богатый опыт прорыва укрепленных рубежей и захвата плацдармов. Его отряд был тоже усилен 1170–м легким артиллерийским полком, инженерным и понтонным батальонами.

9 марта в 5 часов 30 минут передовые отряды вышли вперед, чтобы к исходу дня захватить плацдарм на берегу реки Лебы. Через два часа Катуков двинул в том же направлении главные силы, имевшие задачу выйти на рубеж частей 19–й армии. Утром 10 марта они должны нанести удар на Нойштадт и к исходу следующего дня выйти на побережье Данцигской бухты на

участке Гдыня, Путциг.

Катуков вел свою армию двумя маршрутами. На правом фланге двигался корпус Дремова, усиленный танковой бригадой 1–й армии Войска Польского, на левом — корпус Бабаджаняна.

Передовые отряды, продвигаясь на восток, обогнали боевые порядки 19–й армии В.З. Романовского, сбили на участке Горен, Штоентин немецкую пехоту, захватили переправы через реку Лебу. Канал Бренкенхоф тоже взят с боем. Полковник Земляков прошел свой маршрут без особых осложнений, у подполковника Мусатова встретились определенные трудности, которые, впрочем, и следовало ожидать: немцы взорвали мост у Цаценова. Пришлось Лебу форсировать на подручных средствах.

Утром 10 марта по мостам, захваченным передовыми отрядами, переправились основные силы армии. Корпус Дремова развивал наступление на Нойштадт и Яново, корпус Бабаджаняна — на Мерзин и Путциг.

Вездеход Катукова шел в боевых порядках наступающих войск. Командарм попросил водителя ехать побыстрее, но набрать скорость было просто невозможно. Дороги забиты беженцами. Гитлеровская пропаганда засорила головы людям, что с приходом советских войск всех будут расстреливать. Вот и мечутся по дорогам войны целые семьи, таская с собой домашний скарб.

Повернувшись к полковнику Никитину, сидевшему сзади, Михаил Ефимович произнес:

— Горе этих людей велико, им можно посочувствовать. Вспоминаю: вот так же метались и наши женщины с детьми и стариками, бросив насиженные места, летом 1941 года. Война страшна не только тем, что несет смерть, но и огромные страдания воюющим народам.

Поступило донесение от Дремова. Его корпус завязал бои за Нойштадт. Вездеход командарма не прошел и десяток километров, как радист «поймал» Бабаджаняна. Его войска вышли к реке Пясница восточнее Корзина.

— Молодцы! — одобрительно отозвался Катуков о своих комкорах.

— Никиток, как думаешь, через день будем в Данцигской бухте?

Начальник оперативного отдела прогнозировать события не решился:

— Поживем — увидим.

12 марта Бабаджаняну удалось прорвать оборонительные линии на реке Пяснице, затем овладеть Путцигом и выйти к Данцигской бухте. А вот Дремов застрял у Нойштадта. Нойштадт

— важный опорный пункт — прикрывал дальние подступы к Гдыне. Немцы обороняли его с особым ожесточением, создав круговую оборону. Большой помехой для танкистов и мотопехоты были доты и дзоты, а на улицах — баррикады.

Перегруппировав силы, Дремов снова обрушился на город, 20–я и 21–я гвардейские механизированные бригады отражали атаки немцев с юга и не участвовали в штурме Нойштадта. Задачу решили три бригады, нанеся рассекающие удары в нескольких направлениях: 1–я гвардейская танковая била с востока, 19–я гвардейская механизированная — с юго—запада, 1–я Польская танковая — с севера и тыла. Окруженный город не выдержал напора, сдался.

В Нойштадте захвачено было 15 танков и самоходных установок; 500 автомашин, 7 тяжелых орудий, а также 250 солдат и офицеров.[363]

После выхода войск 1–й гвардейской танковой армии на побережье Данцигской бухты группировка противника была рассечена на две части. Одна из них отошла к Гдыне, другая — на косу Пугцигер—Нерунг.

13 марта командующий фронтом поставил Катукову новую задачу: ударом танкового и механизированного корпусов прорвать гдынский укрепленный район и освободить Гдыню.

Но для начала надо было покончить с остатками немецких войск, ушедших на косу Путцигер—Нерунг. Радист быстро связал командарма с полковником Бабаджаняном:

— Армо, на твоем участке фрицы драпают по песчаным дюнам. Уйдут морем. Нельзя их упускать.

— Понял, товарищ генерал—полковник, — весело отозвался командир 11–го гвардейского танкового корпуса. — Прижмем им хвост!

На косу был послан небольшой отряд 40–й гвардейской танковой бригады в составе 5 танков, двух батарей 350–го легкого артиллерийского полка, инженерной роты и взвода автоматчиков. Прочесав косу, отряд вышел в район Гроссендорф, отрезав противнику единственный путь отхода.[364]

Теперь все внимание гдынскому укрепленному району. Катуков знал, что Гдыня — орешек крепкий. Три оборонительные полосы, внешний и внутренний обводы станут трудным препятствием при штурме города, приспособленного к длительной осаде. Не случайно еще в 1939 году гитлеровцы надолго застряли у этой крепости. А сейчас ее будут защищать не только сухопутные войска, но и флот. По показаниям пленных в порту Гдыни находятся тяжелые крейсера «Шлизен» и «Шер», вспомогательный крейсер «Гектор», две флотилии минных

тральщиков и восемь подводных лодок.[365]

17 марта командарм перебросил 11–й гвардейский танковый корпус на правый фланг армии и поставил ему задачу: во взаимодействии с частями 134–го стрелкового корпуса наступать из района Глодовкен в направлении Биркенберг, Клайн—Катц, ударом с юга, поддерживая 8–й гвардейский механизированный корпус, овладеть городом и портом Гдыней.[366]

Перед прорывом вражеских укреплений в армию прибыл командующий фронтом К.К. Рокоссовский. Он познакомился с планом штурма Гдыни, одобрил его, затем решил побывать в 11–м гвардейском танковом корпусе, совместно с которым действовала 1–я Польская танковая бригада.

Катуков позвонил Бабаджаняну на командный пункт, спросил о том, как ведут себя немцы, не обстреливают ли наблюдательный пункт и дороги к нему. Комкор не скрывал, что противник изредка постреливает, но снаряды разрываются вдалеке.

В середине дня Рокоссовский и Катуков подъехали к корпусному наблюдательному пункту. Их сразу же отвели в свежевырытые траншеи.

«Не успели мы пройти несколько шагов, — вспоминал Бабаджанян, — как прямо перед нами разорвался снаряд. Через минуту второй, сзади. «Вилка!» — мелькнуло в голове. М.Е. Катуков, наклонившись ко мне, громко зашептал: «Что же ты, а говорил…» Константин Константинович услышал, улыбнулся, сказал Катукову:

— Не пили, не парад — война. Стреляет же не он — противник, не запретишь же ему. Давайте пока что в надежный окоп, а машины с бугра прикажите убрать.

Мы сидели в окопе молча минуты три—четыре, пока обстрел прекратился.

— Ну, — сказал Рокоссовский, — доложите коротко ваши соображения по наступлению.

Слушал внимательно, все время глядя на карту.

— Когда хотите начать?

— Завтра с рассвета, если разрешите, товарищ маршал.

— Хорошо, начало в 8.00. Но город должен быть освобожден».[367]

Корпус Бабаджаняна сосредоточился в лесу в районе Кенипшх, Форст, Гневау, отсюда должен был совместно с 134–м стрелковым корпусом начать атаку.

19 марта после 40–минутной артподготовки пошла в бой пехота, за ней — танки. Севернее корпуса Бабаджаняна немецкие позиции атаковали 40–й стрелковый и 8–й гвардейский

механизированные корпуса.

Сопротивление гитлеровцев возрастало с каждым часом. Вели огонь артиллерийские батареи Гдыни и Данцига, стреляли дальнобойные корабельные пушки. Наши танки и самоходные установки с трудом продвигались вперед, лишь в конце дня танкисты овладели районом Витцлин, Биркенберг и вывели туда пехоту. Начальник штаба 11–го гвардейского танкового корпуса полковник Н.Г. Веденичев писал в донесении: «Условия местности для действия были очень трудные. На направлении действия корпуса имелось только одно шоссе. Распутица, сильно пересеченная местность, покрытая лесом, заставляли действовать вдоль шоссе, так как попытки наступать вне дорог приводили к тому, что танки застревали в грязи, становились мишенью для самоходок и артиллерии противника».[368]

21 марта Бабаджанян овладел населенным пунктом Гросс—Кащ, через два дня — Клайн—Катц. Оставалось перейти реку Качу, чтобы развить дальнейшее наступление. Однако, куда ни ступишь, везде минные поля. Только после кропотливой работы саперов части начинают двигаться вперед. Те же трудности встретились и на пути корпуса Дремова. Его танковые и механизированные бригады преодолевали густую сеть траншей, минных полей, дотов и дзотов.

Держа нити управления боем, Катуков не упускал ни на минуту из поля зрения свои войска, «прогрызавшие» вражескую оборону. Дремов донес — застрял у высоты 165,0. Михаил Ефимович спросил:

— Что случилось, Иван Федорович?

— Артиллерия противника положила в грязь пехоту. Приказал танки отвести назад, чтобы избежать больших потерь.

— Не допускаешь мысли о том, что немцы с высоты корректируют огонь береговой и корабельной артиллерии?

— Как—то не подумал об этом.

— Тогда вот что, пригладь ее своими пушками. Надеюсь, не будешь жаловаться, что нечем это сделать?

Атака в лоб высоты 165,0 успеха не принесла. Пришлось предпринять обходной маневр, 1–я гвардейская танковая и 21–я гвардейская механизированная бригады обошли высоту, уничтожили огневые точки противника — несколько бронеколпаков, доты и дзоты. Это дало возможность возобновить наступление.

Успех прорыва обозначился и в районе Виттомина. Катуков сразу же бросил туда весь корпус Бабаджаняна и 27–ю стрелковую дивизию. Они действовали на западе, с юга наступала 1–я Польская танковая бригада.

В ночь на 26 марта 44–я и 45–я гвардейские танковые бригады, преодолев противотанковый ров, совместно с частями 310–й стрелковой дивизии вышли к западным окраинам Гдыни, где заняли несколько кварталов. Главную роль в уличных боях стала играть пехота, но без поддержки танков и самоходно—артиллерийских установок продвигаться было просто невозможно.

Утром 27 марта по улицам Гдыни прошел, лязгая стальными гусеницами, танковый батальон 40–й гвардейской танковой бригады, которым командовал майор Б.П. Иванов. Несколько позже подошли 44–я и 64–я гвардейские танковые бригады.

Немецкий гарнизон был разгромлен. Часть гитлеровцев бежала на кораблях, часть ликвидирована и пленена.

В кратком отчете командование армии писало: «В боях на подступах к Гдыне и за город Гдыню войсками 1–й гвардейской танковой армии разгромлены части пяти пехотных дивизий, одна мотодивизия и одна танковая дивизия, целый ряд отдельных артиллерийских и специальных подразделений противника».[369]

27 марта 1945 года Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский снова прибыл в штаб 1–й гвардейской танковой армии. Он поблагодарил танкистов за отличные действия в Померании, отдал распоряжение сдать свои боевые участки частям 19–й армии и 3–му гвардейскому танковому корпусу. На них теперь возлагалась задача по окончательной ликвидации гдынской группировки противника, а 1–я гвардейская танковая армия возвращалась в состав 1–го Белорусского фронта.

Прощай, Польша!

ГУДЕРИАН УПОРСТВУЕТ

На войне есть минимум здравого смысла, из пределов которого нельзя выходить. Гудериан пренебрег этим правилом, за что и поплатился. Отставка больно ударила по самолюбию генерала. Профессиональному военному оказаться не у дел — это все равно, что быть заживо погребенному, а уж тем более во время войны… Он пытается защищать свое доброе имя, действует через фронтовых друзей, адъютанта Гитлера Рудольфа Шмундта, с которым был в хороших отношениях, других влиятельных лиц, но все напрасно: Гитлер и слышать не хотел о бывшем своем любимце.

Тем временем продолжалась чистка в армии. Ушли в отставку командующие группами армий фельдмаршал фон Лееб, фельдмаршал фон Бок, фельдмаршал фон Рунштедт, правда, он все же позже появился в качестве командующего войсками на Западе. Вынуждены были покинуть свои посты командующий сухопутными войсками фельдмаршал фон Браухич и танковые генералы Гейер, Ферстер и Гепнер. Последнего Гитлер разжаловал до рядового, лишил права на ношение мундира и орденов, а также права на пенсию и служебную квартиру. Генерал —полковник Гепнер позволил себе высказать свое мнение о дилетантском руководстве армией своему непосредственному начальнику фельдмаршалу фон Клюге. Тот, естественно, сообщил об этом фюреру.

Гудериан утешился лишь тем, что не один он пострадал от своеволия Гитлера. Но все равно к своему патрону и фронту не охладел, особенно внимательно следил за тем, что происходило на Восточном фронте, читал сводки и слушал радио. В 1942 году у него обострилась болезнь сердца, и генерал вынужден был заниматься поправкой своего здоровья.

Конечно, для него небезразлично было состояние германской армии, в первую очередь бронетанковых войск. Гудериан знал, что Гитлер усиленно занимается техническим оснащением армии и проявляет живой интерес к танкам, но предлагать свои услуги пока не собирался, хотя и держал связь с министром вооружения и боеприпасов Альбертом Шпеером, который информировал его о разработках новых типов боевых машин.

В процессе модернизации танковых войск Гитлер отдавал предпочтение новым типам машин — легкому разведывательному «Леопарду», среднему — «Пантере» и тяжелому танку «Т—VI» — «Тигру». В процессе выпуска этой техники совершенствовались тактико—технические данные боевых машин — скорость хода,

вес, вооружение, броневая защита. Известно, что танки «Т—VI» «Тигр» испытывались в боевых условиях осенью 1942 года под Ленинградом. На них делалась ставка в период летнего наступления 1943 года.

Германская промышленность постоянно наращивала выпуск танков, самоходных установок и другой военной техники. Различным фирмам устанавливались соответствующие планы. Если верить Гудериану, то к весне 1944 года Германия должна была производить ежемесячно до 800 танков разных типов и 600 самоходных орудий.

Однако фронт пожирал львиную долю этой техники, и Гитлер вынужден был обратиться в январе 1943 года «Ко всем работникам танкостроения» увеличить выпуск танков. У него были опасения, что советская танковая промышленность в скором времени опередит германскую, что даст возможность советским фронтам диктовать в боях свои условия.

В дальнейшем Гитлер и его генералы делали упор на производство лишь «пантер» и «тигров», самоходных установок, отказавшись от старых типов танков, таких как «Т—III» и «Т—IV». Гудериан встревожился: если заводы Германии будут производить только 25 «тигров» в месяц, то это приведет к полному уничтожению германских сухопутных войск в самые короткие сроки и русские выиграют войну без западных союзников, захватят всю Европу. Опасность, по его словам, была столь велика, даже чудовищна, что «стали искать человека среди генералов бронетанковых войск и отдельных благоразумных личностей из военного окружения Гитлера, который был бы в состоянии немедленно устранить угрозу наступления хаоса».

Таким человеком, спасителем Германии, своего рода мессией, стал, конечно, Гудериан. Гитлеру пришлось преодолеть чувства недоверия к опальному генералу, выслушать его планы реорганизации бронетанковых сил, а затем назначить его на высокую должность генерал—инспектора бронетанковых войск.

Встреча с Гитлером состоялась 20 февраля 1943 года в главной ставке в Виннице, куда срочно был вызван танковый генерал. Прежде чем предстать перед фюрером, Гудериан во всех деталях обсудил с шеф—адъютантом свой доклад. Рудольф Шмундт рекомендовал быть осторожным в выборе выражений, не горячиться, если фюрер начнет проявлять несогласие по каким—нибудь вопросам, избегать обсуждения острых проблем, чтобы не раздражать собеседника.

Доклад состоялся в присутствии шеф—адъютанта, прошел сравнительно ровно, потом Гитлер и Гудериан остались одни, так сказать, с глазу на глаз. С первых же минут Гудериан обратил

внимание на изменения, произошедшие во внешнем облике диктатора. Вот как он описывает эту встречу: «После мрачного 20 декабря 1941 года я не видел Гитлера. Он очень постарел за прошедшие четырнадцать месяцев. Его манера держать себя не была уже такой уверенной, какой была раньше, речь казалась медлительной, левая рука дрожала. На его письменном столе лежали мои книги. Свою беседу он начал словами: «В 1941 году наши пути разошлись. В то время между нами имели место недоразумения, о чем я очень сожалею. Вы мне нужны». Я ответил, что готов работать, если он сможет создать мне условия для плодотворной деятельности».[370]

Слова — «вы мне нужны» — лишний раз подтверждают: Гудериан нужен был Гитлеру, Гитлер — Гудериану. Только в такой связке они могли существовать — как сиамские близнецы.

Гитлер еще раз повторил свое намерение назначить Гудериана генерал—инспектором бронетанковых войск и попросил его разработать инструкцию, в которой изложить свои соображения по дальнейшему развитию бронетанковых сил — «этого имеющего для ведения войны решающее значение рода войск».

«Быстроходный Гейнц» не стал торговаться, он рад был тому, что снова оказался при любимом деле, хотя, конечно, потребовал определенных условий и свободы действий, т. е. передачи ему ряда полномочий, которых не было у генерал—инспекторов других родов войск. В первую очередь генерал—инспектор должен подчиняться не начальнику штаба сухопутных войск, а только фюреру. Гитлер согласился и на это.

Инструкция была составлена по объему небольшой, но емкой, состоящая из семи пунктов и двух подпунктов, устраивающая обе стороны — Гитлера и Гудериана. Согласие Гитлера с условиями, выдвинутыми Гудерианом, давало ему возможность активно влиять на ход военных действий на всех фронтах, что как раз не очень—то пришлось по душе начальнику генштаба Цейтцлеру и всему командованию сухопутных войск. Директива Гитлера нарушала их «священные права».

Усевшись в кресло генерал—инспектора, Гудериан начал сколачивать свой штаб, привлекая туда опытных офицеров, в первую очередь фронтовиков, и тех, кто достаточно хорошо зарекомендовал себя как умелый штабной работник. Необходимым условием штабного работника любого ранга, а уж тем более штаба генерального, считал Гудериан, должны быть его военные способности, целостность характера, тактическая и техническая подготовка, организаторский талант, прилежание, трезвость ума, решительность.

Штаб возглавил танкист полковник Томале, ставший потом генералом. В нем работало немало известных в Германии офицеров и генералов. В начале марта 1943 года Гудериан уже готов был доложить фюреру о состоянии бронетанковых войск. Ему подали самолет, и он вылетел в Винницу.

Доклад состоялся 9 марта в присутствии едва ли не всего генерального штаба — начальников отделов, генерал—инспекторов пехоты и артиллерии, представителей разных родов войск.

Доклад содержал положения не только по реорганизации бронетанковых и моторизованных войск, но и много новых организационных моментов, связанных с укреплением боеспособности и огневой мощи такого соединения, как танковая дивизия. Генерал—инспектор утверждал, что «полностью боеспособной танковая дивизия считается в том случае, когда число ее танков находится в соответствующей пропорции к остальным боевым средствам и машинам. Немецкая танковая дивизия состоит из 4 батальонов и насчитывает 400 танков. Если число танков станет значительно меньше 400, то обслуживающий аппарат (количество людей и колесных машин) не будет соответствовать подлинной ударной силе дивизии».[371]

Для многих присутствующих на этом совещании стало неожиданным и неприятным, особенно артиллеристам, требование Гудериана, чтобы самоходные орудия тоже подчинялись генерал—инспектору бронетанковых войск, чтобы они использовались исключительно для противотанковой обороны, а не для других целей, чтобы тяжелые самоходные орудия использовались только на главных фронтах и только для выполнения особых задач. Гудериан утверждал: если управление бронетанковых войск разрешит задачу по созданию полнокровных танковых дивизий, то совместно с военно—воздушными силами и подводным морским флотом удастся одержать победу над противником, не удастся — война станет «затяжной и дорогостоящей».

Гитлер уже принял решение о крупном летнем наступлении на Восточном фронте, вовсю шла подготовка к операции «Цитадель». Гитлеровское командование сосредоточило в районе Белгорода и западнее Орла 17 танковых, три моторизованные и 16 пехотных дивизий, надеясь взять реванш за поражение под Сталинградом и вновь повести наступление на востоке.

Гудериан хотя и не был сторонником наступления под Белгородом и Курском, тем не менее сделал все возможное, чтобы армии Манштейна и Моделя были вооружены современными танками и самоходными установками.

Операция «Цитадель», как известно, провалилась, несмотря на все старания Гитлера и Гудериана. Осеннее наступление тоже не принесло немцам успеха. Советские войска вернули стране Киев, отбросили противника к Бердичеву и Виннице, на северо—западе уже шли бои за Невель и Витебск. Только к востоку от Могилева и Орши еще оставался плацдарм на восточном берегу Днепра.

Сомнения Гудериана усилились: имеет ли еще смысл удерживать плацдарм на Днепре при таком положении, когда, пожалуй, навсегда исключалось возобновление наступления в восточном направлении?

С конца 1943 и в начале 1944 года многие генералы вермахта уже не мечтали о наступлении на Москву, понимая, что более важной задачи, чем удержание захваченной территории, быть не может. Значит, НУЖНО было организовывать оборону по всему Восточному фронту.

Положение германских войск продолжало ухудшаться и в 1944 году. Красная Армия теснила немцев на всем протяжении фронта. На северо—западе была снята блокада Ленинграда, в марте войска группы армий «Центр» оказались за рекой Западный Буг, на юге полным ходом шло освобождение Крыма.

Гудериану приходилось заниматься не только Восточным фронтом, но и Западным. Там тоже дела обстояли не лучшим образом. После поражения под Эль—Аламейном англичане весной 1943 года вытеснили Роммеля, этого Лиса пустыни, с африканского континента, в тяжелом положении оказались германские войска и в Южной Италии, а также на Сицилии, где союзники повели решительное наступление.

6 июня 1944 года союзники, открыв второй фронт, высадились в Нормандии (Франция). Во Франции и Голландии Гитлер держал довольно крупную группировку войск под командованием фельдмаршала Рунштедта. Фельдмаршал Роммель, после африканских неудач командовавший группой армий «Б», усиленно укреплял Атлантический вал. Но уже ничто не могло сдержать союзников, превосходивших немцев, по сведениям американского генерала Реймонда Бартона, в соотношении 9:1 в пехоте, 50:1 в артиллерии и значительно в авиации.

Попытка Роммеля заставить Гитлера укрепить свои войска ни к чему не привела, а тем временем 7–я армия и танковая группа «Запад», истекая кровью, вели тяжелые бои против войск союзников.

Ничем ему не мог помочь и Гудериан. Единственное, что он мог сделать, — с разрешения Гитлера снять с Восточного фронта

пару танковых дивизий.

Фюрер, недовольный ходом военных действий на Западном фронте, решился на новую перетряску командного состава, снял со своих постов фельдмаршала Рунштедта, фельдмаршала люфтваффе Шперле и генерала Гейера. На место Рунштедта назначил покладистого фельдмаршала фон Клюге, «желательную персону» во все времена, однако новое командование войсками на Западе, как утверждал Гудериан, «вступившее в свои права 6 июля, не в состоянии было что—нибудь изменить. Фельдмаршал фон Клюге прибыл во Францию с настроением, создавшимся под влиянием оптимизма, царившего в главной ставке фюрера, прежде всего он имел столкновение с Роммелем, но вскоре вынужден был соглашаться с его весьма трезвой оценкой положения».[372]

К этому времени Роммель уже понял, что продолжение войны ведет к неминуемой катастрофе Германии. 15 июля он направил Гитлеру ультиматум, призывая его сделать правильные выводы и давая понять, что пора кончать войну как на Западе, так и на Востоке. В дальнейшем, как известно, Роммель принял участие в заговоре против Гитлера.

После поражения немцев под Курском Восточный фронт стал неустойчивым. Красная Армия взяла инициативу в свои руки и уже не выпускала ее до конца войны. К середине июля германские войска были вытеснены за линию Пинск, Волковыск, Гродно, Ковно, Двинск, Псков. Войска 1–го Украинского фронта начали громить противника под Киевом, Харьковом и Житомиром. Группа армий «Северная Украина» под командованием генерал—полковника Гарпе отходила к границам Польши.

Став начальником генерального штаба, Гудериан потребовал от Гитлера самых широких полномочий, как и в случае, когда назначался на должность генерал—инспектора бронетанковых войск. Хотя сам он говорит исключительно о «минимальных полномочиях», но таких, которые давали бы ему право «отдавать указания группам армий Восточного фронта по всем принципиальным вопросам и решать все вопросы, касающиеся генерального штаба в целом». Таких прав он не получил: Кейтель и Иодль воспротивились.

Однако положение на фронтах было катастрофическим, поэтому Гудериан решил заручиться поддержкой Гитлера хотя бы в вопросах создания стратегических резервов, строительства оборонительных сооружений, а также получить разрешение на сокращение фронта — вывести войска из Норвегии, Прибалтики и Румынии, которым угрожали удары Красной Армии.

Тревожные дни наступили и в Польше, где с начала августа

1944 года бушевало восстание под руководством генерала Бур—Комаровского. Политика Гитлера по умиротворению Варшавы только подхлестнула сопротивление польских патриотов и ускорила наступление советских войск, которые захватили на Висле, у Баранува и Магнушева, плацдармы и готовились теперь нанести удар по группе армии «Центр».

Фронт вплотную подходил к границам Германии, и Гудериан еще надеялся спасти положение. Он усиленно занимался строительством оборонительных сооружений, восстановлением старых укрепленных районов, понимая, что они могут выдержать осаду лишь в том случае, если будут обеспечены гарнизонами, оружием и разными запасами. Ему удалось сформировать до сотни крепостных пехотных батальонов и до сотни батарей. Он отдал приказ об использовании трофейного оружия и боеприпасов для вооружения пехотных батальонов. Ему принадлежит идея создания ландштурма (ополчений для защиты восточных провинций), которые потом стали называться фольксштурмом (народным ополчением).

В ноябре 1944 года Гитлер, мобилизовав последние резервы, готовился начать контрнаступление на Восточном фронте. Его, однако, постигла неудача: Румыния и Болгария прекратили союзнические отношения и стали на сторону СССР. Еще раньше, 19 сентября 1944 года, Финляндия заключила перемирие с Англией и Россией. Перелом настроений наступал и в Венгрии.

Немцы терпели поражение и на Западе. Бронетанковые силы союзников, поддержанные авиацией, успешно наступали на Орлеан и Париж. Атлантический вал разламывался. Срочная замена командующего войсками на Западе Клюге на Моделя не могла изменить ситуацию. 25 августа пал Париж.

Гитлер и его штаб оперативного руководства войсками были в смятении, не могли принять окончательного решения по дальнейшему развитию боевых действий. Правда, никто не сомневался, что надо ужесточить оборону. Но куда направить основные усилия — на запад или восток? Только куда ни кинь, всюду — клин. Пока что говорить с противником о перемирии никто не отваживался. И русские и англичане с американцами требовали одного — безоговорочной капитуляции. На Западе хотелось удержать промышленные районы до реки Рейн, на Востоке — важные в военном и продовольственном отношении районы Силезии и Польши.

Советники Гитлера больше склонялись к тому, чтобы Западный фронт предоставить самому себе, к тому же с западными союзниками легче договориться, если речь пойдет о перемирии, чем с Советским Союзом, а основную тяжесть борьбы

перенести на восток и остановить продвижение русских.

Этой точки зрения придерживался и Гудериан. Восточный фронт был для него всегда главной головной болью. Тут не существовало никаких правил войны, кроме одного: «Бить так бить!» Еще древние говорили, что «война зло; ее ведут с помощью больших несправедливостей и насилия, но для честных людей и на войне существуют некоторые законы. Нельзя гнаться за победой, если выгоды, какие дает она, будут приобретены путем низости и преступления. Великий полководец должен вести войну, надеясь на свое мужество, а не на измену долгу со стороны других».

Гудериан гнал на восток дивизию за дивизией, надеясь укрепить потрепанные в боях группы армий. Он стремился до начала зимнего наступления Красной Армии создать несколько полос обороны, чтобы на них можно было опереться в предстоящих боях. Но тут, как всегда, вмешался Гитлер, считавший себя не только великим полководцем, но и инженером по строительству фортификационных сооружений. Он приказал строить главную линию сопротивления в 2–4 километрах от переднего края обороны, вместо 20, как этого требовала фронтовая практика.

Гудериану было известно, что на Висле советское командование сосредоточило огромные силы, которым противостоять было нечем. Русские обладали 15–кратным превосходством на суше и 20–кратным — в воздухе. И все же надеялся на опыт и мужество германского солдата, который до последнего патрона будет защищать свою территорию. Слишком много поставлено на карту!

Удивительно и другое. Видя неминуемый крах гитлеровской авантюры, Гудериан еще стремился переломить ход истории в пользу Германии, складывать оружие не собирался, а требование союзников о безоговорочной капитуляции считал «жестокостью», «преступлением против человечности». Для солдат же это «позор, которого они не хотели, да и не могли взять на себя, пока еще не исчезла последняя перспектива на другую возможность достижения мира».

Мира, считал он, можно достигнуть только в том случае, если удастся остановить советские войска. Поэтому и направился в ставку, чтобы «выиграть бой с Гитлером», получить его разрешение на массированную переброску войск на Восточный фронт. Фюрер выделил только четыре дивизии, которые были брошены в Венгрию, где войска 6–й армии Балька вели с начала января 1945 года ожесточенные бои.

Гитлер и Гудериан возлагали на Балька большие надежды, но

успехов он так и не добился: не хватало свежих резервов. Гудериан едет в Будапешт, чтобы самолично убедиться в причинах неудач начатого наступления. Приходит к выводу: «Первоначальный успех вечернего сражения 1 января не был использован ночью для совершения решительного прорыва. У нас не было больше офицеров и солдат 1940 года, иначе мы, возможно, достигли бы успеха, позволяющего сохранить силы и приостановить на некоторое время наступление противника на дунайском фронте».

Однако не только на Дунае, но и на Висле дела не пошли, несмотря на все усилия. Командующие группами войск Гарпе и Рейнгардт стремились сократить линию фронта, тем самым высвободить несколько дивизий в качестве резерва. Позволит ли сделать это Гитлер?

Когда Гудериан направился в ставку с соответствующими выкладками и схемами, подготовленными генералом Геленом, Гитлер пришел в ярость. Сокращение линии фронта в его понимании звучало как оставление позиций и переход на запасные, своего рода бегство. Составителя «идиотских» схем потребовал отправить в сумасшедший дом.

Красная Армия с тяжелыми боями продвигалась в Верхнесилезский промышленный район и ее удержать было уже невозможно. При очередной неудаче своих войск Гитлер обращался к излюбленному средству — замене командующих, как панацее от новых бед. Генерал—полковника Гарпе заменил на Шёрнера, которому вскоре присвоил звание фельдмаршала, командующего 9–й армией генерала Лютвица — на генерала Буссе. От таких перестановок на фронте ничего не менялось. Как отмечал Гудериан, по всему Восточному фронту немцы вели тяжелые «отступательные бои».

В начале марта 1945 года советские войска вышли к Балтийскому морю. Вскоре вся Померания для немцев была потеряна. Бои уже шли за Данциг (Гданьск) и Гдыню. На Западном фронте американцы, форсировав Рейн, вели бои за Дармштадт и Франкфурт—на—Майне.

Войну Германия проиграла окончательно, хотя еще фашистские главари хватались за любую возможность, чтобы продлить свое существование. Гитлер менял командующих, как незадачливый игрок фигуры на шахматной доске в надежде выиграть партию. Чехарда с командующими выбивала из колеи и начальника генерального штаба. Его титанические усилия спасти фронт уже ничего не могли изменить.

Гудериан потерял интерес к тому, что происходило в окружении Гитлера, в ставке, в штабе верховного командования

сухопутных войск, в его собственном штабе. Гитлер это заметил и 28 марта 1945 года отправил его в отпуск, точнее — в отставку. На этот раз навсегда.

Передав дела генералу Кребсу, он покинул Цоссен, пригород Берлина, и отправился в санаторий под Мюнхеном, чтобы подлечить свое больное сердце. Окончания войны дожидался в Тироле, в штабе генерал—инспектора бронетанковых войск. 10 мая 1945 года генерал—полковник Гудериан сдался с этим штабом в плен американцам.

«За событиями, которые происходили после 28 марта, я следил по радио. О них я не намерен говорить».

Так закончил свое повествование один из неистовых генералов бесноватого фюрера, танкист по профессии, фашист по политическим убеждениям.

Гудериан избежал скамьи подсудимых на Нюрнбергском процессе. Но история все равно вынесла ему справедливый приговор.

НА БЕРЛИНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Март 1945 года. Последняя военная весна. Весна тревог и больших надежд.

Катуков снова привел свою армию на Одер. Совершив 400–километровый марш (автотранспорт шел своим ходом, танки и самоходно—артиллерийские установки — железной дорогой), она сосредоточилась в лесах южнее Ландсберга, где в январе—феврале шли кровопролитные бои.

Началась подготовка к решающей наступательной операции — берлинской. В войсках армии — небывалый политический и боевой подъем. Война тяжелая, изнурительная близилась к концу, но каждый понимал, что путь на Родину лежит через Берлин.

К этому времени советские войска одержали ряд крупных военных побед. Они стояли на линии Одер, Нейсе от Балтики до чехословацкой границы, находясь недалеко от Берлина. Уже завершилось освобождение Венгрии, значительной части Чехословакии, советские танки подходили к Вене — столице Австрии. На западе войска союзников были у Эльбы.

Ставка разработала план взятия Берлина. Основной удар с Кюстринского плацдарма наносили войска 1–го Белорусского фронта — пять общевойсковых и две танковые армии — 1–я и 2–я гвардейские. Общевойсковые армии прорывали тактическую зону обороны противника, создавали благоприятные условия для ввода в действие танковых армий. Танки обходили Берлин с севера и юга и совместно с войсками 1–го Украинского фронта замыкали кольцо окружения.

В конце марта и начале апреля в 1–ю гвардейскую танковую армию начала поступать новая техника — танки. Вот они — двести красавиц «тридцатьчетверок» с 85–миллиметровой пушкой! Давно ждал их Катуков. Проходя вдоль строя боевых машин, весело подмигнул Дынеру:

— Это тебе не фунт изюма — техника. Живем теперь, Павел Григорьевич. Надеюсь, не придется моторы чинить на каждом шагу, как было в Померании.

Дынеру в марте было присвоено звание генерал—майора. Еще не привыкший к новому своему положению, он продолжал носить старую полковничью шинель, либо облачался в темный комбинезон. На реплику командарма ответил с улыбкой:

— Слава богу, до Берлина километров семьдесят. Доскачем, думаю, что больше не будем доливать масла в моторы.

Кроме новых «тридцатьчетверок», армия получила 43 тяжелых танка «ИС–2», 20 самоходно—артиллерийских установок

«ИСУ»–122, 48 самоходно—артиллерийских установок «СУ–100» и «СУ–76».[373]

Исходя из того, что 1–й гвардейской танковой армии предстояло наступать на главном направлении, командующий фронтом Г.К. Жуков подчинил Катукову 11–й танковый корпус И.И. Ющука и 4–ю гвардейскую зенитную дивизию И.Г. Каменского, что значительно усиливало огневую мощь армии. Так что было кому воевать и чем воевать.

Фронтовая обстановка настораживала. Ходили настойчивые слухи о том, что гитлеровское командование ищет возможности для заключения сепаратного мира с англоамериканцами, и уж не по слухам, а по донесениям разведки стало известно, что с Западного фронта на Восточный перебрасывается часть дивизий.

Стало быть, Гитлер и его клика на карту ставят все, чтобы оттянуть конец своей гибели, будут лезть вон из кожи, чтобы не допустить наши войска не только к Берлину, но и за Одер. Пока 2–й Белорусский фронт и часть сил 1–го Белорусского фронта заняты были ликвидацией группы армий «Висла» в Померании, немцы использовали относительное затишье на берлинском направлении для создания глубоко эшелонированной обороны на подступах к столице. Строительство оборонительных сооружений противник начал в феврале 1945 года в условиях боевого соприкосновения с нашими войсками. У Одера круглосуточно работали пехотные, саперные и строительные части. Рубежи в глубине оборудовались преимущественно силами мобилизованного населения и организации «Тодт».[374]

Воздушная и наземная разведка установила, что перед фронтом 1–й гвардейской танковой армии противник создал главную полосу обороны на Зеловских (Зееловских) высотах с наличием в ней трех позиций с общей глубиной до 15 километров и ряд промежуточных тыловых рубежей на подступах к Берлину.

Прорыв обороны противника, рейды по его тылам и удары по коммуникациям — главная задача армии. Но воображение Катукова занимали предстоящие бои в самом Берлине, где танки будут лишены оперативного простора. Порадовал штаб фронта. 2 апреля помощник начальника штаба генерал—лейтенант Бойков прислал офицеров связи с двумя макетами города Берлина и его пригородов в масштабе 1:15 000 и 1:25 000. Макеты позволяли всем командирам, включая комбригов, детально изучить улицы и площади города, расположение правительственных зданий рейхстага, имперской канцелярии, Министерства внутренних дел и других.[375]

На прошедших затем тактических играх прорабатывались детали будущей операции, все стороны взаимодействия

различных родов войск с упором на артиллерию и танки.

«У себя в армии, — отмечал Катуков, — на ящиках с песком, планах и макете, присланном Маршалом Советского Союза т. Жуковым, тщательно прорабатывали все географические особенности будущего театра боевых действий.

Исходя из учета вероятной обороны врага в самом Берлине, мы готовили людей по специально разработанной штабом армии и полученной из штаба фронта инструкции о боях в крупном населенном пункте. Вся подготовка к наступательным боям велась в расчете на то, что танкистам придется не рейдировать по тылам врага, а пробивать его оборону упорными боями, километр за километром».[376]

5 апреля командующий фронтом вызвал в штаб, расположенный в небольшом городке Бирнбаум, командующих армиями, членов Военных советов, командиров корпусов и начальников штабов. Все ожидали, что на совещании речь пойдет о предстоящем наступлении. И не ошиблись.

Г.К. Жуков сообщил, что находился в Ставке Верховного Главнокомандования. Ставка торопит с началом наступления. Наши союзники тоже спешат, особенно англичане. Им не терпится первыми быть в Берлине. Маршал напомнил о Ялтинской конференции, согласно которой советская зона оккупации Германии должна проходить западнее Берлина.

Более подробно Георгий Константинович остановился на задаче, которую предстояло выполнить войскам фронта. Сначала на карте, затем на макете он показал основные линии обороны немцев, дал характеристику противостоящим силам противника на берлинском направлении. Берлин и подступы к нему обороняли две группы армий — «Висла» и «Центр». Кроме пехотных, моторизованных и танковых дивизий гитлеровское командование создало большое число бригад, отдельных полков, батальонов и других подразделений. А это — около миллиона солдат и офицеров.

Начальник штаба Калинин уделил внимание другой, не менее важной проблеме — боям в самом Берлине, заметив при этом, что Гитлер объявил тотальную мобилизацию, поставил под ружье все население города — от безусых юнцов до стариков. Фольксштурм и гитлерюгенд — надежда и опора фюрера и его клики. Советским войскам предстояло пройти три укрепленных обвода, разгромить цепи дотов и дзотов, захватить 30 вокзалов и 120 железнодорожных станций, метро, форсировать каналы на реке Шпрее, словом, преодолеть весь сложный комплекс оборонительных сооружений, за которыми немцы рассчитывали отсидеться в трудные для них дни.

Общая задача была ясна. До ее реализации оставалось чуть более недели.

Возвратившись в армию, Катуков вплотную занялся разработкой планов предстоящей операции. Засиживаться за бумагами он не любил. Его идеи и замыслы воплощали в документацию Шалин и Никитин. Просмотрев график переброски войск на левый берег Одера, составленный начальником штаба, Михаил Ефимович одобрительно заметил:

— Ну что ж, если выдержим его, на Кюстринском плацдарме будем в срок.

— Обязательно будем, — с уверенностью произнес Шалин. — Уже создаются две переправы и возводятся 16– и 60–тонные мосты. Скоро они будут готовы.

Постоянно, изо дня в день звонил Калинин, интересовался состоянием частей, танкового и автомобильного парка. Однажды предупредил:

— Михаил Ефимович, в ближайшее время вас будет проверять представитель Генштаба Красной Армии.

Проверка — это уже серьезно. Но Катуков не беспокоился. Из Померании к месту сосредоточения подошли последние части. Оставалось провести осмотр техники, возможно, потребуется мелкий ремонт.

Дынер, надо полагать, уже занимается этим. И все же командарм и член Военного совета решили побывать в ремонтно—восстановительном батальоне.

— Показывай свое хозяйство, Павел Григорьевич, — попросил Катуков, вылезая из бронетранспортера вместе с Попелем.

Хозяйство у «танкового доктора» большое, что и говорить. На железнодорожной ветке стоял целый ремонтно—восстановительный завод. Тут делали средний и даже капитальный ремонт танков, автомашин. Последнее время наладили выпуск дефицитных пальцев — специальных болтов для соединения траков в гусеницы.

Дынер обещал, что к началу наступления все танки будут в строю. И он не подвел. Проверяющий — представитель Генштаба — записал в акте: «Материальная часть — боевые машины, автотранспорт и оружие, находящиеся в подразделениях, — приведена в полный порядок, отремонтирована, содержится в чистом состоянии. Общее состояние дисциплины в частях вполне удовлетворительное…»[377]

Штаб армии, штабы соединений и частей много работали над тем, чтобы хорошо изучить местность в восточной части Бранденбургской равнины, где предстояло наступать. Она неоднородная — реки, речные долины, масса озер, отдельные

плато, Зеловские высоты. Кроме Одера, предстояло преодолеть реки Флисс и Шпрее. Шпрее — достаточно широкая и глубоководная река, на участке Штралау, Кепеник она достигает 150–200 метров, в пределах Берлина до 100 метров. Мосты немцы наверняка взорвут при приближении наших войск, так что рассчитывать придется на свои силы.

Внимательно изучалась также представленная Соболевым информация о противостоящих 1–й гвардейской танковой армии немецких дивизиях. Две из них — 20–я моторизованная и 169–я народно—гренадерская — были уже знакомы по последним боям. Моторизованные дивизии «Мюнхеберп» и 18–я были сформированы лишь в марте 1945 года из охранных полков и остатков других ранее разгромленных частей. Опыта боевых действий не имели. Такова же история и 303–й пехотной дивизии, сформированной в январе 1945 года, но уже побывавшей в боях под Кюстрином.[378]

Соотношение сил складывалось в пользу 1–й гвардейской танковой армии. Противник имел 33 800 солдат и офицеров, 1600 пулеметов, 164 миномета, 334 орудия, 170 зенитных орудий, 170 танков и 106 штурмовых орудий.[379]

Армия Катукова насчитывала 45 794 человека, 497 танков, 212 самоходно—артиллерийских установок, 405 орудий разных калибров, 286 минометов и 44 реактивных установки «М–13».[380]

12 апреля штаб 1–й гвардейской танковой армии получил директиву Военного совета фронта, которая предписывала вывести корпуса за Одер на Кюстринский плацдарм, чтобы они были готовы войти в прорыв в полосе наступления 8–й гвардейской армии В.И. Чуйкова на участке Гузов, Дольтелин и развить наступление в общем направлении на Белов, Оберстдорф, Гарцин, Альт—Лансберг, Карлхорст, на второй день прорыва овладеть районом Марцан, Карлхорст, Шеневейде, Капеник, Фридрихсхатен, Ноенхаген.

В дальнейшем ударом на юго—запад во взаимодействии с 2–й гвардейской танковой армией овладеть районом Шарлоттенбург, Вильмерсдорф, Целлендорф, Лихтенраде, Рудов, пригородом Трептов, Нейкельн.

Артиллерийское обеспечение возлагалось на 8–ю гвардейскую армию, авиационное — на 16–ю воздушную.[381]

Готовность к наступлению — к исходу 15 апреля. Последние приготовления, последние рекогносцировки. Кстати, каждую рекогносцировку, которую проводил Катуков с офицерами штаба, приходилось тщательно маскировать. «Чтобы не настораживать немцев, — писал в одном из отчетных документов командарм, — всю разведывательную и рекогносцировочную работу на

направлениях предстоящего наступления нам приходилось вести с исключительной предосторожностью. Отправляясь на рекогносцировку к переднему краю, мы с командирами частей и соединений переодевались в красноармейскую форму, брали с собой катушки провода, так что о подлинных целях нашей работы не догадывались ни немцы, ни пехотинцы, занимавшие оборону в районе рекогносцировки».[382]

Армейская суета постепенно спадала: части и соединения подготовлены к наступлению, все расписано, отрегулировано, нацелено. Как говорится, оружие заряжено, остается только нажать на спусковой крючок. Казалось бы, можно было и отдохнуть. Но Катуков еще и еще раз обращался к штабной документации, выверяя расчеты Шалина, советуясь с Никитиным, Соболевым, Фроловым, Харчевиным, Коньковым, Журавлевым — с теми, от кого нередко зависели результаты боевой операции.

Днем свободного времени у командарма не было, оставалась только ночь. В ночной тиши он умудрялся почитать книжку, отвечал на письма многочисленных корреспондентов. Вот так же пришлось отвечать на письмо Юрия Жукова, с которым Михаил Ефимович поддерживал отношения с 1941 года. Хотелось поделиться радостью перед началом наступления:

«Вчера маршал Жуков вручил мне вторую Золотую Звезду, сказал — надо отработать в ближайшей операции.

Будем стараться на благо нашей Родины — дадим Гитлеру последний пинок высокой квалификации и в указанном темпе.

Сейчас три часа ночи, кончаю писать — много работы. Сидим с мудрым Шалиным и талантливым Никитком и продумываем кое —какие хитрости.

Жму руки. С приветом *Катуков*».[383]

Утром 14 апреля получен приказ командования фронта о вводе армии в прорыв. Катуков решил вести ее по шести маршрутам. На правом фланге поставил 11–й танковый корпус, в центре — 11–й гвардейский танковый корпус, на левом — 8–й гвардейский механизированный корпус. Каждый корпус продвигался двумя эшелонами. В резерве у командарма оставались 64–я гвардейская танковая бригада, 11–й гвардейский танковый полк, армейская артиллерийская группа в составе 197–й легкой артиллерийской бригады, 316–го отдельного гвардейского минометного полка, а также подвижная группа — 19–я самоходно—артиллерийская бригада.[384]

По приказу Военного совета фронта 8–й гвардейский механизированный корпус должен был в этот день начать разведку боем. Преследовалась простая цель: заставить немцев оттянуть на передний край побольше войск и техники.

Катуков позвонил Дремову:

— Готов, Иван Федорович?

— Всегда готов!

— Тогда можно начинать.

Два дня — 14 и 15 апреля — части корпуса завязывали бои то в одном, то в другом месте, активно «давили» на первую линию обороны противника. Немцы, видимо, приняли огневой налет артиллерии и танковые атаки за начало большого наступления. Дремов никак не ожидал, что германское командование сразу же начнет отвод своих войск на второй рубеж обороны, к Зеловским высотам. Удивлен был и Катуков, когда комкор доложил, что части 20–й моторизованной и 303–й пехотной дивизий отошли на рубеж Ортвиг, Золиканте, Лечин, Бушдорф, Гольцов. Мотодивизии «Мюнхеберг» и «Курмарк» по тревоге выведены на линию Гузов, Вербиг, Зелов, Либенихен.

— Иван Федорович, ничего не путаешь? — переспросил командарм.

— Упаси бог, передо мной карта, на которой мои помощники все аккуратно обозначили. А им я доверяю. — Дремов имел в виду начальника штаба генерала Шарова, начальника оперативного отдела майора Бондаря и начальника разведывательного отдела подполковника Андрияко.

«Неужели немцы поверили в то, что мы начали общее наступление? — задавал себе вопрос командарм. — Тем хуже для них».

На исходе дня 15 апреля армия начала выдвигаться к Одеру. Первыми устремились вперед бригады Гусаковского и Темника, составлявшие передовые отряды. На переправах строгий порядок. По заранее наведенным мостам, выдерживая жесткий график, следуют колонны танков, артиллерии. Между ними вклинивается мотопехота. Переправившись на левый берег Одера, части занимают исходные позиции на участке Альт—Малиш, Дольгелин, Зелов, где в это время находилась 8–я гвардейская армия В.И. Чуйкова.

На Кюстринский плацдарм прибыл командующий фронтом. Г.К. Жуков побывал у Чуйкова, затем заглянул к танкистам.

— Не спится, командарм? — обратился он к Катукову.

— Разве уснешь в такую ночь, товарищ маршал.

— Коротко доложите, где находятся ваши войска, — потребовал командующий.

Михаил Ефимович показал на карте переправы, маршруты выхода корпусов на исходные позиции, сообщил, что ждет докладов от своих командиров, которые занимаются вопросами увязки взаимодействия со стрелковыми корпусами армии

Чуйкова.

Жуков остался доволен ходом событий на плацдарме, в частности, развертыванием войск 1–й гвардейской танковой армии. Позже написал: «Меня обрадовала предусмотрительность генералов М.Е. Катукова и М.А. Шалина. Оказывается, они еще со вчерашнего утра послали своих командиров соединений, назначенных к действию в первом эшелоне танковой армии, на наблюдательные пункты командиров корпусов 8–й гвардейской армии, чтобы согласовать подробности взаимодействия и условия ввода в прорыв, а в случае необходимости и для допрорыва обороны противника».[385]

В 5.00 16 апреля тысячи залпов взорвали предрассветную тишину: началась 30–минутная артиллерийская подготовка. Волна за волной пошли на запад краснозвездные бомбардировщики. За Одером стоял страшный грохот. И вдруг — тишина, она длилась недолго. Сразу же вспыхнуло 140 зенитных прожекторов, ослепляя противника, которого атаковали пехотные части 8–й гвардейской армии.

Все, кто находился на наблюдательном пункте командующего 1–й гвардейской танковой армии, были заворожены невиданным зрелищем.

— Вот он, наш последний и решительный бой! — проговорил Катуков, радостно сверкая глазами. — Мы его ждали с июньских дней 1941 года.

В грохоте и дыму прорывалась вперед пехота. Пройдена ничейная земля, начались бои на первой и второй позициях противника. Немцы не выдержали натиска и отошли к Зеловским высотам. Здесь наши войска были встречены мощным артиллерийским огнем. Одновременно в боевых порядках 303–й пехотной дивизии и мотодивизии «Мюнхеберг» появилось до 40 танков и штурмовых орудий, 20–я мотодивизия, понесшая большие потери в первые часы боя, отошла в полосу действия дивизии «Мюнхеберг».

В это время на исходных позициях стояли в готовности корпуса 1–й гвардейской танковой армии. Им только что было зачитано обращение Военного совета 1–го Белорусского фронта, в котором говорилось о необходимости нанести удар по гитлеровским войскам на подступах к Берлину, захватить столицу фашистской Германии и водрузить над нею Знамя Победы.[386]

Стрелковые корпуса армии Чуйкова замедлили движение вперед, потом совсем остановились. Повторная артиллерийская подготовка позволила продвинуться на незначительное расстояние. Успех обозначился только в направлении Дольгелина. Чистого прорыва не получалось.

Тем не менее командующий фронтом решил ввести в действие 1–ю гвардейскую танковую армию, позвонил по ВЧ, поставил задачу: совместно с частями 8–й гвардейской армии завершить прорыв тактической зоны обороны противника.

Бросать танки на артиллерию врага было рискованно, но другого выхода не было. Бой идет уже около шести часов, а успехи пока незначительные. Под угрозой может оказаться вся наступательная операция.

В 13.00 Катуков приказал передовым отрядам — 65–й и 36–й танковым бригадам (11–й танковый корпус), 44–й и 40–й гвардейским танковым бригадам (11–й гвардейский танковый корпус), 1–й гвардейской танковой и 20–й гвардейской механизированной бригадам (8–й гвардейский механизированный корпус) — обогнать пехоту армии Чуйкова, выйти на свои маршруты и развить наступление в общем направлении на Берлин.[387]

Танкисты буквально вгрызались в Зеловские высоты, и все же не смогли к концу дня их преодолеть, прорвать оборону на всю ее глубину. С выступов била артиллерия, в атаки бросались «тигры», «пантеры», штурмовые орудия, на каждой тропинке стояли фугасы и мины. Враг отразил удар.

Оборона Зеловских высот не шла ни в какое сравнение даже с Мезеритцким укрепленным районом. Тут и техники побольше и солдат достаточно. Проанализировав еще раз с Шалиным результаты боя, Катуков решил подтянуть всю артиллерию к переднему краю, бросить штурмовую и истребительную авиацию для расчистки путей танковым бригадам, — только так можно было рассчитывать на определенный успех.

Генерал—майор Фролов быстро начал перемещать к Зеловским высотам мощные артиллерийские силы, оперативно был решен вопрос и с авиаторами. Командиры авиационных корпусов, обеспечивающие 1–ю гвардейскую танковую армию, генерал—майоры Крупский и Сиднев с оперативными группами прибыли на КП Катукова и в дальнейшем руководили действиями своих подразделений по указанию командарма. Командиры авиационных дивизий соответственно находились на НП командиров корпусов и совместно с ними решали все вопросы наступления.[388]

Всю ночь с 16 на 17 апреля готовились армии Чуйкова и Катукова к штурму второй линии обороны противника Зеловских высот. В 10 часов утра началась артиллерийская и авиационная подготовка. Она длилась ровно полчаса. Над высотами еще не успели рассеяться клубы пыли и дыма, как пехота снова пошла в атаку.

Наблюдая за ходом боя, Катуков с тревогой думал о новой танковой атаке. Артиллерия и авиация наверняка разрушили значительную часть укреплений противника и уничтожили технику. Но практика показывает, что подавить все огневые средства не всегда удается. Значит, танки снова попадут под губительный огонь противотанковой артиллерии в тот момент, когда будут преодолевать восточные скаты Зеловских высот, крутизна которых достигает 30–40 градусов.

К счастью, атака удалась — и у пехотинцев и у танкистов. Вражеская оборона полыхала огнем. Преодолевая различные укрепления, стрелковые корпуса 8–й гвардейской армии значительно продвинулась вперед. К 12 часам корпуса Дремова и Бабаджаняна овладели Фридерсдорфом, Дольгелином и Либбенихеном. К 14 часам корпус Ющука во взаимодействии с 4–м гвардейским стрелковым корпусом разгромили противника у Зелова, прорвали вторую полосу обороны немцев, форсировали реку Флисс и захватили Вульков.

Учитывая сложившуюся ситуацию, Катуков решил воспользоваться успехами Ющука и направил корпус Бабаджаняна к реке Флисс, приказав ему переправиться в районе Герльсдорфа и захватить плацдарм на левом берегу. Отбив атаку немецких танков и пехоты у Фридерсдорфа, 11–й гвардейский танковый корпус вышел к Герльсдорфу. Но противник успел взорвать там мосты. Пришлось под огнем наводить переправу. Первой перешла на левый берег 27–я гвардейская механизированная бригада, обеспечившая захват плацдарма для остальных частей.[389]

16 апреля Катуков повернул и 8–й гвардейский механизированный корпус следом за 11–м гвардейским танковым, чтобы он, обойдя узлы сопротивления противника, снова вышел на свой прежний маршрут. Маневр вполне удался.

Спохватившись, немецкое командование решило любой ценой ликвидировать прорыв советской пехоты и танковых частей, введя в бой в полосе 1–й гвардейской танковой армии до 100 танков и самоходно—артиллерийских установок, бросив большое количество самолетов.[390]

Весь день шли жаркие бои. Немцы контратаковали наши войска, стараясь ударом во фланг ликвидировать прорыв в направлении Мюнхеберга. Кроме 20–й мотодивизии, мотодивизий «Мюнхеберг», «Курмарк» германское командование ввело в действие 23–ю моторизованную дивизию СС «Нидерланды» и другие части, надеясь решить главную задачу — задержать советские войска на берлинском направлении.

1–я гвардейская танковая армия оказалась в довольно

сложном положении. Помимо немецких сил, действующих с фронта, на ее левый фланг, на корпус Дремова, начала напирать крупная франкфуртская группировка противника. Предполагалось, что она будет разгромлена войсками 1–го Украинского фронта, но они отстали, а теперь 8–му гвардейскому механизированному корпусу пришлось распылять свои силы.

И все же армия Катукова продолжала наступать. Совместно с войсками Чуйкова она захватила Хайнерсдорф, Требниц, Дидерсдорф, Янсфельде, Марксдорф, важные опорные пункты на подступах к Мюнхебергу.[391]

Потеряв Зеловские высоты, германское командование не могло уже сдерживать наступление советских войск, хотя и ввело в бой новые резервы — танкоистребительную бригаду «Дора», 404–й арткорпус, 18–ю моторизованную дивизию и другие части.[392]

На пути лежал Мюнхеберг. Немцы здесь прочно держали оборону, и Катуков решил не тратить попусту на него свои силы. Он приказал Дремову и Бабаджаняну обойти его, совместно с 4–м и 29–м стрелковыми корпусами 8–й гвардейской армии развить наступление на берлинском направлении, форсировать Шпрее и выйти на юго—восточные окраины Берлина.[393]

Шел четвертый день наступления. Все эти дни командарм не покидал наблюдательный пункт. Ему сюда привозили завтрак, обед и ужин. Его адъютант А.Ф. Кондратенко писал: «Он (Катуков. — *В.П.*) относительно здоров, — эти две недели его держали на диете, но в боях опять все нарушится. У него ведь такая привычка — когда воюет, почти ничего не ест, только схватит иногда ломоть хлеба с солью и с луком, и все…»[394]

Напряжение боев не спадало ни днем, ни ночью. Они шли на рубеже Нойе—Мюле, Кинбаум, Эгерсдорф, Темпельсберг. Утром 20 апреля Катуков наносит удар главными силами армии в направлении на Мюнхеберг. Пробив в обороне 20–й моторизованной дивизии солидную брешь, он вводит в нее корпуса Дремова и Бабаджаняна, а получив оперативный простор, громит в лесах под Мюнхебергом 303–ю пехотную дивизию и дивизию «Мюнхеберг».[395]

С выходом войск 8–й гвардейской и 1–й гвардейской танковой армий в район Нойе—Мюле, Кинбаум, Хангельсберг создавалась угроза коммуникациям франкфуртской группировки противника. Для обеспечения левого фланга этой группировки немецкое командование перебросило часть сил мотодивизии «Курмарк» из района Ней—Малиш к Фюрстенвальде. К 16.30 противник, сбив наши заслоны, овладел Буххольцем, затем предпринял попытку продвинуться на север. И это все, что ему

удалось сделать.

С каждым днем 1–я танковая гвардейская армия все ближе подходила к цели. Корпуса Ющука, Бабаджаняна и Дремова уже вели бои на правом берегу Шпрее.

Следует признать, что темпы наступления были невелики, но танки нередко отрывались от стрелковых частей на 6–10 километров. Командующий фронтом Г.К. Жуков сердился, требовал от Катукова ускорить продвижение к Берлину.

Но как ускоришь, если немцы в каждом населенном пункте, в каждом городе организовывали жесткую оборону, превратив каменные здания в опорные пункты с автоматчиками и «фаустниками». В отличие от прошлых боев немцы теперь вели залповый огонь фаустпатронами по нашим танкам с верхних этажей зданий. Потери техники значительно возросли.

Война для фашистской Германии была уже давно проиграна, но Гитлер еще верил: Запад придет ему на помощь. Ведь не могут англичане и американцы согласиться с тем, чтобы Красная Армия взяла Берлин. 17 апреля фюрер обратился к населению по радио: «Мы имеем достаточно сил, чтобы расправиться с большевиками перед Берлином. Требуется применение всех сил и самопожертвования — в этом спасение Германии. В эти дни решается все. Если перед Берлином большевики получат кровавую баню, то это будет означать поворот в войне. В настоящее время — решительная битва против большевизма».[396]

Поздно вечером штаб 1–й гвардейской танковой армии получил телеграмму маршала Г.К. Жукова: «Катукову, Попелю. 1–й гвардейской танковой армии поручается историческая задача: первой прорваться в Берлин и водрузить Знамя Победы… Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин…»

Военный совет армии текст этой телеграммы передал корпусам со следующим указанием: «Выделить усиленные бригады и выполнить поставленную задачу… О выходе к Берлину доложить».[397]

Телеграмма командующего фронтом заставила Катукова пересмотреть планы дальнейших военных действий. Части 8–го гвардейского механизированного корпуса, подошедшие к Шпрее, уже навели 60–тонный мост в районе Фюрстенвальде и готовились начать переправу. Дремов вдруг получает приказ командарма: переправу через Шпрее прекратить, понтонный парк с переправы снять.[398]

Катуков решил не втягивать в бои на берегах Шпрее корпус Дремова с франкфуртской группировкой, полагая, что это значительно ослабит силу удара на Берлин, тем более что Г.К.

Жуков выдвигал в район Фюрстенвальде новые части. Приказал Дремову оставить в районе Фюрстенвальде, Буххольц сильный заслон из одной танковой бригады, двух истребительно—противотанковых полков, дивизиона РС и 48–го тяжелого танкового полка, чтобы не допустить прорыва немцев на запад и северо—запад, а главными силами нанести стремительный удар в направлении Хангельсберг, Эркнер, Карлхорст и к утру 21 апреля выйти на юго—восточную окраину Берлина.[399]

Выполнить приказ командующего фронтом поручено было лучшим танковым бригадам армии — 1–й гвардейской полковника Темника и 44–й гвардейской полковника Гусаковского. Впереди танков шли мотострелки, уничтожая засады противника, в первую очередь «фаустников». Такое построение войск позволяло поддерживать довольно высокие темпы движения.

Следом за 1–й и 44–й гвардейскими танковыми бригадами двигались в таком же темпе основные силы армии, громя на своем пути разрозненные части противника. Катуков нацеливал войска в те места, где обнаруживалось слабое звено во вражеской обороне. Ход тут всегда подсказывала разведка. Но известно, что и она не всесильна. Только бой на широком участке фронта позволял судить, насколько прочно противник держит оборону в том или ином районе. А задача командарма состояла в том, чтобы вовремя заметить признаки успеха своих частей и без промедления их использовать.

В последующих боях 1–я гвардейская танковая армия, форсировав Шпрее, захватив города Эггерсдорф, Рюдерсдорф, Эркнер, Вильгельмсхаген, вышла к пригородам Берлина. Части корпуса Бабаджаняна выбили немцев из Уленхорста, восточной окраины города, подняли Государственный флаг СССР над зданием штаба фольксштурма.[400]

23 апреля 1945 года Катуков, Попель и Шалин докладывали Военному совету 1–го Белорусского фронта: «1–я гвардейская танковая армия, взаимодействуя с 8–й гвардейской армией, в результате ожесточенных пятидневных боев с танковыми и механизированными соединениями противника, последовательными ударами с широко применяемым маневром на поле боя, прорвала глубоко эшелонированную, заранее подготовленную оборону противника на ближних подступах к Берлину и завязала бои в предместьях города».[401]

В этот же день радио донесло приятную весть — приказ Верховного Главнокомандующего, в котором отмечались боевые успехи войск 1–го Белорусского фронта, в том числе и 1–й гвардейской танковой армии, на берлинском направлении.

В приказе, в частности, назывались имена отличившихся танкистов—первогвардейцев в боях при прорыве обороны немцев и наступлении на Берлин начальника штаба генерал—лейтенанта Шалина, командиров корпусов генерал—майора Дремова и полковника Бабаджаняна.[402]

Москва салютовала доблестным войскам 1–го Белорусского фронта двадцатью артиллерийскими залпами из 220 орудий.

Тем временем к южным окраинам Берлина вышла и 3–я гвардейская танковая армия П.С. Рыбалко. В результате этого маневра завершилось окружение 4–й и 9–й танковых армий, основных сил франкфуртской группировки немцев. Она была отсечена от столицы.

Катуков с оперативной группой прибыл на командный пункт генерала Дремова, расположенный на окраине горящего города Кепеника. Комкор поспешно доложил:

— Войска готовятся форсировать Шпрее. Мешает немецкая авиация и артиллерия.

— Ничего, Иван Федорович, попробуем угомонить их.

С командного пункта Катуков связывается с генералами Фроловым и Крупским, приказывает им подавить огневые точки противника на левом берегу Шпрее.

Уже через несколько минут на противоположный берег обрушивается целая серия артиллерийских и авиационных ударов. Немцы на время притихли.

Разобравшись в обстановке, командарм отдал приказ войскам: 11–му гвардейскому танковому корпусу форсировать Шпрее юго—западнее Карлхорста и к исходу дня 24 апреля овладеть рубежом Силезского и Герлицкого вокзалов; 8–му гвардейскому механизированному корпусу нанести удар на Иоганнисталь, Нейкельн, к исходу дня выйти на рубеж Герлицкого вокзала и аэропорта Темпельсхоф.[403]

Армия за восемь дней боев потеряла немало людей и техники, но ее боевой дух был довольно высоким. Катуков весьма сожалел, что с некоторыми частями пришлось расстаться. По приказу командующего фронтом корпус Ющука с утра 23 апреля переходил в оперативное подчинение 5–й ударной армии генерала Н.Э. Берзарина. Чуйкову для непосредственной поддержки пехоты передавались 64–я гвардейская танковая бригада, 11–й гвардейский тяжелый танковый и 399–й гвардейский тяжелый самоходно—артиллерийский полки.[404]

И тем не менее корпуса Дремова и Бабаджаняна продолжали штурмовать пригороды Берлина. Успешно переправившись через Шпрее, они заняли выгодные позиции от Шеневейде до Бонсдорфа, что давало возможность наступать к центру города с

юго—востока.

Бои не прекращались даже ночью. В адском грохоте, занимая квартал за кварталом, продвигалась пехота, поддерживая ее, шли танки и самоходно—артиллерийские установки. Батареи орудий разных калибров и минометов вели огонь по зданиям, площадям и садам, где затаился противник.

«Перед нами лежал огромный город, — писал Катуков, — изрезанный сетью каналов, с узкими коридорами улиц, перерезанных многочисленными завалами у перекрестков, укрепленных вкопанными в землю танками, где в каждом доме засели автоматчики и фаустпатронщики.

Враг, чувствуя приближение конца, сопротивлялся с исключительным упорством и яростью. Каждый метр пространства на пути продвижения к центру города приходилось преодолевать с предельным напряжением, каждый дом на нашем пути вставал как крепость, которую надо было брать штурмом. Узкие улицы мешали маневру, пехота, осыпаемая градом пуль и осколков, медленно продвигалась вперед по подвалам и чердакам. Танки, самоходная артиллерия, полевая артиллерия и минометчики были зажаты в узких коридорах улиц, мешавших введению в бой всех огневых средств одновременно. В кварталах, еще не прочесанных пехотой, фаустпатронщики дерзкими, внезапными налетами зажигали танки и самоходные орудия. Все ожесточение четырехлетней войны достигло предела на этом последнем этапе».[405]

Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись. Геббельс, возглавивший оборону Берлина, считал, что город может продержаться 10–12 недель. Против наступающих советских войск были брошены последние резервы: специальные подразделения, несшие охрану правительственных зданий, батальоны фольксштурма и полиции, боевые группы 9–й авиадесантной дивизии, 20–й моторизованной дивизии и дивизии «Мюнхеберг», 18–й танковой дивизии.[406]

Но и советские войска наращивали удары. Части, переправившиеся через Шпрее, Катуков сразу же вводил в бой. Оборона гитлеровцев в самом Берлине трещала по всем швам. Не спасали здания—крепости. В городе их было 600 тысяч. На многих намалевано: «Берлин останется немецким». Правда, кто—то из наших бойцов уже постарался, добавил: «Только без фашистов».

25 апреля штурмовые группы форсировали канал Тельтов. Бои шли на улицах Бергштрассе и Рихардштрассе. Грохот артиллерийской канонады сливался с ревом танковых и авиационных моторов.

Части корпуса Бабаджаняна, сломив сопротивление противника, вышли к каналу Ландвер. Впереди двигалась разведгруппа старшего лейтенанта Е.К. Мирошникова. Мотострелки корпуса Дремова достигли южной части Нейкельна и завязали бои на перекрестке улиц Донауштрассе и Инштрассе.

Разведгруппа майора В.С. Графова донесла на КП Катукова: захвачены берлинские аэропорты Адлерсхоф и Темпельсхоф. На летном поле Адлерсхофа было уничтожено до 70 самолетов. Кроме бомбардировщиков и истребителей, здесь находились и личные самолеты главарей фашистского рейха.

Сражение за Берлин достигало кульминации. Чтобы протолкнуть вперед танки, всегда приходилось пускать вперед автоматчиков, которые «выкуривали» из щелей и подвалов «фаустников». И все же машины горели. С канала Ландвер Бабаджанян донес:

— Потерял несколько «тридцатьчетверок». Боюсь, не дотяну до рейхстага!

— Спокойно, Армо. — Катуков подождал с минуту, пока в микрофоне не прекратились шумы, затем продолжал: — Меняй тактику ведения боя. Пускай танки по обеим сторонам улицы. Имей в виду следующее: машины с левой стороны должны вести огонь по домам правого порядка, машины с правой стороны пусть стреляют по домам левого порядка. Понял?

— Спасибо, товарищ генерал—полковник! Все понял!

К условиям городского боя пришлось подстраивать не только танки, но и артиллерию. Применить массированный огонь не всегда удавалось: мешали здания. Орудия часто ставили на прямую наводку, огневую позицию выбирали ближе к цели — на площадках, в парках, а то и просто на улице. Минометы затаскивали на балконы, чердаки, крыши, откуда было удобно вести огонь. Использовали, конечно, и реактивные установки «БМ–13».

Двигаясь самостоятельно, а в некоторых случаях за стрелковыми частями 8–й гвардейской армии, танкисты к 27 апреля выбили противника из 80 кварталов и вышли к Ангальтскому и Потсдамскому вокзалам.

Шалин уточнил задачу командирам корпусов: Бабаджанян должен был форсировать канал Ландвер западнее Потсдамского вокзала и нанести удар по рейхстагу, затем — по парку Тиргартен. Дремову предписывалось продолжать наступление вдоль южного берега канала, очищая его берега от противника.

События в Берлине развивались с неимоверной быстротой. До разгрома берлинской группировки оставались считаные дни, но бои становились все яростнее и ожесточеннее. К утру 28 апреля

были заняты Ангальтский и Потсдамский железнодорожные вокзалы. Они достались ценой больших потерь. В боях погибли командиры 19–й и 21–й гвардейских механизированных бригад полковники И.В. Гаврилов и П.Е. Лактионов, ранены И.И. Гусаковский и А.М. Темник.

На командном пункте 8–го гвардейского механизированного корпуса Катуков узнал, что Абрам Матвеевич Темник скончался в госпитале. Это известие словно взрывом снаряда оглушило командарма. Сколько потерь было во время войны! А вот новые — на завершающем ее этапе. Каждую потерю Михаил Ефимович переживал тяжело, страдал молча. Себя же не щадил. Адъютант Кондратенко вспоминал: «Бои очень тяжелые. Столько огня и дыма, что нечем дышать. За все эти дни спали только несколько часов. Мы все время под артиллерийским обстрелом. Падают снаряды. Очень волнуюсь за Михаила Ефимовича, — все дни и ночи он в войсках, и как его уберечь, прямо не знаю…»

Бои уже шли за центр Берлина. Атаки шли волной — одна за другой. С юга наступали 28–я, 8–я гвардейская армии, 1–я и 3–я гвардейские танковые армии, с востока — 5–я ударная армия, с севера — 3–я ударная армия, с северо—запада — 2–я гвардейская танковая армия и 1–я армия Войска Польского.

Вечером самолет из Москвы доставил газеты, письма, телеграммы. В газетах были опубликованы призывы ЦК ВКП (б) к празднику 1 Мая. Получил и командарм Катуков поздравление от редакции «Комсомольской правды». В период затишья между боями ответил: «Телеграмму получил. Благодарю за поздравление, заканчиваем бои на улицах Берлина. Фашистам скоро полный конец. Поздравляю весь коллектив «Комсомольской правды» с майским праздником. Генерал—полковник *Катуков*». [407]

На 29 апреля назначен был общий штурм берлинской группировки противника. Он начинался в 12.00 после тридцатиминутной артподготовки.

В штабе 1–й гвардейской танковой армии собрался весь командный состав — Шалин, Никитин, Фролов, Попель, Соболев. Командарм Катуков ставил корпусам последнюю боевую задачу: во взаимодействии с частями 8–й гвардейской армии овладеть имперской канцелярией, парком Тиргартен, Зоологическим садом и соединиться с 3–й ударной и 2–й гвардейской танковой армиями, наступавшими с севера и северо—запада. [408]

Бои на улицах то затихали на время, то возобновлялись с новой силой. Чувствовалось: противник вот—вот выдохнется. Немецкий гарнизон испытывал недостаток боеприпасов и продовольствия. Попытка наладить снабжение по воздуху ничего

практически не дала. К тому же выход 1–й гвардейской танковой армии в район Зоологического сада, а 1–й Польской армии — к Спортплощадке фактически отрезал юго—западную группировку противника от северо—восточной.

Войска облетела радостная весть: вечером 30 апреля над Рейхстагом водружено Знамя Победы. Это сделали бойцы из 3–й ударной армии генерала В.И. Кузнецова, а не танкисты 1–й гвардейской танковой армии, как предполагалось ранее, — не беда. Они были рядом, помогали пехоте, как могли.

Немцы по—прежнему сопротивлялись в Зоологическом саду и парке Тиргартен. Здесь было построено много железобетонных бункеров, каждое каменное здание стало опорным пунктом. Чтобы разбить эти очаги сопротивления, Катуков направил сюда 152–миллиметровые орудия и бросил авиацию. Причина столь упорного сопротивления немцев выяснилась позже. Оказалось, что в подземелье находился командный пункт и узел связи командующего обороной Берлина. Генералу пришлось покинуть этот КП и перейти на запасной по улице Фоссштрассе.

Немецкому командованию неоднократно предлагалось прекратить бессмысленное сопротивление. Было известно: гарнизон обречен. Но лишь в ночь на 1 мая на КП генерала Чуйкова прибыл начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Кребс. Он сообщил, что Гитлер покончил с собой, а новое правительство прислало его для переговоров с советским командованием о перемирии. Ему ответили, что речь может идти только о безоговорочной капитуляции.

Геббельс и Борман отвергли требование советского Верховного Главнокомандования. В ответ на это наши войска обрушили новый шквал огня на последние очаги сопротивления гитлеровцев. Пылал Рейхстаг, горели здания вокруг него, бои шли в воздухе и на земле, в подвалах зданий и на лестничных пролетах.

Танкисты 44–й гвардейской танковой бригады при поддержке двух батальонов мотопехоты 27–й гвардейской бригады разгромили противника в районе Зоологического сада, оттеснив его к Лихтеналлее. С рассветом предполагалось нанести последний удар. Но он не потребовался.

Было два часа ночи. Радиостанции штаба берлинской обороны объявили о прекращении военных действий: «Каждый час дальнейшей вашей борьбы увеличивает невыносимые страдания гражданского населения Берлина и наших раненых. По соглашению с Верховным командованием советских войск я приказываю вам немедленно прекратить сопротивление». [409]

Неужели долгожданная Победа? Катуков схватил трубку

телефона и стал звонить командирам корпусов. Дремов вспоминал:

«Телефонный звонок командарма был для меня неожиданным. Я плотно прижал к уху трубку и сквозь грохот разрывов едва расслышал охрипший голос Катукова:

— Иван Федорович, — кричал он, — немедленно прекрати огонь! Немцы капитулировали».[410]

Днем 2 мая Катуков с группой офицеров штаба проезжал по горящему, но уже притихшему Берлину. На перекрестке по пути к имперской канцелярии стоял подбитый танк с ромбом на башне — «тридцатьчетверка» из 1–й гвардейской танковой бригады. Командарм с гордостью посмотрел на ее обожженные борта, на вмятины на броне и подумал: «Где она начала свой боевой путь? Скорее всего, на Одере».

У Рейхстага Никитин попросил остановиться: соблазн посмотреть на здание со стороны был велик.

— Товарищ командарм, — обратился он к Катукову, — в имперской канцелярии мы побывали, нанесли, так сказать, визит вежливости. Правда, удовольствия он не доставил. Может быть, вид Рейхстага компенсирует недостаток положительных эмоций.

Кругом — людские толпы, не протолкнуться, ликуют пехотинцы, танкисты, летчики, рядом артиллеристы зачехляют пушки, из которых недавно вели огонь. На стенах Рейхстага появились первые надписи. Писали кто чем мог — мелом, углем, краской, писали, не стесняясь, оставляя свой памятный адрес.

9 мая 1945 года Левитан прочитал по радио приказ Верховного Главнокомандования войскам Красной Армии и Военно—морскому флоту. Много приказов было во время войны, но этого ждали давно. Ждали с нетерпением. В нем, в частности, говорилось: «Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко—фашистских захватчиков, победоносно завершена. Германия полностью разгромлена».

В Берлине завершилась и боевая деятельность гвардии генерал—полковника М.Е. Катукова. Свой долг он тоже выполнил, о чем писал:

«Я брал на себя суровую ответственность в тяжелые годы войны и честно выполнил свой долг, закончив войну в Берлине. И самой высшей для меня наградой было сознание, что и присягу, и данные слова товарищу Сталину я выполнил».

В МИРНЫЕ ДНИ

Страна торжественно отметила всенародный праздник День Победы. Президиум Верховного Совета СССР постановил считать день 9 мая 1945 года нерабочим днем. Народ—победитель ликовал. От Сахалина до Карпат и от Новой Земли до Севастополя — по необъятным просторам нашей Родины проходили собрания, митинги, праздничные гулянья. Москва, по установившейся традиции, салютовала воинам Красной Армии. На этот раз тридцатью залпами из тысячи орудий.

Командарм М.Е. Катуков вошел в состав советской военной администрации, занимался вопросами послевоенного переустройства в Германии.

С окончанием войны многие бойцы и командиры, прошедшие с армией многотрудный путь от Курска до Берлина, увольнялись в запас. На смену им приходило молодое поколение, не имеющее боевого опыта. Но он был у людей, знавших войну не понаслышке. Его надо было передавать другим.

Михаил Ефимович всегда ратовал за то, чтобы история Великой Отечественной войны была написана правдиво честно, не в угоду отдельным лицам, которые подчас не имели отношения или имели косвенное отношение к тем или иным боям. Еще шла война, а в печати уже появлялись «труды» по Курской битве. Узнав об этом, Катуков в одном из писем Юрию Жукову замечает: «Спасибо за письмо насчет того, что некоторые описывают Курскую битву на иной мотив и вопреки истине, раздувая заслуги тех, кто лишь кусочком приобщился, мы не беспокоимся. Учтите, что история будет составлена по документам, которые хранятся в анналах Генерального штаба, и будет это сделано, я уверен, беспристрастно и справедливо».[411]

В Германии М.Е. Катуков пробыл почти пять лет. Работы было много, и он был доволен результатами своего труда. Представители советской военной администрации помогали немецкому народу восстановить экономику, взять в свои руки государственную власть. 7 октября 1949 года была образована Германская Демократическая Республика, создано правительство ГДР.

В 1950 году Михаил Ефимович уехал в Москву на учебу. Новое время ставило перед армией новые задачи, нужны были новые, более совершенные знания. Окончив через год Высшие Академические курсы при Академии Генерального штаба, он продолжал командовать механизированной армией. С 1955 года он был генеральным инспектором Главной инспекции

Министерства обороны СССР, затем заместителем начальника Главного управления Сухопутных войск. В 1959 году ему присваивается звание маршала бронетанковых войск. Годы и болезни брали свое. 8 июня 1976 года Михаила Ефимовича Катукова не стало. Ушел из жизни талантливый полководец, герой минувшей войны.

11 июня газета «Правда» писала о нем:

> «В горниле ожесточенных сражений ярко проявилось его личное мужество, незаурядные организаторские способности, талант военачальника. Он умело руководил боевыми действиями вверенных ему войск по разгрому врага под Москвой, при освобождении Правобережной и Западной Украины, Польши и в завершающих операциях на территории Германии.
>
> В послевоенное время М.Е. Катуков командовал танковой и механизированной армиями, занимал ответственные посты в центральном аппарате Министерства обороны СССР. Он внес большой вклад в развитие и совершенствование бронетанковых и механизированных войск, отдавал свой богатый боевой опыт делу обучения и воспитания воинов—танкистов».

ЭПИЛОГ

Как ни странно, соприкасаясь с чьей—то жизнью, невольно задаешься вопросом: «Всегда ли протяженность жизненного пути определяет содержание и значительность личности?» Правомочен и такой вопрос: «С какой меркой подходить к Михаилу Ефимовичу Катукову?»

Естественно, обращаешься к людям, которые с ним воевали, работали, жили рядом, значит, хорошо знали. Важны их отзывы, мнения. Все сходятся на том, что Катуков всегда выделялся среди военачальников простотой, интеллигентностью, тактом, обладал поразительным умением, граничащим с тончайшей дипломатией, устанавливать контакты с людьми — от крестьянина села и рабочего у станка до ответственного партийного и государственного деятеля. Он всегда видел перед собой человека, независимо от того, какой пост тот занимает.

Михаил Ефимович Катуков — выходец из народа и признанный народом. За мужество, храбрость, умелое руководство войсками Родина наградила его 15 орденами, в том числе тремя полководческими разных степеней — Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого, а также 13 медалями. Он был награжден правительствами других стран — ГДР, Монголии, Польши, Англии, Чехословакии, Ирана.

Память о Михаиле Ефимовиче Катукове жива и поныне. Его именем названы гвардейский Чертковский танковый полк, улицы в Москве и других городах, школы. Он почетный гражданин городов Мценска, Озеры, Берлина. Памятник дважды Герою Советского Союза М.Е. Катукову в городе Озеры Московской области — это и признание его заслуг перед Отчизной, и всенародная любовь.

notes

1

Катуков М.Е. На острие главного удара. М., 1985. С. 260.

2

КПСС в резолюциях и решениях… Т. 4. С. 282.

Кривошеин С.М. Междубурье. Воронеж, 1968. С. 253.

Черушев Н.С. Командарм Дубовой. Киев, 1986. С. 197.

5

Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск, 1998. С. 13.

Гудериан Г. Указ. соч. С. 18.

Гудериан Г. Указ. соч. С. 27.

8

Гудериан Г. Указ. соч. С. 58.

9

Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Преступник № 1. Нацистский режим и его фюрер. М., 1982. С. 307.

Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Указ. соч. С. 318.

11

Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1998. С. 87.

12

Гудериан Г. Указ. соч. С. 112.

13

Гудериан Г. Указ. соч. С. 112.

Митчем С. Указ. соч. С. 107–108.

15

Гудериан Г. Указ. соч. С. 163.

16

Гудериан Г. Указ. соч. С. 163. С. 188.

17

Архив Генштаба МО России. Личное дело маршала М.Е. Катукова № 7670.

18

Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3, кн. 1. М., 1971. С. 73.

Катуков М.Е. Указ. соч. С. 15.

Жуков Ю.А. Люди 40–х годов. М., 1969. С. 39.

Катуков М.Е. Указ. соч. С. 21.

22

Рафтопулло А.А. В атаке «тридцатьчетверки». Саратов, 1973. С. 15–16.

23

Яковлев Н. Маршал Жуков. Роман—газета, № 1, 1986. С. 26.

Гальдер Ф. Указ. соч. С. 42.

25

Там же. С. 66.

Митчем С. Указ. соч. С. 411.

27

Гудериан Г. Танки, вперед! М., 1957. С. 108.

На земле смоленской. М., 1971. С. 99.

29

Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск, 1998. С. 262–263.

30

Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск, 1998. С. 270.

31

Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1984. С. 292.

Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1984. С. 305–306.

Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1984. С. 337.

Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1984. С. 355.

35

Гудериан Г. Указ. соч. С. 361–362.

Гудериан Г. Указ. соч. С. 368–369.

37

С начала октября 1941 года 2–я танковая группа Гудериана стала называться 2–й танковой армией.

Гудериан Г. Указ. соч. С. 317.

39

Гудериан Г. Указ. соч. С. 312.

40

Центральный архив Министерства обороны (далее ЦАМО), ф. 3060, оп. 1, д. 2, л. 2.

41

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 2, л. 2.

Катуков М.Е. Указ. соч. С. 45.

43

Гудериан Г. Указ. соч. С. 315.

44

См.: Ростков А.Ф. Первые гвардейцы—танкисты. М., 1975. С. 142.

45

Гудериан Г. Указ. соч. С. 142.

Ростков А.Ф. Мастерство и мужество. М., 1983. С. 15.

Катуков М.Е. Указ. соч. С. 55.

48

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 2, л. 4.

49

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 2, л. 4.

Гудериан Г. Указ. соч. С. 333–334.

Люди бессмертного подвига. Кн. 1. М., 1975. С. 474.

52

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 3—а, л. 13.

53

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 3–а, л. 13.

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 3—а, л. 45.

Телегин К.Ф. Не отдали Москвы. М., 1975. С. 290.

Жуков Ю. Крутые ступени. М., 1983. С. 290.

«Правда», 11 ноября 1941 года.

Катуков М.Е. Указ. соч. С. 71–72.

«Известия», 13 ноября 1942 г.

Рафтопулло А. В атаке «тридцатьчетверки». Саратов, 1973. С. 79.

61

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 3–а, л. 95.

Рафтопулло А. Указ. соч. С. 81–82.

Катуков М.Е. Указ. соч. С. 90.

Из неопубликованных писем автору очерка.

ЦАМО, ф. 3440, оп. 2, д. 4, л. 17.

Воробьев Е.З. Москва. М., 1986. С. 293.

Катуков М.Е. Указ. соч. С. 94.

Дынер П.Г. Воспоминания. Из архива автора.

Жуков Ю. Крутые ступени. М., 1983. С. 308.

Катуков М.Е. Боевые действия танков. Воениздат НКО, 1942. С. 16–17.

Воробьев Е.З. Москва. Близко к сердцу. М., 1986. С. 298.

Гудериан Г. Указ. соч. С. 351.

Магнитная запись, предоставленная автору средней школой села Бояркино Озерского района Московской области.

Энциклопедия «Великая Отечественная война 1941–1945». М., 1985. С. 465.

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 2, л. 5.

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 3–а, л. 154.

Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1985. С. 98.

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 3–а, л. 164.

79

ЦАМО, ф. 16–а, оп. 5916, д. 64, л. 227.

80

Рафтопулло А. В атаке «тридцатьчетверки». Саратов, 1973. С. 104.

81

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 3—а, л. 174.

Павловский И.Г. Сухопутные войска СССР. М., 1985. С. 101.

83

Там же. С. 102.

Воробьев Е.З. Москва. М., 1985. С. 453.

85

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 2, л. 6.

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 2, л. 6.

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 3—а, л. 202.

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 5, л. 13.

89

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 5, л.л. 63, 71, 81.

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 5, л. 86.

91

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 5, л.л. 237–239.

92

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 3—а, л.л. 237–239.

93

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 3—а, л. 273.

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 3, л.л. 9–10.

95

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 4, л. 149.

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 4, л. 209.

Катуков М. Танковые бои. НКО СССР, 1942. С. 10.

Катуков М. Боевые действия танков. НКО СССР, 1942. С. 18.

Ростков А. Мастерство и мужество. М., 1983. С. 45–46.

100

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 4, л. 14.

101

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1971. С. 358.

102

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 3, л.л. 5–6.

103

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 4, л. 48.

104

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 3, л. 5.

105

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 4, л. 88.

106

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 4, л. 111.

107

ЦАМО, ф. 3060, оп. 1, д. 3, л. 6.

108

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 10, л. 2.

109

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 2, л.л. 1–2.

110

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 9, л. 5.

111

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 9, л. 16.

Катуков М.Е. Указ. соч. С. 156.

113

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 9, л. 29.

114

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 1, л. 37.

115

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 9, л. 24.

116

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 9, л. 25.

117

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 9, л. 30.

118

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 10, л. 4.

119

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 10, л. 4–6.

120

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 9, л. 35.

Жуков Ю.А. Люди 40–х годов. М., 1975. С. 105.

122

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 1, л.л. 49–50.

123

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 1, л.л. 49–50.

124

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 4, л. 43; д. 9, л. 37.

125

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 2, л.л. 12–13.

126

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 9, л. 36.

127

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 1, л. 79.

128

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 6, л.л. 14–16.

129

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 4, л. 1.

130

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 4, л. 25.

131

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 4, л.л. 16–17.

132

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 6, л. 36.

133

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 10, л. 7.

134

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 4, л. 27.

135

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 3, л. 8.

136

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 3, л. 8.

137

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 3, л. 8.

138

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 10, л. 10.

139

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 10, л. 10.

140

ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 10, л. 10.

141

Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1973. С. 196–197.

Катуков М.Е. Указ. соч. С. 173.

143

ЦАМО, ф. 3440, оп. 2, д. 3, л. 7.

144

ЦАМО, ф. 3440, оп. 1, д. 2, л. 14.

Катуков М.Е. Указ. соч. С. 181–182.

Бабаджанян А.Х. Дороги победы. М.: Воениздат, 1972. С. 70–71.

147

ЦАМО, ф. 3440, оп. 1, д. 1, л.л. 1–2.

148

ЦАМО, ф. 229, оп. 3070, д. 214, л.л. 118–119.

149

ЦАМО, ф. 3440, оп. 2, д. 2, л. 15.

150

ЦАМО, ф. 3440, оп. 1, д. 24, л.л. 2–3.

Катуков М.Е. Указ. соч. С. 183.

152

ЦАМО, ф. 3440, оп. 2, д. 2, л.л. 48–49.

153

ЦАМО, ф. 3440, оп. 1, д. 22, л. 8.

154

ЦАМО, ф. 3440, оп. 1, д. 22, л. 2.

155

ЦАМО, ф. 3440, оп. 1, д. 22, л.л. 7–8.

156

ЦАМО, ф. 3440, оп. 1, д. 22, л.л. 9–10.

157

ЦАМО, ф. 3440, оп. 1, д. 22, л. 70.

158

ЦАМО, ф. 3440, оп. 1, д. 22, л. 60.

159

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 214, л. 13.

160

ЦАМО, ф. 3440, оп. 1, д. 22, л. 25.

161

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 214, л. 14.

162

ЦАМО, ф. 3440, оп. 1, д. 22, л.л. 27–28.

163

ЦАМО, ф. 3440, оп. 1, д. 22, л.л. 28–29.

164

ЦАМО, ф. 3440, оп. 1, д. 22, л. 143–145.

Катуков М.Е. Указ. соч. С. 192.

Катуков М.Е. Указ. соч. С. 192.

Ананьев И.М. Танковые армии в наступлении. М., 1988. С. 65.

Ананьев И.М. Танковые армии в наступлении. М., 1988. С. 65.

169

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 214, л.л. 22–23.

Катуков М.Е. Указ. соч. С. 196.

171

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 214, л. 23.

Катуков М.Е. Указ. соч. С. 207–208.

173

Попель Н.К. Танки повернули на запад. М., 1960. С. 106.

Жуков Ю.А. Люди 40–х годов. М., 1969. С. 41–42.

175

Жуков Ю.А. Укрощение «тигров». М., 1961. С. 7–8.

Попель Н.К. Герои Курской битвы. М., 1971. С. 30.

177

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 217, л. 70.

«Курская битва». Воронеж, 1982. С. 168.

179

Ротмистров П.А. Стальная гвардия. М., 1984. С. 204–205.

180

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 5, л.л. 36–37.

181

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 214, л. 71.

Гетман А.Л. Танки идут на Берлин. М., 1982. С. 77.

183

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 5, л. 40.

«Курская битва». Воронеж, 1982. С. 169.

185

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 214, л. 78.

186

ЦАМО, оп. 8793, д. 182, л. 1.

187

ЦАМО, оп. 8793, д. 8, л. 276.

188

ЦАМО, оп. 3070, д. 4, л.л. 109, 111.

Бабаджанян А.Х., Попель Н.К. и др. Люки открыли в Берлине. М., 1973. С. 46–47.

Ростков А.Ф. Мастерство и мужество. М., 1983. С. 61.

191

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 214, л. 91.

Гетман А.Л. Танки идут на Берлин. М., 1982. С. 86.

193

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 19, л. 127.

Бабаджанян А.Х., Попель Н.К. и др. Указ. соч. С. 50.

195

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 214, л. 81.

196

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 3, л. 214.

197

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 3, л. 214.

Бабаджанян А.Х., Попель Н.К. и др. Указ. соч. С. 53.

«Курская битва». М., 1983. С. 68.

200

Там же.

201

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 19, л. 136.

202

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 19, л. 138.

Гетман А.Л. Указ. соч. С. 100.

«Курская битва». Воронеж, 1973. С. 160.

«Прохоровское поле». Белгород, 1998. С. 9–16.

Ростков А.Ф. Мастерство и мужество. М., 1983. С. 64.

207

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 85, л. 4.

208

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 54, л. 28.

Катуков М.Е. Указ. соч. С. 224.

210

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 55, л. 117.

211

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 85, л. 4.

212

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 62, л. 1.

Бабаджанян А.Х., Попель Н.К. и др. Указ. соч. С. 71.

214

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 162, л. 7.

215

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 85, л. 7.

216

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 85, л. 8.

217

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 55, л. 118.

218

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 55, л. 118.

Катуков М.Е. Указ. соч. С. 247.

220

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 374, л. 213.

Бабаджанян А.Х., Попель Н.К. и др. Указ. соч. С. 81.

222

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 55, л. 18.

223

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 215, л. 11.

224

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 215, л. 26.

Попель Н.К. Герои Курской битвы. М., 1971. С. 171–172.

Бабаджанян А.Х., Попель Н.К. и др. Указ. соч. С. 84–85.

Бабаджанян А.Х., Попель Н.К. и др. Указ. соч. С. 87.

228

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 55, л. 120.

229

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 5, л. 78.

Гетман А.Л. Указ. соч. С. 115.

231

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 5, л. 79.

Условная фамилия Катукова. — Прим. авт.

233

Условные фамилии Ватутина, Хрущева, Иванова. — Прим. авт.

«Курская битва». М., 1983. С. 107.

Гетман А.Л. Указ. соч. С. 118.

236

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 85, л. 20.

237

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 5, л. 98.

238

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 85, л. 19.

239

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 85, л. 19.

240

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 163, л.л. 20–21.

Гетман А.Л. Указ. соч. С. 122.

242

Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск, 1998. С. 435.

243

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 162, л. 19.

Гудериан Г. Указ. соч. С. 436.

Катуков М.Е. Указ. соч. С. 274.

246

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 303, л. 3.

247

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 373, л. 4.

Бабаджанян А.Х., Попель Н.К. и др. Указ. соч. С. 102.

249

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 244, л. 10.

250

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 244, л. 14.

251

Бабаджанян А.Х., Попель Н.К. и др. Указ. соч. С. 108.

252

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 373, л. 42.

Бабаджанян А.Х., Попель Н.К. и др. Указ. соч. С. 111.

254

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 374, л. 220.

255

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 373, л. 362.

Бабаджанян А.Х., Попель Н.К. и др. Указ. соч. С. 112.

Бабаджанян А.Х., Попель Н.К. и др. Люки открыли в Берлине. М., 1973. С. 118.

258

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 320, л. 8.

Бабаджанян А.Х., Попель Н.К. и др. Указ. соч. С. 132.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1971. С. 516.

261

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 345, л.л. 112–116.

Бабаджанян А.Х. Дороги победы. М., 1972. С. 159.

263

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 345, л. 129.

264

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 244, л. 103.

265

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 571, л. 17.

266

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 345, л. 150.

267

ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 6, л. 359.

Дремов Ц.Ф. Наступала грозная броня. Киев, 1981. С. 83.

Гетман А.Л. Указ. соч. С. 176.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1971. С. 518.

271

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 244, л. 107.

Бабаджанян А.Х., Попель Н.К. и др. Указ. соч. С. 169.

Там же. С. 170.

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 554, л. 2.

275

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 554, л. 16.

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 293, л. 9.

Бабаджанян А.Х., Попель Н.К. и др. Указ. соч. С. 174.

Бабаджанян А.Х., Попель Н.К. и др. Указ. соч. С. 184.

279

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 572, л. 16.

280

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 560, л. 5.

281

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 570, л. 23.

282

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 379, л. 34.

283

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 560, л. 5.

284

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 560, л.л. 10–11.

285

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 572, л. 26.

286

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 560, л. 12.

287

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 572, л. 31.

288

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 572, л. 32.

289

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 572, л. 34.

Бабаджанян А.Х., Попель Н.К. и др. Указ. соч. С. 195.

291

Музей М.Е. Катукова на станции Трудовая под Москвой.

Полушкин М.А. На сандомирском направлении. М., 1969. С. 109.

293

Дремов И.Ф. Указ. соч. С. 96–97.

294

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 572, л. 46.

295

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 572, л. 47.

Жуков Ю.А. Путь к Карпатам. М., 1962. С. 155.

Бабаджанян А.Х. Дороги победы. М., 1972. С. 192.

298

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 244, л. 180.

299

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 560, л. 50.

300

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 572, л. 48.

Попель Н.К. Впереди Берлин! М., 1970. С. 64.

302

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 560, л. 50.

303

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 572, л. 49.

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 560, л. 73.

Бабаджанян А.Х., Попель Н.К. и др. Указ. соч. С. 205.

306

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 560, л. 81.

307

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 560, л. 83.

308

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 572, л. 51.

309

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 845, л.л. 6–7.

Жуков Ю.А. Люди 40–х годов. М., 1975. С. 398–399.

311

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 712, л. 6.

312

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 712, л. 7.

313

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 845, л. 14.

314

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 845, л. 14.

315

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 845, л. 14.

316

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 578, л. 32.

317

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 578, л. 39.

318

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 578, л. 32.

319

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 845, л. 361.

320

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 712, л. 39.

321

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 712, л. 40.

322

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 712, л. 43.

323

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 712, л. 43.

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 712, л. 48.

325

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 843, л. 141.

326

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 712, л. 48.

327

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 712, л. 48.

328

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 712, л. 48.

329

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 675, л. 23.

330

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 799, л. 54.

Катуков М.Е. Указ. соч. С. 360.

Бабаджанян А.Х., Попель Н.К. и др. Указ. соч. С. 248.

333

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 712, л. 56.

334

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 799, л.л. 86–87.

335

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 712, л. 56.

336

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 712, л. 57.

337

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 675, л. 27.

Бабаджанян А.Х., Попель Н.К. и др. Указ. соч. С. 250–251.

Соболев А.М. Разведка боем. М., 1975. С. 184.

Бабаджанян А.Х., Попель Н.К. и др. Указ. соч. С. 255–256.

341

ЦАМО, ф. 299, оп 3070, д. 712, л. 64.

342

ЦАМО, ф. 299, оп 3070, д. 603, л. 119.

343

ЦАМО, ф. 299, оп 3070, д. 582, л. 107–112.

344

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 582, л. 107.

345

ЦАМО, ф. 299, оп 3070, д. 581, л. 47.

346

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 581, л. 50.

347

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 673, л. 66.

348

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 673, л. 66.

349

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 673, л. 66.

Катуков М.Е. На острие главного удара. М., 1985. С. 377.

351

Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1988. С. 316.

352

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 607, л. 19.

353

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 582, л. 118–123.

354

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 580, л. 20.

355

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 580, л. 19.

356

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 603, л.л. 25–26.

357

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 845, л. 144.

358

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 845, л.л. 343–347.

Бабаджанян А.Х. Указ. соч. С. 258.

Бабаджанян А.Х., Попель Н.К. и др. Указ. соч. С. 279.

361

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 607, л.л. 28–29.

362

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 581, л. 378.

363

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 581, л. 381.

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 581, л. 382.

365

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 581, л. 383.

366

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 581, л. 383.

Бабаджанян А.Х. Дороги победы. М., 1972. С. 257.

368

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 843, л. 110.

369

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 843, л.л. 124–125.

Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 1998. С. 397.

Гудериан Г. Указ. соч. С. 407.

Гудериан Г. Указ. соч. С. 460.

373

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 766, л. 4.

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 766, л. 4.

375

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 603, л. 278.

376

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 844, л. 3.

377

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 653, л. 39.

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 766, л.л. 8–11.

379

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 766, л. 6.

380

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 766, л. 8.

381

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 590, л.л. 1–6.

382

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 844, л. 4.

Жуков Ю.А. Люди 40–х годов. М., 1975. С. 407–408.

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 766, л. 12.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Воениздат, 1971. С. 610–612.

Бабаджанян А.Х., Попель Н.К. и др. Указ. соч. С. 302.

387

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 766, л. 15.

388

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 603, л. 413.

389

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 766, л. 17.

390

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 766, л. 18.

391

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 766, л. 18.

392

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 766, л. 18.

393

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 766, л. 19.

Жуков Ю.А. Люди 40–х годов. М., 1975. С. 409.

395

ЦАМО, ф. 209, оп. 3070, д. 766, л. 21.

396

ЦАМО, ф. 209, оп. 3070, д. 766, л. 21.

Гетман А.Л. Указ. соч. С. 305.

ЦАМО, ф. 209, оп. 3070, д. 766, л. 22.

399

ЦАМО, ф. 209, оп. 3070, д. 766, л. 22.

Гетман А.Л. Указ. соч. С. 306.

401

ЦАМО, ф. 209, оп. 3070, д. 603, л. 383.

402

ЦАМО, ф. 209, оп. 3070, д. 799, л. 221.

403

ЦАМО, ф. 209, оп. 3070, д. 766, л. 29.

Бабаджанян А.Х. Попель Н.К. и др. Указ. соч. С. 316.

405

ЦАМО, ф. 209, оп. 3070, д. 844, л. 4.

406

ЦАМО, ф. 209, оп. 3070, д. 766, л. 27.

Жуков Ю.А. Люди 40–х годов. М., 1969. С. 642.

408

ЦАМО, ф. 299, оп. 3070, д. 766, л. 34.

Журавлев А.Г. Крепче брони. М., 1974. С. 190.

Дремов И.Ф. Указ. соч. С. 158.

Жуков Ю.А. Люди 40–х годов. М., 1975. С. 407–408.